

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

I Минские криминалистические чтения

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 20 декабря 2018 г.)

В двух частях

Часть 1

Минск
Академия МВД
2018

УДК 343.98
ББК 67.52
М62

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук,
доцент *М.П. Шруб* (ответственный редактор);
кандидат юридических наук, доцент *П.В. Гридюшко*;
кандидат юридических наук, доцент *В.М. Логвин*;
кандидат юридических наук *Г.А. Павловец*;
кандидат юридических наук *И.В. Пащута*;
кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Тукало*

М62 **I Минские криминалистические чтения** : материалы Междуна-
р. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учрежде-
ние образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.:
М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2018.
ISBN 978-985-576-161-8.
Ч. 1. – 387, [1] с.
ISBN 978-985-576-162-5.

Рассматриваются наиболее актуальные вопросы криминалистики.
Издание рассчитано на преподавателей, научных работников, адъюнктов,
аспирантов, соискателей, курсантов, студентов, слушателей учреждений высшего
образования юридического профиля, практических работников правоохранительных
органов.

УДК 343.98
ББК 67.52

ISBN 978-985-576-162-5 (ч. 1) © УО «Академия Министерства внутренних
дел Республики Беларусь», 2018
ISBN 978-985-576-161-8

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

А.В. Акчурин

БЛАГОПРИЯТНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОСУЖДЕННЫМИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ ОЧЕВИДНОСТИ

Учитывая основные положения теории отражения в процессе формирования доказательств и принимая во внимание ограниченность территории исправительного учреждения, на которой, как правило, сконцентрировано большое количество лиц (осужденные, сотрудники и вольнонаемные работники исправительного учреждения), с уверенностью можно утверждать, что данные обстоятельства способствуют формированию условий очевидности, в которых совершается значительное количество пенитенциарных преступлений.

При этом восприятие самого преступления может происходить как непосредственно при визуальном контакте воспринимающего с лицами, совершающими противоправные деяния, и наблюдении за их действиями, которые подпадают под признаки преступления, так и опосредованно – через средства системы видеонаблюдения.

В целях предупреждения совершения преступлений, нарушения установленного порядка отбывания наказания, а также в целях получения информации о поведении осужденных в соответствии со ст. 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации администрация исправительного учреждения имеет право использовать аудио-, видео- и иные технические средства надзора и контроля. Использование таких технических средств имеет существенное значение для расследования совершаемых осужденными преступлений, поскольку позволяет укрепить доказательственную базу.

В целях эффективного предупреждения, пресечения и расследования пенитенциарных преступлений, как отмечает Ю.С. Фомин, весьма активно используются средства объективной фиксации – система ви-

деонаблюдения. В качестве стационарных видеоустройств используются купольные видеокамеры, позволяющие увеличить изображение в 220 раз, одновременно развивается практика использования носимых портативных видеокамер – видеорегистраторов, которые крепятся на нагрудный карман сотрудника исправительного учреждения и позволяют осуществлять в автономном режиме видеозапись для контроля поведения осужденных [1, с. 205].

Очевидно, что круглосуточность надзора, а также широкое применение технических средств, способных фиксировать противоправную деятельность осужденных, являются благоприятным фактором для организации расследования преступлений, совершаемых осужденными в период отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

Использование систем видеокамер и видеорегистраторов позволяет документировать процесс преступной деятельности осужденных и способствует успешной реализации отдельных процессуальных, режимных или оперативно-розыскных действий, направленных на раскрытие и расследование противоправной деятельности осужденных. Существенное значение при этом имеет видеофиксация обстановки и механизма совершения преступления (время, место совершения преступления, лица, подлежащие уголовной ответственности, их преступные действия, возможные очевидцы и другие обстоятельства, имеющие отношение к расследуемому событию) [2, с. 113–118].

Выделяют два способа использования систем видеонаблюдения в целях противодействия преступной деятельности осужденных – активный и пассивный [3, с. 262–267].

Активный способ предполагает использование видеофиксирующих средств целенаправленно в отношении определенного круга лиц, вынашивающих преступные планы и осуществляющих действия по реализации своих криминальных умыслов. Данный способ невозможно использовать без наличия соответствующей оперативно-розыскной информации о готовящемся или совершаемом преступлении. Активный способ позволяет не только документировать само событие преступления, но и осуществлять планирование тактики и производство отдельных следственных действий либо тактических операций.

Пассивный способ – использование зафиксированной информации, которая образовалась не в результате целенаправленного применения средств видеонаблюдения в отношении конкретных лиц, фактов, действий и прочего, а в связи с реализацией общей задачи осуществления надзора и контроля за осужденными, т. е. это потоковая информация, фиксируемая техническими средствами надзора и контроля в штатном

режиме. При этом информацию, которая имеет доказательственное значение, необходимо найти в общем объеме зафиксированной информации, имеющейся на соответствующем средстве видеонаблюдения.

Таким образом, значительная часть происходящих в исправительном учреждении противоправных деяний может иметь свое отражение как на электронном носителе, так и в сознании тех лиц, которые находились в момент совершения преступления в исправительном учреждении.

Указанные обстоятельства создают благоприятную базу для следствия (дознания), поскольку выступают потенциальным источником криминалистически значимой информации, способной нести доказательственное значение.

Вместе с тем применение технических средств имеет свои слабые места, которые порой не позволяют решать поставленные цели.

В качестве проблем, с которыми сталкиваются сотрудники исправительных учреждений при эксплуатации технических средств надзора и контроля, следует выделить следующие: видеокамеры не обеспечивают качественного изображения в условиях плохой видимости (в темное время суток, во время снегопада, тумана, дождя), а также в неблагоприятных климатических условиях (температурный режим), что негативно влияет на возможность идентификации личности осужденного, допускающего правонарушение; частый выход из строя пультов управления видеокамер, обеспечивающих подвижный угол обзора (купольные камеры); некачественное техническое оборудование (сбой работы серверов, прерывание связи между разными серверами, несовершенство используемого программного обеспечения); отсутствие систем резервного копирования информации и т. д. [4, с. 31–33].

Для исправительного учреждения характерной является другая проблема: следователь (дознатель), зная о том, кто может являться очевидцем происшедшего, порой не может получить интересующие его достоверные сведения в виде соответствующих показаний, имеющих доказательственное значение.

Указанное нередко происходит не вследствие объективных причин, не позволивших очевидцу соответствующим образом воспринять процесс происшедшего (кратковременность восприятия самого преступления, дефекты органов зрения или слуха очевидца, неблагоприятные внешние условия (дальность восприятия, дождь, снег, туман и т. п.)) либо воспроизвести ранее воспринятое в виде показаний (нарушение функций слуха и (или) речи, отсутствие знания и навыков общения на языке судопроизводства и т. п.), а потому, что очевидцы из числа осуж-

денных, как правило, не склонны давать изобличающие показания ввиду субъективных обстоятельств, к которым прежде всего следует отнести активное и пассивное противодействие процессу расследования.

Вместе с тем анализ следственной практики показал, что осужденные могут активно давать изобличающие показания в случаях, если сталкиваются интересы противоборствующих неформальных групп осужденных.

Сотрудники исправительного учреждения в некоторых случаях также могут воздерживаться от дачи изобличающих обстоятельств. Речь идет прежде всего о ситуациях, когда показания сотрудника способны закономерно вскрыть недобросовестность исполнения им своих служебных обязанностей либо их превышение.

Высокая степень очевидности пенитенциарных преступлений, безусловно, является благоприятным фактором для процесса расследования таких преступлений. Вместе с тем велико влияние неблагоприятных факторов, которые затрудняют процесс получения доказательственной информации из тех источников, которые с высокой степенью вероятности могут присутствовать в исправительном учреждении. Безусловно, следователь (дознатель) должен быть заинтересован в преодолении такого противодействия, однако самостоятельно осуществить это практически невозможно. Для этого требуется владение оперативной обстановкой в исправительном учреждении, понимание тех процессов, которые происходят на момент расследования в среде осужденных, и т. д. Таким образом, очевидна необходимость взаимодействия следователя (дознателя) с оперуполномоченными и другими сотрудниками исправительного учреждения, владеющими подобной ориентирующей информацией.

1. Фомин Ю.С. Проблемы расследования преступлений, совершенных в условиях исправительных учреждений, в современных условиях // Вестн. Перм. ун-та. 2012. № 4.

2. Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Документирование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы: проблемы законодательства и практики // Юрид. вестн. Дагестан. гос. ун-та. 2018. № 1.

3. Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Использование систем видеонаблюдения оперативными аппаратами исправительных учреждений для предупреждения и раскрытия преступлений: вопросы теории и практики // Человек: преступление и наказание. 2017. № 2.

4. Белкин В.Ю. Технические средства надзора в исправительных учреждениях ФСИН России: правовые и организационные аспекты их использования // Ведомости уголов.-исполн. системы. 2015. № 5.

ВОЗМОЖНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Чипы-имплантаты стали разрабатываться со второй половины XX в. Первоначальным направлением данных технологий являлся дистанционный контроль за местонахождением домашних животных. Затем они стали применяться с целью оказания медицинской помощи больным людям.

Позже спектр применения подкожных чипов в мире существенно расширился, и их начали активно применять не только в медицинских целях. Так, Бразилия стала одной из первых стран в мире, где чип вживили под кожу здорового человека. Это были дети, которым имплантировали радиомаяки для того, чтобы было легче их найти в случае, если их похитят или они потеряются.

В 2003 г. в Мексике началась масштабная чипизация, в результате чего сегодня в этой стране десятки тысяч человек носят в своем теле чипы. При этом они настолько популярны в этом государстве, что в 2004 г. чипы были вживлены даже генеральному прокурору Мексики и 160 работникам прокуратуры.

Не отстают и страны Европы. Например, в 2015 г. шведская компания Ericenter вживила под кожу своим 400 сотрудникам электронные чипы. Теперь с их помощью сотрудники фирмы открывают двери, пользуются ксероксом, получают доступ к компьютеру, архивным документам и т. д. А с 2018 г. шведы стали массово вживлять под кожу RFID-чипы, так как полагают, что это значительно упрощает их повседневную жизнь.

Операции по вживлению чипа проводятся учеными из Лундского университета, которые считают, что к середине века все население Швеции полностью перейдет на RFID-чипы и Швеция станет первым в мире полностью цифровым государством.

Работы в этом направлении активно ведутся и в России, о чем свидетельствует приказ Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации от 7 августа 2007 г. № 311 «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года», согласно которому в ближайшем будущем всем жителям России планируется вживление электронных устройств многофункционального назначения, т. е., иными словами, чипов.

Эти примеры, а их в мире накопилось сегодня достаточно много, свидетельствуют, что, хотим мы этого или нет, со временем гражданское

общество постепенно будет трансформироваться в цифровое общество, а его члены – в электронное общество. Как отмечает И.А. Бронников, электронное гражданское общество будет вводиться не законом, оно будет формироваться спонтанно по мере становления сетевых отношений между государством и обществом (см.: Бронников И.А. Метаморфозы гражданского общества. Polit Book. 2012. № 2. С. 77–99).

Как видим, массовая чипизация населения – неотвратимая реальность будущего, даже если для этого человечеству потребуется пожертвовать своими определенными правами и свободами. Вопрос лишь во времени.

В связи с чем уже сегодня криминологи должны быть готовы к такому сценарию развития процесса чипизации населения и задуматься о путях трансформации уникального антикриминального потенциала чипирования в систему контроля над преступностью.

Одним из вариантов такой трансформации могло бы стать создание системы дистанционного контроля над преступностью (ДКП), программа которой будет базироваться на чипе глобального позиционирования (маячке), имплантированном в тело человека или фиксированном на поверхности его тела.

Социально-правовая потребность перевода правоохранительных органов, осуществляющих повседневную борьбу с преступностью, на рельсы ДКП продиктована нарастающим ухудшением криминогенной ситуации во многих странах мира, в том числе в некоторых странах СНГ (Республика Беларусь в этом вопросе – исключение среди государств постсоветского пространства (здесь за последние 10 лет преступность снизилась более чем в два раза: с 180 427 в 2007 г. до 86 326 в 2017 г.)).

Как показывают ежегодные отчеты Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, за последние 20 лет в динамике и структуре преступности произошли глубинные изменения. Во многих странах она стала качественно более опасной, а количественно в ней преобладают насильственные и корыстные преступления.

С каждым годом в мире высокими темпами растут незаконный оборот наркотиков и киберпреступность, торговля людьми и оружием. Особую угрозу представляют широкая география и возрастающая амплитуда террористических актов, которые в последние годы буквально сотрясают мир.

Угрожающий характер приобрела коррупция, проникшая сегодня во все сферы общества, трансформировавшаяся в общемировую пандемию, ставшая для ряда стран серьезной угрозой их национальной безопасности, в результате чего в них возникла реальная опасность превратиться из криминализованного общества в криминальное (например, Колумбия, Афганистан и т. д.).

В то же время система противодействия преступности во многих странах все чаще дает сбой, не справляется с новыми ее вызовами, подошла к барьеру своих возможностей, в силу чего люди разуверились в способности государства контролировать преступность. Отсюда проистекает одна из причин углубления в обществе синдрома привыкания к преступности.

Все это свидетельствует, что существующие тактические, криминалистические, уголовно-процессуальные, оперативно-розыскные рычаги воздействия на криминал не в состоянии в полной мере отвечать на современные вызовы в сфере борьбы с преступностью.

В то же время экспертные оценки показывают, что внедрение в практику деятельности правоохранительных органов системы ДКП позволит реализовать принцип неотвратимости ответственности в полной мере, о котором с древних времен мечтали великие умы человечества.

Наряду с этим ее применение способно в короткие сроки ощутимо подавить преступность, загнать ее в социально терпимые рамки (естественно, в рамках закона и процедур правосудия) как в национальном, так и глобальном масштабах, снизить как минимум на 30–35 % количество ежегодно совершаемых преступлений, а их раскрываемость повысить до 95–98 %.

Все это станет реальностью благодаря уникальным возможностям системы ДКП выявлять и отслеживать в режиме онлайн точное местонахождение лица, совершившего преступление в условиях неочевидности, укрывающегося (уклоняющегося) от следствия и суда, совершившего побег из места предварительного заключения (колонии), находящегося в розыске и т. д.

Система ДКП может стать и эффективным средством для сокращения числа совершаемых в обществе преступлений, устранения причин сокрытия преступлений от учета, уменьшения удельного веса ранее судимых в обществе, контроля за передвижением условно-осужденного, условно-освобожденного, обнаружения людей, оказавшихся под завалами в результате техногенных аварий или природных катастроф, поиска потерявшихся или сбежавших из дому детей и т. д.

Запуск системы ДКП позволит также в режиме онлайн идентифицировать неопознанный труп со следами насильственной смерти, установить место захоронения трупа жертвы преступления, воссоздать местоположение участников криминального конфликта в момент совершения преступления, восстановить маршрут движения участника преступления (подозреваемого, обвиняемого, их соучастников, жертвы преступления и т. д.) до или после его совершения.

Система ДКП обладает и социально-психологическим эффектом. Так, сам факт нахождения чипа в (на) теле и широкая информирован-

ность населения о потенциальных возможностях системы ДКП будут подсознательно приучать граждан к самоконтролю, подталкивать носителя чипа быть более осмотрительным в своих поступках, не допуская их перерастания в правонарушение; удерживать неустойчивых лиц от совершения правонарушений и т. д., развеивая миф о возможности остаться безнаказанным за совершенное преступление и т. д.

ДКП обладает и другими несомненными позитивными свойствами. Например, внедрение системы ДКП в деятельность правоохранительных органов позволит снизить загруженность следственных изоляторов и пенитенциарных учреждений; сократить численность личного состава правоохранительных органов, количество уголовных дел, находящихся в производстве следователей и судей, и т. д.

Невзирая на очевидность неограниченных возможностей глобальной системы ДКП, эта проблема по сей день находится на эмбриональном уровне, хотя за ней большое будущее.

Естественно, сегодня сама постановка этой проблемы а priori отторгается нашим традиционным мировоззрением, поскольку кажется фантомной. Тем не менее при ближайшем рассмотрении концептуального ядра этой идеи становится ясно, что она вполне реальная проблема завтрашнего дня науки, в силу чего уже сегодня заслуживает пристального внимания криминологов.

Однако, учитывая, что большинство людей отторгают идею тотальной чипизации, на стартовом этапе можно было бы обсудить вопрос о допустимости избирательного метода чипирования.

Так, для усиления борьбы с рецидивной преступностью, установления жесткого контроля за ранее судимыми, условно-осужденными, условно-освобожденными и др. можно было бы принять решение о чипировании этой категории лиц.

В этом случае лишь с большой натяжкой можно будет говорить о нарушении конституционных прав данных лиц, так как они сами поставили себя вне закона, совершая умышленные преступления, в силу чего общество вправе предпринять различные превентивные меры для предупреждения с их стороны рецидива.

Например, во многих странах мира осужденных за педофилию подвергают химической или хирургической кастрации (США, Великобритания, Германия, большинство стран Западной Европы, Израиль, Казахстан, Чехия и т. д.). Полагаем, что чипирование куда более гуманный акт, чем химическая, а тем более хирургическая кастрация.

Если мировое сообщество сочтет недопустимым ни всеобщую, ни избирательную чипизацию населения, то можно задействовать другой альтернативный вариант внедрения глобальной системы ДКП, направленный

на усиление борьбы с незаконным оборотом наркотиков, ядерных, химических, биологических и других видов оружия массового поражения.

Так, накопленный опыт борьбы с незаконным оборотом вышеуказанных средств показывает, что перемещение такой «продукции» чаще всего осуществляется при помощи транспорта – автомобильного, водного, воздушного или железнодорожного.

Если эти виды транспорта оборудовать специальными чипами, то система ДКП способна выявлять и отслеживать в режиме онлайн точное местонахождение лица (транспорта), перемещающего наркотики, взрывчатые, химические и другие средства массового поражения.

При этом экранизировать, заглушить, удалить, уничтожить и т. д. такие чипы будет невозможно, так как в этом случае в центр ДКП поступит от них сигнал SOS, на основе которого к этому транспорту будет направлен отряд быстрого реагирования.

Наконец, если все предложенные выше варианты будут признаны неприемлемыми, то целесообразно начать комплексные фундаментальные исследования, нацеленные на выявление в генетическом потенциале Homo sapiens биологического аутентификатора дистанционного позиционирования.

Сегодня, учитывая достижения науки, с высокой долей вероятности можно сказать, что каждый человек обладает рецептором глобального позиционирования. Он, как и отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза и т. д., является фенотипической особенностью человека.

Например, общеизвестно, что с древних времен существует мысленная связь между людьми, животными, некоторыми видами насекомых и растений.

Это настолько очевидно, что не требует особых доказательств. Следовательно, нельзя исключать, что у каждого Homo sapiens существует не установленный пока наукой природный рецептор, выполняющий функции глобального позиционирования, сигналы которого обладают статичной индивидуальностью, в силу чего частота волн, исходящих от него, содержит кодированный знак, присущий только этому человеку, который не меняется с возрастом, перенесенными заболеваниями, физическими дефектами или психическими недостатками и т. д.

Современная наука пока не в силах распознать этот феномен в конституции Homo sapiens. Однако нельзя исключать, что наступит время, когда станет возможным не только распознавание такого биочипа, но и создание синтезатора, способного преобразовывать электромагнитные поля, исходящие от такого рецептора, в радиочастотные сигналы.

Но это дело будущего. В настоящее время можно было бы реализовать один из вариантов предложенных выше моделей глобальной системы ДКП.

Несомненно, концепция ДКП содержит в себе и ряд издержек, без устранения которых сложно вести речь о ее внедрении в деятельность правоохранительных органов даже в отдаленном будущем.

Однако здравый смысл подсказывает, что пройдет время, мало или много – это непринципиально, и человечество устранил эти издержки, после чего станет возможным создание глобальной электронной системы ДКП, которая в состоянии во многом изменить мир к лучшему, сделать его более свободным от преступных посягательств.

УДК 343.9

Д.В. Алымов, В.А. Левченкова

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Высокая активность внедрения современных информационно-компьютерных технологий в криминалистическую деятельность и освоения их отдельными преступниками, а также преступными группами и сообществами существенно изменили современные подходы к исследованию самой науки криминалистики и отдельных ее разделов. В современной криминалистической науке все чаще обсуждается вопрос о виртуальных последствиях преступного события, а также о способах познания закономерностей механизма преступлений с использованием компьютерной техники и информационных технологий.

Традиционные методы познания преступной деятельности на основе метода материалистической диалектики постепенно вытесняются работами в области исследования специфической формы объективной действительности, именуемой виртуальным пространством, статус которого криминалистической и уголовно-процессуальной наукой и практикой до сих пор однозначно не определен. Причиной этому, на наш взгляд, является отсутствие системного подхода к изучению особенностей виртуального пространства и процессов, которые в нем протекают.

В первую очередь пристальное внимание следует уделить общетеоретическим и методологическим основам криминалистики, важными элементами которых являются предмет криминалистики, методы криминалистики, а также система частных криминалистических теорий.

Современные научные подходы к изучению предмета криминалистики сводятся к поиску возможностей его расширения. Однако многие научные труды или отдельные высказывания ученых по данному вопро-

су ориентированы в основном на включение в предмет криминалистики тех закономерностей, которые не просто расширяют его познавательные границы, но и способствуют искажению служебной роли науки криминалистики как средства борьбы с преступностью.

По нашему мнению, в вопросе о некоей «реконструкции» предмета криминалистики следует учитывать современные условия развития и функционирования преступности, использование преступными элементами возможностей виртуальной среды и средств информационно-компьютерной коммуникации для достижения преступного результата. Поэтому все элементы предмета криминалистики должны оставаться традиционными, но их содержание необходимо дополнить отдельными элементами познавательной деятельности, позволяющими системно подойти к решению задач борьбы с преступностью с учетом бурного развития информационно-коммуникационной среды.

Принципиально новый подход к изучению закономерностей предмета криминалистики с учетом развития новых информационных технологий может способствовать пересмотру и дополнению системы частных криминалистических теорий.

В связи с чем следует согласиться с Е.Р. Россинской, которая предлагает разработать новую частную криминалистическую теорию – теорию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. По ее мнению, данная частная теория должна объединять криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; рассмотрение в криминалистической тактике особенностей тактики и технологии производства следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой компьютерной информации, и служить базой для разработки методики расследования компьютерных преступлений [1, с. 110].

Из анализа учебной литературы по криминалистике следует, что вопросам теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности уделяется крайне мало внимания.

В связи с этим возникает необходимость концептуальных и прикладных исследований в области информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Ученые-криминалисты должны всячески способствовать созданию принципиально новой научной парадигмы, ориентированной на системное изучение закономерностей криминальной деятельности и деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений в рассматриваемой области знания.

Изменения, связанные с освоением виртуального пространства, должны затронуть структурные элементы не только общетеоретических и методологических основ криминалистики, но и поисково-идентификационной деятельности и трасологической идентификации в криминалистике.

По мнению Е.П. Ищенко, одним из весьма перспективных направлений приложения усилий криминалистов представляется изучение и использование в следственной деятельности электронных следов, оставляемых в различных информационных базах данных средствами мобильной связи, кредитными, дисконтными картами, проездными документами, снабженными магнитным кодом, персональными компьютерами, подключенными к интернету, электронными товарными бирками, специальными чипами и другими подобными устройствами, ассортимент которых стремительно расширяется. Выявление, фиксация, расшифровка таких следов, ставших в последние годы массовым явлением, будет способствовать раскрытию и расследованию самых различных, в том числе компьютерных преступлений, совершаемых в интернете [2, с. 203].

Однако в системе криминалистической техники нет отдельного раздела, посвященного исследованию компьютерной техники и виртуальных следов преступления. А потому сегодня данная проблема весьма актуальна. Так, виртуальный след подразумевает результат отображения реального процесса или же действия компьютерной системы, связанный с тем или иным преступлением, в виде цифрового образа формальной модели этого процесса. Виртуальные следы рассматриваются двояко. С одной стороны, они стали применяться в расследовании преступлений, но с другой официально правового оформления не получили, однако это не мешает применять виртуальные следы на практике [3].

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что перед учеными-криминалистами необходимо поставить вопрос о возможности формирования новой отрасли криминалистической техники или же подотрасли криминалистического учения о следах, связанных с изучением процессов и явлений, происходящих в виртуальной среде. Это позволит выйти на более высокий уровень в деле по раскрытию и расследованию большинства преступлений, которые совершаются с использованием компьютерных технологий.

Виртуальные следы являются специфическим видом следов. Их нельзя отнести ни к материальным, ни к идеальным. Учитывая тот факт, что последствия преступного события формируются в специфической среде, то и виртуальным следам следует отвести отдельное место в классификации всех изучаемых следов в криминалистике.

По мнению Ю.В. Гаврилина и В.В. Шипилова, виртуальные следы как специфическая форма преобразования компьютерной информации обладают следующими признаками: отражают событие преступления в информационном поле; являются материальными по своей природе, но не отражают пространственную форму следообразующего объекта; являются результатом преобразования компьютерной информации;

служат носителями свойств, присущих компьютерной информации; обладают способностью к дублированию, т. е. к копированию на другие электронные носители без изменения их характеристик [4, с. 2–6].

В криминалистической науке разработаны некоторые классификации виртуальных следов.

Так, В.П. Леонтьевым предложена следующая классификация виртуальных следов: локальные, расположенные на устройствах преступника или жертвы; сетевые, расположенные на серверах и коммуникационном оборудовании [5, с. 264].

А.Г. Волеводз предложил классификацию локальных виртуальных следов в зависимости от носителя, на котором они были обнаружены: следы на жестком диске, стримере (магнитной ленте), оптическом диске; следы в оперативных запоминающих устройствах компьютера; следы в оперативных запоминающих устройствах периферийного оборудования (принтеры, сканеры и т. д.); следы в оперативных запоминающих устройствах компьютерного оборудования связи и сетевого оборудования; следы в проводных, радиооптических и других электромагнитных системах и сетях связи [6, с. 159–160].

Таким образом, криминалистической науке и практике необходимо выработать систему знаний, позволяющих определить понятие, содержание и значение информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Сегодня такая система знаний до конца не сформирована. Ученым-криминалистам предстоит большая работа по изучению криминальных процессов, возникающих в специфической среде, именуемой виртуальным пространством, определению понятия и содержания виртуальных следов и их носителей. С течением времени такая система знаний может подвергаться существенным изменениям с учетом совершенствования научно-технических средств, приемов и методов познания виртуального пространства. Однако уже сегодня современная криминалистика перешла на более высокий уровень и способна использовать в своем арсенале самые передовые технологии, позволяющие расширить пределы доказывания. Не исключено, что в скором времени появятся новые отрасли или подотрасли криминалистики, которые будут успешно использоваться в деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений в киберпространстве.

1. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : в 2 ч. // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. «Экон. и юрид. науки». 2016. Вып 3, ч. 2 : Юридические науки.

2. Ищенко Е.П. Криминалистика: главные направления развития // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : материалы междунар. науч.-

практ. интернет-конф., Иркутск, 16–30 апр. 2012 г. / Байк. гос. ун-т экономики и права. Иркутск, 2012.

3. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М., 2012.

4. Гаврилин Ю.В., Шипилов В.В. Особенности следообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Рос. следователь. 2013. № 23.

5. Леонтьев В.П. Большая энциклопедия компьютера и Интернета. М., 2006.

6. Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М., 2002.

УДК 343.985.7

И.А. Анищенко, О.В. Маркова

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ОБЪЕКТАМИ И СЛЕДАМИ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ПОЖАРАХ

Осмотр места происшествия по делам о пожарах – трудоемкий процесс, требующий применения специальных знаний в различных областях науки и техники. Данное следственное действие целесообразно проводить с привлечением в качестве специалистов наиболее опытных судебных экспертов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, инспекторов органов государственного пожарного надзора Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, в некоторых случаях – работников органов государственного энергетического и газового надзора Министерства энергетики Республики Беларусь.

На статической стадии осмотра при общем изучении зоны пожара обстановка должна сохраняться без изменений, за исключением случаев, когда надо принять неотложные меры, обеспечивающие безопасность осмотра. В период общего осмотра разборка обгоревших конструкций, предметов и материалов не проводится, раскопки не ведутся. Основная задача состоит в фиксации зоны очага пожара (по видимым очаговым признакам и признакам направленности горения), а также взаимного расположения предметов, материалов и оборудования, их остатков. На этой стадии осмотра могут быть обнаружены следы пребывания или действий лиц, имеющих отношение к причине пожара, а также те или иные вещественные доказательства. Общий осмотр позволяет установить и зафиксировать доказательственные факты, которые после разборки обгоревших конструкций и расчистки места пожара могут не сохраниться.

Первостепенной задачей осмотра является определение зоны первоначального горения или участка, содержащего признаки очага пожара. Очаг пожара можно определить по месту наиболее сильного выгорания и обугливания поверхностей конструкций здания; сильной деформации, расплавлению и изменению цвета металлических конструкций и сооружений; отслоению верхнего слоя, образованию трещин и местных разрушений на бетонных конструкциях. В зоне очага пожара следы горения нередко имеют вид треугольника, обращенного вершиной вниз, и образуют так называемый очаговый конус. Очаг пожара может быть определен при обнаружении средств поджога, наличия запаха легковоспламеняющихся жидкостей или горючих жидкостей.

На динамической стадии осмотра осуществляются вскрытие и разборка конструкций, загорающих доступ к участкам, подлежащим детальному осмотру; удаление пожарного мусора, расчистка полов при необходимости с перемещением отдельных предметов и материалов, их остатков; установление очага пожара; проведение раскопок и просеивание пепла в установленном или предполагаемом очаге пожара для обнаружения вещественных доказательств; фотографирование отдельных участков пожара, обнаруженных предметов, следов, которые могут служить вещественными доказательствами.

Следует обращать внимание не только на наличие следов высокотемпературного воздействия, но и на физико-химические особенности материала – носителя этих следов (например, присутствующие на месте пожара крупногабаритные или имеющие относительно большое сечение сгораемые конструктивные элементы (доски пола, шкафа и т. п.) не способны воспламениться от слабого источника зажигания в виде пламени спички, тлеющего окурка и т. п., поэтому на месте происшествия следует получить сведения о наличии дополнительной горючей загрузки (одежда, куча бумаги и т. д.), способной воспламениться от вышеуказанных источников).

При осмотре транспортных средств (на месте пожара и в смежных помещениях) фиксируют: состояние лакокрасочного покрытия на всех основных элементах транспортного средства (капот, двери, рама и т. п.), остекления салона и осветительных приборов, резино-технических изделий (покрышки, камеры, уплотнительные резинки у стекол салона, патрубки и ремни в моторном отсеке и т. д.), изделий из пластмассы (в салоне и отсеках), токопроводящих элементов, наличие следов их локального оплавления; положение на момент осмотра различных выключателей и рычагов (рычаг переключения коробки передач, тумблеры на панелях управления, кнопка выключателя массы, система сигнализации и т. п.); индивидуальные признаки (номера шасси, двигателя, рамы, описание

участков изменений, привнесенных в процессе эксплуатации: дополнительные точки сварки, нарушение целостности лакокрасочного покрытия, слоя металла и т. п.); остаточное количество топлива, состояние бензобака и элементов топливной системы; следы пожара на сгораемых элементах салона и кузова; состояние прилегающей к автомобилю территории.

При осмотре помещений (место пожара и смежные помещения) фиксируют: габаритные размеры помещений, характеристики ограждающих конструкций (присутствие кладки из красного кирпича, перегородок из досок с пустотами и т. д., указывают толщину их элементов); особенности конструктивного исполнения ограждающих элементов строения (способ взаимного крепления, частота применения опорных элементов, ребер жесткости, их сечение и пространственная ориентация); следы пожара на предметах вещной обстановки и ограждающих конструкциях (участки окупчения, глубина переугливания сгораемых элементов в эпицентре и на периферии, на фиксированном от очага пожара расстоянии, очертание выгоревшего участка, состояние слоя штукатурки на различных участках и т. п. с наложением на план-схему помещения); размеры проемов в ограждающих строительных конструкциях, мебели (их месторасположение, в том числе до пожара); сведения о признаках неисправной и нормальной работы различного оборудования (до возникновения пожара, в очаговых зонах); способ монтажа, состояние и трассировку электропроводки и системы охранно-пожарной сигнализации в помещениях с составлением схемы электроснабжения объекта (помещения по месту пожара с указанием мощности потребителей каждой линии, способа прокладки электропровода, типа кабеля, состояния коммутирующих элементов и т. д.); способ монтажа, состояние и трассировку других энергопереносящих коммуникаций (в случае их присутствия в очаговой зоне с составлением план-схемы, указанием паспортных данных потребителя и т. п.).

При осмотре окон и дверей (на месте пожара и в смежных помещениях) следует зафиксировать: их габаритные размеры, особенности конструктивного исполнения (наличие или отсутствие следов механического и термического повреждений с указанием их размеров, глубины, формы, месторасположения на изделии, пространственной ориентации); толщину и месторасположение обрушенных осколков стекла внутри помещения и снаружи. Сохранившиеся в раме фрагменты остекления и собранные под окном осколки стекла направляют на исследование для установления направленности и причины их разрушения. Перед направлением на исследование стороны сохранившегося в раме остекления маркируют, т. е. указывают наружную и внутреннюю поверхности изделия; особенности и положение запорных устройств. При изъятии стекол нужно принять меры к сохранению следов пальцев рук.

При осмотре электрооборудования проверяются все электроприборы и контактные устройства; предохранительные, защитные и заземляющие устройства; кабели и провода (марка, материал, сечение и т. д.), стальные трубы с проводами, их соединения, крепления, преграды в местах пересечения кабеля с проводами; поврежденные и оплавленные детали.

При осмотре печи (камина) исследуются: кирпичная кладка, дымоход, разделки и отступки; топочные поддувальные дверцы (фиксация их положения, исправность); топливник печи и его содержимое, основание печи и его устройство; деревянные конструкции в местах их примыкания к печи; предметы и материалы, находящиеся вблизи печи; отслоения и повреждения штукатурки, закопчения, трещины, сажа в дымоходе (цвет, сухость), топливо.

В ходе осмотра места пожара подлежат выявлению и исследованию не только следы горения и следы преступных действий по иницированию горения, но и традиционные для криминалистики следы (следы рук, обуви, транспортных средств, орудий взлома и т. д.). Эти следы в дополнение к причине пожара позволяют установить лицо, причастное к его возникновению.

При выявлении следов рук необходимо учитывать, что по экспериментальным данным следы рук на стекле на просвет отчетливо видны при нагреве до температуры 400–450 °С (длительность нагрева – 1 ч), следы рук на бумаге при нагреве до 100 °С проявляются и остаются до момента сгорания бумаги. Для пожара характерна ситуация, когда предмет, где имелся след руки, закопчен. В этом случае следы пальцев рук хорошо сохраняются на поверхности оконных стекол, стеклянной и керамической посуды, гладких металлических поверхностях (на эмали при нагревании до 400 °С, на стекле – до 600 °С, на других поверхностях – до 850 °С). Следы могут быть пригодными для идентификации под наслоением легко снимаемой копоти.

Следы босых ног и обуви могут быть обнаружены на самых различных объектах. Объемные следы образуются на мягком глинистом грунте, мягком мокром снегу, влажном мелком песке и т. д. Иногда преступник оставляет следы в сыпучих материалах, рассыпанных на месте происшествия (гипс, мука, известь и др.).

По следам транспортных средств можно установить, на каком автомобиле приехали (уехали) преступники, вывозились материальные ценности с подожженного затем объекта и т. д. При расследовании пожаров на транспортных средствах, если загорание произошло по ходу движения или при столкновении, бывает необходима реконструкция событий, непосредственно предшествовавших загоранию, для этого требуется выявить и изъять следы транспортного средства, оставшиеся на дороге.

При осмотре следов орудий взлома необходимо выяснить, какие двери, оконные решетки, замки и каким образом были взломаны при тушении пожара, а какие могли быть взломаны или повреждены преступниками. Именно поэтому нужно обеспечить сохранность взломанной двери, решетки и т. п., в отдельных ситуациях целесообразно снять их, так как кроме следов орудий взлома на них могут быть и следы рук.

Не следует забывать и про возможность инсценировки взлома. Вопрос о том, где произведен взлом замка, например на двери, т. е. в навешенном состоянии, или где-либо в другом месте, решается исследованием не только замка, но и двери, на которой остаются вмятые следы.

Поджоги иногда совершают ради уничтожения документов, например для сокрытия хищения и др. Нередко по обугленной, сгоревшей бумаге и другим органическим материалам можно установить природу бумаги и написанный на ней текст. В связи с этим на месте пожара необходимо соблюдать следующие правила: по мере возможности не трогать и сохранять остатки бумаг, если пожар произошел в банке, офисе, служебном помещении магазина, склада и т. д.; для прекращения горения бумаг изолировать их от притока воздуха, накрыв кастрюлей, баком или иными подручными средствами (задувание или подача воды повлекут безвозвратную утерю бумаг); если документы или деньги находятся в сейфе либо железном ящике (шкафу), не следует его открывать сразу после пожара, сейф должен остыть, иначе доступ воздуха внутрь может повлечь вспышку и быстрое уничтожение огнем содержимого.

Современные экспертные возможности позволяют, например, проанализировав пепел от сигареты (методом электронной микроскопии), определить, был это чистый табак или с добавками марихуаны и других наркотических средств.

Поджог достаточно часто используется преступниками как средство уничтожения следов другого преступления, в частности убийства. На месте пожара могут остаться следы биологического происхождения не только жертвы, но и преступника. Под вещественными следами биологического происхождения понимаются следы крови, слюны, спермы, прочих выделений человеческого организма. Генетической экспертизой исследуются следы биологического происхождения, волосы, ткани организма и их фрагменты, биологические образцы (образцы крови, слюны (буккального эпителия), мышечной ткани, костной ткани, фрагментов тканей, залитых в парафиновые блоки, и др.) с целью установления принадлежности конкретному лицу, различных частей трупа одному человеку.

Следы биологического происхождения могут находиться на полу, стенах помещения, мебели и других предметах, теле и одежде потерпевшего и преступника. Они могут остаться не только на месте совершения

преступления, но и по трассе волочения тела, в прихожей, коридоре, кухне, туалете, ванной, где преступник мылся. С целью поиска данных следов необходимо осматривать колена канализационных труб, служивших для оттока воды из ванны и раковины.

Проведение осмотра места происшествия по делам о пожарах представляет значительную сложность главным образом в связи с уничтожением в процессе горения (тушения, разборки) следовой картины криминального события. Специфические условия обстановки осмотра места пожара, выявление, фиксация и изъятие вещественных доказательств, диктуют необходимость участия специалистов при проведении данного следственного действия. Применение следователями или специалистами специальных знаний в области естественных и технических наук, позволяют в сложной ситуации осмотра устанавливать очаг и причины возгорания, данные о лицах и способах поджога, собирать и исследовать вещественные доказательства.

УДК 343.9

Б.В. Асаёнок

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Криминалистические средства и методы достаточно время не являются чем-то новым для практики ведения административного процесса. Современные правоприменители (особенно из числа сотрудников правоохранительных органов) с разной степенью эффективности используют криминалистические рекомендации, в основном для организации и тактики осуществления таких процессуальных действий, как осмотр, опрос, получение образцов для сравнительного исследования, и в некоторых иных случаях. В отдельных ситуациях предпринимаются шаги по целенаправленному и систематическому использованию положений криминалистической науки применительно к отдельным сторонам ведения административного процесса (производства по делам об административных правонарушениях). Вместе с тем отношение самой криминалистической науки к криминалистическому обеспечению административного процесса хоть и меняется постепенно, но эти изменения крайне малы и не дают оснований говорить о равноправной разработке

криминалистических положений как для уголовного, так и для административного процесса.

Следует отметить, что если эта работа будет вестись с позиций классических криминалистических рекомендаций в отношении предварительного расследования, то их польза для повышения качества ведения административного процесса будет немногим больше, чем от спорадического использования криминалистических знаний субъектами ведения административного процесса. Это обусловлено тем, что из более чем 70 субъектов ведения административного процесса большая часть не относится к правоохранительным органам. В силу этого их сотрудники не имеют юридического образования и не имели возможности на системной основе изучать положения криминалистики. Следовательно, они не знают, что предлагает криминалистика для уголовного процесса, и вряд ли смогут эффективно применить даже изученные ими положения криминалистики в полной мере. Тем более их может поставить в тупик разница уголовно-процессуального и административно-процессуального законодательства в контексте наличествующего доказательного инструментария. Например, в административном процессе нет таких процессуальных действий, как предъявление для опознания, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, обыск помещений. Соответственно, и рекомендации по организации и тактике их проведения, разработанные криминалистической наукой, не могут быть применены напрямую.

Редкие случаи эффективного использования «багажа» криминалистики в административном процессе чаще связаны с тем, что орган, ведущий административный процесс, является одновременно и органом дознания (например, органы внутренних дел, пограничной службы, таможенные органы), а также с необходимостью расследования преступлений, связанных с административной преюдицией. В данном случае может иметь место обоснованное перенесение отдельных положений криминалистики на практику ведения административного процесса.

Большинство же органов, ведущих административный процесс, имеют дело с административными правонарушениями, которые они выявляют и пресекают в ходе своей повседневной служебной деятельности. Эта деятельность связана с осуществлением регулирования, контроля и надзора в определенной сфере государственного управления и сопряжена с выполнением определенных административно-юрисдикционных действий в рамках их полномочий. Именно эти действия осуществляются ими на стадии начала административного процесса, но не регулируются Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях. Особенностью таких административно-юрисдикционных действий часто является выражен-

ный поисковый характер, т. е. направленность на выявление и пресечение административных правонарушений, а также на наличие при их осуществлении государственного принуждения, связанного с некоторым ограничением прав, свобод и интересов физических и юридических лиц. К административно-юрисдикционным действиям, применяемым на стадии начала административного процесса, следует отнести досмотр, осмотр, задержание, опрос (получение объяснений, пояснений), отбор (получение) проб и образцов для сравнительного исследования, назначение и проведение экспертиз, не относящихся к судебным, и некоторые другие. Все они носят исключительно непроцессуальный характер.

Ряд административно-процессуальных действий имеют регламентацию на уровне законов Республики Беларусь, указов Президента Республики Беларусь, постановлений Совета Министров Республики Беларусь. Большинство же из них имеют более-менее детальную регламентацию на уровне локальных нормативных правовых актов. Статья 23 Конституции Республики Беларусь гласит, что «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». В силу этого положение о наличии ограничения конституционных прав и свобод граждан в нормативных правовых актах иного характера следует признать не в полной мере соответствующим положениям Конституции нашего государства.

Необходимо также обратить внимание на то, что практически не существует единого законодательного определения любого из указанных административно-юрисдикционных действий. Так, досмотр упоминается в нескольких сотнях правовых актов различного уровня и характера. Однако даже суть данного действия трактуется ими по-разному. Нет даже единого подхода к тому, выдаются ли искомые предметы и документы добровольно, предъявляются ли они к досмотру или досмотр предусматривает самостоятельную поисковую деятельность досматриваемого лица. В отношении досмотра также нет единообразного подхода к тому, возможно ли при его осуществлении нарушение целостности досматриваемого объекта, связан ли он с частичным или полным обнажением досматриваемого лица и др. Следует согласиться, что такое положение дел вряд ли способствует полному и всестороннему соблюдению конституционных прав и свобод.

Относительно задержания вне административного или уголовного процесса также существует ряд вопросов. Так, некоторые из субъектов данного полномочия не имеют корреспондирующих задержанию полномочий в административном или уголовном процессе. Исходя из того

что полномочие на задержание указано в законе, требования по конституционности ограничения прав следует считать выполненным. Однако в теории права и законодательстве отсутствует детальное разъяснение, что в себя включает непроцессуальное задержание и чем оно оформляется. Это же касается и иных административно-юрисдикционных действий. Полагаем, что их законодательная регламентация с указанием четкого понятия, его определения, условий и оснований осуществления и порядка оформления представляется необходимой мерой унификации мер административного принуждения, используемых для выявления и пресечения административных правонарушений. Законодательного закрепления также требуют и юридические гарантии прав и свобод физических и юридических лиц при их осуществлении.

Имея в основе унифицированные и единообразные в своей трактовке административно-юрисдикционные действия, возможно выработать и целесообразные рекомендации по порядку их осуществления (организации и тактике) в зависимости от следующих критериев: субъекта применения; сферы государственного управления, где эти сферы применяются; цели и задачи, предназначения этих мер; объекта, в отношении которого эти меры применяются; места осуществления этих мер (территориальный масштаб и условия проведения) и некоторые другие.

Однако, как уже указывалось выше, разработанные на основе криминалистической науки рекомендации так и останутся уделом немногих осведомленных в них, если они найдут отражение лишь в криминалистических публикациях. Представляется, что «проводником» таких рекомендаций в административном процессе должны являться не учебные издания, научные публикации и обобщения следственной практики, как это имеет место применительно к уголовному процессу, а локальные правовые акты различного уровня и различной степени обязательности, разработанные в соответствии с общими положениями закона, регламентирующего административно-процессуальные действия.

Так, детализация задач, оснований и условий проведения административно-процессуальных действий применительно к специфике работы конкретного правоприменителя должна иметь характер императивного нормативного правового акта, а вопросы организационного и тактического характера – отражаться в различного рода методических рекомендациях, алгоритмах, указаниях и других аналогичных актах рекомендательного характера. На основе таких рекомендаций, полагаем, будет жить и развиваться криминалистическая практика ведения административного процесса на его начальной стадии.

Таким путем в свое время пошла оперативно-розыскная деятельность, где законодательное, межведомственное и ведомственное регулирование ее вопросов ничуть не устранило необходимости существова-

ния в качестве самостоятельного элемента организации и тактики данной деятельности и отдельных оперативно-розыскных мероприятий, но существенно укрепило их правовые основы. В этом же направлении, как представляется, хоть и с рядом особенностей, возможны организация и тактика ведения административно-юрисдикционных действий.

Таким образом, выявление и пресечение административных правонарушений в криминалистическом аспекте имеют следующие особенности:

автоматическое перенесение в административный процесс применительно к административно-юрисдикционным (непроцессуальным) действиям практики органов уголовного преследования нецелесообразно по ряду причин, что требует разработки отдельных криминалистических рекомендаций по их осуществлению;

такие рекомендации затруднительно разрабатывать, пока не выработаны единое понимание системы административно-юрисдикционных действий, их единая законодательная трактовка (к этому следует добавить и юридические гарантии прав и свобод физических и юридических лиц при осуществлении данных действий);

особенности организации и тактики, которые могут быть применимыми в практике различных органов, осуществляющих административно-юрисдикционные действия (если они будут разработаны криминалистической наукой), следует отражать не в учебных изданиях и научных публикациях, а на уровне локального нормотворчества, имеющего различный характер обязательности с учетом ситуативного подхода к организации и тактике осуществления этих действий.

УДК 343.985.7

М.С. Асаинова

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ТАКТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Сложившееся научно-практическое знание о тактических операциях сформировалось и развивалось бессистемно. По этой причине в настоящее время оно не может претендовать на значение частной криминалистической теории. Однако это знание, бесспорно, представляет собой теоретическую концепцию, которая в качестве отдельного исходного теоретического положения вполне пригодна для развертывания на своей основе системы теоретических положений, обеспечивающих формирование частной криминалистической теории.

Это подтверждает и Р.С. Белкин. «Хотя, – пишет ученый, – в литературе неоднократно уже декларируется создание самостоятельной частной теории тактических операций, полагаю, что эта концепция еще не достигла такого уровня и подобная теория находится пока в стадии формирования» [1, с. 280].

Научное познание не случайно, а закономерно начинается с постановки проблемы, сложного процесса ее поиска и развертывания, так как проблема – это субъективная форма выражения необходимости развития научного познания.

Исследования многих вопросов тактических операций в настоящее время являются спорными и запутанными. В полной мере это относится и к определению понятия тактической операции. Достаточно только перечислить известные наименования этого понятия: тактическая (А.В. Дулов, В.И. Шиканов, Л.Я. Драпкин и др.), методическая (Н.А. Селиванов), криминалистическая (Н.П. Яблоков), стратегическая (В.А. Образцов) криминалистическая, тактическая (В.И. Шиканов) операция; следственная (В.Я. Колдин), тактическая (Р.С. Белкин, А.Е. Михальчук), оперативно-тактическая (Р.С. Белкин) комбинация; тактический (В.А. Образцов, Н.А. Селиванов), криминалистический (И.Н. Сорокотягин, А.А. Шмидт) комплекс; сложный тактический прием (А.П. Онучин).

Нет полной ясности в отнесении тактической операции и к определенному разделу криминалистики: правильно ли относить ее только к криминалистической тактике или же она полноправный элемент криминалистических методики и техники? Мнения ученых по этому важному для научно-практических исследований вопросу неоднозначны.

Например, И.М. Лузгин считает тактическую операцию «системой приемов, связанных с применением технических средств криминалистики и реконструкцией объектов (например, операция по изготовлению моделей, необходимых для производства следственных экспериментов)», и относит к криминалистической технике [2, с. 109].

Однако подавляющее число ученых разделились в своих взглядах по этому вопросу. Одни тактическую операцию считают категорией криминалистической тактики, другие – методики расследования отдельных видов преступлений. Существует еще одно мнение: тактическая операция должна занимать место между тактикой и методикой расследования.

Анализ взглядов на понятие тактической операции и ее место в криминалистической систематике позволяет рассмотреть известные определения, с тем чтобы на их основе приблизиться к постановке проблемы исследования.

Понятие тактической операции введено в криминалистический оборот А.В. Дуловым в 1972 г. «Под понятием тактических операций пони-

мается проведение группы следственных, оперативно-розыскных, ревизионных действий для решения одной общей задачи» [3, с. 23–24].

Спустя два года к исследованию тактических операций обратился Р.С. Белкин. Его взгляды основывались на том, что тактическая операция является средством решения задач расследования, а не его задачами. Он назвал это средство тактическими комбинациями, полагая термин более удачным. В представлении Р.С. Белкина, «тактическая комбинация – это определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией» [4, с. 145].

Дискуссии привели к тому, что в 1979 г. А.В. Дулов сформулировал полное определение тактической операции: совокупность следственных, оперативных, ревизионных и иных действий, разрабатываемых и проводимых в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такой тактической задачи, которая не может быть решена производством по делу отдельных следственных действий [5, с. 44].

Исследование понятия тактической операции как категории криминалистической тактики в своих работах также проводили А.Е. Михальчук, В.Я. Колдин, Г.А. Мурадов, Е.П. Ищенко, В.А. Князев, В.Е. Корноухов, Г.Г. Доспулов, И.Ф. Пантелеев, А.П. Онучин, Е.Р. Россинская, А.Р. Белкин, Н.А. Селиванов, Н.П. Яблоков и другие криминалисты.

Их определения тем или иным образом повторяют те же признаки понятий тактической операции и комбинации, которые были даны А.В. Дуловым, Л.Я. Драпкиным, Р.С. Белкиным, В.И. Шикановым. Различия усматриваются лишь в объеме включаемых признаков, их стилистическом оформлении, месте в содержании понятия в зависимости от того, какой из признаков автор определения считал более существенным, а какой менее.

Общим для всех определений следует признать и то обстоятельство, что они отражают практически только внешние стороны тактической операции, т. е. характеризуют ее как явление, которое есть обнаружение сущности через свойства и отношения, доступные чувствам.

Данный подход не позволяет решить одну из главных проблем познания тактической операции как комплексного способа решения задач досудебного производства, состоящую в том, чтобы с учетом определенной проблемы исследования от «явления, лежащего на поверхности предмета, идти к сущности, исходной категории любой теории, и далее, к познанию закономерностей функционирования криминалистических операций» [6, с. 115].

Не раскрывают сущности тактической операции и определения ее понятия, данные на основе представления о ней как о категории раздела криминалистической методики.

Н.А. Селиванов отмечает: «Наряду с понятием тактического приема в литературе встречается понятие тактической операции, один из видов которой охватывает систему процессуальных и иных юридически регламентированных действий органов следствия и дознания, направленных на решение тактических задач, предполагающих выяснение вопросов, входящих в предмет доказывания. Это есть не что иное, как часть методики расследования, сущностью которого является оптимальное сочетание следственных и иных действий, предусмотренных нормами права, „локальной“ методики, направленной на решение отдельной частной задачи расследования, поэтому и назвать такую операцию следовало бы не тактической, а методической» [7, с. 92].

Тактическая операция, по мнению Н.П. Яблокова, является важным методическим способом решения многих задач расследования [8, с. 81]. Его сторонниками в этом подходе являются В.А. Образцов, В.И. Куклин, И.Ф. Герасимов, А.Д. Трубачев, В.Б. Ястребов, Б.Г. Кульчицкий, Л.Л. Каневский, Н.И. Хлюпин, Н.А. Марочкин и многие другие криминалисты.

Анализ специальной литературы и исследований последних лет свидетельствует, что интерес к вопросу у криминалистов не пропал и соответствующие знания продолжают прирастать. У практических сотрудников органов дознания и предварительного следствия также отсутствует единый подход к пониманию сущности и содержания тактической операции.

Проведенная систематизация знаний о понятии криминалистической операции приводит к выводу об отсутствии его сущностного определения, консолидированной точки зрения на содержание этого понятия и его места в системе криминалистики.

Все это, а также отсутствие четких представлений о понятийном и классификационном аппарате криминалистической операции указывают на необходимость разработки частной теории тактической операции, которая своим содержанием сможет воздействовать на развитие соответствующего знания в предметах криминалистической техники, тактики и методики.

1. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999.
2. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973.
3. Дулов А.В. О разработке тактических операций при расследовании преступлений // 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988.
5. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979.

6. Комаров И.М. Теория метода криминалистических операций: постановка проблемы // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы регион. ежегод. науч.-практ. конф., Барнаул, 21–22 марта 2001 г. / Алт. гос. ун-т; редкол.: В.К. Гавло (отв. ред.) [и др.]. Барнаул, 2001. Вып. 1.

7. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982.

8. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984.

УДК 343.9.01

А.Ю. Афанасьев

ЗАКОНОМЕРНОСТИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Любой исследователь рано или поздно приходит к определенному научному результату. Одни по итогам разработок, действительно, предлагают что-то новое, оригинальное, другие – муссируют уже изученные проблемы и вычлениают из них некие аспекты, мало отличающиеся новизной и ценностью, третьи – берутся за фундаментальные исследования, но без соответствующей методологии и обрывают все предпосылки исследования еще в зародыше. Кроме того, значительная часть из них не совсем ясно понимают объект и предмет не только своего исследования, но и в целом той науки, в области которой проводится исследование. Это может быть обусловлено несколькими факторами:

во-первых, узостью научных представлений самих исследователей. Научное сообщество насчитывает немалое количество авторов, которые рассматривают свою проблему в некотором информационном вакууме. Порой может наблюдаться картина скудного научного аппарата в исследованиях (отсутствия «широты дыхания»): работы основываются лишь на трудах того же периода, в котором живет автор, без учета фундаментальных трудов предыдущих поколений как по исследуемому направлению, так и общенаучного и философского характера. Тем самым явно прослеживается непонимание исследователями места конкретного научного знания в системе конкретной науки, а также места последнего в системе всех наук;

во-вторых, неопределенностью объекта и предмета изучаемой науки. Многие могли бы возразить на это, упрекнув нас в излишней смелости. Как бы это ни противоречило всем основаниям признания области знаний наукой (свой объект исследования, свои методы исследования этого объекта, свой предмет исследования), несмотря на обширность представленных в той или иной науке исследований, остается не решенным вопрос об

определенности объекта и предмета. Разумеется, это положение относится не ко всем наукам, и не всегда это есть безусловное утверждение.

Однако есть те научные направления, которые вызывают ряд вопросов относительно их исключительности и реальной обособленности. Из названия статьи можно было предположить, что мы таковой считаем криминалистику. Спешим вас предостеречь от этого и сразу же оговоримся, что мы криминалистику признаем наукой, у которой свой объект и предмет исследования, хотя и нет своих методов исследования. Указываемые в большинстве криминалистических трудов в качестве методов криминалистики методы наблюдения, измерения, эксперимента и др. являются не специальными криминалистическими, а частнонаучными. Однако далее речь пойдет не совсем об этом.

Принято считать, что объектом науки являются область действительности, совокупность реальных явлений и процессов, на изучение и обоснование которых направлена данная отрасль научных знаний. Не вызывает существенных разногласий и объект криминалистической науки. Большинство ученых сходятся в том, что у криминалистики двуединый объект познания – преступная деятельность и криминалистическая деятельность по ее расследованию и предупреждению [1, с. 23] или же преступность, преступление и предварительное расследование, судебное разбирательство, предупреждение преступлений [2, с. 13]. Пожалуй, мы согласимся с мнением значительной части ученых и предложим следующую редакцию объекта криминалистики: с одной стороны, это преступная деятельность и ее развитие, а с другой – деятельность по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению преступлений. Относится ли к объекту криминалистической науки судебное разбирательство? Это вопрос, на который не получится ответить однозначно. Однако если исходить из классической структуры криминалистики, то можно обнаружить, что большинство ее разделов не предусматривают изучение судебных стадий. При этом мы допускаем, что в рамках, например, криминалистической тактики возможно рассмотрение тактических особенностей производства судебных действий и судебного доказывания.

Что касается предмета науки, то им признаются стороны, свойства и отношения объектов, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах; коренные и более общие закономерности объекта [3, с. 359]. На наш взгляд, именно закономерности и должны выступать предметом любой науки, а процесс их установления и исследования – самой наукой. Закономерность – объективно существующая, повторяющаяся, существенная связь явлений; связь между предметами и явлениями [4, с. 277–278]. Любой ученый, который дает определение науки, пытается указать на ее предмет, а беспредметность науки – при-

знак незрелости научного сообщества [5, с. 19]. Однако не каждый ученый понимает, какие именно закономерности входят в предмет науки, как эти закономерности функционируют, как их обнаруживать и как исследовать. Страдает методология науки. Мы научились исследовать, но при этом не знаем, как исследовать. Остается непостижимым установление точных связей между предметами и явлениями. Лишь редкие работы по криминалистике, и не только по ней, направлены на работу с закономерностями и на их установление. При этом следует заметить, что, несмотря на поверхностное исследование предмета науки, в криминалистике выявлены закономерности, образующие ее предмет.

Приведем основные из них:

закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, исследования, оценки и использования доказательств и основанные на познании этих закономерностей специальные средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений [6, с. 113];

закономерности и парадоксы совершения и сокрытия преступлений, предварительного расследования, экспертного исследования вещественных доказательств, судебного разбирательства, обвинения и защиты по уголовным делам, создания методов раскрытия и расследования [7, с. 16];

закономерности преступных деяний, механизма их отражения в источниках информации [1, с. 27];

закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанные на познании этих закономерностей специальные методы и средства судебного исследования и предотвращения преступлений [8, с. 60];

закономерности преступного поведения и преступной деятельности, механизма их отражения в источниках информации [9, с. 32–33];

закономерности механизма преступного деяния и оставления следов при совершении преступления [10, с. 8];

закономерности возникновения доказательств, проявляющиеся в способах и механизме преступлений, следообразовании [11, с. 11].

Отдельно следует указать позиции различных авторов, которые, раскрывая предмет криминалистики, не использовали понятие «закономерность». Предметом криминалистики они признают:

наиболее целесообразные способы и приемы применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника, а своей целью ставит помощь правосудию в раскрытии материальной истины в уголовном деле [12, с. 3];

приемы и методы собирания, обнаружения, фиксации и исследования доказательств, используемых в целях раскрытия преступления, розыска и опознания преступника [13, с. 3];

взаимосвязи и взаимодействия материальных объектов (сфера криминалистической техники) и взаимодействия и отношения людей (сфера тактики и частной методики) [14, с. 7];

структура информационно-познавательной деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и обеспечивающие ее оптимизацию легальные организационные, технические и тактико-методические средства, приемы и технологии [15];

принципы, методы и технологии уголовно-процессуального выявления, раскрытия, пресечения, предотвращения преступлений и осуществления от имени государства уголовного преследования подозреваемых и обвиняемых в приготовлении к совершению и (или) в совершении инкриминируемых им деяний [16, с. 16].

Очевидно, что это не исчерпывающий перечень и не по всем пунктам в научном сообществе есть строгое единодушие. Например, В.А. Образцов считает, что изучение закономерностей преступной деятельности не может входить в предмет криминалистики [17, с. 12]. Тем самым преступная деятельность как объект криминалистики также исключается, с чем мы не согласны. Справедливо также то, что большая часть авторов считают первостепенным в предмете криминалистики изучение закономерностей возникновения доказательств [18, с. 90–94]. Как можно обнаружить, практически все ученые солидарны в этом. По нашему мнению, это обусловлено тем, что целью всей деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению преступлений выступает формирование системы доказательств для принятия решения.

Предложенные варианты предмета криминалистики содержат ряд пересекающихся закономерностей, их можно разбить на четыре типа: функционирования преступной деятельности (закономерности механизма преступления); закономерности следообразования (локализация, форма отображения, ценность информации и ее относимость); установления следов (поиск, обнаружение, фиксация и изъятие); использования «следовой информации» для формирования системы доказательств по уголовному делу [19, с. 5].

Эта позиция наиболее близка нам и, полагаем, охватывает весь предмет криминалистики. Хотя нами и предлагаются несколько иные типы закономерностей. По нашему мнению, предмет криминалистики образуют четыре несколько отличающихся от названных типов закономерностей: 1) закономерности механизма преступной деятельности, 2) закономерности следообразования, 3) закономерности механизма доказывания, 4) закономерности механизма принятия решений.

Если с первыми двумя все достаточно понятно, то третья закономерность должна включать в себя и установление следов (поиск, обнаружение, фиксация и изъятие) и использование «следовой информации» для формирования системы доказательств по уголовному делу, поскольку это неразрывный единый процесс. В частности, нельзя фиксировать и изымать следы в отрыве от придания им уголовно-процессуальной формы. Четвертая закономерность исходит из сущности всей деятельности: нельзя доказывать, не принимая решений, и, наоборот, нельзя принимать решений, не доказывая. Одни могут возразить относительно такого предмета науки криминалистики, другие обнаружат в этом что-то истинное. И так будет со всеми, кто затронет проблемы предмета той или иной науки. Это происходит вследствие того, что, несмотря на вроде бы установленный перечень изучаемых криминалистикой закономерностей, остается неопределенным их содержание. Неясно, что же конкретно включает в себя та или иная закономерность. Разумеется, были попытки ряда криминалистов ответить на эти вопросы, но это лишь часть познанного в системе неизведанной криминалистики. В связи с чем варьировать с предметом криминалистической науки можно практически безболезненно. Например, если предположим, что предмет криминалистики составляют всего лишь два укрупненных типа закономерностей: закономерности механизма преступной деятельности (включают закономерности следообразования) и закономерности механизма доказывания (включает закономерности установления следов и их перевод в доказательства, а также принятие решений), то мы несколько не выйдем за объект криминалистики, а, напротив, еще более отчетливо его проявим.

При этом необходимо учитывать, что предметом криминалистической теории не могут быть «общие закономерности движения материи и сознания», поскольку теоретическая функция прикладной науки ограничена узким кругом закономерностей, имеющих непосредственное значение для решения криминалистических задач [20]. Таким образом, проблема криминалистики состоит не в отсутствии закономерностей, изучаемых ею, а в сущности и содержании этих закономерностей, в установлении точных взаимосвязей между их элементами.

1. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
2. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. А.Ф. Волынского. М., 1999.
3. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1963.
4. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники : темат. слов.-справ. Орёл, 2010.
5. Криминалистика : курс лекций / под ред. А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 2018.

6. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М., 1997.
7. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Минск, 2000.
8. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 2000.
9. Криминалистика : учеб. для вузов / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова. М., 2007.
10. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика : учебник. М., 2009.
11. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982.
12. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.
13. Шавер Б.М., Винберг А.И. Криминалистика : учеб. для юрид. шк. М., 1945.
14. Советская криминалистика. Теоретические проблемы / Н.А. Селиванов [и др.]. М., 1978.
15. Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2000. № 4. URL: <http://koldin-msu.ru/wp-content/uploads/2015/03/6Крим-ка-теоретическая-наука-или.pdf> (дата обращения: 20.09.2018).
16. Корма В.Д., Образцов В.А. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Вестн. криминалистики. 2013. Вып. 2.
17. Образцов В.А. Криминалистика : курс лекций. М., 1996.
18. Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. 1967. № 4.
19. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики : учебник / под ред. В.Д. Грабовского, А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 1995.
20. Колдин В.Я. Предмет криминалистики [Электронный ресурс] // Совет. государство и право. 1979. № 4. URL: <http://koldin-msu.ru/wp-content/uploads/2015/03/10Предмет-криминалистики.pdf> (дата обращения: 20.09.2018).

УДК 343.1(035.3)

В.И. Балко, С.А. Сергеев

ПРИЕМЫ ТЕХНИКИ ДАКТИЛОСКОПИРОВАНИЯ ПАЛЬЦЕВ РУК ТРУПА ПРИ ЖИРОВΟΣКЕ

Жировоск является своеобразным состоянием тканей трупа, возникающим в результате взаимодействия жирных кислот с солями щелочноеземельных и щелочных металлов в условиях повышенной влажности (в воде, во влажной почве) при недостаточности или отсутствии воздуха. При указанных условиях происходит процесс мацерации, при котором отслаивается эпидермис, а затем через лишенную эпидермиса кожу в труп проникает вода. Она вымывает кровь и ряд веществ из тканей, после чего происходит омыление жиров в трупе. Жиры разлагаются на

глицерин и жирные кислоты. Глицерин и олеиновая кислота вымываются из тканей трупа водой, а пальмитиновая и стеариновая кислоты с солями щелочноеземельных и щелочных металлов образуют соли (мыла), которые и составляют жировоск. Он представляет собой твердую мылообразную или творожистую массу.

В трупе новорожденного образование жировоска становится заметным через 3–5 недель, полностью его ткани и органы переходят в состояние жировоска обычно через 5–6 месяцев, а труп взрослого человека – не ранее чем через 10–12 месяцев. Жировоск позволяет приблизительно судить о минимальном сроке, истекшем с момента наступления смерти. Особенности образования жировоска определяются скоростью его образования, зависящий прежде всего от температуры среды, в которой находится труп: чем выше температура, тем быстрее образуется жировоск. Так, в тропиках образование жировоска в некоторых частях трупа наблюдается уже через несколько дней, на северных территориях летом (в реках при температурах воды около 20 °С) – примерно через месяц после наступления смерти. В озерах придонные воды обычно холодные за счет бьющих на дне ключей, вследствие чего процесс образования жировоска на дне подобных озер, если труп по каким-то причинам остается там, идет медленно. Насыщенная кальцием вода ускоряет процесс омыления. Трупы, богатые жировой тканью, омыляются быстрее, чем трупы менее упитанных людей.

В подзаконных актах о дактилоскопировании России, Беларуси и Казахстана расписаны приемы техники традиционного дактилоскопирования папиллярной поверхности пальцев человека живого человека, однако приемы техники дактилоскопирования пальцев рук трупа не регламентированы, особенно в зависимости от трупного явления жировоска, в связи с чем они ориентированы по аналогии с дактилоскопированием пальцев рук живого человека. С теоретической и практической точки зрения из всех разновидностей приемов техники традиционного дактилоскопирования пальцев рук трупа выделим следующие наиболее часто встречающиеся при трупном явлении жировоске.

Прием технической фотофиксации – фотосъемка папиллярной поверхности ногтевой фаланги и верхней части средней фаланги пальца руки трупа, произведенная при косопадющем освещении.

Прием «деформированные пальцы» – применяется при наличии деформации пальцев рук, которые затруднено или невозможно выпрямить. Для получения оттиска с деформированного пальца подушечка ногтевой фаланги окрашивается типографской краской при помощи малого дактилоскопического валика с малым диаметром, затем вырезается пронумерованный бумажный квадрат (размером 5 × 5 см), который с по-

мощью специальной пластины или лоточка накладывается на ногтевую фалангу деформированного пальца.

Прием «дактилоскопический валик» – окрашивание типографской краской при помощи дактилоскопического валика с малым диаметром папиллярной поверхности ногтевой фаланги и верхней части средней фаланги пальцев руки трупа.

Прием «надавливание на проксимальный конец кости нижней фаланги дактилоскопируемого пальца руки трупа».

Прием «применение ложки с вогнутым профилем».

Прием «применение дактилоскопического пинцета как средство фиксации пальцев рук».

Прием «применение медицинских инструментов как средство фиксации пальцев рук».

Прием «разглаживающий массаж подушки фаланги пальца» – используется при наличии небольшого сморщивания (мелкая складчатость) кожи пальцев трупа. Оттиск получают после разглаживания подушки ногтевой фаланги пальца руки трупа.

Прием «прижимание к мобильному биометрическому терминалу» – прикосновение к мобильному биометрическому терминалу «Папилон» ДиПП-6п или ДиПП-7 подушки фаланги пальца с оптимальным давлением, за счет чего мелкая складчатость минимизируется или исчезает.

Прием «принудительное расправление складок подушки пальца» – используется при наличии сморщивания кожи пальцев трупа. Оттиск получают после принудительного расправления складок подушки ногтевой фаланги пальца руки трупа способом жесткого и системного давления на подушку ногтевой фаланги пальца руки трупа.

Прием «применение жидкостной инъекции под „подушку“ ногтевой фаланги пальца руки» – используется, когда эпидермис на подушках пальцев сморщивается до такой степени, что получить пальцевые оттиски, пригодные для исследования, обычным способом не удается (происходит набухание и грубая складчатость). Оттиск получают после введения жидкости (например, воды) иглой под подушку ногтевой фаланги пальца руки через верхнюю часть средней фаланги этого пальца руки трупа.

Прием «применение инъекции пластических веществ под „подушку“ ногтевой фаланги пальца руки» – используется, когда эпидермис на подушках пальцев сморщивается до такой степени, что получить пальцевые отпечатки (оттиски), пригодные для исследования, обычным способом не удастся (происходит сильное набухание и грубая складчатость). Оттиск получают после введения пластических веществ (например, специального масла) иглой под подушку ногтевой фаланги пальца руки через верхнюю часть средней фаланги этого пальца руки трупа. Данный прием лучше, чем введение жидкостей.

Прием искусственной дактилоскопической мацерации – отделение эпидермиса от глубжележащих слоев кожи после погружения кисти руки в воду при температуре 40–55 °С.

Прием получения прямого отображения с «перчаток смерти» («надевание отделившего эпидермиса на палец дактилоскопируемого») – получение прямого оттиска путем надевания отделившего эпидермиса на палец руки дактилоскопируемого. Данный прием используется, когда наружный слой эпидермиса определенно разрыхлен, валики и бороздки допустимо четкие, рельеф их слегка сглажен, внутренняя поверхность эпидермиса не нарушена. В этих случаях для получения отображения узора может быть использована наружная поверхность эпидермиса. С нее могут быть сняты слепки, получены фотоизображения и изготовлены оттиски.

Названия приемов, как правило, соответствуют содержанию самих приемов. Их количество не является исчерпывающим.

Выбор конкретного приема из перечисленных вариантов приемов техники традиционного дактилоскопирования пальцев рук трупа для получения отображений зависит от условий, в которых находится труп, степени повреждения кожного покрова рук и навыков дактилоскопирующего. Указанные приемы расположены в порядке по мере развития трупного явления жировоска, начиная с его легкой степени развития.

Таким образом, для дактилоскопирующего имеется возможность подойти более творчески и практически к выбору разновидности приема техники традиционного дактилоскопирования для получения отображений папиллярной поверхности пальцев рук дактилоскопируемого в зависимости от конкретных обстоятельств, навыков сотрудника, что скажется на качестве отображения папиллярной поверхности рук.

УДК 343.98

С.В. Баринов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ФАКТАМ НАРУШЕНИЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, СОВЕРШЕННЫХ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни устанавливает ст. 137 УК РФ.

Криминогенная ситуация в сфере неприкосновенности частной жизни сегодня характеризуется тем, что значительное число преступных

деяний совершаются путем распространения информации, составляющей личную или семейную тайну, в киберпространстве. Исследователями отмечается, что ресурсы сети Интернет могут быть использованы не только для совершения высокотехнологичных преступлений, но и как платформа для размещения информационных объектов, которые впоследствии при соблюдении процессуальных требований будут иметь доказательственное значение в рамках расследования конкретного уголовного дела [1, с. 109].

Как место совершения преступления киберпространство характеризуется возможностью содержания в нем уникальных в своем роде виртуальных следов, под которыми понимаются следы совершения любых действий (включение, создание, открывание, активация, внесение изменений, удаление) в информационном пространстве компьютерных и иных цифровых устройств, их систем и сетей [2, с. 43]. По мнению В.А. Мещерякова, виртуальный след может состоять из большого количества отдельных информационных элементов, которые могут быть записаны как на одном, так и на нескольких физических носителях цифровой информации, подключенных как к одному, так и к нескольким компьютерам, объединенным в вычислительную сеть [3, с. 265–269].

На практике в ходе проведения отдельных следственных действий по уголовным делам, возбужденным по фактам совершения преступлений в киберпространстве возникают трудности, связанные с собиранием доказательств. Отмечается, что традиционные способы осмотра места происшествия уже не подходят, необходимы разработка и проработка совершенно новой методики расследования и раскрытия киберпреступлений в соответствии со свойствами и характерными особенностями интернет-пространства [4, с. 131].

Одним из факторов, осложняющих проведение следственного осмотра, следует признать огромный массив компьютерной информации, необходимость изучения которой может возникнуть в ходе расследования. Так, согласно подсчетам, сделанным В.Ю. Агибаловым, на осмотр содержимого накопителя на жестких магнитных дисках объемом 1 ТБ, который может содержать до 50 млн страниц в текстовом редакторе Word, потребуется минимум полтора года непрерывной работы [5, с. 103–104].

Таким образом, возникает необходимость изъятия предметов осмотра, которое производится в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 177 УПК РФ.

Объектами, представляющими потенциальную ценность при проведении следственного осмотра, могут являться носители информации, не являющиеся частью другого устройства и реализующие функцию хранения информации в качестве основной.

Наиболее распространенными среди них являются: внешние накопители на жестких магнитных дисках, в том числе подключаемые через

интерфейс USB; оптические носители информации (CD, DVD, Blu-ray диски); карты памяти в различном конструктивном исполнении.

Кроме того, электронными носителями информации являются установленные в средствах вычислительной техники внутренние накопители на жестких магнитных дисках. Именно на таких устройствах, входящих в состав серверов компаний и персональных компьютеров сотрудников, наиболее часто находится информация, представляющая особый интерес для следствия [6, с. 163].

Следует учитывать, что изъятие электронных носителей информации при производстве обыска и выемки в соответствии с требованиями ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ должно производиться с участием специалиста.

По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в обыске или выемке, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации. Копирование информации осуществляется на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации. При производстве обыска не допускается копирование информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации. Электронные носители информации, содержащие скопированную информацию, передаются законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации. Об осуществлении выше описанных действий в протоколе делается запись.

При производстве осмотра места происшествия следователь обязан помнить о том, что на компьютерах могут быть установлены специальные защитные программы, которые без получения в определенный момент специального кода сами приступают к уничтожению информации, что возможен пароль доступа к компьютеру или к отдельным программам, в связи с чем рекомендуется получить доступ к таким паролям и по возможности чтобы они были выданы добровольно [7, с. 147].

В отдельных случаях для обнаружения и фиксации виртуальных следов преступных нарушений неприкосновенности частной жизни необходимо применять специальные аппаратные и технические средства. В соответствии с положениями ч. 3 ст. 180 УПК РФ о применении таких средств должно быть указано в протоколе осмотра.

В ходе расследования уголовных дел, возбужденных по фактам нарушений неприкосновенности частной жизни, совершаемых путем раз-

мещения конфиденциальной информации в сети Интернет, особое значение имеет фиксация визуальной информации.

Форма представления информации, содержащей сведения о частной жизни, – фото- и видеозаписи, аудиозаписи, тексты.

Местами размещения такой информации являются страницы пользователей социальных сетей, форумы, чаты, сайты знакомств и объявлений, порносайты.

По изученным в ходе исследования уголовным делам применялись следующие способы фиксации доказательственной информации из сети Интернет: описание, фотографирование и скриншоты.

Протокольная форма фиксации доказательственной информации реализуется при описании воспринимаемой лицом, производящим осмотр, визуальной информации, местом размещения которой является киберпространство.

В протоколе осмотра отражаются указание ресурса, на котором размещена информация; ссылка, по которой можно обнаружить веб-страницу; наименование (в том числе псевдоним) номинального пользователя веб-страницы; порядок доступа к содержимому веб-страницы; список контактов пользователя веб-страницы; место размещения файла (ссылка на файл) с информацией о частной жизни на веб-странице; вид размещенной информации о частной жизни (фотография, видеозапись, текст, рисунок и т. д.), их количество; описание изображения; описание файла – имя, авторство, расширение имени, атрибуты, временные метки создания, последней модификации, последнего доступа и др.; содержание текстовых сообщений, сделанных владельцем и (или) пользователем страницы в отношении размещенной информации; наличие отметок (комментариев) к размещенной информации других пользователей социальной сети, их данные.

Фотографирование и скриншот применяются для фиксации информации, имеющей доказательственное значение по расследуемому делу в наглядно-образной форме.

Фотографирование осуществляется в соответствии с рекомендациями по криминалистической тактике производства такого рода осмотров с приобщением фототаблиц к протоколу осмотра места происшествия.

Технология скриншота заключается в копировании изображения веб-страницы с экрана монитора операционной системой по команде пользователя. Распечатанные скриншоты прилагаются к протоколу осмотра места происшествия.

В целях предотвращения утраты путем удаления информации, являющейся предметом преступного посягательства, производится ее копирование на оптический диск. В описании к диску указывается: кем, где, когда и при каких обстоятельствах произведено копирование, описание файла.

Указываются лица, присутствовавшие при копировании (поняты, специалист, законный владелец электронных носителей информации), способ упаковки. Делается запись в протоколе осмотра места происшествия.

Таким образом, киберпространство представляет из себя уникальное место совершения преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, особенности которого проявляются в способе совершения преступления, наличии особой следовой картины и должны учитываться в процессе расследования и фиксации доказательств преступной деятельности. На успешность выявления и расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве, значительное влияние будут оказывать техническая грамотность лиц, осуществляющих уголовное преследование, и соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства.

1. Колычева А.Н. Некоторые аспекты фиксации доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия «Экономика и право». 2017. Вып. 2.

2. Смушкин А.Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 8.

3. Мещеряков В.А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Б-ка криминалиста. 2013. № 5.

4. Зверьянская Л.П. Современные проблемы исследования криминалистических особенностей киберпреступлений // Приоритет. науч. направления: от теории к практике. 2015. № 15.

5. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в уголовном процессе и криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010.

6. Осипенко А.Л., Гайдин А.И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2014. № 1.

7. Коломинов В.В. Осмотр места происшествия по делам в сфере компьютерной информации // Сиб. уголов.-процессуал. и криминалист. чтения. 2017. № 3.

УДК 343.985

И.И. Басецкий, В.Д. Янчик

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Науки, интегрированные под шифром 12.00.12, составляют значительную часть юриспруденции Республики Беларусь, где возможно и все чаще необходимо применение алгоритмизации и моделирования как в реальной практике, так и в ходе научных исследований, направленных на ее развитие, повышение эффективности.

Алгоритм (алгорифм (от *algorithmi*, *algorismus*, первоначально – латинская транслитерация имени математика аль-Хорензми) – способ (программа) решения вычислительных и других задач, точно предписывающий, как и в какой последовательности получить результат, однозначно определяемый исходными данными. Алгоритм – одно из основных понятий математики и кибернетики. В вычислительной технике для описания алгоритма используют языки программирования [1, с. 38]. Это способ (программа) решения не только вычислительных и других задач, но и задач экспертно-криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Как в математике и кибернетике, так и в практике противодействия преступности успех зависит от исходных данных. В советский период, особенно до выделения теории оперативно-розыскной деятельности из криминалистики в науку с самостоятельным предметом, нередко происходило преувеличение значения оперативно-розыскных данных как исходных для выдвижения версий, планирования оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий по их проверке. Значение оперативно-розыскных данных и сегодня трудно переоценить, но в реальной современной практике раскрытия и расследования умышленных преступлений, особенно против жизни и здоровья человека, которые имеют необратимые последствия, основными и наиболее точными исходными данными становятся данные специалистов – криминалистов и экспертов, начиная с осмотра места происшествия. При этом алгоритм выступает как способ (программа, план) решения задач раскрытия и расследования преступления. В индивидуальной профилактике, предупреждении, выявлении и пресечении умышленных преступлений среди исходных данных могут преобладать оперативно-розыскные.

Все, что связано с термином «алгоритм» в теории и практике противодействия преступности неизбежно приведет к понятию «модель» (франц. *modele*, от лат. *modulus* – мера, образец) – 1) образец (эталон, стандарт) для массового изготовления каких-либо изделий или конструкций, тип, марка изделия; 2) изделие (из легкообрабатываемого материала), с которого снимается форма для воспроизведения (например, посредством литья) в другом материале; разновидность таких моделей – лекала, шаблоны и др.; 3) позирующий художнику натурщик или изображаемые предметы (натура); устройство, воспроизводящее, имитирующее строение и действие кого-либо другого «моделируемого» устройства в научном производстве (при испытаниях) или спортивных целях; 5) в широком смысле – любой образ, аналог (мысленный или условный; изображение, описание, схема, чертеж, график, план, карта

и т. п.) какого-либо объекта, процесса или явления («оригинала» данной модели), используемый в качестве его «заместителя», «представителя»; 6) в математике и логике моделью какой-либо системы аксиом называют любую совокупность (абстрактных) объектов, свойства которых и отношения между которыми удовлетворяют данным аксиомам, служащим тем самым совместным (неявным) определением такой совокупности; 7) в языкознании абстрактное понятие эталона или образца какой-либо системы (филологической, грамматической и т. п.), представление самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общая схема описания системы языка или какой-либо его подсистемы и моделирование – исследование каких-либо явлений, процессов или систем объектов путем построения и изучения их моделей; использование моделей для определения или уточнения характеристик и рационализации способов построения вновь конструируемых объектов. На идее моделирования по существу базируется любой метод научного исследования – как теоретический (в котором используются различного рода знаковые, абстрактные модели), так и экспериментальный (использующий предметные модели) [1, с. 606]. Рассматривая понятие модели в широком смысле как любой образ, аналог (мысленный или условный; изображение, описание, схема, чертеж, график, план, карта и т. п.), мы моделирование расцениваем как использование моделей для определения или уточнения характеристик рационализации способов построения вновь конструируемых объектов.

Поскольку, как справедливо отмечает А.Е. Гучок, «планомерность приращения нового научного знания есть один из принципов современной науки... движение познания от творческого замысла до решения конкретной задачи должно рассматриваться как процесс целенаправленный и плановый... модель решения исследовательских задач криминалистики вполне можно представлять как своеобразную программу по получению нового научного знания и разработке методов и средств поисково-познавательной деятельности в уголовном процессе. В рамках названной программы последовательно определяются цели, задачи, объект и предмет исследования, субъекты научно-познавательной деятельности, система методов и средств, решения конкретной задачи, этапы достижения целей, последовательность деятельности» [2, с. 68].

Моделирование в социально-экономической сфере в суверенной Беларуси начало исследоваться в 2002 г. [3, с. 57–65], а к разработке моделирования процессов решения исследовательских задач криминалистики, а также методики экспертно-криминалистического сопровождения расследования отдельных видов преступлений А.Е. Гучок настойчиво

и последовательно «шел» более 15 лет. Началось все также, как и у М.В. Мясниковича, в 2002 г. рассмотрением методологических основ разработки комплектов технико-криминалистических средств, затем – сущности технического творчества в криминалистике, методологических предпосылок формирования учения о криминалистической структуре преступления, криминалистической структуры, моделирования криминальных событий обеспечения криминалистической экспертизы, принятия решения в пользу криминалистической структуры преступления вместо криминалистической характеристики, а с 2010 г. – современных подходов моделирования процесса расследования преступлений, основ криминалистического учения о материальной структуре преступления, моделей и моделирования решения исследовательских задач криминалистики, методики, экспертно-криминалистического сопровождения расследования отдельных видов преступлений.

В письме ВАК Беларуси на имя руководителей учреждений высшего образования юридического профиля от 23 октября 2017 г. «О номенклатуре специальностей научных работников Республики Беларусь» по юридической отрасли науки предложено сообщить свое мнение о возврате к уголовному процессу в специальность 12.00.09 криминалистики, судебно-экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности.

Научные и практические сотрудники системы МВД Республики Беларусь, известные ученые в области оперативно-розыскной науки и криминалистики, судебно-экспертной деятельности в большинстве своем (около 70 % из 300 опрошенных) поддерживают предложение ВАК, и многие готовы принять участие в разработке паспорта научной специальности.

Приступая к комплексному исследованию на тему «Оперативно-розыскное и экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования умышленных преступлений против жизни и здоровья человека», мы на уровне научной гипотезы представляем возможность разработки моделей: теоретико-правового обеспечения раскрытия и расследования умышленных убийств и тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего; оперативно-розыскного обеспечения данного процесса; экспертно-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования умышленных преступлений против жизни и здоровья человека.

1. Универсальный энциклопедический словарь. М., 1999.
2. Гучок А.Е. Моделирование процессов решения исследовательских задач криминалистики // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D, Экон. и юрид. науки. 2012. № 13.
3. Мясникович М.В., Пузилов В.В. Модель обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь // Белорус. экон. журн. 2002. № 3.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

История развития компьютерной преступности и теоретических взглядов на отмеченное явление не единожды рассматривалась в научных трудах отечественных и зарубежных исследователей. Полученные результаты сохраняют свою значимость и в настоящее время. Вместе с тем содержащиеся в них выводы не всегда позволяют в полной мере решать проблемы расследования рассматриваемых преступлений, отдельные сформулированные положения остаются дискуссионными, в некоторых случаях не актуальными либо требуют дальнейшей разработки и теоретического обоснования. Сохраняющаяся высокая латентность данных преступлений, увеличивающийся причиняемый ущерб свидетельствуют о необходимости разработки актуальных рекомендаций, направленных на предупреждение данных хищений, а также на повышение эффективности и качества их расследования. На наш взгляд, решение данной задачи во многом связано с тщательным анализом работ предшественников, которые закладывали фундамент основ методики расследования хищений с использованием компьютерной техники.

Детальный анализ литературных источников по рассматриваемой проблеме позволяет выделить следующие основные направления, по которым осуществлялись криминалистические исследования, касающиеся хищений путем использования компьютерной техники: 1) исследования в области методики расследования хищений с использованием компьютерной техники; 2) исследования методики расследования преступлений в сфере информационной безопасности (ст. 349–355 УК Республики Беларусь и их аналоги в других странах); 3) исследования проблем использования специальных знаний в процессе расследования хищений с использованием компьютерной техники или (и) в ходе расследования преступлений против информационной безопасности; 4) исследования особенностей тактики следственных действий в ходе расследования хищений с использованием компьютерной техники.

Исследования теоретических основ расследования хищений с использованием компьютерной техники активно начали проводиться в начале 2000-х гг. Так, в монографии «Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их

реквизитов» В.Б. Вехов, исследуя теоретические аспекты методики расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов, дает рекомендации по организации расследования преступлений данного вида, тактике производства отдельных следственных действий, взаимодействию следователей с органами дознания и специалистами. Кроме того, проблемам расследования краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов, посвящено диссертационное исследование А.Д. Тлиша «Проблемы методики расследования преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых с использованием компьютерных технологий и пластиковых карт». Дальнейшее развитие указанного направления исследования нашло свое отражение в монографии М.Н. Филиппова «Особенности расследования краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов».

Диссертационные работы российских исследователей Р.С. Атаманова, И.Е. Мазурова и В.В. Коломинова посвящены методике расследования уголовных дел, связанных с хищением путем использования компьютерной информации и интернет-технологий. При этом особенности функционирования информационной системы, обстановки совершения преступлений, их способов, личности преступников, организационно-тактических особенностей расследования, механизм слепообразования, а также особенности проведения наиболее важных следственных действий, использования специальных знаний рассматриваются Р.С. Атамановым и И.Е. Мазуровым на основе разработанной ими криминалистической характеристики, а В.В. Коломиновым информационной модели механизма совершения преступления.

При этом следует иметь в виду, что до 2012 г. в УК РФ не была предусмотрена отдельная норма, устанавливающая уголовную ответственность за какие-либо формы хищения, совершаемые в сфере компьютерной информации и (или) с использованием электронных средств платежа. В этой связи многие аспекты методики расследования хищений с использованием компьютерной техники изучали совместно с преступлениями, совершаемыми в сфере компьютерной информации, часто не учитывая их специфику. Более того, несмотря на комплексность и многосторонность проведенных исследований, не в полной мере отражены способы совершения таких преступлений и другие элементы структуры частной криминалистической методики.

Представляют также интерес исследования методики расследования преступлений в сфере информационной безопасности (ст. 349–355 УК Республики Беларусь и их аналоги в других странах), так как в многих работах наряду с названными вопросами исследуются отдельные аспекты методики расследования хищений с использованием компьютерной техники.

Одной из первых значимых работ, посвященных отдельным аспектам борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации, можно назвать монографию В.Б. Вехова «Компьютерные преступления. Способы совершения. Методики расследования». В работе автор дает свое определение компьютерных преступлений, рассматривает элементы криминалистической характеристики, способы совершения компьютерных преступлений, их предупреждения, а также приводит конкретные примеры практики их раскрытия и расследования.

В указанном направлении проводил свои исследования и В.В. Крылов, предложив методику расследования информационных компьютерных преступлений. Позже в докторской диссертации «Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации» указанные и другие положения получили свое развитие.

В 2000 г. Ю.В. Гаврилин провел диссертационное исследование, в котором исследовал элементы криминалистической характеристики неправомерного доступа к компьютерной информации, разработал классификацию способов совершения данного преступления, изучил данные о способах его сокрытия, орудиях и средствах совершения. В дальнейшем исследователем в 2009 г. в числе первых в российской юридической науке на уровне диссертационного исследования «Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы» была проведена комплексная разработка концепции, теоретических, организационно-тактических и методических основ расследования преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики. Немаловажное значение имеет описанный автором круг преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики, а также данные, характеризующие отдельные элементы криминалистической характеристики исследуемых преступлений, поскольку в них рассматриваются вопросы расследования преступлений против собственности (мошенничество, кражи и т. д.).

В 2002 г. В.А. Мещеряков в монографии «Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования» детально исследовал способы подготовки, совершения и сокрытия следов преступлений в сфере компьютерной информации, а также элементы криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации.

Представляют интерес научные исследования, в которых авторами рассматриваются отдельные элементы криминалистической характеристики, типичные следственные ситуации возникающие в процессе расследования, особенности тактики отдельных следственных и розыскных действий по делам данного вида. Так, в диссертационном исследовании

«Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ» В.А. Милашев делает акцент на механизме слеодообразования и криминалистических приемах обнаружения, фиксации, изъятия оставленных следов в ходе расследования неправомерного доступа к компьютерной информации.

Р.А. Белевский в диссертационном исследовании «Методика расследования преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации в сетях ЭВМ» обратил внимание на программы расследования рассматриваемых преступлений на стадии возбуждения, первоначальном и последующем этапах расследования уголовного дела, В.В. Поляков наряду с традиционными элементами методики особое внимание обратил на предупреждение указанных преступлений.

Из белорусских исследователей следует отметить исследования, проведенные В.Е. Козловым «Теоретико-прикладные аспекты первоначального этапа расследования компьютерных преступлений» и А.Н. Лепехиным «Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против информационной безопасности». Авторы предлагают рекомендации о порядке и тактике различных следственных действий (осмотр места происшествия, обыск, выемка, следственный эксперимент, допрос, назначение и проведение экспертиз) в ходе расследования преступлений в сфере информационной безопасности. Кроме того, исследуют и другие элементы структуры частной криминалистической методики расследования киберпреступлений.

Расследованию киберпреступлений также посвящено учебное пособие «Организация расследования преступлений в сфере высоких технологий», подготовленное коллективом авторов Академии МВД Республики Беларусь, в котором в том числе рассматриваются современные проблемы борьбы с хищениями путем использования компьютерной техники, организации расследования исследуемых хищений, в частности совершаемых с использованием платежных карт, а также даются рекомендации по проведению значимых следственных действий.

В монографии «Преступления в сфере компьютерной информации: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы» В.М. Быков и В.Н. Черкасов исследуют элементы криминалистической характеристики, специфику расследования преступлений в сфере компьютерной информации, рассматривают имеющиеся проблемы тактики проведения осмотра места происшествия, обыска и выемки, допроса и назначения экспертиз при расследовании данных уголовных дел. В диссертационном исследовании «Методика расследования создания и использования вредоносных программ для ЭВМ» М.М. Манжега исследовались элементы криминалистической характеристики создания, использования и распространения вредоносных программ для ЭВМ.

О.П. Грибунов и М.В. Старичков в учебном пособии «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий» рассматривают вопросы практической реализации методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий. Кроме того, авторы описывают формы и виды специальных знаний, применяемых при расследовании таких преступлений, затрагивают проблемные вопросы назначения и производства компьютерно-технической экспертизы, исследуют формы и виды международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью.

Хотелось бы отметить, что многие методы, способы и программно-технические средства, используемые при совершении преступлений в сфере информационной безопасности, применяются и в процессе совершения хищений с использованием компьютерной техники. В связи с чем, по нашему мнению, вышеуказанные научные исследования и рекомендации также имеют значение и для расследования исследуемых хищений.

Также проводился ряд исследований проблем использования специальных знаний в процессе расследования хищений с использованием компьютерной техники или (и) в ходе расследования преступлений против информационной безопасности. Исследования в этом направлении представляют для нас интерес и важность прежде всего с позиций подготовки и назначения судебных экспертиз в ходе расследования таких преступлений и участия специалистов в ходе проведения следственных действий по рассматриваемым преступлениям. Данные аспекты отражены в диссертационных исследованиях А.В. Нарижного, А.И. Усова, А.А. Васильева, Е.Р. Росинской, А.И. Семикаленовой и иных исследователей. Вместе с тем ряд вопросов остаются малоизученными. В связи со стремительностью развития сферы высоких технологий, постоянным совершенствованием способов хищений, носящих порой международный характер, они требуют актуализации совершенствования и адаптации применительно к расследованию хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники.

В связи со спецификой и сложностью расследования хищений, совершаемых с использованием компьютерной техники, вопросам тактики проведения следственных действий посвящен ряд отдельных исследований. В связи с относительной простотой уничтожения важной компьютерной информации и в то же время сложностью ее отыскания, фиксации, изъятия, а в некоторых случаях восстановления, мгновенностью исполнения тех или иных команд и операций, спецификой программно-технических средств и приемов их работы, а также самого киберпространства, его постоянным развитием обязывают следователей постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство в сфере высоких технологий. На данный момент имеется необходимость в актуализации существующих, а в некоторых случаях в разработке новых рекомендаций по тактике

проведения следственных действий в ходе расследования рассматриваемых преступлений. Из исследований в данном направлении следует отметить работы Л.Б. Красновой, М.В. Гаврилова, С.В. Пропастина, Е.С. Шевченко, Б.Я. Гаврилова и др. Авторы дают практические рекомендации по тактике проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и информационных технологий (осмотр места происшествия, электронных носителей и информации на них, допрос, обыск, выемка и др.).

Таким образом, вопросы методики расследования хищений с использованием компьютерной техники, как правило, подвергались исследованию в совокупности с методикой расследования преступлений против информационной безопасности, их содержание носит достаточно общий характер и не в полной мере отражает специфику расследования хищений, совершенных с использованием компьютерной техники. Если на первоначальном этапе такой подход являлся обоснованным, то в настоящее время следственная практика нуждается в конкретных научно обоснованных рекомендациях. На наш взгляд, детальному исследованию подлежат элементы криминалистической характеристики хищений с использованием компьютерной техники, особенности возбуждения уголовного дела, особенности планирования расследования и тактики проведения следственных действий и другие вопросы в ходе расследования преступлений данного вила. Появление новых программно-технических средств, усложнение схем и способов совершения киберпреступлений, изменение законодательства в данной сфере, разработка и внедрение цифровой экономики в Республике Беларусь позволяют также говорить о необходимости совершенствования методики расследования хищений с использованием компьютерной техники.

УДК 34.08

А.Д. Белоусов

СТРУКТУРА СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ ДЕСТРУКТИВНЫХ ВЛИЯНИЙ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Детальный анализ общения в социальных сетях и закрытых чатах, а также аудиовизуального контента, размещаемого на интернет-ресурсах, активно посещаемых несовершеннолетними пользователями, позволяет выявить систему преднамеренных деструктивных информационных воздействий на психическое развитие несовершеннолетних.

В результате планового исследования, проведенного в ФГКУ «ВНИИ МВД России» в 2018 г., был вскрыт комплекс данных влияний на отдельные уровни личности несовершеннолетних; систематизировано последующее формирование у данной аудитории мотивов отдельных видов деструктивных, асоциальных и преступных действий; выявлены признаки умышленности данных разрушающих воздействий; описана иерархическая структура рассматриваемой общественно опасной деятельности.

Последнее направление исследований заслуживает подробного рассмотрения, так как может служить научным обоснованием для совершенствования уголовного законодательства на предмет введения соответствующей ответственности не только за очевидную стадию деструктивных влияний на психическое и физическое благополучие несовершеннолетних, но и за промежуточные этапы стройной системы данных разрушительных воздействий в сети Интернет.

Как показывает практика, часто наличие организованной сети на интернет-пространстве, которая вовлекает детей и подростков в занятия деструктивного характера, можно обнаружить путем сведения воедино отдельных аккаунтов социальных сетей через списки друзей, подписки на обновления, сообщества для онлайн-общения, чаты. Так, в частности, была выявлена схема сети по производству и распространению детской порнографии [1].

Кроме того, с использованием психологических знаний, анализируя онлайн-коммуникацию, можно выделить аккаунты, с которых одновременно осуществляется общение в закрытых чатах и активное эмоциональное влияние тенденциозным контентом на их ленте новостей.

Нами распознана трехуровневая структура подобной сети (число уровней может меняться), которая приводится ниже, с характеристикой каждого уровня как общественно опасного деяния.

1. Базовый уровень. «Идеологи».

Объектом действий данных лиц, очевидно, являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность и общественный порядок в стране.

В объективной стороне усматриваются такие признаки, как разработка системы и стратегии деструктивных влияний, высокопрофессионального контента для воздействия на пользователей сети; распространение деструктивных идей в информационном пространстве; вербовка среднего звена сети; создание рынка по торговле деструктивным контентом.

Субъектом данных мероприятий являются взрослые лица, обладающие глубокими и широкими профессиональными компетенциями в сфере социологии, психологии, психиатрии, медицины, IT-сфере и т. п. Свою деятельность они осуществляют, очевидно, за пределами юрисдикции Российской Федерации.

Субъективная сторона. Принимая во внимание масштаб, последовательность и профессионализм совершаемых действий этим звеном, следует предполагать наличие у данных лиц цели психологически и нравственно разложить общество, руководствуясь при этом мотивом достижения смены власти в стране и содействия созданию однополярного мира.

Несомненно, эти действия носят умышленный и заранее обдуманый характер.

2. Средний уровень. «Кураторы».

Учитывая масштаб деятельности, размер аудитории и организованность преступной активности лиц данного уровня, объектом их деяний, очевидно, являются общественные отношения, характеризующие безопасность здоровья населения, а также нравственные основы общества; общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое, умственное, нравственное, духовное развитие и воспитание несовершеннолетнего, его права и законные интересы; общественные отношения, обеспечивающие охрану интересов семьи и несовершеннолетних. В частности, их деструктивным действиям подвергается психическое и физическое благополучие участников интернет-сообществ.

В деятельности, направленной на склонение к совершению суицида, объектом их общественно опасных деяний становится жизнь человека.

В объективной стороне усматриваются такие признаки, как создание в социальных сетях фейковых страниц и привлечение большого числа подписчиков; в создаваемых и курируемых группах поддержание принципов и применение технологий, характерных для тоталитарных сект; распространение деструктивного контента; вербовка и обучение нижнего звена (в суицидальных группах, так называемой «школоты»); организация резонансных деструктивных акций несовершеннолетних; личное доведение несовершеннолетнего онлайн-собеседника до самоубийства.

Субъектом данных деяний чаще являются лица, достигшие 16-летнего возраста.

Примерами личности такого типа могут быть некий Будейкин («Лис»), «Глас» [2] – «кураторы» групп суицидальной направленности [3], Всеволод Рудашевский («Бо») – согласно публикации в СМИ организатор тоталитарного сообщества по вовлечению девочек в занятия проституцией [4].

Их мотивируют собственные личностные комплексы, являющиеся отголосками ранних семейных факторов, неудовлетворительных детско-родительских отношений. Очевидно, типичен садистско-мазохистский комплекс личности, на который указывает холодная и авторитарная манера общения, пониженная эмоциональность, отсутствие

сострадания, жизненная философия, служащая самооправданию своих преступных действий в отношении, в частности, некой малой группы лиц, заслуживающей уничтожения.

Так, подростков, ищущих способы ухода из жизни, они называют неадекватными, биомусором и т. п. Кроме этих пользователей они объединяют в число лиц, достойных смерти, тех, кто ранее признавался, например, в том, что мучал животных или состоял в группах сатанистов и т. п.

Их привлекает нереализованная в реальной жизни возможность манипулировать другими людьми. Из материалов задержаний некоторых администраторов «групп смерти» следует, что в их жилище найдена соответствующая литература по психологии влияния (необходимо отметить, что литература непрофессиональная, публицистическая, низкой практической ценности). Даже после задержания и соответствующей психологической реабилитации, они предпочитают в дальнейшем профессиональную деятельность психолога, так как она также позволяет контролировать людей [5].

Они патологически тщеславны. Многие свои действия объясняют «желанием попиариться», ведут счет количеству «пользователей», доведенных до самоубийства, не терпят возражений и легко раздражаются даже на незначительную провокацию. «Кураторы», не скрывающие своих целей, выбирают себе говорящие никнеймы (никнейм – сетевое имя, псевдоним, используемый пользователем в сети Интернет, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах), например: Анубис, Глас, Лис, Море, Тяжко, Свобода, Рейх и т. п., а также в соответствующем стиле оформляют свою страничку в социальной сети.

Одновременно с этим они признают главенство и всевластие над собой неких абстрактных высших сил или самой природы. Задержанные правоохранительными органами, они ведут себя испуганно, разговаривают тихим и дрожащим голосом, находятся в позе подчинения или, напротив, преувеличенно независимого положения.

Таким образом, они поочередно разыгрывают роли то взрослого садиста, то унижаемого ребенка, зафиксированные в раннем детстве. Имеющиеся биографические данные задержанных «кураторов» подтверждают это.

В их словах и поведении просматривается собственный высокий страх смерти. На это же указывают видеоматериалы задержаний некоторых «кураторов» «групп смерти», в которых показаны их собственные рисунки депрессивно-суицидальной тематики. Таким образом, одним из мотивов их деятельности является так называемая «смещенная» на других людей реакция по контролю смерти, вынесению решений – жить им или умереть.

Например, в истории некоей бывшей «кураторши» Киры имелись две попытки суицида, закончившихся реанимацией. На теле имеются следы членовредительства – порезов [5].

Кроме того, внешнее наблюдение за «кураторами» по видеозаписям их интервью прессе позволяет говорить об их серьезных внутриличностных конфликтах, что ведет к повышенной тревожности и неуверенности, требующих компенсации доступными средствами. В целом психика неустойчивая, это личность невротического типа с симптомами фобий, навязчивостей, проблемами социализации в реальном мире. Отсутствие собственных личностных смыслов, нигилизм вызывают в них стремление дискредитировать деятельность, имеющую смысл для других.

Пример из интервью «кураторши» суицидальной группы: «Я поняла, что люди охотно воспринимают мои советы и я могу в определенной степени манипулировать ими. А после того как в школе меня начали гнобить, я ещё плотнее углубилась в эту тему. Стала придумывать собственные игры и задания, основываясь на опыте Моревой и других „кураторов“. Потому что мне надо было куда-то свою злость деть» [5].

Субъективная сторона. Очевидно, целью данных лиц является осуществление непосредственного контроля над членами деструктивных сообществ, а также побуждение к совершению убийств и самоубийств. Согласно результатам исследований здесь усматривается мотив удовлетворить свое тщеславие и другие низменные побуждения. В ряде случаев прослеживается и корыстный мотив.

Эти действия характеризуются прямым и заранее обдуманым умыслом.

3. Нижний уровень. «Любители».

Объектом их общественно опасных деяний, очевидно, являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное физическое, умственное, нравственное, духовное развитие и воспитание несовершеннолетнего, его права и законные интересы; общественные отношения, обеспечивающие охрану интересов семьи и несовершеннолетних, а также в случае деятельности по склонению к суициду – жизнь человека.

В объективной стороне усматриваются такие признаки, как распространение деструктивного контента; поиск и отбор новых участников деструктивных сообществ, а также подростков готовых и «пригодных» к переходу к личному общению с «куратором»; вовлечение в деструктивные действия начальными заданиями из всей системы этапов; личное доведение несовершеннолетнего онлайн-собеседника до самоубийства.

О субъекте данных общественно опасных деяний, очевидно, следует говорить как о лице, достигшем 16-летнего возраста.

Примерами таких лиц могут быть категории «школоты» [5] в «группах смерти» и «морды», «беженки», «симпотки» [4] в тоталитарном обществе для развращения несовершеннолетних девочек.

Пополнение рядов данной категории осуществляется из обычных адептов деструктивных сообществ, которые зарекомендовали себя склонностью к самостоятельному контролю над остальными участниками и беспрекословным исполнением поручений «кураторов».

В целом это психотип внушаемый, ведомый и зависимый с ярким проявлением подражательства. В невротической картине прослеживается мазохистский тип, стремление угождать, но и возвышаться над низжестоящими по рангу людьми.

В ситуации суицидальных групп обычные подростки принимают на себя образ «куратора», не отдавая себе в полной мере отчета о психологическом содержании и правовых последствиях своих действий. По наблюдениям значительную часть из них составляют школьники старших классов и студенты учреждений высшего образования, имеющие психоэмоциональные проблемы, трудности в адаптации, в планировании своего времени, сложные семейные обстоятельства, дефицит родительского контроля. В остальном их личностные проблемы вполне соответствуют типичным возрастным затруднениям. Эпатаж и повышение самооценки является, очевидно, их основными мотивами участия в данных сообществах.

Субъективная сторона. Изучение практики показывает, что целью данных лиц является отбор и вовлечение адептов в деструктивные группы. Мотивом чаще всего является подчинение авторитету сообщества, зарабатывание денег на продаже контента и подтвержденных случаев причинения несовершеннолетним пользователям психического или физического вреда, а также удовлетворение своего тщеславия и других низменных побуждений.

В действиях этих, не всегда взрослых лиц усматривается косвенный умысел, за исключением ситуаций их прямой заинтересованности в получении вознаграждения за наступление общественно опасных последствий.

В целом представленные элементы криминалистической характеристики данных общественно опасных деяний носят предварительный характер и требуют дополнительного осмысления и уточнения. В то же время они могут являться той моделью, на основании которой следует изучать феномен злонамеренных интернет-влиятельных, имея целью разработку мероприятий их профилактики и пресечения.

1. Сергеева Е. «Покажи себя, девочка». Как педофилы вербуют наших детей в Сети. URL: <https://life.ru/895315> (дата обращения: 12.08.2018).

2. Группа «Не играй» в социальной сети «Фейсбук». 2017. 22 окт. URL: <https://www.facebook.com/groups/1145392865586771/> (дата обращения: 12.08.2018).

3. Вся правда о суицидальных группах «ВКонтакте» и подростковых самоубийствах. Расследование «Ленты.ру». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7eU59-wk37I> (дата обращения: 12.08.2018).

4. Подольская О. «Великий Бо. Как извращенец делает из подростков секс-рабов». URL: <https://life.ru/922595> (дата обращения: 12.08.2018).

5. Кочегаров П. «Мне нравилось их контролировать». Исповедь куратора «групп смерти». URL: <https://life.ru/1128255> (дата обращения: 12.08.2018).

УДК 343.98.06

А.А. Бессонов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ (BIG DATA) В РОССИЙСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Объем информации, хранящейся и обрабатываемой в интернете, уже давно измеряется в зеттабайтах (что составляет триллионы гигабайтов), причем в последнее время каждые полтора года он удваивается. Треть этой информации находится в облачных хранилищах. По состоянию на октябрь 2018 г. в виртуальном пространстве содержится не менее 4,43 млрд страниц. Число пользователей интернетом составляет более половины человечества, а количество используемых ими устройств для работы с цифровой информацией исчисляется десятками миллиардов. Ежегодный прирост мобильных приложений превысил миллион. Ежесекундно отправляются более 2 млн электронных сообщений и делаются более 40 тыс. поисковых запросов в Google [1]. Компьютеры, планшеты, смартфоны, «умные» города, дома и автомобили стали неотъемлемым атрибутом современной жизни. И это далеко не полный перечень показателей, отражающих масштаб проникновения цифровых технологий и больших данных (Big Data) в нашу жизнь.

Все это закономерно детерминировало появление и формирование отдельного научного направления, занимающегося изучением и разработкой методов и средств работы с большими данными.

Результатом автоматизации деятельности по расследованию и профилактике преступлений явилось накопление огромных массивов самой разной криминалистически значимой информации. Например, в дактилоскопической идентификационной системе на базе ГИАЦ МВД России по состоянию на 2014 г. содержалось более 47 млн дактилокарт [2, с. 4], а по состоянию на октябрь 2018 г. – уже в 1,5 раза больше. В практике расследования преступлений большие массивы информации также представлены исчисляемыми десятками тысяч данными о коммуникации абонентских устройств, систем фиксации государственных регистрационных знаков транспортных средств, финансовых транзакциях

и т. п., используемыми для установления конкретного лица, причастного к совершению определенного преступления либо их серии.

В этой связи нет ничего удивительного в том, что сегодня ни одна конференция по криминалистике не проходит без рассмотрения вопросов использования цифровой информации и технологий работы с ней в расследовании преступлений. Одновременно растет количество уголовных дел, в которых фигурируют электронные устройства, получение интернет-информации и анализ массивов разных сведений. Однако научных исследований об использовании больших данных в российской криминалистике, расследовании преступлений и судебно-экспертной деятельности практически нет.

В то же время некоторыми вопросами математизации и автоматизации использования криминалистической информации на основе кибернетических технологий, развития криминалистических информационных систем, призванных осуществлять обработку криминалистически значимой информации, в 80-х гг. прошлого века занимались российские ученые-криминалисты В.Я. Колдин и Н.С. Полевой [3, 4]. Уже в этом столетии внимание разработке ряда методов машинного обучения применительно к электронной криминалистической характеристике убийств уделили К.А. Нелюбин [5], В.Ю. Толстолицкий [6, с. 377–385], П.Ю. Фесик [7]. В европейской, североамериканской, азиатской научной литературе этот вопрос разработан более глубоко и в основном связан с профилактикой преступности и выявлением серийных преступных деяний и преступников.

В этой связи начать следует, пожалуй, с выяснения того, какая же именно информация из всего массива больших данных в настоящее время востребована криминалистикой. Представляется, что условно ее можно разделить на две группы данных: 1) соответствующих предмету криминалистики и имеющих значение для развития составляющих ее содержание научных знаний (научной направленности); 2) необходимых для успешного расследования преступлений, осуществления судебно-экспертной деятельности и криминалистической профилактики преступных деяний (практической направленности).

Исходя из этого для криминалистики имеют значение те большие данные, которые по своему содержанию позволяют достигать цели и решать задачи, стоящие перед ней как наукой, а также практикой, в которой применяются ее результаты и достижения. Такие данные целесообразно именовать криминалистически значимыми. При этом специфика больших данных в криминалистике заключается в том, что они всегда находятся в контексте преступной деятельности: для науки – это множество преступлений, как правило, определенного вида, следы преступле-

ния, а для практики – конкретное расследуемое преступление или серия преступных деяний.

Источниками этих данных прежде всего выступает информация, содержащаяся в сети Интернет и связанной с ней инфраструктуре, в компьютерных сетях ограниченного пользования (например, автоматизированные оперативно-разыскные и криминалистические учеты, государственные автоматизированные базы данных), на цифровых технических средствах (компьютеры, планшеты, мобильные телефоны, жесткие диски, CD и т. п.), в массивах научно-исследовательской информации.

В некоторых случаях для получения такой информации требуется соблюдение установленного законом порядка, поскольку она содержит персональные данные граждан, сведения, относящиеся к охраняемой законом тайне.

На основе содержащихся в больших данных информации в криминалистике и деятельности по ее практическому применению осуществляется построение моделей объектов, явлений, процессов; формирование выводных знаний, имеющих научное и уголовно-процессуальное значение (определение терминов, выдвижение криминалистических версий и т. п.); принятие значимых для теории и практики решений.

Учитывая специфику криминалистической науки, деятельности по расследованию преступлений и проведению судебных экспертиз субъектом построения моделей, формирования выводов и принятия решений всегда является человек. Поскольку составляющая большие данные информация ввиду ее большого объема, часто неструктурированности, цифровой формы своего бытия трудна для восприятия человеком, требуется ее трансформация определенными методами в доступные для ее субъекта формы.

Общепризнанными методами работы с большими данными (Data Mining) выступают методы математики и статистики: линейная и логистическая регрессия, кластерный анализ, нейронные сети, байесовская классификация, метод деревьев решений и др. [8, с. 17–22].

Наиболее удобной и приемлемой формой использования этих методов является их объединение в информационно-аналитические комплексы, позволяющие собирать и анализировать большие массивы данных (например, IBM i2 Analyst's Notebook, Microsoft Cortana Analytics и др.). Причем применение этих методов в рассматриваемых сферах научной и практической деятельности является целесообразным независимо от объема информации.

Таким образом, использование больших данных в криминалистике представляет собой их трансформацию методами математики и статистики в доступные для интерпретации и использования рабочие криминалистически значимые модели, выводы и решения.

Цель использования больших данных в криминалистике заключается в поиске в больших объемах информации неочевидных, объективных и полезных для использования в этой науке, практике расследования преступлений и судебно-экспертной деятельности закономерностей и конкретных фактов.

Неочевидность закономерностей и фактов заключается в том, что стандартными методами обработки информации они выявлены быть не могут, а их объективность состоит в соответствии реальности действительности [3, с. 9], отражением которой выступают собственно большие данные. С точки зрения криминалистики полезность представляют большие данные, потенциально содержащие криминалистически значимую информацию, являющуюся таковой, поскольку она позволяет решать задачи криминалистики как науки, а также деятельности по расследованию преступлений и проведению судебных экспертиз.

Очевидно, что наибольший эффект использования больших данных в криминалистике может быть достигнут при объединении усилий ученых-криминалистов и специалистов по поиску и обработке таких данных. Что касается последних, то ощущается явный недостаток в их присутствии применительно к сфере криминалистической науки, деятельности по расследованию преступлений, судебной-экспертизы.

В схеме работы с большими данными в криминалистике возможно выделить следующие компоненты: их источник; субъекты их получения, обработки, оценки и использования; программно-аналитические комплексы и различные компьютерные программы для работы с ними.

Роль субъекта работы с такими большими данными заключается, во-первых, в поиске их источника, сборе (например, изучение уголовных дел, мониторинг интернет-ресурсов), в необходимых случаях – в их получении в установленном законом порядке, во-вторых, в их обработке с использованием программно-аналитических комплексов и других компьютерных программ, в-третьих, в выявлении криминалистически значимых закономерностей и фактов, в оценке их значимости для решения задач криминалистики, в-четвертых, в использовании новых знаний для построения криминалистически значимых моделей объектов, явлений, процессов; формирования выводов; принятия решений.

В качестве перспективных направлений использования больших данных в криминалистике возможно выделить следующие:

поиск скрывшихся от следствия и суда преступников, а также без вести пропавших граждан, в том числе по их активности в сети Интернет (например, в социальных сетях под вымышленными данными);

анализ информации из разных источников для получения криминалистически значимых для расследования преступлений сведений: от

операторов связи о соединениях абонентов и абонентских устройств, из мобильных устройств и компьютеров, из систем фиксации государственных регистрационных знаков транспортных средств, от банков и иных кредитных организаций о совершенных финансовых транзакциях, из систем видеонаблюдения, из компьютерных сетей и систем;

поиск и анализ информации, позволяющей выявлять, расследовать и предупреждать киберпреступления;

анализ криминалистически значимых признаков совершенных преступлений для идентификации из них тех, которые составляют серию, приоритизация уже выявленных подозреваемых по отношению к нераскрытым преступлениям;

изучение закономерностей преступной деятельности в целях последующего создания типовых криминалистических характеристик преступлений для их использования в машинном обучении и построения технологий прогнозирования (криминалистические версии, поисковый портрет преступника и т. п.) на основе искусственного интеллекта;

исследование массивов следовой информации человека для выявления криминалистически значимых признаков и закономерностей, позволяющих осуществлять криминалистическую классификацию и диагностирование;

разработка новых и совершенствование существующих информационно-аналитических программных комплексов для работы с большими данными в целях получения криминалистически значимой информации.

Изучение возможностей использования больших данных и технологий работы с ними в криминалистике открывает новые горизонты для дальнейшего развития этой науки и ее практического применения с учетом реалий сегодняшнего дня. В этой связи в настоящее время актуальным является проведение конференций, круглых столов и других научных мероприятий, посвященных этому вопросу.

1. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2015/09/30/big-data-20-mind-boggling-facts-everyone-must-read/#73eb4c9617b1> ; <https://www.innoros.ru/publications/analytics/16/obem-dannykh-v-internete> ; <http://www.worldwidewebsite.com> (дата обращения 01.10.2018).

2. Самищенко А.С. Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

3. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М., 1985.

4. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. 2-е изд. М., 1989.

5. Нелюбин К.А. Программирование и алгоритмизация установления лица, совершившего убийство (по материалам Свердловской области) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

6. Толстолицкий В.Ю. Криминалистическая характеристика – система признаков и набранная по ним электронная база уголовных дел // Юридическая наука в Республике Мордовия : межвуз. сб. научн. тр. Саранск, 2012. Вып. 2.

7. Фесик П.Ю. Технология использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

8. Воронова Л.И., Воронов В.И. Big Data. Методы и средства анализа : учеб. пособие. М., 2016.

УДК 343.98

П.Л. Боровик

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕСКОНТАКТНОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ИНТЕРНЕТЕ

Анализ уголовной статистики свидетельствует, что начиная с конца XX в. по настоящее время на территории стран постсоветского пространства наблюдается устойчивый рост одной из наиболее опасных форм антисоциального поведения людей – незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотические средства). Эти уголовно наказуемые деяния не только представляют серьезную угрозу для здоровья и благополучия людей, оказывая негативное воздействие на экономические, культурные и политические основы общества, но и самым серьезным образом угрожают национальной безопасности нашей страны, дискредитируя общечеловеческие ценности, нравственные и духовные устои общества, семью и другие институты социализации личности. Речь идет о преступлениях, предусмотренных ст. 327, 328, 328¹, 328², 329, 331 и 332 УК Республики Беларусь.

Особую обеспокоенность вызывает стремительное распространение наркомании среди молодежи. Так, по некоторым данным, почти две трети наркопотребителей пристрастились к потреблению наркотических средств в юношеском, а иногда и в детском возрасте [1]. Практика показывает, что реальное количество наркоманов превышает число находящихся на учете в семь-восемь раз [2].

Полагаем, что указанные негативные тенденции тесно связаны со структурным видоизменением традиционных форм совершения рассматриваемых преступлений, их трансформацией в качественно иные. Современные достижения в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их массовое внедрение во все сферы человеческой

жизни не только создали особую среду для реализации различных видов законной деятельности человека, но и привели к возникновению специфических видов социальных взаимодействий, породив сложнейшие процессы детерминации преступности и неизвестные ранее образцы криминальных проявлений. К одному из них следует отнести незаконный сбыт наркотических средств с использованием ИКТ.

Изучение литературы и материалов национальной судебно-следственной практики свидетельствует о том, что современной тенденцией наркопреступности является использование так называемых бесконтактных способов сбыта наркотических средств, при которых соучастники противоправного деяния (как правило, не знакомые друг с другом лица), объект преступного посягательства и (или) наркопотребители напрямую не контактируют между собой и могут находиться на значительном друг от друга расстоянии (иногда – под юрисдикцией различных государств, не имеющих межведомственных соглашений с МВД Республики Беларусь по оказанию правовой взаимопомощи в борьбе с преступностью).

В общем виде бесконтактный способ сбыта наркотических средств осуществляется по следующей схеме.

Наркопотребитель посредством мессенджеров мгновенных интернет-сообщений (наиболее популярными среди них являются Jaber, VIPole, Telegramm, Brosix, WeChat, Sygnal и др.), электронной почты (в том числе с PGP-шифрованием) либо социальных интернет-сетей («ВКонтакте», «Мой Мир», LiveJournal и др.) связывается со сбытчиком, который предоставляет ему необходимые сведения для оплаты наркотического средства: реквизиты электронного кошелька, зарегистрированного в одной из электронных платежных систем («Яндекс-деньги», Qiwi, WebMoney, EasyPay, iPay, PayPal и др.), сумму платежа, а также промежуток времени, в течение которого следует осуществить транзакцию (указанные сведения обычно используются сбытчиком для идентификации конкретного покупателя). После получения подтверждения о переводе денежных средств продавец сообщает покупателю о месте нахождения закладки с наркотическим средством.

Для размещения подробной информации о месторасположении закладки наркосбытчики обычно используют возможности бесплатных файлообменных интернет-сервисов, позволяющих анонимно публиковать цифровые фотоизображения в сети Интернет. Так, ими выполняются следующие действия:

лицо, осуществляющее закладку наркотического средства, фотографирует экран смартфона, работающего в режиме навигатора с указанием точки размещения закладки на карте местности (как правило, указываются точные данные GPS по широте и долготе), место размещения тайника и его адрес, а также детали его маскировки;

полученные фотографии выкладываются на веб-сайт, предоставляющий услуги файлового хостинга (например, Radikal.ru, PhotoSp.ru, «Япикс», Rghost, Up-image и др.). При этом каждой фотографии автоматически присваивается уникальный сетевой адрес (URL);

гиперссылки, содержащие URL конкретного фотоизображения, отправляются через интернет-мессенджер или по электронной почте покупателю.

Повышенная скрытность реализации представленного механизма сбыта наркотических средств обеспечивается не только за счет полного исключения прямых контактов субъектов преступной деятельности между собой, но и за счет развитых механизмов анонимности, обеспечиваемых сложной сетевой инфраструктурой применяемых для этих целей ИКТ. Так, использование всеми участниками преступной схемы различных программно-аппаратных средств, позволяющих оставаться анонимными в сети Интернет (TOR-браузеры, анонимайзеры, VPN-сети и др.), электронных платежных систем и средств мобильной связи, зарегистрированных на подставных лиц (так называемых «дропов» или «фунтов»), виртуальных валют (криптовалют) для оплаты противоправной деятельности и получения вознаграждения все тем же бесконтактным способом, – все это не только значительно снижает для них риск быть задержанными в момент сбыта либо приобретения наркотического средства, но и существенно усложняет применение сотрудниками оперативных подразделений традиционных средств выявления и документирования преступления.

Результаты анализа оперативно-розыскной и судебно-следственной практики показали, что бесконтактный сбыт наркотических средств осуществляется, как правило, организованной группой (сообществом) с четким иерархическим строением и распределением ролей, среди которых (в зависимости от степени конспирации и масштаба преступной деятельности) могут быть выделены организатор сбыта, посредник, диспетчер, курьер.

Высшую ступень в преступной иерархии занимает организатор сбыта (криминальный лидер, владелец интернет-магазина), который координирует действия членов преступной организации, производит оптовую закупку наркотических средств (как правило, за пределами Республики Беларусь), устанавливает стоимость реализуемых наркотических средств. Чаще всего он свою деятельность осуществляет дистанционно – через посредника (оптового сбытчика), который при получении от организатора крупной партии наркотических средств создает первичные тайники, предназначенные для оптовой продажи либо для дробления на более мелкие дозы для их последующей розничной продажи в виде так

называемых закладок. В круг обязанностей посредника включены и некоторые дополнительные функции:

вербовка участников организованной преступной группы (проводится путем размещения информации о «вакансиях» на тематических форумах, в социальных сетях либо мессенджерах мгновенных интернет-сообщений типа Jaber, VIPole, Telegram и др.), распределение их ролей и функций, инструктирование о правилах поведения и способах конспирации, определение способов связи между ними;

привлечение наркопотребителей (осуществляется посредством проведения «рекламных акций», заключающихся в бесплатном распространении разовых доз наркотических средств новым покупателям, формирования положительной репутации путем написания «правильных» отзывов на тематических информационных интернет-ресурсах, отслеживания в режиме онлайн потенциальных клиентов и вступления с ними в переписку, размещения информационных баннеров с информацией о предлагаемых наркотических средствах на тематических сайтах сети Интернет, а также массовой рассылки электронных писем или сообщений).

Следующим в преступной иерархии выступает диспетчер (менеджер, оператор), который взаимодействует со всеми участниками преступной группы, а также непосредственно контактирует с заказчиками (наркопотребителями), а именно: принимает заказы, предоставляет им реквизиты для оплаты, а после получения подтверждения платежа сообщает им информацию о точном местонахождении закладок с наркотическим средством.

Одну из наиболее низших ступеней в преступной иерархии занимает курьер (розничный сбытчик, закладчик, «минер») – субъект преступной деятельности, который осуществляет забор из первичного тайника определенного количества наркотического вещества, производит его фасовку и хранение, готовит закладки для наркопотребителей. После размещения тайника курьер направляет диспетчеру подробное описание места закладки и точный адрес ее месторасположения. За допущенные случаи утери закладок с наркотическим средством по отношению к нему могут быть применены штрафные санкции, а при частом повторении – увольнение.

Изложенный механизм бесконтактного сбыта наркотических средств, а также рассмотренное нами иерархическое строение и распределение ролей преступного сообщества, осуществляющего рассматриваемые уголовно наказуемые деяния, имеют существенное значение для совершенствования практики выявления преступлений этого вида и возбуждения соответствующих уголовных дел. Знание характерных особенностей личности данной категории дел будет способствовать бо-

лее эффективному решению тактических задач по проведению соответствующих оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий.

1. В Беларуси за 5 лет число больных наркоманией увеличилось на 12 % // БЕЛТА. Общество. URL: <http://news.21.by/society/2006/06/26/482486.html> (дата обращения: 10.09.2018).

2. Национальная безопасность Республики Беларусь. Противодействие незаконному обороту наркотических средств // Факультет социокультурных коммуникаций. Белорусский государственный университет. URL: http://fsc.bsu.by/wp-content/uploads/2015/12/Natsionalnaya-bezopasnost-Respubliki-Belarus-_Protivodejstvie-nezakonnomu-oborotu-narkoticheskikh-sredstv.pdf (дата обращения: 10.09.2018).

УДК 343.98

В.И. Бояров

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ

В последние годы многие страны все чаще сталкиваются с угрозами совершения террористических актов, увеличением числа других уголовно наказуемых проявлений экстремизма. Все это является следствием глобального экономического кризиса, который угрожает мировому сообществу распространением расизма, ксенофобии, эскалацией нетолерантности.

При этом в УК Украины (в отличие от многих стран, ранее входивших в состав СССР) не предусмотрены составы преступлений (уголовных правонарушений), в диспозициях которых было бы прямое упоминание экстремизма. В связи с чем в Украине к числу экстремистских условно можно отнести три группы преступлений: уголовно наказуемые деяния, которые посягают на основы национальной безопасности страны (ст. 109, 110, 110², 111, 113 УК Украины); преступления террористического характера (ст. 112, 258–258⁵, 260, 261, 278, 442–444 УК Украины) и преступления (экстремистской направленности), которые совершаются на почве ненависти либо враждебности относительно лиц, которые принадлежат к какой-то этнической, расовой, религиозной, политической или иной социальной группы (п. 14 ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 121, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 129, ст. 161 и ст. 300 УК Украины). Безусловно, этот перечень не является исчерпывающим: это также мо-

гут быть массовые беспорядки (ст. 294 УК Украины), сопряженные, например, с насильственным выселением мигрантов (представителей «некоренного населения»), членов других социальных групп, совершение относительно потерпевших других насильственных действий; совершение насильственных действий на почве проповедования деструктивных идеологий или исполнения религиозных обрядов (ст. 181 УК Украины) и некоторые другие.

К факторам, которые негативно влияют на расследование указанной группы преступлений, относят то, что большинство граждан страны могут поддерживать определенную идеологию экстремизма (например, направленную, по их мнению, на улучшение жизни населения путем смены коррумпированной власти, реформирования правоохранительных органов и т. п.), что приводит к созданию ситуации, когда большинство преступных действий, которые совершаются участниками экстремистских формирований, мотивация которых понятна людям, поддерживаются населением, поскольку они (действия) прямо или косвенно направлены на тех, кто ассоциируется с образом врага, с которым связывают все негативные явления в обществе, затрагивающие простых граждан (например, достаточно распространенным является негативное отношение к региональным кланам (так называемым элитам), к отдельным социальным группам, которые, по мнению граждан, ведут паразитический образ жизни; к правоохранительным органам, суду, местной и центральной власти и т. п.).

В этом связи успех правоохранительных органов в борьбе с экстремизмом во многом связывают с созданием базовой криминалистической методики расследования преступлений, которые являются уголовно наказуемыми проявлениями экстремизма. Концептуально это в первую очередь разработка тактики противодействия расследованию на первоначальном этапе расследования (когда при совершении ряда групповых преступлений наступает полная или частичная парализация либо дезорганизация власти); глубокое исследование такой специфической группы (формирование, объединение), какой является современная экстремистская организация (особенности ее создания, идеологизация, структура, трансформации и т. п.); установление мотивации действий участников экстремистских формирований, разработка тактики их допроса; получение доказательственной информации из других источников и т. п., что, безусловно, будет способствовать повышению эффективности и результативности работы досудебного следствия при расследовании преступления указанной категории.

Для преодоления парализации деятельности следствия, других правоохранительных органов, которая является следствием негативного отношения к ним со стороны большинства населения, например, региона,

города важно предусматривать такую ситуацию в методиках расследования. Преодоление таких «тупиковых» для расследования ситуаций возможно (если речь идет об Украине) в результате широкого применения возможностей: негласных следственных (разыскных) действий (гл. 21 УПК Украины); допросов в порядке, предусмотренном ст. 225 УПК Украины (допрос свидетелей и потерпевших во время досудебного расследования в судебном заседании); обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (свидетелей и потерпевших – в первую очередь) и некоторые другие.

Государством запрещено некоторым участникам уголовного судопроизводства под угрозой уголовной ответственности отказываться от дачи показаний, в получении которых заинтересовано следствие. При этом государство часто не может обеспечить безопасность своих граждан в условиях действия феномена посткриминального воздействия на участников уголовного процесса. А как известно, показания свидетеля как одной из центральных фигур уголовного процесса являются не только самыми распространенными доказательствами, но и самыми нестабильными. Отсутствие гарантий безопасности для свидетеля, особенно в делах о групповых уголовно наказуемых проявлениях экстремизма, лишают свидетеля стимула давать показания, исполняя свой гражданский долг.

В Украине с марта 1994 г. действуют Законы Украины от 23 декабря 1993 г. № 3782-ХІІ «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» и от 23 декабря 1993 г. № 3781-ХІІ «О государственной защите судей и сотрудников правоохранительных органов». Об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства упоминается в 39 статьях УПК Украины, в других законодательных актах, многочисленных подзаконных нормативных правовых актах (МВД, Службы безопасности, Генеральной прокуратуры, Министерства юстиции Украины и др.). В результате законодательство Украины сегодня предусматривает систему мер безопасности, которую можно определить как совокупность превентивных разноотраслевых правовых средств, которые обеспечивают в ходе уголовного судопроизводства и вне его защиту указанных лиц и их близких от запрещенных уголовным законом и иных форм посткриминального воздействия [1, с. 310].

Одной из тенденций развития следственной практики является создание комплексов тактических приемов либо следственных действий с целью решения локальных задач, которые иным способом решить сложно либо вообще невозможно. Речь идет о тактической операции – совокупности следственных, оперативных и иных процессуальных действий, которые проводятся в процессе расследования по единому плану под руководством следователя с целью реализации такого тактического

задания, которое не может быть решено путем производства по делу отдельных следственных действий [2, с. 44].

Считается, что есть две тактические операции, которые проводятся практически по всем делам: «Защита доказательств» [3, с. 320] и «Проверка показаний подозреваемого, который признает себя виновным в совершении преступления» [4, с. 237–250]. Именно в рамках первой из указанных обязательных тактических операций проводится операция «Защита свидетелей», которая является важным условием получения показаний, изобличающих виновных лиц.

Традиционно предусматриваются следующие этапы тактической операции: принятие решения о ее проведении; моделирование; подготовка, непосредственное проведение и процессуальное оформление.

Решение о проведении тактической операции «Защита свидетеля» в рамках расследования проявлений экстремизма принимается на основании анализа следственной ситуации, если у следствия есть достаточно данных о наличии реальной угрозы для жизни и здоровья свидетеля, который изобличает подозреваемых в совершении преступления (две ситуации: подозреваемые (либо их окружение) знают о показаниях и личности свидетеля; они знают или предполагают о даче показаний, но не имеют данных о личности свидетеля). Это может быть анализ данных:

о личности подозреваемого и его окружения – способны ли они на совершение определенного давления, насилия в отношении свидетеля (оперативная информация, материалы дела), не входят ли они в состав организованной преступной группы (в том числе экстремистской направленности), которая известна как группа, которая способна отомстить;

личности свидетеля – не входит ли он в группу риска, в силу чего уязвим для давления, запугивания (женщины, престарелые, несовершеннолетние, бездомные и т. п.);

обстановке совершения преступления (преступление совершено организованной преступной группой, участниками экстремистского формирования, где преступные действия традиционно предусматривают действия по сокрытию причастности конкретных лиц к совершению преступления, в том числе в форме давления на свидетелей);

обстановке расследования (парализация досудебного следствия в результате активной поддержки подозреваемых широким кругом населения региона, населенного пункта);

наличии формальных признаков, которые необходимы для применения мер обеспечения безопасности: реальная угроза жизни и здоровью либо риск возникновения такой угрозы (заявление свидетеля, сообщение сотрудников оперативных служб и т. п.).

Принятию такого решения может предшествовать соответствующая проверка (предоставление права давать показания свидетелю, например, анонимно, само по себе рискованно в силу возможного оговора, склонности ко лжи; наличие в прошлом каких-либо контактов с подозреваемым и т. п.). Достаточно распространенными являются ситуации, когда свидетель, дав показания по горячим следам, через какие-то время (под воздействием СМИ, широкой поддержки частью населения действий подозреваемых, бездействия следствия и т. п.) начинает понимать шаткость своего положения, свою (семьи, своих близких) уязвимость и, как следствие, пытается отказаться от своих показаний либо категорически отказывается давать показания в суде.

В результате проведенного анализа принимается предварительное решение о применении конкретной меры обеспечения безопасности в отношении свидетеля.

Моделирование предусматривает выбор средств обеспечения безопасности, на какой именно период, предоставляется ли возможность: для дачи показаний в суде, участия свидетеля в производстве иных следственных (разыскных) действий, проведение допроса в порядке ст. 225 УПК Украины и т. п.

Далее осуществляется подготовка тактической операции: после принятия соответствующего процессуального решения (личная охрана, анонимность, производство следственного действия в условиях, исключающих визуальный контакт свидетеля с подозреваемым, либо допрос в судебном заседании при отсутствии обвиняемых, изменение внешности и т. п.) подготавливается специальное помещение, охрана, отбираются подписки о неразглашении (от понятых, например); готовится грим, парики, одежда для частичного изменения внешности защищаемого лица и т. п.

Непосредственное проведение: получение заявления либо сообщения (о реальной угрозе жизни и здоровью свидетеля); проведение проверки; принятие мотивированного процессуального решения и передача его в орган, на который возложено осуществление мер обеспечения безопасности; получение информации о применении мер безопасности; непосредственная дача показаний на досудебном следствии либо изъятие из протокола допроса (если свидетель ранее был допрошен) и других документов уголовного дела достоверных данных о личности свидетеля, взятого под защиту (когда принято решение о неразглашении данных о свидетеле); это может быть отказ в удовлетворении ходатайства защиты о проведении очной ставки с участием свидетеля, опознания; вызов свидетеля в суд через следователя и определение условий, в каких он будет давать показания, и т. п.

В последующем – решение вопроса об отмене мер обеспечения безопасности.

Последний этап – процессуальное оформление тактической операции. Использование при расследовании уголовных дел о тяжких преступлениях предложенных положений тактической операции «Защита свидетелей» поможет устранить угрозу жизни, здоровью, имуществу лица, изобличающего виновных в совершении преступления; создает условия для сохранения (защиты) доказательств; исключает возможность оказывать на свидетеля посткриминальное давление с целью отказа либо изменения показаний. В условиях парализации досудебного следствия на первоначальном этапе расследования групповых проявлений экстремистской деятельности все это создает условия для успешного расследования указанной категории уголовных дел.

1. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001.
2. Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979.
3. Трухачев В.В. Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации воздействия на доказательственную информацию : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Воронеж, 2001.
4. Баев О.Я. Основы криминалистики : курс лекций. М., 2001.

УДК 343.985.7

Н.С. Бушкевич

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ТРАНСГРАНИЧНОГО ПРЕСТУПНИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Противодействие трансграничной преступности является одним из ключевых направлений сотрудничества государств – участников СНГ.

О важности совместных международных усилий в борьбе с трансграничной преступностью свидетельствуют положения Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 годы, принятой Советом министров иностранных дел Содружества Независимых Государств 6 апреля 2018 г. в Минске, включающие мероприятия по противодействию трансграничной преступности во всех формах ее проявления.

Общественная опасность и масштабность рассматриваемой группы преступлений свидетельствует о справедливом отнесении их к одному из основных внешних источников угроз национальной безопасности Республики Беларусь в социальной сфере.

Трансграничная преступность представляет собой комплексное социально опасное международно-правовое и уголовно-правовое явление, включающее совокупность уголовно наказуемых деяний, характеризующихся определенной структурой и проявляющихся в определенных условиях. Трансграничные преступления, являясь важной составной частью транснациональной (международной) преступности, отличаются следующими особенностями: во-первых, эта группа преступлений затрагивает интересы минимум двух государств; во-вторых, трансграничные правонарушения всегда сопровождаются пересечением государственной границы; в-третьих, отдельные стадии и эпизоды этих преступлений совершены на территории государств, имеющих общую границу.

Изучение статистических сведений о зарегистрированных трансграничных преступлениях за последние пять лет (использовались статистические сведения и оперативные данные из Единого государственного банка данных о правонарушениях за 2014–2017 гг. и 8 месяцев 2018 гг. Национального статистического комитета Республики Беларусь, МВД Республики Беларусь, Государственного пограничного комитета Республики Беларусь) свидетельствует об их динамичном росте, несмотря на наблюдаемое снижение преступности в целом. За 2014–2017 гг. и 8 месяцев 2018 г. совершено 2 716 преступлений, отнесенных к трансграничным. При этом если в 2014 г. зарегистрировано 441 преступление, то за 2015 и 2016 гг. их количество составило уже 587 и 653 преступления соответственно. Данная тенденция не меняется и в текущем году:

За 8 месяцев 2018 г. зарегистрировано 416 преступлений рассматриваемой направленности. Практически половина преступлений связана с нарушением иностранными гражданами срока запрета въезда в Республику Беларусь: в 2015 г. – 301 преступление, в 2016 и 2017 гг. – 334 и 297 соответственно, а за 8 месяцев 2018 г. – 211 преступлений.

К наиболее распространенным с точки зрения их направленности, латентности, распространенности и общественной опасности последствий следует отнести: незаконное пересечение государственной границы (ст. 371 УК Республики Беларусь); организацию незаконной миграции (ст. 371¹ УК); нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь (ст. 371² УК); контрабанду (ст. 228 УК); незаконное перемещение товаров через таможенную границу (ст. 228¹ УК); незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС) или государственную границу наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотические средства) (ст. 328¹ УК); незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС или государственную границу сильнодействующих, ядо-

витых, отравляющих веществ, взрывных устройств, оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники (ст. 333¹ УК).

К трансграничным преступлениям следует относить и противоправные деяния, связанные с терроризмом, экстремизмом, торговлей людьми и похищением человека, если механизмы их совершения включают в себя перемещение через государственную границу объектов материального мира или людей.

Успех раскрытия и расследования трансграничных преступлений во многом зависит от полноты сведений, характеризующих личность преступника. Как правило, они устанавливаются уже на начальном этапе предварительного расследования. Еще в первых работах по криминалистике Г. Гросс главным материалом предварительного следствия называл знания о человеке [1, с. 44].

Изучение личности преступника всегда было и остается важным направлением деятельности всех наук, способствующих борьбе с преступностью. Эта междисциплинарная категория является объектом исследования уголовного права, уголовного процесса, криминологии, судебной психологии, уголовно-исполнительного права и др.

Особое место изучению криминалистически важных сведений о личности подозреваемого, обвиняемого отводится в работах Р.Л. Ахмедшина, Ф.В. Глазырина, В.Н. Игошина, И.А. Матусевича, П.П. Цветкова и др.

Вместе с тем анализ следственной практики по делам о трансграничных преступлениях показывает, что исследование личности как неустановленного, так и установленного преступника недооценивается следователями. В большинстве случаев оно сводится к сбору анкетных (библиографических) данных, характеристик и к формальному выполнению требований норм уголовно-процессуального законодательства. Об этом свидетельствуют и меры реагирования судебных органов в виде частных определений (постановлений) на некачественное изучение личности преступника, и отсутствие в материалах уголовных дел необходимого объема характеризующего материала.

Изучение характерологических черт, составляющих в своей совокупности качества личности подозреваемого по делам различных категорий, направлено на решение целого ряда частных криминалистических задач, к которым относятся:

определение наиболее оптимальных тактических приемов проведения следственных действий: прогнозирование линии поведения подозреваемого (обвиняемого), определение линии поведения следователя при проведении следственных действий, преодоление противодействия расследованию, установление психологического контакта;

сбор доказательств: получение от обвиняемого достоверной информации о его причастности к расследуемому событию, выдвижение версий по уголовному делу, объективная оценка показаний подозреваемого (обвиняемого) и сопоставление их с другими доказательствами по делу;

оказание воспитательного воздействия: объяснение отдельных действий, поступков, высказываний подозреваемого (обвиняемого), а также его поведения в целом как в момент совершения преступления, так и в процессе проведения отдельных следственных действий, выбор наиболее целесообразных методов воспитательного воздействия [2, с. 86–91].

Характеристика личности трансграничного преступника, каждой из которых присущи свои индивидуальные, неповторимые свойства, образующие ее социальные, психологические, физические, интеллектуальные и иные признаки, занимает основополагающее место в структуре трансграничной преступности. Обращают на себя внимание некоторые ее уголовно-правовые характеристики, имеющие непосредственную взаимосвязь друг с другом.

Для ее биологической составляющей типичными являются лишь признаки анатомического характера (пол и возраст), физиологическое состояние (алкогольное, наркотическое опьянение).

Гендерный состав характеризует трансграничную преступность как мужскую: 86,2 % преступлений в исследуемый период совершено мужчинами (из 1 908 выявленных за пять лет лиц – 1 644 мужчины). Всего 13,8 % (264 преступления) рассматриваемых криминальных деяний совершено женщинами, причем 79 % женской трансграничной преступности (209 из них) заключались в нарушении срока запрета въезда в Республику Беларусь. Причастность женщин к наркотрафику имело место дважды – в 2016 и 2017 гг., и пять раз – за 8 месяцев 2018 г. Преступления, предусмотренные ст. 228 УК, также совершаются женщинами крайне редко – всего шесть зарегистрированных преступлений за пять лет.

Например, Столинским районным отделом Следственного комитета Республики Беларусь в 2017 г. завершено следствие по уголовному делу по обвинению В., которая, следуя на автомобиле «Мерседес-Бенц Спринтер» из Республики Беларусь в Украину, находясь в пункте таможенного оформления «Верхний Теребежов», пыталась незаконно переместить через таможенную границу ЕАЭС наличные денежные средства в размере 106 тыс. долларов США.

Анализ возрастной характеристики трансграничной преступности позволяет сделать вывод о сформированности и зрелости преступников, которые осознают всю меру ответственности совершаемых ими деяний. Так, за последние пять лет 75 % преступлений рассматриваемой группы совершалось лицами старше 30 лет и лишь одно преступление, свя-

занное с незаконным перемещением наркотических средств, совершено лицом, не достигшим 18-летнего возраста (16 лет). Возраст остальных выявленных преступников варьировался от 18 до 29 лет.

По нашему мнению, гендерные и возрастные особенности трансграничной преступности необходимо учитывать при разработке мер превентивного характера и ведомственных методических рекомендаций органов пограничной и таможенной служб.

Не является характерным для анализируемой категории преступлений выполнение объективной стороны в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Всего 2,3 % выявленных лиц совершали трансграничные преступления в анализируемый период в состоянии алкогольного опьянения (в 29 случаях из 52 – по ст. 371² УК), а 2,7 % – под воздействием наркотиков (характерно лишь для ст. 328¹ УК; за последние пять лет совершено 38 преступлений (9 % от раскрытых этого вида)).

Среди социальных свойств личности трансграничного преступника в криминалистическом аспекте особую ценность представляют сведения о судимости, свидетельствующие о наличии у лица антиобщественных взглядов, определяющие его социальные особенности.

За анализируемый период чуть более 40 % раскрытых трансграничных преступлений (в количественном выражении – 778) совершено лицами, ранее судимыми. В разрезе составов преступлений наибольшей рецидивностью отличаются нарушения срока запрета въезда в Республику Беларусь. Из всех трансграничных преступников, имеющих судимость, 89,5 % (697 человек) совершили преступление, предусмотренное ст. 371² УК (каждый второй по этому виду преступлений). Каждое четвертое незаконное пересечение государственной границы (41 лицо) также осуществлялось ранее судимым.

Не является характерным совершение лицами, ранее судимыми, таких трансграничных преступлений, как организация незаконной миграции (7,9 %) и незаконное перемещение наркотических средств (1,9 %).

По нашему мнению, весомая роль в осуществлении эффективного противодействия и предупреждения трансграничной преступности отводится информации о национальной принадлежности преступника.

Преступления данной категории чаще всего совершаются иностранными гражданами (84 %). В частности, среди преступлений, заключающихся в нарушении срока запрета въезда в Республику Беларусь (ст. 371² УК), которые в 98,3 % случаев совершаются иностранными гражданами, преобладают граждане постсоветских государств – 87 % (1 224 преступления за последние пять лет).

Например, преступления, предусмотренные ст. 371² УК, в 986 случаях совершались гражданами России, 107 – Украины, 25 – Азербайджана,

23 – Узбекистана, 22 – Казахстана, 19 – Грузии, 17 – Армении, 14 – Молдовы, 6 – Таджикистана, 3 – Литвы, по 1 – Туркменистана и Латвии.

Среди других преступлений, отнесенных к трансграничным, доля иностранцев в качестве субъекта противоправного деяния составляет чуть более половины (51,2 %), из которых 88 % (или по 283 преступлениям) – граждане государств – участников СНГ.

Незаконное пересечение государственной границы в анализируемый период в 84,8 % случаев совершалось иностранцами, а перемещение наркотических средств – в 41,6 % случаев. Обращает на себя внимание количество фактов контрабанды, совершенных иностранными гражданами. Так, в течение анализируемого периода 60 % от числа установленных подозреваемых по таким преступлениям составили граждане других государств.

Гражданами Российской Федерации, за исключением нарушения запрета въезда в Республику Беларусь, совершено 124 трансграничных преступления (53, или 42,75 %, из них связаны с незаконной миграцией, 36, или 29 %, – с незаконным перемещением на территорию Беларуси наркотических средств), что в два раза больше количества преступлений, совершенных гражданами Украины (64 трансграничных преступления за пять лет, которые в 95,3 % случаев связаны с контрабандой и незаконным перемещением наркотических средств и оружия).

Представителями Европейского союза совершено 10 преступлений, из которых гражданами Польши – 5 (ст. 371 УК – 3, ст. 228, 328¹ УК – по 1), Германии – 3 (2 из которых контрабанда и 1 незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС наркотических средств) и Великобритании – 2 (организация незаконной миграции).

Лицами без гражданства совершено 31 трансграничное преступление, из которых 26, или 83,8 %, – нарушение запрета въезда на территорию Беларуси.

В большинстве своем трансграничные преступления совершаются гражданами, не имеющими постоянного места работы. В 2014–2018 гг. более 87 % совершено безработными. Такая характеристика личности преступника во многом формирует их мотивы, заключающиеся в получении финансовой прибыли (в части незаконного перемещения товаров и ценностей), в миграции в более комфортное место жительства (территория Беларуси, страны Западной Европы) с точки зрения отсутствия военных конфликтов, контролируемого уровня преступности и определенной финансовой стабильности государств по сравнению с предыдущей страной пребывания.

Совершение преступлений в составе группы не является характерным для трансграничной преступности. Всего 10 % уголовно наказуемых дея-

ний совершено группой лиц. Исключением являются лишь преступления, связанные с организацией незаконной миграции, которые в 55 % случаев совершались в составе группы. Из всего массива групповых трансграничных преступлений, зарегистрированных с 2014 г. по 31 августа 2018 г., – 197 преступлений квалифицировано по ст. 371¹ УК (77,7 %).

Организованная преступная группа с точки зрения ее уголовно-правового значения, имела место по 24 зарегистрированным в рассматриваемый период трансграничным преступлениям, из которых 17 связаны с организацией незаконной миграции и 7 – с незаконным перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС (ст. 228¹ УК).

Например, Полоцким межрайонным отделом Следственного комитета Республики Беларусь в 2018 г. передано прокурору для направления в суд уголовное дело по ч. 3 ст. 228¹ УК в отношении М., Р. и Ч., которые, действуя в составе организованной преступной группы, созданной в 2015 г. и управляемой ими, совместно с А. и иными установленными следствием лицами с 20 июня 2015 г. до начала 2017 г., находясь на территории Беларуси и других стран, реализуя заранее разработанный организаторами план совершения преступления, умышленно незаконно переместили через таможенную границу ЕАЭС вне определенных законодательством мест перемещения товаров около 40 тыс. пачек сигарет стоимостью 37 тыс. р. В качестве способа совершения преступления использовались тайники, оборудованные в местах хранения угля в железнодорожных вагонах поездов, пересекающих белорусско-латвийскую границу.

Исходя из значимости рассматриваемого элемента структуры трансграничной преступности следует отметить важность изучения личности преступника, выявления ее характерных свойств и качеств, установления взаимосвязи и взаимозависимости с другими характеризующими преступление признаками. К типичным свойствам личности трансграничного преступника относятся информация о национальности, половой принадлежности, возрасте, наличии наркотической и алкогольной зависимости, экономической мотивации, социальной роли в обществе и т. д.

Трансграничной преступности в Беларуси не характерна высокая степень организованности.

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002.

2. Бушкевич Н.С. Личность подозреваемого (обвиняемого): криминалистические проблемы // Вестн. Могилев. гос. ун-та им. А.А. Кулешова. 2008. № 1. С. 86–91.

НЕЗАВИСИМЫЕ ИСТОЧНИКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Технический прогресс, в первую очередь в сфере высоких технологий, приводит к качественному изменению различных видов человеческой деятельности, формирует новые подходы к решению ставших уже традиционными задач. По мнению как начинающих обучение предметам уголовно-правового цикла, так и опытных практических сотрудников, одними из первых и наиболее очевидных мероприятий, которые необходимо провести в целях раскрытия преступления, является изъятие сведений о телефонных соединениях и записей камер наружного наблюдения. При этом данная позиция у указанных лиц формируется при фактическом отсутствии упоминания о таких способах получения информации в учебной литературе и иных источниках, посвященных методикам расследования отдельных видов преступлений.

В связи с этим мы солидарны с мнением Е.П. Ищенко о том, что на современном этапе развития криминалистики ее основной задачей является «учет и анализ усиливающегося влияния на состояние преступности и процесс борьбы с ней новых информационных технологий, в которых задействованы интегрированные информационно-вычислительные системы, специализированные банки и базы данных, средства телекоммуникаций, другие современные достижения научно-технического прогресса» [1, с. 60].

Полагаем, что в начале XXI в. применение в ходе расследования преступлений указанных выше и подобных им источников криминалистически значимой, а порой и доказательственной информации можно сравнить с появлением и развитием дактилоскопии в конце XIX в. или началом использования ДНК-анализа в криминалистике в 80–90-х гг. XX в. Использование таких источников информации фактически изменяет классические подходы к расследованию преступлений, создает новые возможности его объективизации.

В научной и учебной литературе использование сведений о телефонных соединениях, записей с камер видеонаблюдения и других источников информации рассматривается, как правило, обособленно. Их интеграция происходит лишь по признаку отнесения данных источников информации к сфере высоких технологий.

В то же время представляется, что как указанные выше, так и целый ряд других технических средств могут быть объединены в единую группу источников криминалистически значимой и доказательственной информации по ряду сходных признаков.

В первую очередь следует отметить, что речь идет об автоматизированных системах. Фиксация и накопление сведений в таких системах происходит при минимальном участии человека, что обеспечивает их максимально объективный характер. Так, очевидно, что достоверность информации, запечатленной при непрерывной записи камеры наружного наблюдения на проходной предприятия, на порядок выше, чем записи, выполненной сотрудником службы безопасности в журнале учета транспортных средств.

Важной особенностью рассматриваемых источников информации является то, что формирование и накопление сведений происходит вне зависимости от факта преступной деятельности. Ограничения по объектам фиксации и иным параметрам, таким, например, как время, определяются лишь техническими характеристиками оборудования и задачами, которые решаются в ходе внекриминалистического использования данных источников. Например, фиксация телефонных соединений абонента происходит непрерывно, независимо от того совершено то либо иное преступление.

Отличительной чертой таких источников являются также фиксация и сохранение значительных по объему массивов информации в цифровом виде. Указанная особенность не всегда была характерна для рассматриваемых технических средств. Например, в системах наружного наблюдения изначально использовались аналоговые носители. Появление записи информации в цифровом виде резко расширило возможности ее использования при расследовании уголовных дел, поскольку был упрощен процесс ее получения, улучшилось качество фиксации, а также увеличились объемы данных, которые возможно хранить длительное время на носителях меньших объемов. Последний фактор привел к резкому росту количества информации, что сделало необходимым использование специальных средств и методов для ее анализа.

Описав отдельные признаки, которые позволяют выделить определенный вид источников криминалистически значимой информации, необходимо указать их перечень. Сегодня примерами таких источников информации могут служить телекоммуникационные средства связи (сотовая связь, интернет), камеры наружного наблюдения, спутниковые навигационные системы (GPS, ГЛОНАСС), системы учета банковской информации, средства фотофиксации нарушений правил дорожного движения.

Следует отметить, что с учетом темпов развития научно-технического прогресса указанный перечень является открытым. Например, в настоящее время достаточно перспективным видится использование сведений космических систем дистанционного зондирования Земли.

Таким образом, нет сомнений, что список таких источников информации будет постоянно расширяться. Можно согласиться с мнением Г.В. Семенова, который утверждает, что «развитие информационно-тех-

нической инфраструктуры общества позволяет говорить о возможности дальнейшей разработки, внедрения специализированных криминалистических средств (методов), направленных на обнаружение преступлений и лиц, их совершивших, а также использование средств иного назначения в тех же целях» [2, с. 231]. Это, в свою очередь, является еще одним аргументом в пользу обособления рассматриваемых источников информации. Представляется, что их обособление в научной и учебной литературе, а также в сознании правоприменителя придаст дополнительный импульс для постоянного обновления их перечня и поиска новых способов и методов использования при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Кроме того, по нашему мнению, для данной группы источников информации можно ввести новый термин – «независимые источники криминалистически значимой информации». При выборе данного наименования нами учитывались перечисленные выше характерные признаки в виде отсутствия зависимости их существования от факта совершения преступления, а также минимального влияния человеческого фактора на их формирование.

Таким образом, можно констатировать, что под воздействием научно-технического прогресса и процессов информатизации в практике расследования преступлений сформировался новый источник криминалистически значимой и доказательственной информации, который требует анализа его природы и тактики использования, а также возможности интеграции в существующие методики расследования преступлений.

1. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика : учеб. пособие. Изд. 2-е. М., 2010.

2. Семенов Г.В. Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций. М., 2006.

УДК 343.98.067

Н.Б. Вахмянина, С.А. Яшков

ВЫЯВЛЕНИЕ ФАКТИЧЕСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Действующим УК Российской Федерации предусмотрена ответственность за налоговые преступления. Интерес для расследования налоговых преступлений представляют составы, субъектом которых выступает фактический руководитель.

Выявление данного лица имеет огромное практическое значение, поскольку данная категория субъектов в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» только называется, но не конкретизируется.

Представляется целесообразным рассмотреть возможные варианты решения данной проблемы, возникающей в ходе расследования налоговых преступлений, на примере трех ситуаций.

Возникновение первой ситуации обусловлено тем, что руководитель, указанный в учредительных документах, является номинальным, реально управляет организацией иное лицо. Данная ситуация характеризуется тем, что номинальный руководитель не участвует в организации работы предприятия, даже когда знает о том, что он наделен такими полномочиями. Нередко фиктивными управленцами являются лица, которые предоставляют свои паспорта за вознаграждение для регистрации организации без намерения от ее имени вести предпринимательскую деятельность. Это могут быть как малоимущие граждане, так и сотрудники другой фирмы из числа водителей, охранников и т. п., владельцем которой является фактический руководитель. Они не принимают и не реализуют решения, направленные на организацию работы, не общаются с персоналом, а если и ставят свои подписи в документах, то не понимают ни их содержания, ни гражданско-правового значения.

Ярким примером такой схемы управления является дробление бизнеса с целью необоснованного применения специальных налоговых режимов (упрощенная система налогообложения, единый налог на вмененный доход). Например, площадь одного крупного магазина условно делят, выделяя таким образом несколько мелких, площадью менее 150 м². При этом управляющих отделами регистрируют в качестве индивидуальных предпринимателей. Производственные предприятия в большинстве случаев фиктивно дробят на несколько более мелких. Вновь образованными организациями руководят в соответствии с учредительными документами индивидуальные предприниматели, которые нередко в реальности продолжают числиться в штате первичного предприятия. Фактическое же руководство всеми отделившимися организациями осуществляет директор или учредитель организации, являющейся базисным элементом этой схемы.

В случае если лицо, чьи документы использовались для регистрации предприятия, не принимает участие в организации его работы, подписи в договорах, спецификациях к ним, счетах-фактурах, товарных накладных, актах приема-передачи векселей и других документах не идентичны, так как, вероятнее всего, исполнены разными людьми. Для проверки версии

об изготовлении определенными лицами, в том числе фактическим руководителем, подложных документов необходимо отобрать образцы почерка, подписей у лиц из числа сотрудников проверяемых организаций и индивидуальных предпринимателей, а также у лиц, входящих в близкий круг общения фактического руководителя. После чего для определения исполнителей подписей, в действительности подписывавших указанные документы, проводится почерковедческая экспертиза.

При дроблении бизнеса подписи в документах могут быть и оригинальными. В таком случае установить обстоятельства совершения налогового преступления предполагаемым субъектом возможно путем анализа хозяйственно-экономической деятельности всех разделенных организаций с целью выявления признаков получения необоснованной налоговой выгоды (например, отсутствие автономности вновь образованных индивидуальных предпринимателей, осуществление ими одного вида деятельности, наличие единых с первичной организацией складских помещений, производство расчетов через единые кассовые системы, счета, осуществление закупок у одних и тех же поставщиков, единое проведение инкассирования выручки, осуществление трудовой деятельности одними и теми же работниками и др.). Все эти признаки уже свидетельствуют о едином руководстве.

Допрос формальных руководителей позволит выявить дополнительные доказательства. В начале их допроса после выяснения вопросов об образовании, специальности, функциональных обязанностях и о предыдущих местах работы необходимо предложить им дать пояснения об особенностях экономической деятельности, которой они занимаются в настоящее время, кадровом составе, порядке документооборота, в том числе связанном с движением документов, поступающих от контрагентов, специфике взаимодействия с последними (кто занимается подбором контрагентов, как происходит их поиск, с какого времени осуществляют совместную коммерческую деятельность, порядок заключения договоров, условия их исполнения и т. д.), а также об иных обстоятельствах, характеризующих отличительные черты экономической составляющей их бизнеса. В большинстве случаев обстоятельных пояснений по этим вопросам допрашиваемые дать не могут, так как самостоятельно не выполняют функции руководителя и не обладают достаточными для этого знаниями. После этого можно переходить непосредственно к интересующему следствия вопросу о том, кто в действительности руководит организацией.

Условия второй ситуации характеризуются тем, что официальный руководитель не осознает, что совершает противоправные действия, направленные на неуплату налогов, сборов и (или) страховых взносов, поскольку полностью доверяет иным сотрудникам предприятия (напри-

мер, финансовому, коммерческому директору), которые выстраивают его действия таким образом, чтобы избежать уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов (вводят его в заблуждение относительно законности и правильности оформления тех или иных документов, совершения экономически необоснованных сделок и т. д.).

О наличии такой ситуации свидетельствуют показания официально руководителя организации, который свободно владеет информацией о структуре фирмы, но затрудняется в ответах на правовые вопросы относительно порядка налогообложения в Российской Федерации, в том числе о специфике исчисления и уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов организацией, которой он управляет. Однако он не осведомлен об условиях ряда сделок, в том числе о контрагентах, с которыми они заключены.

Анализируя показания вышеуказанного участника уголовного судопроизводства, следует помнить, что он может умышленно исказить реальную действительность. В таком случае ситуация допроса носит мнимо-бесконфликтный характер.

Специфика третьей ситуации заключается в том, что непосредственное управление фирмой организует фактический руководитель, официальный директор лишь подписывает документы, понимая, что целью их составления является уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов.

Несмотря на наличие особенностей условий и обстоятельств совершения налогового преступления, отличающих эту ситуацию, дальнейшие рекомендации по выявлению фактического руководителя могут быть применены и в ходе расследования вышеописанных ситуаций.

Для получения объективной информации о лице, фактически осуществляющем управленческие функции, необходимо выяснять у сотрудников фирмы и контрагентов, кто в организации отвечает за подготовку договоров, подбор поставщиков, субподрядчиков, как обычно происходит общение с контрагентами – лично или по почте, происходит ли их одобрение единолично или коллегиально, каков порядок согласования выбора контрагентов, расходов, кто контролирует и несет ответственность за количество и качество поставляемых товаров, услуг, выполняемых работ, от кого исходила инициатива заключения договоров с организациями, документы по сделкам с которыми были основанием для искажения показателей в документах бухгалтерской и налоговой отчетности, а также кто осуществлял контроль их исполнения, подписывал и представлял первичные учетные документы. В зависимости от вида деятельности и способа уклонения от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов расширяется круг выясняемых обстоятельств.

Полученную информацию рекомендуется сопоставлять со сведениями, находящимися в документах контрагентов. В них также могут содержаться и иные следы налогового преступления.

Кроме того, показания вышеуказанных участников событий необходимо сопоставлять со сведениями, содержащимися в протоколах собраний учредителей, совещаний, собраний трудового коллектива. В первую очередь необходимы протоколы собраний, в которых отражен порядок принятия решений, возможность учредителей или иных сотрудников (например, финансового или коммерческого директора) непосредственно участвовать в управлении организацией, издавать распоряжения и указания. Нередко фактическим руководителем является именно лицо, наделенное такими полномочиями.

В протоколах совещаний и собраний отражаются сведения о сотруднике, который являлся председателем и руководил этими мероприятиями, от кого исходила инициатива предложений, какие были приняты решения. Часто именно фактический руководитель берет на себя главенствующую роль.

Дополнительно запрашиваются документы по учету кадров (приказы о назначении на должность, предоставлении отпуска, направлении в командировку и др.) для выяснения вопроса, кто в период отсутствия официального руководителя управлял организацией.

В ходе допроса работников также необходимо выяснить, от кого именно они получали указания, распоряжения, в том числе о порядке производства работ, выполнения услуг, документооборота, о режиме рабочего времени и его изменениях, а также кто контролирует качество и количество поставок, определяет объем выполнения обязательств.

Третья ситуация может осложниться в ходе допроса сотрудников юридического и экономического отделов из-за оказываемого ими противодействия в форме дачи ложных показаний относительно вышеописанных обстоятельств. Например, М., являясь в соответствии с учредительными документами руководителем ООО, подписывала все банковские и финансовые документы, в том числе налоговые декларации. Фактическим же руководителем являлся финансовый директор этого ООО Н. Одновременно Н. руководил другой фирмой, в которой ранее работала М. в должности главного бухгалтера. Именно по его просьбе она согласилась на должность директора во вновь образованном ООО. Сотрудники экономического и юридического отделов ООО находились в дружеских или родственных отношениях с Н. В ходе допроса они утверждали, что только М. осуществляет функции управления организацией. Вместе с тем работники ООО и фирмы Н. утверждали, что именно от него получают указания и распоряжения об объеме и месте выполнения работ, он же контролирует расчеты с контрагентами и работниками.

Нередко аналогичная схема используется для уклонения от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов путем проведения фиктивных сделок с целью завышения расходов с дальнейшим обналичиванием денежных средств. В таких случаях рекомендуется дополнительно проанализировать сделки и движение денежных средств у всех организаций, к которым имеют отношение предполагаемые субъекты налогового преступления за интересующий следствие период. Также необходимо проанализировать, кому и когда звонили сотрудники обеих организаций, их переписку, а также иную информацию, содержащуюся на страницах социальных сетей, в том числе их фотографии. Целью такого анализа является выявление взаимосвязи противодействующих сотрудников с фактическим руководителем, а также последнего с лицом, который обналичивает денежные средства. В совокупности с иными вышеуказанными обстоятельствами это позволит доказать, что именно он является фактическим руководителем обеих организаций, а также раскрыть способ уклонения от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов.

Объем статьи не позволяет более подробно рассмотреть все проблемы и ситуации, возникающие при выявлении фактического руководителя организации, поэтому рассмотрены лишь некоторые направления расследования налоговых преступлений в проблемно-конфликтных ситуациях, характеризующихся недостаточным объемом информации и предоставлением ложных сведений о лицах, реально управляющих юридическим лицом.

УДК 343.22

Р.В. Вереша

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ АФФЕКТ: ПОНЯТИЕ, ДИНАМИКА И ЗНАЧЕНИЕ

В целом аффект – самостоятельный вид эмоционального состояния, который определяется как сложный психологический процесс взрывного характера, протекает стремительно и бурно [1, с. 550]. В справочно-энциклопедических источниках аффект определяется как слишком сильный и относительно кратковременный по продолжительности эмоциональный процесс (ярость, ужас, отчаяние, экстаз), во время которого снижается степень самообладания: действия и поступки совершаются по особой эмоциональной логике, а не по логике разума [2, с. 38]; это стремительный и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера; непродолжительные и сильные эмоции человека, кото-

рые возникают внезапно и отражаются в резких изменениях мышечной деятельности и состояния внутренних органов [3, с. 495].

В общем виде аффект – особый вид психического явления [4, с. 68]. Одни авторы определяют его как эмоциональный взрыв в условиях остро конфликтной ситуации, опасности личностного воздействия; как чувственное состояние, получающие весьма значительную действенность и становящееся общим бурным нарушением психической жизни. Другие авторы считают, что аффект – состояние, которое возникает внезапно в острой конфликтной ситуации, чрезмерное нервно-психическое возбуждение, проявляющееся во временной дезорганизации сознания (его сужении) и крайней активизации импульсивных реакций [5, с. 87]. Таким образом, можно сказать, что аффект с точки зрения психологии рассматривается как процесс (развитие эмоций в определенной ситуации) и как состояние (характеризует психическую деятельность человека не только в определенной ситуации, но и в определенный промежуток времени).

Аффект как разновидность эмоции характеризуется следующими признаками: быстрым возникновением; значительной интенсивностью переживания; кратковременностью; бурным выражением (экспрессией); безотчетностью, т. е. снижением сознательного контроля за своими действиями; диффузностью (сильные аффекты охватывают всю личность, сопровождаются снижением способности к изменению внимания, сужением сферы восприятия, контроль внимания фокусируется в основном на объекте, который вызвал аффект). Однако основным признаком аффекта, отличающим его от других эмоциональных состояний, которые имеют уголовно-правовое значение, является то, что в состоянии аффекта у человека происходит нарушение психических процессов, что влечет за собой негативные изменения в способности избирать вид поведения в конкретной ситуации, при котором лицо выбирает, как правило, общественно неприемлемые (в том числе и опасные, преступные) виды деятельности.

В психологии выделяются формы и виды аффектов. К формам аффекта относят гнев, страх, ужас как наиболее характерные проявления психической деятельности человека в данном состоянии. Каждое из этих проявлений может обуславливать неспособность выбирать лицом адекватный (правомерный) способ поведения в конкретной ситуации.

Гнев определяется как эмоциональное состояние, отрицательное по содержанию, проявляющееся, как правило, в форме аффекта; бурное проявление злобы, направленной на ближнего; злобное состояние души, чувство сильного возмущения; состояние нервного возбуждения, раздражения; фундаментальная человеческая эмоция, которая дана с целью, чтобы человек мог выжить в дикой и опасной среде; адресная агрессия через

открытое прямое давление на окружающих. Считается, что в состоянии гнева человек теряет объективность суждений, осуществляет малоконтролируемые действия; склонен к мгновенным, часто импульсивным действиям; его повышенное мышечное возбуждение при недостаточной уравновешенности легко переходит в очень сильное воздействие.

Страх определяется как внутреннее состояние, обусловленное угрозой реального или предполагаемого бедствия; негативное состояние человеческой психики, спровоцированное реальной или мнимой угрозой; безусловно-рефлекторная эмоциональная реакция на опасность, выражающаяся в резком изменении жизнедеятельности организма. Отмечается, что эмоция страха, вызванная опасным насилием, побуждает к безусловно-рефлекторным ответным действиям, основанным на инстинкте самосохранения. Итак, страх – определенная защитная реакция организма на воздействие внешних, как правило, опасных факторов реальной действительности, сопровождающаяся определенными физиологическими особенностями.

Высшей формой страха является ужас, который характеризуется резкой дезорганизацией сознания (безумный страх), оцепенением (предполагается, что его вызывает чрезмерно большое количество адреналина) или беспорядочным мышечным возбуждением. В состоянии ужаса человек может преувеличить опасность.

Гнев, страх и ужас как эмоциональные состояния могут быть обстоятельствами, которые обуславливают совершение преступлений. В связи с чем наличие (отсутствие) указанных форм аффекта должно учитываться при назначении наказания и применении других норм и институтов общей части уголовного законодательства.

Также выделяют виды аффекта: классический и кумулятивный. Иногда выделяют значительно больше видов аффекта: физиологический, патологический, классический и кумулятивный. Стоит отметить, что независимо от того, к какому виду относится эмоциональное состояние, действия человека при этом направлены на устранение фактора, который вызывает у него такое состояние.

Физиологический аффект определяется как сильное и относительно кратковременное эмоциональное состояние, связанное с резкими изменениями важных для субъекта жизненных обстоятельств, которое сопровождается ярко выраженными двигательными проявлениями. Такое положение человека во время совершения преступления не исключает уголовной ответственности, поскольку у лица сохраняется возможность осознавать свои действия и руководить ими, хотя и не в полной мере.

При физиологическом аффекте лицо совершает общественно опасное деяние не под влиянием собственных негативных характеристик:

для виновного человека такая форма поведения является необычной, несвойственной для личности субъекта преступления. Совершение общественно опасных действий этим лицом обусловлено его взаимоотношениями с потерпевшим, как правило, отличается конфликтностью, причем конфликт может возникнуть как непосредственно в ситуации деликта, так и задолго до него. В такой конфликтной ситуации, которая затрагивает интересы и ценности виновного лица, последний не видит другого пути выхода из нее, кроме избранного противоправного. Такая ситуация может быть вызвана как объективными причинами (реальная угроза со стороны потерпевшего, нехватка времени для принятия решения), так и субъективными особенностями виновного (повышенная уязвимость, чувствительность, склонность к «остановке» на психотравмирующих моментах, недостаточная гибкость поведения).

Совершение преступного деяния в состоянии физиологического аффекта характеризуется внезапностью и ограниченной возможностью реализации свободы личности. При этом сознание переполняется гневом, обидой, поведение приобретает черты негибкости, становится упрощенным, теряются сложные моторные навыки, требующие контроля сознания, действия стереотипизируются, доминируют двигательные автоматизмы – в криминалистической картине преступления может наблюдаться множественность ударов и ранений, их однотипность, скупченность и явная избыточность. Сознательный контроль действий при этом снижается, но усиливается их энергетика, движения приобретают резкость, стремительность, непрерывность, большую действенность. Таким образом, психофизиологические признаки физиологического аффекта позволяют говорить о частичном блокировании сознательно-волевого регулирования лицом своего поведения.

Состояние физиологического аффекта является скоротечным и непродолжительным – от нескольких секунд до нескольких минут, иногда – час. После этого к лицу возвращается способность осознавать свои действия и руководить ими в полной мере, поскольку блокировка сознания снимается. Сразу же после этого лицо начинает осознавать, что оно совершило общественно опасное деяние, исчезает эмоциональное возбуждение, лицо начинает чувствовать себя усталым и эмоционально опустошенным. Этот вид аффекта лица учитывается судом при назначении наказания и является обстоятельством, которое его смягчает.

Тем не менее не все виды физиологического аффекта могут считаться обстоятельствами, смягчающими наказание. Так, в частности, в рамках данного вида аффекта выделяют еще и особый подвид, который имеет определенные особенности, – аномальный аффект. Данный вид аффекта имеет следующие признаки: краткосрочность накопления аффективно-

го состояния; более глубокое, чем у здоровых лиц, сужение сознания; нарушение динамики мышления вплоть до ее остановки; стереотипное поведение, которое охватывает двигательный автоматизм. В рамках данного подвида аффекта выделяют аффект, развившийся в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, и аффект, развившийся у лиц, перенесших черепно-мозговые травмы, нейроинфекции, а также у психопатических личностей, у которых отклонения психики от нормы не носят характер патологии, но не исключают определенных нарушений эмоционально-волевой, мотивационной сферы.

Исходя из практики применения отдельных норм УК Украины в состоянии опьянения совершается значительное количество преступлений в семейно-бытовой сфере, против общественного порядка, против жизни и здоровья человека. Такая ситуация обусловлена тем, что под воздействием алкоголя, наркотических средств или психотропных веществ в организме человека происходят некоторые нарушения в структуре сознания, эмоциональной регуляции поведения, приводящие к упрощенному восприятию событий, переоценке своих возможностей, неадекватному пониманию причин своих неудач и ошибок, снижению самоконтроля, оценке ситуации как более конфликтной. Совершение преступления в состоянии аффекта, вызванного состоянием опьянения, может быть обстоятельством, отягчающим наказание (например, п. 13 ч. 1 ст. 67 УК Украины).

Что касается второго подвида аномального аффекта, то наиболее проблемным является установление наличия такого состояния у лиц, имеющих отклонения психики от нормы. Аффекты, возникающие у лиц, которые имеют определенные психические аномалии, отклонения, образуются вследствие хронической задержки эмоционального реагирования, накопления нереализованных обид, что повышает чувственное восприятие психикой различных неприятных ситуаций, приводит к увеличению количества психотравмирующих воздействий и накоплению негативных эмоций. В условиях наличия у таких лиц аффекта возможность осознавать свои действия, отвечать за них и свободно осуществлять их регулирование снижается значительно больше, чем у здоровых лиц, хотя и не теряется полностью. Кроме того, в отличие от психически здоровых лиц, у которых аффективные действия возникают в ответ на реальную ситуацию (оскорбление, насилие, предательство, клевета и т. п.), которая вызывает гнев, ярость, желание отомстить обидчику, у психопатических личностей аффективные действия возникают не только в реальных, но и в воображаемых психотравмирующих ситуациях.

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002.
2. Немов Р.С. Психологический словарь. М., 2007.

3. Юрчук В.В. Современный словарь по психологии. Минск, 1998.
4. Куттер П. Современный психоанализ. Введение в психологию бессознательных процессов : учеб. пособие для доп. образования / пер. С.С. Панков. СПб., 1997.
5. Романов В.В. Юридическая психология. М., 2000.

УДК 343.98

В.Б. Вехов

ЭЛЕКТРОННАЯ КРИМИНАЛИСТИКА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Повсеместное использование новых информационных технологий в различных сферах общественных отношений привело, с одной стороны, к отказу от использования обычных (традиционных) предметов и (или) орудий совершения преступлений, с другой – к увеличению числа преступных посягательств, предметом и (или) орудиями совершения которых являются средства и методы данных технологических инноваций. В связи с чем электронные следы (электронные носители и содержащаяся в их памяти криминалистически значимая компьютерная информация) стали все чаще использоваться в качестве доказательств по уголовным, административным, гражданским и арбитражным делам. Массовое использование в судопроизводстве материальных носителей рассматриваемой категории и содержащейся в их памяти информации обусловило внесение ряда изменений в процессуальное законодательство Российской Федерации, регламентирующих особый порядок работы с ними.

Вместе с тем в настоящее время невозможно представить отдельные направления криминалистической и судебно-экспертной деятельности без применения цифровых средств фотосъемки, видео- и аудиозаписи, электронных микроскопов, программно-технических комплексов обработки и исследования документов, фото- и видеоизображений, фонограмм, следов рук, обуви, транспортных средств, геномных, электронных, на гильзах и пулях, а также создания субъективных портретов и восстановления прижизненного облика лица по его костным останкам черепа. Кроме того, криминалистическая регистрация немыслима без информационно-поисковых и аналитических систем.

Деятельность сотрудников органов предварительного расследования в современных условиях борьбы с преступностью, по нашему мнению, должна также базироваться на системе научных положений и разрабатываемых на ее основе технико-криминалистических средств нового по-

коления – автоматизированных методик расследования отдельных видов преступлений, а также приемов, методов и рекомендаций по их использованию в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Вместе с тем закономерности создания, обнаружения, фиксации, предварительного и судебно-экспертного исследования, оценки и использования доказательственной компьютерной информации, за исключением рассмотрения этих вопросов в рамках методики расследования компьютерных преступлений, изучаются пока явно недостаточно. Литературные методические источники по данной проблематике носят неупорядоченный, бессистемный характер, а те редкие опубликованные рекомендации, которые все-таки становятся известны дознавателям, следователям и судьям, вызывают у них массу вопросов, поскольку требуют дополнительных пояснений специалистов по рассматриваемой проблематике. На этих основаниях предлагается новая частная теория, которая должна объединить криминалистическое исследование и использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты; рассмотрение тактических особенностей производства следственных действий, направленных на получение электронных доказательств, и служить базой для разработки новых и совершенствования имеющихся методик расследования компьютерных преступлений, – электронная криминалистика [1, с. 110]. Относительно этого положения отметим следующее.

Полагаем, что электронную криминалистику можно определить как систему научных положений, на основе которых должны разрабатываться технико-криминалистический инструментарий, специальные приемы, методы и рекомендации, направленные на обнаружение, фиксацию, предварительное и судебно-экспертное исследование, а также на применение компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В ее структуре представляется возможным выделить следующие системные элементы:

- 1) криминалистическое учение о компьютерной информации;
- 2) криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей;
- 3) криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты.

Первый подраздел электронной криминалистики посвящен изучению закономерностей возникновения и сокрытия электронных следов и разработке на этой основе технических средств, приемов и методов по их обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию. В его системе выделяются криминалистические исследования следующих видов объектов:

документированной компьютерной информации – электронных образцов бумажных документов, электронных документов, электронных

сообщений, электронных денежных средств, электронных журналов и реестров, компьютерных программ, баз данных, сайтов, страниц сайтов, а также их реквизитов, в том числе динамичной и статичной электронной подписи, а также электронно-цифровых ключей;

вредоносных компьютерных программ, представляющих собой информационно-программное оружие, а также следов его применения (по науковедческой аналогии с исследованием холодного, метательного, огнестрельного оружия и следов его применения).

Второй подраздел рассматриваемой частной теории представляет собой систему научных положений и посвящен разработке на их основе научно-технических средств, приемов и методов по исследованию электронных носителей криминалистически значимой компьютерной информации. Типичными объектами исследования являются машинные носители, интегральные микросхемы, микроконтроллеры, пластиковые карты, комбинированные документы, компьютеры (стационарные и мобильные), информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети.

Как мы отмечали ранее [2, с. 10–19], природа информации, носителями которой выступают объекты слеодообразования, различна. Слеодообразующий объект выступает носителем первичной информации. Он имеет индивидуальные и устойчивые общие и частные признаки. Следовоспринимающий объект является носителем отраженной, производной от первого объекта информации, возникшей вследствие их контакта. В результате устанавливается причинно-следственная связь между ними на основе их связи с расследуемым событием.

В то же время следовоспринимающий объект несет информацию не только об отражаемом объекте, но и о механизме слеодообразования, т. е. о действиях с отражаемым объектом или самого отражаемого объекта. Эта информация передается от системы к системе при помощи материальных носителей в виде сигнала, который является отображением сообщения и средством переноса информации в пространстве и во времени.

Сигнал может иметь самую различную физическую природу, в том числе электромагнитную. Он включает в себя содержание информации и форму информации. Отображение определенных свойств объекта или события составляет содержание сигнала. Материальная же его основа как средство отображения, хранения и перемещения служит его формой.

Следы, которые образуются при использовании преступником в качестве средства и (или) предмета преступления компьютерной информации, есть отдельная составная часть системы материально фиксированных следов. Они являются объектом поиска, фиксации, изъятия, предварительного и судебно-экспертного исследования по уголовным делам о преступле-

ниях различных видов, а также источником собираемой и используемой в уголовном судопроизводстве доказательственной информации.

Действующее российское уголовное законодательство определяет компьютерную информацию как сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (прим. 1 к ст. 272 УК РФ).

С учетом изложенного представляется возможным выделить общие криминалистические признаки компьютерной информации:

является одной из объективных форм существования информации – электронной формой;

всегда опосредована через материальный носитель – электронный, вне которого физически не может существовать;

доступ к компьютерной информации могут одновременно иметь несколько лиц;

достаточно просто и быстро преобразуется из неэлектронных форм в электронную и обратно, например при сканировании документа с бумажного носителя и последующей распечатке на бумаге его электронного образа;

копируется на различные виды электронных носителей и пересылается на любые расстояния, ограниченные только радиусом действия современных средств электросвязи;

обнаруживается, копируется, исследуется и используется в целях уголовного судопроизводства только с помощью специальных научно-технических средств – средств поиска, сбора, хранения, обработки, передачи и предоставления компьютерной информации.

Третий подраздел электронной криминалистики также является системой научных положений. На их основе он призван разрабатывать специальные программно-технические средства, приемы и методические рекомендации по использованию компьютерных технологий и средств защиты информации для борьбы с преступностью. К ним относятся:

общедоступные и специализированные программы для ЭВМ, компьютерные устройства, информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети (например, автоматизированные методики расследования преступлений отдельных видов; информационные системы и сети, обеспечивающие процессуальный контроль по уголовным делам, а также ведение и использование учетно-статистических, розыскных, криминалистических и экспертно-криминалистических учетов; производство судебных исследований и экспертиз);

программно-технические средства защиты документированной информации, циркулирующей в сфере уголовного судопроизводства;

компьютерная информация, в том числе электронные документы, как доказательства по уголовным делам.

Таким образом, отметим, что совершенствование деятельности органов предварительного расследования в XXI в., в условиях широкого применения компьютерных технологий, средств защиты информации и электросвязи, невозможно без развития теоретико-прикладных знаний в области электронной криминалистики – новой частной криминалистической теории.

1. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. «Экон. и юрид. науки» : в 2 ч. 2016. Вып. 3, ч. 2 : Юридические науки.

2. Вехов В.Б., Смагоринский Б.П., Ковалев С.А. Электронные следы в системе криминалистики // Судеб. экспертиза. 2016. № 2.

УДК 343.982

А.Ф. Волобуев

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В последнее время актуальной проблемой в выявлении и собирании доказательств при расследовании преступлений стало использование возможностей полиграфа. Между тем изложенные в литературе рекомендации по использованию данного устройства весьма противоречивы. Они касаются как непосредственного его применения при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, так и его использования только в качестве инструмента проведения экспертного исследования. Фактически сотрудники правоохранительных органов, на наш взгляд, дезориентированы о возможностях получения доказательств с помощью полиграфа.

Использование полиграфа направлено на диагностирование психики человека, его внутреннего мира, который представляет собой систему субъективных образов реальности и функционирует по определенным законам. Возможности использования полиграфа основываются на взаимосвязи эмоционального состояния человека и физиологических проявлений его организма. В частности, когда человек, отвечая на вопрос, говорит неправду, у него происходят физиологические изменения – учащается пульс и дыхание, повышается давление, усиливается потоотделение и т. п. Полиграф способен выявить эти изменения и зафиксировать их (на испытуемое лицо надеваются специальные датчики), а специалист, который проводит испытание, затем оценивает полученные

таким образом данные и решает, на какие вопросы лицо реагировало необычно. Такие необычные для данного человека реакции, зарегистрированные полиграфом, дают основания для вывода о том, когда лицо говорило правду, а когда – ложь. Испытание проводится в форме «вопрос – ответ», когда предусматриваются односложные ответы «да» или «нет». Система проверки включает в себя два основных этапа. На первом этапе определяется нормальный фоновый уровень психофизиологической активности организма человека, регистрируемый на полиграфе. Для этого задаются заранее тщательно продуманные и сформулированные нейтральные вопросы (предполагается гарантированный правдивый ответ) и контрольные вопросы, не относящиеся к предмету расследования, но касающиеся фактов или событий, о которых лицо предпочитает не говорить (предполагается ложный ответ). Таким образом, устанавливается фоновая психофизиологическая реакция человека как на нейтральные вопросы, так и на вопросы, которые ему неприятны по определенным субъективным причинам или по которым он склонен скрывать правду. На втором этапе испытания задаются проверочные вопросы, которые вытекают из предмета расследования. Физиологические реакции на проверочные вопросы (возможна и демонстрация предметов, рисунков или документов) используются для сравнения с реакциями на нейтральные и контрольные вопросы, на основании чего специалист делает вывод о субъективной значимости для данного человека этих вопросов в условиях проводимой проверки.

Во многих странах (США, Канада, Израиль, Венгрия и др.) полиграф уже десятки лет применяется полицией (позволяет выявить факт совершенного преступления, сузить круг заподозренных лиц, создать предпосылки для получения правдивых показаний и т. п.). Вместе с тем результаты проверки на полиграфе, как правило, не принимаются судами в качестве доказательств.

В Российской Федерации в 1997 г. был подготовлен учебник по криминалистике под редакцией В.А. Образцова, в котором отдельный параграф посвящен использованию криминалистической полиграфологии [1, с. 319–329]. В учебнике обосновывается целесообразность применения полиграфа при проведении следственных действий (допроса) и оперативно-розыскных мероприятий (опрос), приводятся примеры его результативности в следственной практике. В то же время отмечается, что результаты применения полиграфа не могут рассматриваться в качестве доказательств, они имеют лишь ориентирующее значение [1, с. 325–327]. Однако, несмотря на это предостережение, в оперативно-розыскной и следственной практике сложилось устойчивое представление о полиграфе как о высокоточном приборе оперативного разоблаче-

ния ложных показаний – своеобразном детекторе лжи. В связи с этим украинскими учеными также высказывалось мнение, что полиграф целесообразно применять в ходе оперативно-розыскной деятельности для проверки правдивости показаний очевидцев происшествия на принципах добровольности. С этой целью предлагалось в Законе Украины от 18 февраля 1992 г. № 2135-ХІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотреть такое оперативно-розыскное мероприятие, как полиграфный опрос лица с целью получения сведений о преступной деятельности [2, с. 175].

Представляется, что при определении полезности полиграфного опроса или допроса с его использованием игнорируется то обстоятельство, что применение полиграфа фактически является лишь элементом психофизиологического исследования (диагностирования) человека, в котором указанное устройство используется только как инструмент выявления и регистрации физиологических реакций. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что это исследование довольно сложное и должно основываться на ряде фундаментальных положений психофизиологии. Оно требует тщательной подготовки, предварительно продуманной системы вопросов с учетом особенностей конкретного человека (что предполагает предварительное изучение его личности). Вопросы должны не только быть правильно сформулированы, но и задаваться в определенной последовательности, касаться как нейтральных для лица фактов, так и значимых для ее субъективного восприятия. В связи с чем несвоевременно поставленный или неправильно сформулированный вопрос может вызвать и неправильную реакцию исследуемого лица, что создаст основу для ложного вывода. Кроме того, условия исследования должны исключать посторонние раздражители (шум на улице, разговоры в соседнем помещении и т. п.), которые могут влиять на психофизиологическую реакцию исследуемого лица. Во-вторых, существуют люди, которые вообще не подходят для проверки на полиграфе, потому что, когда они говорят неправду, их физиологические реакции при этом отличаются от реакций других людей (у них не поднимается давление, не учащается пульс, не дергаются веки глаз). Такое состояние у людей может иметь место в случае их природной склонности ко лжи (так называемые патологические лжецы) или в результате образованности или специальной тренировки. Изменение обычных реакций организма человека может произойти в результате приема химических препаратов, например употребление непосредственно перед тестированием различных психотропных, возбуждающих, обезболивающих или снотворных медицинских препаратов, в том числе и наркотиков (наркоманы вообще не подлежат проверке на полиграфе, поскольку их реакции отличаются

от реакций обычных людей). Возможны и другие способы «обмана» полиграфа, в частности психологические приемы, информация о которых размещена в интернете.

Необходимо отметить, что, несмотря на распространенное представление о полиграфе как своеобразном «детекторе лжи» (что является категорически неприемлемым), в странах, которые уже накопили значительный опыт его применения, существует достаточно осторожное к нему отношение. Так, А. Аптекман отмечает, что в Израиле, где полиграф используется полицией, службой безопасности и страховыми компаниями, определенный эффект его применения связан не столько с ним самим, сколько с мифом, что полиграф всегда способен установить правду. Достаточно часто исследуемое лицо, скрывающее правду, за несколько минут до начала проверки начинает давать правдивые показания, поскольку считает, что его обман все равно будет раскрыт с помощью полиграфа. Иногда следователь после проверки на полиграфе, не дожидаясь ее результатов, может заявить подозреваемому, что тот обманывает, и предложить начать говорить правду. Между тем реальное положение дел в этой сфере заключается в том, что результаты проверки на полиграфе не принимаются судами в качестве доказательств. Верховный Суд Израиля неоднократно указывал, что данные, полученные в результате использования полиграфа, вообще не являются доказательствами. Несмотря на это, результаты проверки на полиграфе иногда имеют определенную ценность, в частности при рассмотрении процедур, связанных с арестом, когда судья должен убедиться, что полиция имеет основания для продления ареста подозреваемого. В этом случае судья принимает как результат проверки на полиграфе, так и отказ от ее прохождения, что усиливает подозрение относительно данного лица [3, с. 152–153].

Исследования последних лет показали, что предостережения относительно реальных возможностей применения полиграфа имеют под собой основания. Так, анализ выводов специалистов и экспертов, которые проводили специальные психофизиологические исследования с использованием полиграфа в России, показали распространенность ошибочных выводов. Л.А. Бегунова, которая проводила анкетирование инициаторов психофизиологических исследований (в том числе по уголовным делам), приводит такие данные о причинах дачи ложных выводов: низкий уровень подготовки специалиста (эксперта) – 66,9 %; недостаточный объем предоставляемой информации – 79,5 %; плохие внешние условия проведения исследования (шум, духота, отсутствие удобной мебели и т. п.) – 41,7 %; сбой в работе аппаратуры, программного обеспечения – 38 %; отсутствие опыта работы (знаний) у специалиста (эксперта) в оперативно-розыскной деятельности – 62,7 %; отсутствие

знаний физиологии – 66,6 %; отсутствие знаний психологии – 58,3 %; «внутренние» причины, связанные с функциональным состоянием обследуемого лица (заболевания, усталость, стресс и т. п.), – 66,8 %; индивидуально-психологические особенности обследуемого лица (интеллект, темперамент и т. п.) – 46,5 % [4, с. 40–41].

В Украине органы досудебного расследования пытаются использовать полиграфические исследования в форме специализированных экспертиз для получения доказательств в уголовных производствах относительно тяжких преступлений. Проведенный анализ дает основания для следующих выводов.

1. Диагностирование человека с использованием полиграфа фактически состоит в исследовании внутреннего мира человека, его психики – физиологических и эмоциональных проявлений на определенную раздражающую систематизированную информацию. На этом основании специалистом делается вывод о субъективной значимости для данного человека той или иной информации (вопросов), который может быть использован для оценки ранее данных им показаний с точки зрения их правдивости или ложности.

2. Для получения достоверного результата при проведении диагностики человека с использованием полиграфа нужно полностью исключить возможность влияния на исследуемое лицо посторонних раздражителей, т. е. диагностирование человека с использованием полиграфа возможно лишь в специально оборудованном помещении-лаборатории или в специальном боксе.

3. Специалист, который проводит диагностирование человека с использованием полиграфа, должен иметь соответствующий уровень подготовки в области психофизиологии (иметь базовое высшее психологическое образование и специальную подготовку по использованию полиграфа в психологических исследованиях). Очевидно, что наименование эксперта полиграфологом, которое довольно распространено, некорректно, ведь полиграф используется в исследовании как техническое устройство (инструмент) и режим его применения ничем не отличается от другого экспертного оборудования.

4. В уголовном производстве проведение психофизиологического исследования человека с использованием полиграфа возможно лишь в форме судебной психофизиологической экспертизы, которая представляет собой нормативно урегулированную процедуру применения специальных знаний – проведение исследования, оценку результатов, формулирование выводов.

5. Психофизиологическая экспертиза может быть проведена для решения основных задач, связанных с установлением психофизиологиче-

ских реакций человека, которые могут быть признаками причастности или непричастности к расследуемому событию, владения или невладе-ния сведениями относительно отдельных обстоятельств расследуемого события, выполнения функций организатора совершения преступления группой лиц, самооговора в совершении преступления.

Выводы психофизиологической экспертизы имеют определенную степень вероятности и должны оцениваться в совокупности с другими доказательствами в уголовном производстве. С учетом значительных затрат времени и усилий на ее подготовку, вероятностного характера ее выводов, которые не являются прямыми доказательствами, нужно в каждом конкретном случае определяться относительно целесообразности ее проведения.

1. Криминалистика : учебник / под ред. В.А. Образцова. М., 1997.
2. Орлов Ю.Ю. Використання поліграфа під час досудового слідства // Наук. вісн. Нац. акад. внутріш. справ. 2014. № 4.
3. Аптекман А. Уголовное право в Израиле. Герцлия, 2006.
4. Бегунова Л.А. Востребованность и эффективность специальных психофизиологических исследований // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Калуга, 22–23 сент. 2016 г. / Калуж. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского. Калуга, 2016.

УДК 343.98

В.А. Вольский

О ДЕФИНИЦИИ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Анализ криминалистической литературы показывает, что в криминалистике до настоящего времени среди ученых отсутствует единое мнение о понятии «розыскная деятельность следователя».

Розыскная деятельность большинством авторов, среди которых Т.В. Боголюбская, Е.Ф. Коновалов, В.Д. Зеленский, Г.М. Меретуков, рассматривается как в широком, так и в узком смыслах. В широком смысле под ней понимают обнаружение замышляемых, готовящихся и совершенных преступлений, а также установление виновных в совершении преступлений лиц, обнаружение носителей доказательственной информации, предметов преступного посягательства и иных, значимых для установления истины по уголовному делу объектов, т. е. отождествляют с деятельностью по раскрытию преступлений. В узком смысле розыск-

ная деятельность трактуется как совокупность следственных действий, оперативно-розыскных и иных процессуальных мероприятий, направленных только на установление местонахождения тех же объектов, но в случаях, когда идентифицирующая информация о них уже известна.

Отдельные ученые, в том числе В.М. Логвин, высказывают мнение, что в определение розыскной деятельности необходимо также вкладывать процесс осуществления следственных, розыскных и иных действий, направленный на воспрепятствование сокрытию от следствия обвиняемых либо иных установленных объектов. Нам представляется, что определение розыскной деятельности в широком смысле не может быть применимо при изучении указанной деятельности сотрудников следственных подразделений, так как оно не отражает в полной мере специфику работы следователя, а также тех средств и методов, которые им при этом используются.

Мы поддерживаем мнение В.М. Логвина, считающего, что розыскной деятельности следователя в отличие от оперативно-розыскной деятельности органов дознания присуща такая цель, как обнаружение различных объектов розыска. Фактически следователь в своей деятельности имеет дело с розыском только установленных, т. е. уже известных объектов. Цели установления разыскиваемого объекта розыскная деятельность следователя не имеет.

Таким образом, определяющим условием для отнесения тех или иных лиц или предметов к объектам розыскной деятельности следователя является наличие определенного объема информации о них, позволяющей их идентифицировать. Например, человек становится объектом розыскной деятельности следователя, если сотрудник следственного подразделения имеет в своем распоряжении установленные в ходе предварительного расследования определенные данные об этом лице, позволяющие индивидуализировать личность разыскиваемого и отождествить его при обнаружении. К таким данным, по нашему мнению, относится, прежде всего, комплекс демографических сведений о лице, информация о его внешних признаках и иных свойствах личности. Разыскиваемый следователем человек – это всегда конкретное, определенное лицо. В большинстве случаев так же характеризуются и другие объекты розыска, хотя существуют и исключения.

Объектами розыска могут быть и предметы, в отношении которых известна лишь их групповая принадлежность (например, документы определенного вида, товары, изготовленные из определенного вида сырья). Иногда объем группы, к которой они относятся, может быть достаточно велик, что, однако, не препятствует их розыску (например, ценно-

сти, антиквариат). Установленные данные в подобных случаях касаются принадлежности предмета к определенной группе и зафиксированы как признаки этого объекта в процессуальных документах.

Также обязательным условием для объектов розыскной деятельности следователя является отсутствие сведений об их местонахождении. О лицах, которые являются либо могут стать участниками уголовного процесса, должны иметься данные о том, что такие лица скрылись от органов уголовного преследования либо в силу каких-либо причин их место пребывания не установлено. В отношении других объектов розыскной деятельности должно быть известно, что эти объекты специально скрыты преступником или другими лицами либо их местонахождение неизвестно по иным причинам, чтобы возникла необходимость разыскивать эти объекты.

Анализ материалов архивных уголовных дел показывает, что наиболее часто такими объектами розыскной деятельности следователя выступают трупы и их части, животные (как предмет преступного посягательства или орудие преступления) и их трупы, вещественные доказательства, в том числе орудия преступления, транспортные средства (как предмет преступного посягательства или орудие преступления), имущество или иные ценности, личные и иные документы, не являющиеся вещественными доказательствами, но характеризующие личность разыскиваемого, предметы, изъятые из гражданского оборота.

В процессе расследования уголовного дела следователь для осуществления розыска объектов использует широкий арсенал следственных действий. Наибольшими розыскными возможностями из них обладают следственный осмотр, допрос, обыск, выемка и проверка показаний на месте.

Кроме следственных действий в процессе розыска отдельных объектов, следователь может осуществлять и розыскные действия (процессуальные и непроцессуальные), направленные на достижение целей розыска, однако не являющиеся при этом следственными или организационными, а также оперативно-розыскные мероприятия. Так, к розыскным процессуальным действиям можно отнести: объявление обвиняемого в розыск, дачу следователем поручений органам дознания о проведении оперативно-розыскных и иных процессуальных мероприятий, истребование необходимых материалов и др., к непроцессуальным – направление информации в различные инстанции, проведение бесед с лицами, обладающими значимой информацией, проверку по криминалистическим учетам, информирование общественности с помощью средств массовой информации, анализ объявлений и иной информации, разме-

щенной в сети Интернет, рассылку ориентировок, изучение архивных уголовных дел и др.

Особенность процессуальных розыскных действий заключается в том, что они могут проводиться только по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя. Отличием розыскных действий от оперативно-розыскных мероприятий является то, что они производятся следователем по конкретному уголовному делу и носят преимущественно гласный характер, хотя непроцессуальные розыскные действия имеют сходство с одноименными мероприятиями, выполняемыми оперативными сотрудниками.

Организационные действия следователь проводит, чтобы получить информацию, создать условия для решения розыскных и иных задач, например, для организации взаимодействия с иными правоохранительными органами или для назначения ревизий и инвентаризаций.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что по нашему мнению, под розыскной деятельностью следователя понимается основанный на законах и подзаконных актах Республики Беларусь специфический комплекс следственных, розыскных и организационных действий, направленных на поиск известных следствию лиц и иных объектов, местонахождение которых не установлено, осуществляемых в рамках как расследуемого уголовного дела, так и приостановленного производства. Данная дефиниция, на наш взгляд, позволит более предметно определить основные направления этой работы следователя и самому специфику этого вида деятельности при расследовании преступлений.

УДК 343.985.2

А.И. Габа

ЗНАЧИМОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ПОДГОТОВКИ СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Важнейшим элементом процесса расследования общественно опасного деяния лица, страдающего психическим расстройством, является подготовка и назначение следователем судебной психиатрической экспертизы (СПЭ). Анализ материалов архивных уголовных дел показывает, что в целом роль этого этапа субъектами расследования очень сильно недооценивается. В большинстве случаев следователь, установив поводы для назначения экспертизы, ограничивается получением медицин-

ских документов из учреждения, где проходил лечение либо обследование подэкспертный (в случае, если такое обследование или лечение имело место), характеристики с места его учебы (работы), допросами в качестве свидетелей преподавателей, представителей администрации по месту учебы (работы). Часто даже этот ограниченный круг мероприятий не выполняется.

Редко следователь пытается установить и задокументировать такие важные обстоятельства, как патологии протекания беременности у матери подэкспертного, родовые черепно-мозговые травмы новорожденного, наличие страдающих психическими расстройствами лиц среди его кровных родственников, патологии раннего детского возраста. Это характерно в первую очередь для случаев, когда подэкспертным является взрослый (особенно зрелого возраста), хотя и в отношении несовершеннолетнего такая ситуация также не является редкостью. Что касается взрослого подэкспертного, то игнорируется также информация об имевших место патологиях и иных аномалиях подросткового возраста.

Между тем негативные экзогенные и эндогенные факторы, воздействующие не только на головной мозг, но и на иные системы организма в период внутриутробного развития и в раннем детском возрасте, являются одними из основных причин психических расстройств, которыми человек может страдать в течение всей своей жизни [1, с. 26; 2, с. 246]. При этом наиболее тяжелые последствия их воздействия для психики человека нередко начинают проявляться спустя многие годы, когда на результаты их воздействия накладывается действие иных негативных факторов, сопровождающих развитие человека в течение его жизни (острые и хронические психотравмирующие ситуации, неблагоприятная психологическая среда жизнедеятельности, злоупотребление алкогольными напитками, отравления, соматические заболевания, хроническое недосыпание, физическое и психическое перенапряжение и др.) [3, с. 15; 4, с. 29].

В характеристике с места учебы (работы) подэкспертного редко содержится полная информация об особенностях психической деятельности и поведения подэкспертного, интересующих эксперта. Причина этого видится не только в формальном отношении следователя к получению характеристики, но и в незнании следователем того, что именно должно быть отражено в ней (что именно является в ней ценным для эксперта), и по этой причине в его неспособности ориентировать представителей администрации учебного заведения (предприятия) на отражение необходимых сведений в подобных документах.

Ценными для эксперта являются данные, указывающие на особенности психического состояния лица в момент совершения общественно опасного деяния. Они могут содержаться в протоколе осмотра места

происшествия при условии, что следователь выявил и зафиксировал признаки обстановки места происшествия, являющиеся результатом действий, совершаемых под влиянием аномально функционирующей психики. Вместе с тем протоколы указанного следственного действия в большинстве своем не отражают названные особенности обстановки места происшествия. Мы имеем в виду те случаи, когда содержащаяся в материалах уголовного дела информация свидетельствует о том, что такие особенности обстановки места происшествия были (поскольку совокупность действий участников криминального события не могла не оставить характерной следовой картины, указывающей на аномальное психическое состояние субъекта деяния).

Привлечение к уголовной ответственности, содержание в следственном изоляторе, перспектива длительного лишения свободы для подозреваемого (обвиняемого) являются обстоятельствами, создающими для него выраженную психотравмирующую ситуацию. По этой причине даже в тех случаях, когда субъект до совершения общественно опасного деяния и во время его совершения не имел психического расстройства, подобная ситуация может стать причиной возникновения выраженного расстройства психики. Если же такое расстройство у него было, то оно практически всегда обостряется. В последующем такие расстройства проявляются и их признаки могут быть выявлены следователем как в процессе личного общения, так и посредством других лиц (сотрудников следственного изолятора, иных лиц, общающихся с подозреваемым, обвиняемым).

Грамотно проведенный допрос с активным использованием следователем специальных знаний в области судебной психиатрии и судебной психологии, с привлечением в необходимых случаях соответствующих специалистов является эффективным средством выявления признаков психического расстройства и фиксации этих признаков. Если психическое расстройство является выраженным, то выявление таких признаков особого труда не составляет. Однако, если течение расстройства имеет латентный характер, если оно затрагивает преимущественно эмоциональную и волевую сферы (а именно такие расстройства являются преобладающими по распространенности среди лиц данной категории), для выявления его признаков необходимы правильно выбранные, научно обоснованные тактические приемы со стороны следователя. В выборе таких приемов существенную помощь следователю может оказать специалист – судебный психиатр. Вместе с тем и в этом случае возможности фиксации особенностей психического состояния допрашиваемого путем протоколирования хода и результатов допроса весьма ограничены. Для того чтобы результаты допроса, зафиксировавшие психическое состояние допрашиваемого, могли быть в статусе источника доказа-

тельств в должной мере восприняты всеми участниками уголовного процесса и, самое главное, судом, совершенно необходима видеозапись хода и результатов допроса. Применение же видеофиксации при допросе является достаточно большой редкостью даже в случае проведения допроса лица, у которого до момента допроса выявлялись психические расстройства различной степени выраженности.

Эксперт не в состоянии компенсировать упущения этапа подготовки экспертизы, каким бы высоким ни был его профессиональный уровень и сколь бы ни были совершенны методики исследования. Результатом такого подхода к подготовке экспертизы является невозможность для эксперта на должном уровне осуществить ряд важнейших элементов процесса экспертного исследования, в частности составление анамнеза, причем это касается не только объективной, но и субъективной составляющей анамнеза. Если допрос проводился с активным, профессионально грамотным использованием специальных знаний в области психиатрии, допрашиваемый может сообщить следователю важную информацию о своем психическом состоянии в конкретные моменты времени, интересующие следствие, суд. Такая информация крайне важна эксперту для составления анамнеза и последующей оценки этих сведений. В противном случае она ускользает от эксперта. Впоследствии в ходе экспертизы по прошествии времени по тем или иным причинам подэкспертный часто уже не сообщает ее эксперту в процессе общения с ним.

Следующим элементом экспертизы, на результативности которого негативно сказывается рассматриваемая ситуация, является проведение экспертом ретроспективного психиатрического анализа материалов дела. Эксперт сможет осуществить его на должном уровне только в случае, если материалы дела имеют психолого-психиатрическую составляющую, т. е. если следователь отразил в материалах дела обнаруженную им лично и зафиксированную в ходе процессуальных действий либо представленную ему иными лицами информацию об имеющих отношение к личности подэкспертного событиях, обстоятельствах, которая позволяет специалисту вскрыть закономерности и особенности развития его психики и ее функционирования в интересующие следствие и суд периоды времени, причинно-следственные связи между этими особенностями психики и конкретными элементами общественно опасного деяния, а также иными событиями, имеющими значение для расследования дела. Сказанное в полной мере относится и к ретроспективному психологическому исследованию, проводимому в случае осуществления комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). В противном случае эксперты в своем исследовании и в своих выводах в значительной степени замыкаются лишь на результатах применения та-

ких методов, как клинические психиатрические беседы и клиническое психиатрическое наблюдение, специальные лабораторные исследования, а также экспериментально-психологическое исследование (которое проводится далеко не во всех случаях осуществления СПЭ).

Вполне понятными и логичными поэтому являются и затруднения, связанные с проведением такого на первый взгляд не связанного с рассматриваемой ситуацией элемента СПЭ, как определение психического статуса подэкспертного на момент обследования. Конечно, основными методами для его определения являются клиническое психиатрическое наблюдение и клинические психиатрические беседы. Однако они не дадут возможности в полной мере учесть динамику психических процессов, состояний и свойств личности в период, предшествовавший проведению СПЭ. Точно определить психический статус подэкспертного психиатр может, обращаясь в той или иной мере к сведениям, содержащимся в материалах уголовного дела.

Названные недостатки подготовки материалов для экспертизы негативно сказываются и на качестве проведения экспериментального психологического исследования, которое является факультативным элементом СПЭ и обязательным элементом КСППЭ. Его результат во многом зависит от того, насколько обоснованно эксперт-психолог выбрал методику исследования, соответствующие тесты, задания, вопросы, тактико-психологические приемы установления психологического контакта с подэкспертным и свою линию поведения в ходе эксперимента. Для того, чтобы сделать это, а затем правильно оценить, интерпретировать результаты тестирований, эксперту-психологу надо опираться на материалы дела, имеющуюся информацию о личности подэкспертного.

Проделанная следователем на должном уровне работа по подготовке СПЭ позволит не только избежать указанных выше негативных моментов при проведении экспертизы, но и самому решить в дальнейшем сложную, но необходимую задачу оценки заключения эксперта. Согласно требованиям ст. 95 и 105 УПК Республики Беларусь оценка заключения эксперта является не правом, а обязанностью лица, назначившего экспертизу. При этом следует иметь в виду, что заключение эксперта оценивается на основе положений как формального характера, так и касающихся его существа [5, с. 44]. Оценить заключение эксперта следователь (суд) обязан не только на предмет того, соблюдены ли требования уголовно-процессуального закона, иных нормативных актов при проведении экспертизы, на все ли вопросы даны ответы, не вышел ли эксперт, делая выводы, за пределы своей компетенции, но и на предмет научной обоснованности его выводов [6, с. 187].

Оценивая заключение эксперта, следователь и суд должны выяснить, правильно ли выбрана методика исследования и полно ли она описана в заключении; обеспечивает ли проведенное исследование решение поставленных вопросов, описаны ли применявшиеся методы и приемы, какие получены результаты, их мотивированность; какие положения специальных знаний использованы экспертом для обоснования результатов исследования; достаточно ли было представленных материалов для исследования и выводов эксперта; соответствуют ли проведенные исследования уровню развития специальных знаний и возможностям данного вида судебных экспертиз [7, с. 33]. Именно этот элемент оценки заключения эксперта является очень сложным для следователя (суда) [8, с. 49]. В этом плане все материалы, собранные следователем в порядке подготовки экспертизы, являются для него самой информационной базой для оценки научной обоснованности выводов эксперта.

Есть еще один аспект данной проблемы, объясняющий значимость стадии подготовки СПЭ. Должное внимание следователя к собиранию материалов для экспертизы позволяет ему углубить свои собственные специальные знания в области судебной психиатрии и судебной психологии и, используя их, а также указанную выше информационную базу, определить тактические особенности производства отдельных следственных действий с участием лиц, имеющих психические расстройства различной нозологической принадлежности и различной степени выраженности. Для следователей и оперативных сотрудников в целом характерна определенная ограниченность, неполнота представлений о многообразии проявлений психических расстройств. Нередко они представляют психические расстройства как нарушения главным образом в сфере мышления, не придавая должного значения нарушениям в эмоциональной и волевой сферах, сфере памяти. К тому же представления о нарушениях в сфере мышления чаще ограничиваются нарушениями в виде снижения интеллекта. При этом от их внимания ускользают нарушения темпа, содержания мышления и др.

Данное обстоятельство не позволяет следователю дифференцированно подходить к анализу тех внешнеповеденческих признаков подозреваемого (обвиняемого, потерпевшего, свидетеля), которые он воспринимает либо непосредственно при производстве следственных действий, при иных формах общения либо опосредованно, получая соответствующую информацию от других лиц, из документов. При этом речь не идет о том, чтобы следователь мог на экспертном уровне распознавать, диагностировать психическое расстройство. Он должен обладать специальными знаниями в области судебной психиатрии, с одной стороны, и знаниями об особенностях личности конкретных субъектов – с другой, на таком уровне, который позволил бы ему выявить проблемные момен-

ты в психической деятельности этих лиц и эффективно использовать возможности сведущих лиц в форме проведения экспертизы, участия специалистов в следственных действиях, в форме консультаций и др., чтобы в итоге представить суду необходимые доказательства.

1. Москаленко В.Д. Клинические аспекты взаимодействия наследственности и среды при шизофрении: исследование близнецов и их семей : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 14.00.18. М., 1980.
2. Датий А.В. Судебная медицина и психиатрия : учебник. М., 2009.
3. Незнанов Н.Г. Клинико-психопатологическая характеристика, прогнозирование и психофармакологическая коррекция агрессивного поведения у больных психическими заболеваниями : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 14.00.08. М., 1994.
4. Голдберг Д., Бенджамин С., Крид Ф. Психиатрия в медицинской практике : пер. с англ. Киев, 1999.
5. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995.
6. Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза : учебник. М., 2002.
7. Лисиченко В.К. Особенности проверки и оценки заключений экспертизы на предварительном следствии и в суде // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1982. Вып. 24.
8. Головченко, Л.Н. Некоторые вопросы оценки заключения криминалистической экспертизы следователем и судом // Актуальные проблемы судебной экспертизы и криминалистики. Киев, 1993.

УДК 343.1

Б.Я. Гаврилов

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исследование современного состояния уголовного судопроизводства позволяет выделить проблему использования в расследовании преступлений и последующем судебном разбирательстве возможностей применения в допустимых пределах в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. При этом значимость полученных оперативно-розыскным путем познавательных ресурсов признается большинством специалистов (В.А. Азаров и В.В. Константинов [1, с. 20–24], Е.А. Доля [2], О.Д. Жук [3], М.П. Поляков [4, с. 182–184], Н.В. Павличенко и Г.К. Лобачева [5] и др.).

Кроме того, следует отметить и активную позицию представителей научного сообщества по данной проблеме, о чем, например, свидетельствует и статья «Результаты оперативно-розыскной деятельности – доказательство по уголовному делу: только „за“ и никаких „против“» С.Б. Россинского [6, с. 261–267]. Из ее названия можно однозначно сделать вывод о позиции автора в части использования в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности.

Одновременно в уголовно-процессуальной доктрине современного российского законодательства высказывается иная позиция (например, В.И. Зажицкий [7]). Авторы указывают на невозможность непосредственного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве полноценных доказательств по уголовному делу. Обосновывая свою позицию, в качестве основных аргументов они выдвигают тезис о процессуальной недоброкачественности данных сведений, об их определенной ущербности по сравнению с предусмотренными УПК РФ источниками доказательств, поскольку они получены без соблюдения процессуального режима и, соответственно, без обеспечения участников уголовного процесса соответствующими гарантиями (Ю.В. Астафьев [8, с. 20–26], И.Л. Петрухин [9, с. 81–91]). Последний отмечал это обстоятельство еще задолго до принятия УПК РФ.

Относительно данной позиции С.Б. Россинский утверждает, что существующие противоречия теории с реальными потребностями правоприменительной практики привели к непоследовательности законодателя при формировании соответствующей нормативной базы, обусловили возникновение существующей коллизии, выраженной в отсутствии системного единства между положениями уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства [6]. Так, с одной стороны, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и изданная в соответствии с ним Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности следователю, дознавателю, в суд, утвержденная приказом от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/68 Министерства внутренних дел России, Министерства обороны России, Федеральной службы безопасности России, Федеральной службы охраны России, Федеральной таможенной службы России, Службы внешней разведки России, Федеральной службы исполнения наказаний России, Федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета России, согласованная с Генеральной прокуратурой России и Верховным Судом России, предусматривающая возможность передачи в распоряжение следователя, дознавателя или в суд результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий. А с другой стороны,

по мнению С.Б. Россинского, установленные ст. 89 УПК РФ процессуальные правила полностью блокируют возможность их использования в процессе доказывания по причине несоответствия требованиям уголовно-процессуальной формы ввиду изначально существующей дифференциации правовых режимов оперативно-розыскной деятельности и уголовного судопроизводства.

Формально следует согласиться с позицией С.Б. Россинского в силу того, что ст. 89 УПК РФ гласит, что «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности». Однако следует обратиться и к другой части текста, из которого следует вывод о невозможности использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, «если они [эти результаты] не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам» УПК РФ.

Про эту вторую составляющую ст. 89 УПК РФ многие наши коллеги (можно предложить, что и В.И. Зажицкий, и профессор М.П. Поляков), критикуя вполне обоснованно эту уголовно-процессуальную норму в указанных выше публикациях, почему-то забывают, хотя практикующие юристы, включая следователей, дознавателей, оперативных сотрудников, не только помнят об этом, но и хорошо знают, что с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности раскрываются, а в дальнейшем успешно расследуются сотни заказных убийств и тысячи преступлений, совершенных в составе банды, преступного сообщества (преступной организации) и др., без чего это сделать было невозможно [10].

Наличие указанной проблемы подталкивает представителей науки к разработке вопроса о некоем правовом механизме в целях возможности легализации процессуальными средствами результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу. Большинство авторов позиционируют эти сведения как некий фундамент, на котором в дальнейшем могут быть сформированы полноценные доказательства (Ю.В. Астафьев и др.). Эта же идея находит поддержку и в практике Конституционного Суда Российской Федерации [11].

Однако, по нашему мнению, подобные позиции в российской уголовно-процессуальной науке представляются излишне затеоретизированными и в значительной степени надуманными. На их несостоятельность указывают ряд факторов.

Во-первых, действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает каких-либо механизмов, предоставляющих возможность приобщения материалов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу путем придания им некоей процессуальной формы в силу того, что следователи, дознаватели, судьи не обладают правовой возможностью введения этих материалов в уголов-

ный процесс посредством неких процессуальных действий, однако их производство УПК РФ не предусматривает.

Во-вторых, если бы УПК РФ и устанавливал подобные механизмы, то они все равно не смогли бы разрешить сущность данной проблемы, поскольку позволили бы лишь технически обеспечить приобщение материалов оперативно-розыскной деятельности к уголовному делу, не изменения их правовой природы и без придания им конкретной уголовно-процессуальной формы.

В-третьих, никакие следственные, судебные или иные процессуальные действия не позволят применить к ранее проведенным оперативно-розыскным мероприятиям процессуальные правовые гарантии их доброкачественности, предусмотренные УПК РФ для доказательств. Тем самым никакие процессуальные «манипуляции» с нормами уголовно-процессуального закона не позволят познавательным результатам, сформированным оперативно-розыскным путем, задним числом придать процессуальную форму, поскольку ни следователь, ни дознаватель, ни судья не в состоянии никакими процессуальными действиями восстановить те обстоятельства, которые уже восприняты оперативными сотрудниками.

Одновременно рассуждая о процессуальной непригодности результатов оперативно-розыскных мероприятий, тем не менее, невозможно полностью исключить из существующей в природе объективной реальности факт обнаружения и изъятия сотрудниками правоохранительных органов неких материальных объектов, имеющих значение для последующего расследования уголовного дела.

В этой связи выработанные сегодня прикладные технологии так называемого формирования доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности сводятся к представлению соответствующих материалов оперативно-розыскной деятельности для приобщения к уголовному делу на основании норм оперативно-розыскного права. Тем самым правоприменитель в лице следователя, дознавателя и прокурора предлагает некие обходные пути, с которыми суды в своих приговорах соглашаются, расценивая материалы оперативно-розыскной деятельности в качестве полноценных доказательств, связывая их процессуальную доброкачественность исключительно с соблюдением сотрудниками органов дознания требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

По нашему мнению, объяснить этот феномен можно тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона, к которым наряду с УПК РФ отнесен и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной дея-

тельности». Тем самым в случае если результаты оперативно-розыскной деятельности соответствуют требованиям последнего, то они в последующем следователем, дознавателем, судом могут быть легализованы в материалах уголовного дела.

В данной ситуации можно исходить из того, что материалы оперативно-розыскной деятельности формируются за пределами сферы уголовно-процессуальных отношений и в уголовное дело они представляются, уже будучи сформированными в окончательном виде. И сегодня практика их признания полноценными доказательствами осуществляется в режиме правовой аналогии с механизмом процессуальной легализации иных документов, которая сводится к некому процессуальному решению об их приобщении к уголовному делу. И если для судебного производства порядок принятия данного решения в определенной степени регламентирован ст. 286 УПК РФ, то для досудебного производства в УПК РФ законодатель такой порядок не предусмотрел. И, вероятно, именно по этой причине некоторые авторы видят выход из рассматриваемой проблемы посредством введения в уголовный процесс результатов оперативно-розыскной деятельности (В.А. Семенцов и В.Ю. Сафонов [12], С.А. Шейфер [13]) через понятие «иные документы».

Здесь, по нашему мнению, ученые исходят из того довода, что сугубо формально иными документами могут быть признаны любые объекты документального характера, имеющие отношение к уголовному делу, в частности материалы оперативно-розыскной деятельности.

Однако высказанную позицию не представляется возможным обосновать должным образом, ибо представляемые оперативной службой документы содержат в себе сведения, сообщенные не специально уполномоченными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, а оперативными сотрудниками правоохранительного органа, статус которых может быть определен через «орган дознания». Тем самым такие материалы оперативно-розыскных мероприятий формируются сотрудниками правоохранительных органов пусть и в рамках непроцессуальных, но достаточно близких к уголовному судопроизводству познавательных процедур. Тем более что и сама ст. 89 УПК РФ специально выделяет результаты оперативно-розыскной деятельности из всей массы информации, придавая им тем самым значимость для уголовного дела.

Приведенные выше факторы позволяют сформулировать вывод, отвечающий, по нашему мнению, реальным потребностям правоприменения, что возможный вариант решения проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности видится в легализации механизмов непосредственного введения этих результатов в уголовный процесс. И отвергать это бессмысленно. В этой связи пред-

ставляется необходимым узаконить этот процесс, придать ему должный правовой характер. Поэтому сегодня многие ученые [14], в том числе и автор, вполне обоснованно ставят вопрос перед законодателем о необходимости прямого использования в доказывании материалов оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с тем при разрешении данной проблемы следует учитывать ряд условий.

Первое условие заключается в том, что действующая ст. 89 УПК РФ, редакцию которой вполне обоснованно критикуют как научное сообщество, так и практикующие юристы, была принята в результате компромисса, достигнутого в рабочей группе по подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению. Предыдущие УПК РСФСР такой процессуальной нормы в себе не содержали.

Второе обстоятельство состоит в том, что число процессуальных норм в УПК РФ, в которых речь идет об оперативно-розыскной деятельности, более чем в два раза превосходит количество таких норм по УПК РСФСР 1960 г.

Третье условие выражается в том, что законодательство большинства стран, включая государства бывшего СССР, эту проблему уже разрешило (в УПК Украины – гл. 21 «Негласные следственные (розыскные) действия», в УПК Республики Казахстан – гл. 30 «Негласные следственные действия», а с 1 января 2019 г. и в УПК Республики Кыргызстан – гл. 31 «Специальные следственные действия»), включив нормы, предусматривающие возможность производства так называемых специальных (негласных, розыскных) следственных действий.

О том, как эти нормы могут быть восприняты как законодателем, так и практикующими юристами, следует пояснить, что еще в рамках УПК РСФСР Федеральным законом от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ была введена ст. 174¹ (контроль и запись переговоров). Несмотря на ее невосприятие со стороны ряда российских ученых, для того временного периода эта норма фактически предусматривала специальное (оперативно-розыскное) следственное действие, за что и была подвергнута критике. Решение о контроле и записи переговоров принималось судом на основании мотивированного постановления следователя, о направлении которого в суд прокурор лишь уведомлялся. И это имело место в правовой ситуации, когда ограничение конституционных прав граждан по судебному решению не предусматривалось. При подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению и в последующем этот опыт был использован, и в уголовно-процессуальном законе появились соответствующие нормы: ст. 165 (наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка), ст. 186 (контроль и запись переговоров) и ст. 186¹

(получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами), содержание которых охраняется предусмотренной соответствующим законом тайной.

Одновременно следует отметить, что непосредственное использование в процессе доказывания по уголовному делу результатов оперативно-розыскной деятельности возможно лишь в совокупности с иными доказательствами, собранными посредством всего процессуального арсенала средств и методов, находящихся в ведении органов предварительного расследования, органов дознания и суда.

1. Азаров В.А., Константинов В.В. Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности // Рос. следователь. 2013. № 11.
2. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности : монография. М., 2009.
3. Жук О.Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). М., 2004.
4. Поляков М.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 27–28 окт. 2003 г.). М., 2004.
5. Павличенко Н.В., Лобачева Г.К. Инновационные технологии в оперативно-розыскной деятельности : монография. Волгоград, 2014.
6. Россинский С.Б. Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 24–25 мая 2018 г. : в 2 т. / Восточ.-Сиб. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. Иркутск, 2018. Т. 1.
7. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2006.
8. Астафьев Ю.В. Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 25–26 сент. 2014 г. / Байк. гос. ун-т экономики и права. Иркутск, 2014.
9. Петрухин И.Л. Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. 1993. № 7.
10. Беляев М., Шептицкий А. Бандитский Татарстан. Татарстан, 2015.
11. По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 4 февр. 1999 г., № 18-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс. Россия».
12. Семенцов В.А., Сафонов В.Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. Екатеринбург, 2006.
13. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008.

14. Бозров В.М. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2004. № 4 ; Зникин В.К. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998 ; Зуев С.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголов. право. 2007. № 3 ; Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Н. Новгород, 2001 и др.

УДК 343.98

В.А. Газизов, И.Н. Подволоцкий

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛНОТЫ И ДОСТОВЕРНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ПОРТРЕТОВ

Современный этап развития общественных отношений вообще и в области судебной экспертизы в частности напрямую связан с технологиями, позволяющими одновременно управлять и глобальными процессами, и каждым человеком в отдельности. Следует отметить, что понятие управления мы рассматриваем применительно к сферам коммуникативных взаимодействий человека с обществом в контексте обеспечения безопасности граждан и государства в современных условиях, при обязательном соблюдении прав и свобод личности. Судебная экспертная деятельность занимает свое особое место, обусловленное жесткой регламентацией процессуальным законодательством и нормативными актами, касающимися регулирования социальной сферы. Реализация деятельности судебных экспертов в интересах общества кроме всего прочего может быть обращена на использование информационных технологий при разработке методик исследования доказательств по уголовным делам. Эффективным стимулом создания подобных методик является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента от 9 мая 2017 г. № 203.

Обобщение практики проведения портретных экспертиз свидетельствует об увеличении их количества за счет представления на исследование электронных файлов, содержащих фрагменты видеозаписей или скриншоты отдельных кадров, запечатлевших факт совершения правонарушения. Проведение портретных исследований по видеозаписям в настоящее время осуществляется по технологии фотопортретных экспертиз. Только 10 % подобных исследований заканчиваются решением

идентификационных задач, связанных с установлением тождества (его отсутствия) по совокупности анатомических элементов внешности. Большинство экспертиз заканчиваются еще на стадии предварительной оценки количественных и качественных показателей отображения признаков анатомических элементов.

Преодолеть негативную тенденцию роста количества экспертиз с ответами о невозможности проведения идентификационных исследований можно за счет расширения изучаемых свойств и признаков внешности, отображаемых на кадрах видеозаписи, фиксирующих внешность подозреваемого лица и его действия на месте происшествия. Предпосылки для подобных исследований имеются.

Прежде всего речь идет о повышении качества экспертных исследований [1, с. 196–205], далее следует обратить внимание на полноту изучения и описания признаков внешности, имеющихся на видеоизображении [2, с. 180–185]. Важную роль играет анализ динамических признаков внешности [3, с. 70–75; 4, с. 166–171]. В практике экспертных исследований на комплексные признаки внешности обращается внимание только в контексте их низкой идентификационной (групповой) значимости, однако подобный подход следует изменить [5, с. 22–50; 6, с. 88–95]. Недостаточное использование возможностей методов математического моделирования при сравнении признаков внешности снижает потенциал идентификационного комплекса совпадений [7, с. 131–139]. Не следует забывать и о нормативном регулировании процедур, связанных с назначением и проведением экспертных исследований [8, с. 66–65].

Для повышения результативности экспертных исследований портретных видеоизображений в первую очередь предлагается осуществить ряд мероприятий, направленных на обеспечение полноты, достоверности и сохранности информации, запечатленной на электронных носителях.

Для обеспечения полноты материалов, направляемых для исследования в распоряжение эксперта, должны представляться только оригиналы видеозаписей, изъятые с места происшествия. В сопроводительной информации необходимо указывать параметры технических средств, время и условия съемки, порядок изъятия электронного файла. Если речь идет о назначении идентификационной экспертизы, следует изложить персональные данные о проверяемом лице и сведения, возможно повлиявшие на изменение его внешности в течение жизни (перенесенные заболевания, травмы, косметические операции и т. п.). При изъятии электронной информации с нестандартных регистрирующих устройств она должна сопровождаться программным обеспечением или техническим устройством для ее извлечения и исследования.

В целях обеспечения достоверности портретной видеоинформации, отображаемой на электронных носителях, особенно в ситуациях неод-

новременного изъятия электронного файла с регистрирующим устройством или наличия предположения о возможном несанкционированном вмешательстве в содержание файла, а также в случаях представления электронных документов заинтересованными сторонами в виде копий и т. п., следует первоначально провести видеотехническую экспертизу. На разрешение эксперта следует поставить вопрос о наличии (отсутствии) факта монтажа или изменения первоначального содержания документа. При изъятии электронного файла следует зафиксировать его суммарные данные и защитить его персональным паролем.

В сложившейся ситуации лицам, применяющим устройства видеонаблюдения в целях обеспечения мер безопасности, не хватает правового регулирования единых процедур получения портретных фото- и видеоизображений. Для соблюдения единых требований к условиям и порядку применения видеозаписывающей и фотографической техники необходимо принять регламент (стандарт) использования технологий цифровой фотографии. Например, такой регламент (Стандартные операционные процедуры в судебной цифровой фотографии) действует в Австралии с 2002 г. Подобные меры позволят упорядочить использование цифровой фотографии в целях обеспечения достоверности получаемых изображений в правоприменительной деятельности, в том числе и для эффективного использования при портретном отождествлении человека.

Большинство проблем с использованием фотоизображений (фото-снимков на документах, удостоверяющих личность, водительских удостоверениях и др.) возникают из-за отсутствия единых требований к процессу фотографирования. Субъективные подходы операторов съемочных камер и автоматические настройки производителей, направленные на коррекцию характеристик внешности, приносят ущерб достоверности отображения человека. «Предпродажная» подготовка фотоснимка включает использование различных программ-редакторов и манипуляций с исходными изображениями. При получении, обработке, передаче, использовании и хранении фото- и видеоизображений, основанных на цифровых технологиях, пользователи в состоянии самостоятельно изменять их качество и достоверность. Следует ограничить круг лиц, которым доступна работа с цифровой фотографией в сфере правоприменительной деятельности. Допущенные лица должны строго соблюдать стандартные операционные процедуры цифровой фотографии, позволяющие обеспечить достоверность и качество изображений.

Для повышения качества получаемых в настоящее время цифровых портретных фотоизображений, предназначенных для документов, удостоверяющих личность, а также в интересах судопроизводства предлагается разработать специальный фоторегистрирующий модуль, совмести-

мый с имеющимися комплексами регистрации биометрических данных в соответствии с ч. 5 «Данные изображения лица» ГОСТ Р ИСО/МЭК 19794-5–2013 «Информационные технологии. Биометрия. Форматы обмена биометрическими данными», международными рекомендациями в рамках требований Положения о государственной системе миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность, утвержден постановлением Правительства РФ от 6 августа 2015 г. № 813.

Следует отметить, что помимо действующих сегодня в этой области государственных стандартов, а их более 30, в июне 2018 г. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ утвержден порядок обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных в целях идентификации.

Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р, предполагает создание единой информационной среды, обеспечивающей эффективное и незамедлительное взаимодействие всех сил и служб, ответственных за безопасность и правопорядок. Система должна аккумулировать весь объем фото-, видеоинформации, представляющей интерес для правоохранительных органов, с учетом соблюдения требований Конституции России. Наполнение системы должно происходить и за счет размещения в ней электронных документов, изымаемых с места предполагаемого преступления, включая объекты, направляемые на экспертные исследования, и за счет образцов внешности проверяемых лиц, проходящих проверку посредством портретной идентификации. Автоматизированные комплексы следует оснастить поисковыми системами, действующими в соответствии с международными стандартами, применяемыми для идентификации личности, что позволит включать их результаты в заключения экспертов.

Указанные выше меры правового и организационного характера позволят создать нормативную базу использования современных программных и компьютерных средств для безопасного обращения с электронными фото-, видеоизображениями, используемыми в ходе решения идентификационных и диагностических задач судопроизводства.

1. Черкашина И.И. К вопросу о рецензировании материалов в области производства судебных портретных экспертиз // Энцикл. суд. экспертизы. 2017. № 2.
2. Токарева Ю.А. Особенности описания признаков внешности человека методом словесного портрета при производстве портретных и медико-криминалистических экспертиз // Энцикл. суд. экспертизы. 2017. № 2.
3. Булгаков В.Г. Использование информации о динамических признаках человека для розыска преступника // Теория и практика судебной экспертизы: меж-

дународный опыт, проблемы, перспективы : сб. науч. тр. I Междунар. форума (Москва, 7–8 июня 2017 г.) / Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя. М., 2017.

4. Суляева А.С., Захарова Л.Ю. Криминалистическое исследование динамических элементов внешности человека // Энцикл. суд. экспертизы. 2017. № 2.

5. Бондаренко П.В., Гусев В.Б. Методы сравнительного исследования при проведении портретных экспертиз по изображениям, полученным с помощью камер видеонаблюдения // Энцикл. суд. экспертизы. 2017. № 2.

6. Захарова Л.Ю. Возраст человека» как идентификационный признак // Энцикл. суд. экспертизы. 2017. № 2.

7. Подволоцкий И.Н. Особенности использования математических методов при сравнении признаков внешности человека // Энцикл. суд. экспертизы. 2017. № 2.

8. Газизов В.А. К вопросу об исполнении требований законодательства при производстве портретных экспертиз // Энцикл. суд. экспертизы. 2017. № 2.

УДК 343.98

Д.В. Галкин

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

Любой науке, как естественной, так и гуманитарной, свойственна функция прогнозирования. Научное прогнозирование есть предсказание тенденций развития любого предмета, процесса, системы на основе имеющейся о них специфической информации и достигнутого уровня науки [1]. Научное прогнозирование осуществляется двумя основными способами. Первый способ заключается в экстраполяции их поведения в прошлом и настоящем на предстоящий период. Второй способ основан на статистической обработке мнений экспертов по конкретным вопросам и областям знания.

Криминалистика как комплексная прикладная юридическая наука не является исключением: ей, также как и другим наукам, присуща прогностическая функция [2, с. 56]. Криминалистическое прогнозирование представляет собой основанное на общей теории прогнозирования предвидение дальнейшего развития криминалистики как науки, всех видов практической криминалистической деятельности с учетом некоторых предсказаний об изменениях в отдельных видах преступной деятельности, о появлении новых ее видов и возможных новых средствах и приемах борьбы с ними [3, с. 182].

Исходя из приведенного определения, можно выделить три основных направления криминалистического прогнозирования: 1) прогнозирование развития общей теории науки криминалистики и теорети-

ческих основ ее разделов (прогнозирование теории криминалистики); 2) прогнозирование изменений в характере, способах и других характеристиках отдельных видов преступной деятельности, а также возможных изменений средств и методов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений (криминалистическое прогнозирование преступности); 3) прогнозирование особенностей криминалистической деятельности по расследованию и предупреждению конкретных преступлений (анализ перспективы по уголовному делу).

Первое направление носит теоретический характер, включает в себя выявление будущих приоритетных направлений развития науки и практики и реализуется в ходе научных исследований в области криминалистики. Второе направление имеет более прикладной, практический характер; оно может осуществляться как в рамках научных исследований, так и в практической деятельности. Третье направление прогнозирования носит сугубо практический характер и проводится в рамках раскрытия и расследования конкретного преступления.

При этом практическое применение второго и третьего направлений прогнозирования существенно различается: криминалистическое прогнозирование преступности реализуется прежде всего в процессе управления правоохранительной деятельностью, анализ перспектив по конкретному уголовному делу или материалу проверки относится к компетенции следователя или иного лица, осуществляющего раскрытие и расследование преступления.

Остановимся более подробно на втором направлении прогнозирования в криминалистике – прогнозировании изменений в характере, способах и других характеристиках отдельных видов преступлений, а также возможных изменений в средствах и методах раскрытия и расследования преступлений. Условно будем именовать данное направление криминалистическим прогнозированием преступности.

Какие конкретные задачи решает криминалистическое прогнозирование преступности? Очевидно, что они обусловлены двойственностью предмета науки криминалистики. С одной стороны, криминалистика изучает закономерности совершения и сокрытия преступлений, т. е. преступную деятельность, с другой – закономерности раскрытия и расследования преступлений, т. е. правоохранительную (розыскную и следственную) деятельность. Эта особенность определяет содержание задач криминалистического прогнозирования преступности. Они включают в себя изучение перспектив появления новых объектов преступного посягательства, новых способов совершения и сокрытия преступлений, поведения преступников при совершении ранее не известных преступлений;

предположения о дополнительных механизмах слеодообразования прогнозируемых преступлений, новых технико-криминалистических средствах борьбы с преступностью, иных тактических приемах производства следственных действий, а также о дополнительных методиках расследования традиционных и прогнозируемых преступлений [4, с. 35].

Например, с 2002 до 2006 г. общее число зарегистрированных в России краж выросло почти в два раза – с 927 тыс. в 2002 г. до 1 млн 677 тыс. по итогам 2006 г. Что послужило этому причиной? Из анализа практики правоохранительной деятельности следует, что одной из основных причин всплеска преступности в этот период стало массовое распространение нового объекта хищений – мобильных телефонов. В силу их компактности они были доступны для хищения и легко могли быть проданы на вторичном рынке. Хищения мобильных телефонов стали причиной существенного увеличения нагрузки на следователей и дознавателей: уголовные дела и материалы о таких преступлениях в эти годы составляли почти половину всех расследуемых дел в городских и районных отделах органов внутренних дел. В последующие годы число таких преступлений стало постепенно, но уверенно снижаться, что может быть связано со снижением стоимости мобильных устройств, исчезновением вторичного рынка мобильных телефонов, отработкой технологии их поиска по IMEI и появлением возможности их блокировки.

На смену кражам мобильных телефонов пришли другие объекты преступного посягательства и другие способы хищений. В последние несколько лет массовое распространение получили безналичные расчеты граждан за полученные ими товары, выполненные работы и оказанные услуги. Уже сейчас практически каждый взрослый гражданин Российской Федерации является обладателем банковской платежной карты. Постепенно люди все больше привыкают к банковским платежным картам, отказываясь от наличных денег. Вероятно, эти процессы приводят к широкому распространению новых способов хищения денежных средств граждан с использованием их банковских платежных карт. Их рост уже отмечается в следственной практике, поскольку, получив доступ к реквизитам банковской платежной карты, злоумышленники могут распорядиться чужими деньгами, не выходя из дома: перевести деньги на другой счет, виртуальный кошелек или совершить покупку в интернете. Ученые-криминалисты своевременно сделали вывод о том, что «грядет эпоха интернет-мошенничества» [5, с. 28]. Новые способы совершения и сокрытия таких преступлений неизбежно повлекут за собой необходимость выработки новых методик их расследования, изменения тактики производства следственных действий, применения новых информационных технологий для их раскрытия.

Термин «криминалистическое прогнозирование преступности» наводит на мысль о том, не является ли оно всего лишь дублированием криминологического прогноза. Действительно, криминалистическое прогнозирование тесно связано с прогнозированием самой преступности как социального явления, что является предметом изучения криминологии, а не криминалистики. Здесь возможен вывод о том, что прогнозирование изменений в характере, способах и других характеристиках отдельных видов преступной деятельности является сферой соприкосновения криминалистики и криминологии. И тот и другой вид прогнозирования используют статистические сведения о преступности как информационную базу исследования.

В то же время криминалистическое и криминологическое прогнозирование не дублируют друг друга. Можно сформулировать несколько критериев их разграничения. Основные из них – это цели и задачи прогнозирования. Криминологический прогноз нацелен на предсказание будущего состояния преступности на основе выявленных факторов ее развития, криминалистический прогноз указывает на перспективы появления новых объектов преступного посягательства, новых способов совершения преступлений и новых средств их раскрытия и расследования [5].

Указанный выше пример нового способа совершения преступления – хищения денежных средств граждан с использованием их банковских платежных карт – наглядно демонстрирует разницу между криминологическим и криминалистическим прогнозами. С точки зрения криминологии и уголовного права появление таких преступлений не принесло для науки ничего нового: как и традиционные виды хищений, незаконное тайное изъятие денег с банковских платежных карт квалифицируется по ст. 158 «Кража» УК России. С точки зрения криминалистики это совершенно новый способ совершения преступления, который обуславливает необходимость выработки соответствующего алгоритма следственных действий, применения новых технических средств и информационных технологий, корректировки тактических приемов проведения осмотров, допросов и других следственных действий.

Таким образом, криминологический и криминалистический прогнозы взаимно дополняют друг друга. С точки зрения формирования понятийного аппарата в содержание понятия «прогноз преступности» логично включить как криминологический, так и криминалистический прогноз.

1. Философия науки : слов. основ. терминов [Электронный ресурс] / сост. С.А. Лебедев. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy-of-science/fc/slovar-205-1.htm#zag-218> (дата обращения: 10.10.2018).

2. Дубровин С.В. Структура, содержание и принципы криминалистического прогнозирования и построения криминалистических версий // Вестн. Каз. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 4.

3. Криминалистика : учебник. Т. 1 / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2014.

4. Криминалистика : учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М., 2010.

5. Ищенко Е.П. Виртуальный криминал. М., 2014.

6. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988.

УДК 343.985

В.Л. Григорович, Чжу Цзюй Чжэн

ПРИМЕНЕНИЕ МУЛЬТИКОПТЕРОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Проведение осмотра места дорожно-транспортного происшествия требует от сотрудников ГАИ или следственно-оперативной группы точности и оперативности. Так, сотрудники, выезжающие на место происшествия, вынуждены вручную описать место ДТП, произвести его графическую фиксацию, составив план (схему), описать расположение автомобилей относительно друг друга, произвести точные замеры расстояний, собрать иную необходимую информацию.

Как правило, данная работа не может обойтись без временной остановки транспортного потока, что, естественно, вызывает образование заторов на улицах и автомагистралях. Она также сопряжена с определенными трудностями, возникающими при проведении большого количества замеров расстояний и привязки к местности. Фиксирование всей информации производится вручную на черновиках, потом также вручную переносится (перерисовывается) на бумагу или в компьютер при составлении протокола и плана (схемы), при этом возможно появление ошибок из-за человеческого фактора.

Использование традиционных средств фиксации доказательств (измерительная рулетка, фото- и видеокамеры, тахеометры, применяемые для измерения расстояний между объектами) целесообразно дополнить инновационными, например мультикоптерами (англ. multirotor, multicopter – многороторный вертолет, многолет), оснащенными фото- и видеооборудованием. С их помощью возможна автоматизация процесса фиксации места ДТП: трехмерное сканирование места ДТП со всей необходимой информацией, сохранение ее в электронном виде с возможностью

распечатки необходимых частей (фрагментов) на месте осмотра и ее дальнейшая обработка, хранение, передача, архивация и т. д.

Применение мультикоптера исключит ошибки, связанные с человеческим фактором, при проведении замеров, позволит значительно снизить временные затраты на весь процесс фиксации расположения транспортных средств, следов и других объектов, имеющих отношение к ДТП. Проведенная таким образом фото- и видеофиксация займет ограниченное время, уменьшит время остановки движения транспорта. Итогом фото- и видеофиксации станет панорамное видеоизображение с углом обзора 360°. Применение специального программного обеспечения позволит определить расстояния между объектами, установленными метками; выводить результаты на печать; копировать, передавать, сохранять и архивировать результаты для последующей обработки и оформления необходимых выходных документов.

В настоящее время существует большое количество современных мультикоптеров во множестве моделей и их модификаций (квадрокоптер, гексакоптер, октокоптер и т. д.) как специального назначения, так и любительского использования, которые после монтирования на них фото- и видеоаппаратуры могут быть приспособлены и в дальнейшем использованы для производства фото- и видеофиксации в режиме онлайн (т. е. в режиме транслирования данных с камеры на монитор компьютера или другого современного гаджета с установленным на него необходимым программным обеспечением) при проведении осмотров мест происшествий по различным видам преступлений на большой по площади и (или) труднодоступной местности.

Наиболее используемыми беспилотными летательными аппаратами являются различные модели вышеуказанных мультикоптеров – летательных аппаратов, построенных по вертолетной схеме, с произвольным количеством несущих винтов, вращающихся диагонально в противоположных направлениях, и квадрокоптеров (иногда именуются дронами) – летательных аппаратов с четырьмя несущими винтами.

По принципу управления мультикоптеры бывают автономными, дистанционно-управляемыми (беспилотными). Масса мультикоптера составляет от 1 до 4 кг, время полета – от 10 до 30 мин. Масса поднимаемого полезного груза моделями мультикоптеров среднего размера и грузоподъемности – от 500 г до 2–3 кг, что позволяет поднять в воздух небольшую фото- или видеокамеру (обычно экшн-камера в более простых моделях либо зеркальные камеры в профессиональных). Скорость полета мультикоптера может быть от нуля (неподвижное висение в точке) до 100 км/ч. Запас энергии батарей позволяет отдельным моделям мультикоптеров улетать на расстояние до нескольких километров.

На практике же радиус действия (максимальное расстояние, на которое они способны улететь с последующим возвратом в точку взлета) обычно ограничен прямой видимостью (100–200 м при ручном управлении) либо дальностью действия аппаратуры радиуправления и видеосвязи.

В наши дни мультикоптеры применяются средствами массовой информации, вооруженными силами, в спасательных мероприятиях и др. За рубежом они давно приняты на вооружение и используются в качестве спецтехники. Большинство иностранных армейских подразделений и спецслужб используют профессиональные беспилотные летательные аппараты, на которых установлены дозиметры, тепловизоры и другие специальные приборы для фото- и видеофиксации вблизи опасных и промышленных объектов.

Возможность использования мультикоптеров в деятельности правоохранительных органов нашей страны также может стать актуальной и полезной, например, для фиксации результатов такого следственного действия, как осмотр места происшествия.

Осмотр места происшествия – неотложное следственное действие, направленное на изучение и фиксацию обстановки места происшествия, собирание следов преступления и иной криминалистически значимой информации для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Основанием для проведения осмотра места происшествия, труп, местности, помещения, жилища и иного законного владения, предметов и документов является наличие достаточных данных полагать, что в ходе этих следственных действий могут быть обнаружены следы преступления и иные материальные объекты, выяснены другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела.

Учитывая данное определение, отметим, что фото- и видеофиксацией места происшествия с помощью мультикоптера можно одновременно решить различные задачи, возникающие как в ходе проведения следственных действий, так и в процессе раскрытия и расследования преступлений. К преимуществам указанной фиксации относятся возможность ее осуществления на разной высоте, высокое разрешение получаемых материалов, оперативность.

В рамках деятельности правоохранительных органов мультикоптер можно использовать при проведении осмотров мест происшествий по различным видам преступлений на участках местности большой площади, границы осмотра которой определены следователем или ограничены высотой и дальностью полета используемого беспилотного летательного аппарата, а также в труднодоступной местности (болотистые места, гористые участки, лесные заросли и массивы, а также сложные участки дорог).

В черте Минска, областных и районных городов наиболее актуально использование мультикоптеров при проведении осмотров мест ДТП на опасных участках дорог, в сложных погодных условиях, при большом скоплении поврежденных автомобилей. Например, двухуровневые развязки кольцевой автодороги можно в полной мере назвать труднодоступным участком по следующим основаниям:

ограничение проезда по одной из полос движения при проведении ремонтных работ уже вызывает трудность для продвижения по такому участку дороги, ограничение одной полосы для производства осмотра места происшествия на таком участке дороги создаст трудности не только для участников движения, но и для участников осмотра, создавая угрозу их безопасности;

перекрытие всего участка дороги для проведения осмотра невозможно, поскольку это приведет к остановке движения в конкретном направлении, особенно если участок осмотра места происшествия является местом для совершения маневра автотранспортом;

большое (более трех) скопление на сложных участках дороги поврежденных в ДТП автомобилей и кучное (нелинейное) взаимное расположение столкнувшихся автомобилей усложняют работу специалиста-криминалиста на месте происшествия;

когда ДТП совершено в сложных погодных условиях (дождь, снегопад, туман и т. д.), что повлекло повреждение дорожных ограждений и вылет автомобилей на обочину, за предел дорожного полотна, падение с мостовых сооружений, создает трудности, связанные с фото- и видеофиксацией обстановки места происшествия (Дубовик Е.С., Соколова А.Ю. Возможности использования беспилотных летательных аппаратов при проведении осмотра места происшествия по делам о ДТП // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 11 янв. 2017 г. / Инновационный центр развития образования и науки. СПб., 2017. № 4. С. 74–76).

При всех вышеперечисленных объективных факторах использование мультикоптера будет способствовать более качественному проведению осмотра места ДТП, гармонично дополняя имеющиеся средства фиксации инновационным, обеспечивающим наиболее полную, всестороннюю и объективную фиксацию криминалистических объектов.

Мультикоптер может являться единственным возможным средством фиксации места происшествия ввиду специфики и конкретной сложившейся оперативной ситуации. С помощью монтированного на него оборудования можно осуществлять традиционные приемы криминалистической фотосъемки, применяемые при осмотре места происшествия: ориентирующую – для съемки места происшествия с окружающей обстановкой;

обзорную – для съемки самого места происшествия и расположения на нем объектов; узловую – для съемки крупным планом места соприкосновения столкнувшихся автомобилей, отдельных наиболее важных фрагментов, деталей места происшествия; детальную – для фиксации отдельных предметов, следов столкновения, вещественных доказательств.

Подводя итог, отметим, что дополнение традиционных средств криминалистической техники мультикоптерами, оснащенными фото- и видеоборудованием, позволит осуществлять полную и качественную фиксацию объектов при производстве осмотра места ДТП.

Применяя потенциалы мультикоптеров, специалист при осмотре места происшествия может осуществить криминалистическую фотосъемку и видеозапись расположенных на ней объектов на разнообразной местности, независимо от ее масштабов, рельефа и растительности, а также труднодоступности объекта, подлежащего фиксации, поскольку беспилотный летательный аппарат может управляться как автономно, так и дистанционно. Специальное оборудование, установленное на мультикоптер, также может обеспечивать обнаружение, фиксацию и отождествление объектов в режиме реального времени. Для более широкого внедрения данной техники в практику правоохранительных органов целесообразна разработка методических материалов и рекомендаций по ее использованию в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

УДК 343.98

А.В. Гусев

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Процесс возникновения и развития криминалистического знания неотделим от правового регулирования общественных отношений, в котором реализуются криминалистические рекомендации. По своему научному значению криминалистика берет на себя функцию разработки эффективных приемов, методов, средств практической реализации норм уголовного материального и процессуального права. Исторически сложившаяся функция криминалистики, определяемая организационным, тактическим и методическим механизмом реализации правовых норм в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, делает неразрывной связь ее теории с отраслями права, регулирующими этот процесс.

Первым ученым, обратившим внимание на взаимосвязь уголовного права и криминалистики, стал Г. Гросс, отмечавший, что естественно-

научный характер криминалистики не препятствует ей нести свои естественно-научные методы в уголовное право, ценность которых не может отрицаться уголовной юриспруденцией. Таким образом, как указывал Г. Гросс, криминалистика является наукой о реальностях уголовного права, поскольку раскрывает сущность преступных деяний, их начало, составные части, дальнейшее течение и цели, т. е. она позволяет обнаруживать общность там, где ранее ее не замечали, и наоборот [1, с. VIII].

Зависимость криминалистики от уголовно-правовых институтов материального и процессуального характера является объективно существующим фактом. Однако применение правовых норм в практике правоохранительной деятельности не обходится без криминалистических рекомендаций, определяющих наиболее рациональный подход к их использованию лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, что делает связь права и криминалистики неразрывной. Тем самым определяется взаимозависимость правовых и криминалистических элементов процесса доказывания в уголовном судопроизводстве.

История формирования криминалистической теории свидетельствует о разном научном подходе ученых к пониманию единства правовых норм и иных элементов знаний, в которых проявляются изучаемые криминалистикой закономерности. На начальном этапе научного развития криминалистической теории (20–30-е гг. прошлого века) преобладала точка зрения ученых о ее естественно-научной природе (В.И. Громов, Г.Ю. Манс, Е.У. Зицер и др.). Это понимание сущности криминалистики позволило сформулировать принципы ее самостоятельности по отношению к уголовному процессу, в котором долгое время она рассматривалась как прикладное научное знание данной правовой отрасли, пока накопленный эмпирический материал и сделанные на его основе научные обобщения не пришли в противоречие с представлениями о предмете науки познания теории уголовно-процессуального права [2, с. 84].

Несмотря на прогрессивное для криминалистики значение выделения ее из сферы уголовно-процессуального права, была доказана невозможность полного исключения правовых основ из предмета ее научного познания. Это привело к превалированию в 40–50-х гг. прошлого века точки зрения ученых о полностью правовой сущности криминалистики (С.П. Митричев, А.И. Винберг, А.Н. Васильев, Н.В. Терзиев, С.А. Голунский и др.). Дальнейший процесс научного изучения основ криминалистической теории сформировал в 60-х гг. прошлого века общепризнанную отечественными учеными-криминалистами точку зрения, первоначально высказанную Р.С. Белкиным, о синтетической природе криминалистического знания.

Такая природа криминалистики логично позволяет объединить как правовые, так и естественно-научные знания по отношению к изучае-

мым криминалистикой закономерностям. Данное обстоятельство доказано Р.С. Белкиным и другими учеными-криминалистами, отмечавшими неразрывную связь криминалистики с науками правового характера [3, с. 202–205]. Следует полностью поддержать мнение А.С. Подшибякина по поводу системы нормативных правовых актов, составляющих правовую основу криминалистики, к которым он относил: Конституцию Российской Федерации; международные договоры, общепризнанные принципы и нормы международного права; решения Конституционного Суда Российской Федерации; федеральные кодексы (УК РФ, УПК РФ и др.), федеральные законы; нормативные акты министерств и ведомств; постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4, с. 45].

Признавая неразрывное единство криминалистического знания в его правовом и естественно-научном выражении, следует отметить, что правовые знания являются только исходным элементом разработки и дальнейшего совершенствования криминалистических рекомендаций. Сами нормы права в криминалистике не только не изучаются, но и не разрабатываются, что не позволяет сформировать точное понимание правового аспекта синтетической категории криминалистического знания. Любая правовая наука, как известно, строится на изучаемых и разрабатываемых ею правовых нормах, а также теориях, обосновывающих процесс правового регулирования с помощью этих норм. В криминалистике такого научного механизма нет. Более всего это стало проявляться после разделения научных специальностей, что повлекло разрыв прямых научных связей между теориями уголовного процесса и криминалистики.

Конечно, исключить из криминалистики правовую основу ее знаний не получится, поскольку, как уже было отмечено выше, нормы права являются источником разработки криминалистических рекомендаций. Однако такое понимание научной основы криминалистики не дает возможности говорить о каком-либо правотворческом процессе, осуществляемом с учетом правового закрепления в законах криминалистических рекомендаций. Вместе с тем правовые реалии сегодняшнего дня, на наш взгляд, позволяют сформировать новый подход к пониманию правовой сущности криминалистики не только как науки, использующей правовые нормы разных правовых отраслей права, но и как знания, на базе которого могут формироваться нормы материального права, имеющие отношение к адаптированным для криминалистических целей естественно-научным и собственно криминалистическим знаниям. Полагаем, что такой подход к пониманию правового аспекта криминалистики позволит сформировать подлинно правовую основу криминалистики.

Формирование нового подхода к пониманию правовой основы криминалистики не сможет произойти без определения места правовых

знаний в ее системе. В настоящее время в криминалистической теории нет структурного элемента, объединяющего в себе правовые нормы, подлежащие обязательному изучению именно в области криминалистического знания, а не отраслевых юридических наук, к которым данные положения относятся. Такие нормы, безусловно, разрабатываются в рамках определенных отраслей права, но часто они имеют непосредственную связь с криминалистической теорией, поскольку в них закрепляются конкретные элементы криминалистического знания.

Примером таких правовых источников могут служить следующие федеральные законы: от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и др.

Изучение данных нормативных правовых актов позволяет говорить об особенностях строения их правовых норм, в которых нашли отражение криминалистические понятия и механизм криминалистического обеспечения процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Указанные законы имеют широкий аспект своего правового назначения, поэтому могут быть использованы в разных направлениях правового регулирования правоохранительной деятельности. Наряду с таким их полифункциональным направлением нельзя не отметить и их криминалистическое значение, позволяющее уточнить подходы к формированию частных криминалистических теорий, затрагивающих сферу действия указанных нормативных правовых актов.

Вместе с тем в настоящее время по ряду позиций рассматриваемых законов нельзя с достоверностью утверждать, что законодатель использует криминалистические знания при конструировании правовых норм. Допускаемые при этом некорректные с точки зрения криминалистической теории и практики утверждения приводят к тому, что в процессе осуществления правоохранительной деятельности возникают разночтения в понимании сущности отдельных элементов тех общественных отношений, на урегулирование которых нацелены правовые акты.

В качестве примера такого разночтения в понимании правового регулирования вопросов, входящих в сферу научного изучения криминалистики, можно привести нормы Федерального закона «Об оружии», в котором законодатель дает широкое толкование понятия «огнестрельное оружие». Кроме понятия «огнестрельное оружие» в законе есть и иные понятия, относимые к такому оружию: «огнестрельное оружие ограниченного поражения», «списанное огнестрельное оружие». Указание

в законе этих понятий огнестрельного оружия на практике приводит к разночтениям их смыслового содержания. Исключение данной ситуации возможно только при активном использовании в процессе обозначенного нормотворческого процесса научных данных криминалистики. В свою очередь, криминалистика должна активно использовать в системе своего знания не только уже определенные ранее правовые основы материального и процессуального права, но и нормы более узкого правового регулирования общественных отношений, имеющих непосредственную связь с криминалистической теорией.

Полагаем, что для достижения обозначенной цели необходимо провести широкую научную дискуссию по вопросу возникших правовых предпосылок совершенствования криминалистики. Возможно, в ходе такой дискуссии будет дана широкая научная оценка динамично совершенствующейся правовой основе процесса предварительного расследования и суда в части ее взаимосвязи с криминалистическими теориями. Таким образом, на наш взгляд, сформируются более точные представления о роли права в криминалистике и роли криминалистики в совершенствовании правовых норм. Наша позиция по данному вопросу определяется необходимостью формирования в системе криминалистической теории элементов научного знания, направленного на детальное изучение нормативных правовых актов, в которых непосредственно затрагиваются вопросы правового регулирования общественных отношений, в которых проявляются изучаемые криминалистикой закономерности.

Указанный правовой сегмент криминалистики должен найти свое закрепление и в системе криминалистической дисциплины. Наиболее приемлемым для этого, по нашему мнению, является первый раздел дисциплины, традиционно посвященный вопросу введения в криминалистику, в котором изучаются ее исторические и общие теоретические вопросы. В данном разделе следует детально изложить и правовую основу криминалистики, состоящую из международных правовых документов, области материального и процессуального права, отдельных федеральных законов и подзаконных актов, нормы которых регламентируют процесс практической реализации криминалистического знания.

Наряду с этим важным является детальное изучение рассмотренных нормативных правовых актов в контексте их связи с той отраслью криминалистического знания, в которой проявляются регулируемые ими общественные отношения. Например, изучению вопросов криминалистического оружиеведения должно предшествовать изучение Федерального закона «Об оружии», а изучение криминалистической регистрации должно осуществляться в неразрывной связи с федеральными законами «О полиции», «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Фе-

дерации», «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации». Изучение вопросов тактики назначения судебной экспертизы тесно связано с положениями Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Понимая интернациональное значение криминалистики, следует развивать ее правовую основу, в том числе за счет законов тех государств, в системе которых она используется правоохранительными и судебными органами. Такая информация по мере ее накопления станет неотделимым элементом общей теории криминалистики. В учебных криминалистических изданиях в первую очередь должны отражаться правовые документы криминалистического характера, принятые в стране непосредственного преподавания данной дисциплины. Такой подход к отражению нормативных правовых документов в будущем позволит сформировать общее представление о международном процессе правового регулирования механизма применения криминалистического знания в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений с целью выработки отечественным законодателем наиболее эффективных правовых норм, обеспечивающих качественное применение криминалистических рекомендаций.

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики : новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002.
2. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988.
4. Подшибякин А.С. Правовые основы криминалистики [Электронный ресурс] // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 2. URL: http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=27180 (дата обращения: 20.10.2018).

УДК 347.78

А.Я. Гучок

АНАЛІТЫЧНЫЯ МЕТАДЫ ВЫЯЎЛЕННЯ ПРЫКМЕТ НЕСАМАСТОЙНАЙ ПАДРЫХОЎКІ ДЫСЕРТАЦЫЙ

Пэўная верагоднасць выкарыстання саіскальнікамі вучоных ступеняў паслуг па падрыхтоўцы дысертацый іншымі асобамі на платнай аснове з'яўляецца грубым парушэннем патрабавання аб самастойнай падрыхтоўцы дысертацый, якое ўстаноўлена Палажэннем аб прысуджэнні вучоных ступеняў і прысваенні вучоных званняў у Рэспубліцы Беларусь,

зацверджаным Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 17 лістапада 2004 г. № 560, і актуалізуе пытанне дачы прававой ацэнкі дзейнасці ўсіх датычных да разглядаемай з’явы суб’ектаў.

У сваю чаргу, гэта патрабуе распрацоўкі методык устанаўлення фактаў несамастойнага выканання кваліфікацыйных навуковых прац. Найўнасць шматлікіх спосабаў несамастойнай падрыхтоўкі дысертацый – ад простага набывання гатовай працы і да напісання яе пад заказ, спробы кваліфікаванага ўтойвання дадзеных фактаў і актыўнага супрацьдзеяння іх выяўленню патрабуе прымянення эфектыўных метадаў даследавання тэкстаў дысертацый, аўтарэфератаў і публікацый.

У гэтай частцы экспертаў, якія працуюць у сістэме атэстацыі кадраў вышэйшай навуковай кваліфікацыі, могуць зацікавіць метады крыміналістыкі, што прымяняюцца ў практыцы раскрыцця і расследавання злачынстваў, у прыватнасці аналітычнае матрыцыраванне (метады крыміналістычнага матрыцыравання).

Метады крыміналістычнага матрыцыравання распрацаваны заслужаным дзеячам навукі Рэспублікі Беларусь доктарам юрыдычных навук, прафесарам А.В. Дулавым. Ключавым паняццем дадзенага метаду з’яўляецца крыміналістычная матрыца, або матрычная мадэль. У крыміналістыцы пад матрыцай разумеецца «ўстаноўленая ў ходзе следства сукупнасць фактаў, характарыстык, заканамернасцяў, агульных патрабаванняў, якія рэгулююць дзейнасць устаноў, службовай асобы, патрабавання да вырабу, да вытворчага ці іншага працэсу» [1, с. 92].

Матрыца, як правіла, у форме табліцы дазваляе прадставіць звесткі аб розных аб’ектах пазнання: з’явах, фактах, падзеях, дзеяннях і інш. – шляхам адлюстравання ў адпаведных ячэйках іх найбольш значных характарыстык і параметраў, вылучаных на аснове заканамернасцяў з’яўлення і развіцця гэтых аб’ектаў.

Як адзін з варыянтаў выкарыстання матрыц ў крыміналістыцы разглядаецца фарміраванне або выдзяленне матрыцы-эталона, якая аб’ядноўвае тыповыя характарыстыкі магчымых аб’ектаў даследавання. Далей з дапамогай яе супастаўлення ўжо з канкрэтнымі аб’ектамі даследавання ўстанаўліваецца адпаведнасць альбо дысананс (негатыўныя акалічнасці) супастаўляемых параметраў і характарыстык па кожнай ячэйцы эталона матрычнай мадэлі і пазнаваемага аб’екта. Такое параўнальнае даследаванне эфектыўна пры вывучэнні складаных тэхналагічных працэсаў, функцый дзейнасці службовых асоб і сістэм дакументабароту.

Эталонныя матрычныя мадэлі з закладзенымі ў іх параметрамі, якімі абумоўлена пэўнае (прагназуемае) развіццё тых ці іншых падзей, з’яў, могуць прымяняцца для вылучэння з мноства аб’ектаў даследуемай інфармацыйнай прасторы пошуку канкрэтных аб’ектаў з аднолькавымі з матрыцай інфармацыйнымі характарыстыкамі.

У следчай практыцы побач з выкарыстаннем пры расследаванні злачынстваў, учыненых службовымі асобамі, дадзены метады прымянення пры расследаванні забойстваў, злачынстваў, учыненых арганізаванымі злачыннымі групамі, кватэрных крадзяжоў і інш. [2, с. 239–245; 3, с. 164–166; 4, с. 112].

У працэсе атэстацыі кадраў вышэйшай навуковай кваліфікацыі разглядаемы метады можа выкарыстоўвацца для папярэдняга супастаўлення кваліфікацыйных прац аднаго аўтара з мэтай устанаўлення аб’ёмаў і зместу выкарыстаных матэрыялаў кандыдацкай дысертацыі ў доктарскай.

Матрыца аб’ядноўвае наступныя блокі інфармацыі, якія бяруцца з аўтарэферата: тэма дысертацыі, мэты і задачы даследавання, аб’ект і прадмет даследавання, палажэнні, якія выносяцца на абарону, заключэнне. Звесткі аб кандыдацкай дысертацыі акумуляюцца ў аўтаматычным рэжыме з дапамогай камп’ютарных тэхналогій на аснове электронных версій аўтарэфератаў у выглядзе матрыцы-табліцы, якая супастаўляецца з матрыцай (альбо наадварот), распрацаванай на аснове аўтарэферата доктарскай дысертацыі. Вынікі параўнання дазваляюць вылучыць і канкрэтызаваць пазіцыі, якія патрабуюць больш дэталёвага даследавання на прадмет устанаўлення недапушчальных запазычанняў.

Матрыца ўстанаўлення аб’ёмаў і зместу выкарыстаных матэрыялаў кандыдацкай дысертацыі ў доктарскай

Ф.І.Б.	Тэма	Мэта	Задачи	Аб’ект	Прадмет	Палажэнні, якія выносяцца на абарону	Заключэнне
Канд. дыс.							
Докт. дыс.							

Асобна можа ажыццяўляцца супастаўленне спісаў літаратуры аналізуемых прац, што пры пэўным супадзенні колькасці крыніц паказвае на высокую верагоднасць некарэктных запазычанняў у пазнейшай працы. Пры супастаўленні спісаў літаратуры прац, напісаных на розныя тэмы, можа быць ўстаноўлена, што пры розных аб’екце і прадмеце даследавання выкарыстоўваюцца аналагічныя спісы літаратуры, і гэта таксама патрабуе правядзення дадатковага вывучэння такіх прац.

Аналагічным чынам можа ажыццяўляцца супастаўленне кандыдацкай (доктарскай) дысертацыі навуковага кіраўніка і кандыдацкіх дысертацый яго вучняў; доктарскіх дысертацый навуковага кансультанта і саіскальніка.

Найбольш цікавыя вынікі прымянення метаду матрычнага мадэлявання могуць атрымацца пры супастаўленні дысертацыйных даследаванняў з улікам усяго спектру сувязяў паміж навуковымі кіраўнікамі (кансультантамі) і саіскальнікамі, напрыклад роднаснымі, службовымі, камерцыйнымі. Пры гэтым у якасці эталонных матрыц неабходна разглядаць сістэматызаваныя звесткі аб дысертацыі, абароненай першай у шэрагу даследуемых.

Станоўчы эфект ад выкарыстання дадзенага метаду можна чакаць і пры супастаўленні ў фармалізаваным выглядзе структуры дысертацый, напісаных, як мяркуецца, па адным шаблоне, у асобных выпадках шляхам механічнай замены ключавога паняцця ў працы на іншае, напрыклад апісанне адной і той жа з’явы ў розных умовах. Гэтак жа можна праводзіць супастаўленне трох дысертацый у сітуацыях, калі прадстаўленая да абароны праца з’яўляецца кампіляцыйнай двух раней абароненых прац.

У якасці асобнай матрыцы можна разглядаць комплекс звестак аб структуры і змесце палажэнняў, якія выносяцца на абарону, як па двух дысертацыях, так і па некалькіх працах, выкананых у рамках адной школы (сутнасць выяўленай праблемы, аўтарскае значэнне, навукова абгрунтаваная класіфікацыя, комплекс адрасных мерапрыемстваў, прапановы па ўдасканалванню, напрыклад, тэхнічных рэгламентаў).

На наш погляд, цікавымі могуць быць вынікі супастаўлення з выкарыстаннем спецыяльных матрыц дысертацый саіскальнікаў і манаграфій, апублікаваных на тую ж тэму ў суаўтарстве з навуковымі кіраўнікамі (кансультантамі) пасля абароны. Самастойнасць выканання саіскальнікам дысертацыі або рэальнае суаўтарства навуковага кіраўніка (кансультанта) манаграфіі, відавочна, выкліча пэўныя пытанні і неабходнасць правядзення далейшых даследаванняў.

Па працах, заснаваных на кампіляцыі і некарэктных запазычаннях, могуць вызначацца ляяльныя эксперты на ўсіх этапах атэстацыйнага працэсу. Верагодна, да іх можа быць аднесена дастаткова вузкая кола апанентаў, якія не ўнікаюць у змест працы і знаходзяцца ў залежнасці ад асоб, што прыцягваюць іх да апаніравання, і разлічваюць на аналагічную паслугу. Такія схемы перакрываванага апаніравання могуць быць выяўлены з дапамогай аналітычнага матрыцыравання ўжо на этапе складання ў Вышэйшай атэстацыйнай камісіі даведкі кантролю сігналага асобніка аўтарэферата. Інфармацыйную аснову матрыцы павінны скласці прадстаўленыя ў фармаце табліцы звесткі аб месцы выканання і абароны дысертацыі, навуковым кіраўніку (кансультанце), экспертах на папярэдній экспертызе ў апаніруючай арганізацыі і савесе па абароне дысертацый.

У дачыненні да перспектывы шырокага выкарыстання метаду матрычнага мадэлявання ў дзейнасці экспертаў Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь неабходна ўказаць на тое, што ў цяперашні час

вырашаецца пытанне аб распрацоўцы асноўных падыходаў аўтаматызаванага фарміравання ўсіх відаў аналітычных матрыц з выкарыстаннем камп’ютарных тэхналогій. У выпадку паспяховай рэалізацыі гэтага праекта даследаванне з дапамогай дадзенага метаду будзе праводзіцца ў дачыненні да ўсіх навуковых прац, якія прадстаўляюцца да абароны ў нашай краіне, а таксама да дысертацый мінулых гадоў.

1. Дулов А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск, 1985.
2. Лапиков Д.В., Ивахов П.П. Теоретические и практические аспекты применения метода криминалистического матрицирования при расследовании убийств // Общество и право. 2008. № 1.
3. Лозовский Д.Н. Отдельные вопросы применения метода криминалистического матрицирования при расследовании преступлений // Общество и право. 2013. № 4.
4. Ширалиева С.Д. Криминалистическое матрицирование и анализ деятельности при расследовании квартирных краж // Наука и образование (Право) : сб. науч. ст. Баку, 2004. № 9.

УДК 378.1

Г.Б. Дергай

О НЕОБХОДИМОСТИ УНИФИКАЦИИ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В Республике Беларусь в настоящее время готовится проект закона «О судебно-экспертной деятельности». В этой связи представляется целесообразным обратить внимание на некоторые проблемы и проанализировать возможные направления совершенствования законодательства в области судебной экспертизы.

В научной литературе 70-х гг. прошлого века в обоснование идеи выделения судебной экспертологии в качестве самостоятельной отрасли криминалистики приводились аргументы, что по аналогии с судебной медициной следует признать правомерным существование судебной биологии, судебной химии, судебного почвоведения и т. д. [1, с. 49–51]. В результате закрепились традиции называть экспертизу, проводимую в целях правосудия, судебной. Термин «судебная экспертиза» унифицирован в отечественном законодательстве и в одинаковом по смыслу значении используется в нормативных правовых актах Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в перечне видов

экспертиз и в нормативных актах Министерства образования Республики Беларусь в перечне специальностей и квалификаций высшего образования и переподготовки.

Вместе с тем не только в изданиях публицистического и популярного характера, но и в научной литературе, в нормативных правовых актах различных ведомств отсутствует единообразное понимание значения термина «методика экспертного исследования», унифицированный подход к определению понятий «судебная экспертиза» и «судебно-экспертная деятельность», которые могут как различаться по значению, так и полностью отождествляться.

Термин «судебно-экспертная деятельность» является производным от понятия «судебная экспертиза», который также применяется в нормативных правовых актах. Его содержание шире содержания термина «судебная экспертиза».

Определение судебно-экспертной деятельности зафиксировано в Положении о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности». К такой деятельности относится «возмездное оказание услуг судам (судьям), органам дознания, следователям, прокурорам, иным участникам уголовного, гражданского, хозяйственного, административного процесса в установлении фактических обстоятельств дела, подлежащих доказыванию по делам, рассматриваемым в суде, делам об административных правонарушениях, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и иных сферах деятельности».

Необходимо отметить, что это определение не раскрывает все уровни данной деятельности и дано применительно к предпринимательской деятельности, поэтому судебно-экспертная деятельность рассматривается только в качестве специфической деятельности субъектов хозяйствования. Определение не учитывает такие формы деятельности, как проведение экспертиз и исследований вне процессуального порядка, ведение экспертно-криминалистических учетов.

Следовательно, исходя из предмета правового регулирования Указа от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» к этой деятельности не относится: деятельность государственных судебно-экспертных учреждений, в частности Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, деятельность научно-исследовательских и образовательных учреждений и отдельных экспертов, привлекаемых к участию в процессе на основании постановлений, (определений) о назначении экспертизы, вынесенных в порядке проведения экспертиз вне экспертного учреждения.

В условиях, когда все действующие процессуальные кодексы предусматривают общие цели и задачи, обращают на себя внимание ничем не объяснимые особенности правового регулирования судебной экспертизы в различных видах процесса [2, с. 65–67].

В качестве классического примера отсутствия единого подхода к решению одной и той же задачи правового регулирования судебной экспертизы в разных процессуальных кодексах можно привести право на экспертную инициативу.

Как известно из теории судебной экспертизы, выводы формируются экспертом на основе внутреннего убеждения. Их можно разделить на три группы: категоричные (положительные – утверждающие факт или отрицательные – исключаящие факт); предположительные; выводы о невозможности дачи ответа на поставленный вопрос. Выводы могут содержать экспертную оценку объективных данных, выявленных в процессе экспертизы, которые хотя и не отражены в поставленных вопросах, но, по мнению эксперта, имеют значение для дела. Тем самым проявляется экспертная инициатива. В случае, если возникают затруднения в оценке достоверности содержания заключения эксперта, в том числе в случае проявления экспертной инициативы, для разъяснения изложенных в экспертизе сведений проводится допрос эксперта или получение от него объяснений. В некоторых случаях, для того чтобы разобраться в содержании заключения эксперта, необходимо привлечение специалиста для консультаций. Вместе с тем исследование по вопросам, которые не были сформулированы в постановлении (определении) о назначении экспертизы, но возникли и могут быть, по мнению эксперта, успешно решены, в соответствии со ст. 236 УПК Республики Беларусь является для эксперта правом, а в соответствии со ст. 226 ГПК Республики Беларусь – его обязанностью. Структура и содержание сообщения о невозможности дать заключение в процессуальном законодательстве вообще не регламентированы. Как самостоятельный документ он присутствует в ч. 3 ст. 236 УПК Республики Беларусь, в ч. 3 ст. 10.20 ПИК оАП Республики Беларусь. В ч. 1 ст. 93 ГПК Республики Беларусь и ч. 3 ст. 70 ХПК Республики Беларусь говорится лишь о необходимости сообщить суду о невозможности дачи заключения. Указанные различия логически никак не связаны с особенностями производства по уголовным, гражданским, экономическим делам и делам об административных правонарушениях и могут повлечь ошибки как со стороны инициатора назначения и проведения судебной экспертизы, так и судебного эксперта.

Очевидно, что последствия таких недостатков в правовом регулировании на практике способны существенно снизить эффективность методов реализации государственной политики в сфере судебной экс-

пертизы [3]. В связи с чем актуальным и практически значимым является вопрос о точном определении круга субъектов судебно-экспертной деятельности и их правового статуса [4, с. 117–123].

В процессуальных кодексах закреплено, кто может быть экспертом, а также раскрывается правовой статус эксперта. При этом не определено, кто относится к субъектам судебно-экспертной деятельности.

Правовое регулирование судебной экспертизы и деятельности судебного эксперта регламентировано процессуальными кодексами, Положением о лицензировании отдельных видов деятельности и множеством других нормативных правовых актов. Отсутствие единого специализированного комплексного закона о судебной экспертизе вызывает сложности на практике. В последние годы, после создания Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, существенно расширились возможности судебно-экспертной деятельности и нормативно-правовая база института судебной экспертизы [5, с. 8–11]. Указанные обстоятельства диктуют необходимость формирования общего научно обоснованного подхода к правовому регулированию назначения и проведения судебных экспертиз.

Следует также отметить, что к порядку проведения экспертиз, применению методик экспертного исследования, оформлению его результатов правовыми актами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь предъявляются единые требования. Это указывает на актуальность дальнейшего совершенствования понятийного аппарата судебной экспертизы и процессуального регулирования данного правового института.

Подготавливаемый проект закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» может объединить правовые нормы, касающиеся экспертизы, в единый законодательный акт, устранить противоречия и определить требования к субъектам судебно-экспертной деятельности. Законы о судебной экспертизе уже приняты в Украине (1994), Казахстане (1997 и 2017), Российской Федерации (2001), Эстонии (2004), Таджикистане (2005), Молдове (2016). Представляется логичным, что и в Беларуси аналогичный законопроект должен быть направлен на упорядочение судебно-экспертной деятельности, определение требований к ее субъектам и унификацию правового статуса судебного эксперта в уголовном, гражданском, хозяйственном и административном процессах.

1. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология – новая отрасль науки // Социалист. законность. 1973. № 11.

2. Рубис А.С. Стратегические цели и направления формирования системы судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь // Законность и правопорядок. 2009. № 2.

3. Швед А.И. Подходы к определению понятий «судебная экспертиза» и «судебно-экспертная деятельность» [Электронный ресурс] // Компания Аудит-эксперт : сайт. URL: https://auditbelarus.by/services/ekspertiza_v_Belarusi/PodkholdykopredeleniyuopyatyiuSudebnayaekspertizaiSudebnoekspertnayaedyatelnost/ (дата обращения: 29.03.2018).

4. Орехова Е.П. Субъекты судебно-экспертной деятельности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы сб. науч. тр. 2017. № 1.

5. Швед А.И. Формирование единого экспертного ведомства: результаты и перспективы // Судеб. экспертиза Беларуси. 2015. № 1.

УДК 343.98

А.В. Дешук

ФОРЕНЗИК – МОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ ИЛИ ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ?

Криминализация финансово-хозяйственных отношений является одной из основных угроз национальной безопасности в экономической сфере. Документирование и расследование финансовых преступлений требует огромной концентрации сил и средств со стороны правоохранительных органов. Подтверждением данного тезиса является уголовное дело, возбужденное в отношении председателя совета директоров Fenox Global Group и Fenox Venture Capital за уклонение от уплаты налогов, в собирании доказательств по которому были задействованы в общей сложности более 200 сотрудников центрального аппарата и региональных подразделений Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь. Выявление и расследование подобных экономических преступлений свидетельствуют о необходимости выработки методического инструментария для противодействия преступности, основанного на разработках не только юридических, но и экономических наук, современных информационных технологиях с учетом специфики финансово-кредитной сферы деятельности – финансовых расследований.

В последние несколько лет в консалтинговой и юридической практике западных стран и Российской Федерации отмечается возросший интерес к достаточно новому явлению – форензику, который буквально означает судебный, криминалистический. Вместе с тем в более широком понимании термин «форензик» (англ. Forensic или Forensic accounting) обозначает услуги по проведению расследований в целях выявления

схем хищений средств компаний, причин убытков, установления сотрудников и третьих лиц, причастных к таким процессам, оценке ущерба, поиску и возврату активов. Введение данного термина в научный оборот обусловлено появлением во второй половине XX в. в США нового вида бизнеса по представлению консалтинговыми компаниями своих клиентов (юридических лиц) в корпоративных конфликтах. Современная трактовка термина «форензик», понимаемая как финансовое расследование, включает деятельность по выявлению, анализу и урегулированию конфликтных ситуаций и возникающих разногласий между деловыми партнерами по финансовым, коммерческим, правовым или другим вопросам, содержащим экономические риски. Иными словами, это практика расследования финансовых нарушений и сопровождения корпоративных споров независимыми аудиторскими и специальными организациями. Форензик позволяет выявлять возможные финансовые правонарушения и риски на момент заключения договора, инвестирования денег или приобретения (слияния, поглощения) организаций.

Считается, что основателем данной идеи является американец Джулс Кролл, который в 1972 г. создал одноименную международную компанию. В настоящее время зарубежные компании активно применяют независимые экономические расследования в качестве инструмента проверки деятельности субъекта хозяйствования для расчета убытков при заключении контракта или нарушений условий договора, нарушении гарантийных обязательств, для предотвращения возможных споров, оценки рисков банкротства компании и др.

В Российской Федерации форензик возник с появлением на рынке нескольких крупных международных консалтинговых компаний, специализирующихся в сфере финансов, банковской и страховой деятельности. Например, в российском представительстве компании Deloitte есть специальная группа, которая занимается анализом расходов на крупные строительные проекты, поскольку строительство является одной из наиболее криминализованных сфер экономики в соседнем государстве.

Целью форензика является выявление, исследование и фиксирование рисков и угроз финансово-хозяйственной деятельности организации, отклонений от нормальной хозяйственной деятельности и несоответствий в финансовой отчетности, определение причинно-следственной связи между угрозами и обусловившими их причинами. Методы проведения форензика основаны на глубоких познаниях бухгалтерского, финансового учета и аудита, современных информационных технологий (технологий Big Data, Intella, eDiscovery), которые включают: оценку документации, находящейся в открытом и закрытом доступе; анализ контрактных обязательств и контрагентов компании с выявлением кредиторской

задолженности; проверку компании на предмет наличия конфликтов, связанных с легализацией незаконных доходов, дочерних и зависимых обществ, находящихся за рубежом, в том числе в офшорных зонах, и др.

Алгоритм проведения форензика может отличаться в зависимости от целей, особенностей отрасли, в которой функционирует компания, но в целом осуществляется по следующим направлениям:

- детальный анализ отчетности организации с учетом основных статей доходов (расходов), активов и обязательств и оценкой вероятности заведомо ложных операций по каждому ее виду;

- оценка и тестирование финансовой отчетности на наличие забалансовых операций, а также операций, проведенных «задним» числом;

- проверка контрагентов на предмет их аффилированности между собой через доступные адреса, номера телефонов сотрудников, руководителей и владельцев компании, анализ связей между поставщиками компании и ее сотрудниками на предмет наличия конфликта интересов;

- поиск виртуальных (электронных) следов путем анализа электронной переписки и документов, включая удаленные письма и файлы, автоматизация сопоставления большого количества корпоративных данных, указывающих на незаконную деятельность;

- анализ баз данных на наличие отклонений, подозрительных транзакций, связей между подозреваемыми лицами, а также изучение электронной переписки, содержащей информацию о манипуляциях финансовой отчетности с использованием современных инструментов бизнес-аналитики и визуального анализа;

- диагностика закупочной деятельности с автоматизированным выявлением аффилированности, идентификации неблагонадежных контрагентов.

Применение разработанных специальных программ позволяет анализировать информацию о контрагентах преимущественно из открытых источников, к которым, по нашему мнению, могут относиться данные о структуре акционеров, публичная финансовая отчетность, онлайн-заказы, сведения из единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также реестра коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей с повышенным риском совершения правонарушений в экономической сфере, социальные сети и др.

Таким образом, форензик по своей сути является судебным аудитом, результаты которого могут быть использованы в качестве доказательств в судебном процессе. В традиционном понимании методы, на которых фактически основывается форензик, в определенной степени разработаны в рамках научных отраслей знаний криминалистики и судебной бухгалтерии. Вместе с тем очевидно, что дальнейшее совершенствование форм и методов борьбы с экономической преступностью долж-

но включать одновременное развитие и внедрение информационных технологий, разработку и создание экспертных систем – специальных аналитических программ (программных продуктов) с использованием знаний в области финансов, судебной бухгалтерии, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, основанных на общем анализе финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования, состояния бухгалтерского учета и финансовой отчетности организации, которые позволят выявлять определенные индикаторы, свидетельствующие о возможных нарушениях, пресекать финансовые преступления на ранних стадиях их совершения, а в комплексе успешно противодействовать преступности в финансовой сфере.

УДК 343.9

Т.И. Дудко

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ

Начиная как проект крипто-энтузиастов, система Bitcoin, основанная на технологии цепочки блоков и распределенных реестров (блокчейн) с используемой одноименной расчетной единицей, коренным образом изменила представления общества о существующей финансовой системе. Биткоин превратился из первоначально ничем не обеспеченного продукта в серьезный инвестиционный актив, позволяющий выполнять ряд функций: средства обмена, платежа, накопления и меры стоимости.

Дальнейшая реализация в рассматриваемой области человеком своего «преобразующего потенциала» привела к появлению блокчейн-индустрии, без которой уже сложно представить современное информационное общество. Из этого следует, что массовый интерес к блокчейн-технологии и к криптовалютам определяется самим научно-техническим прогрессом, а также стремлением человека быстро и легко извлекать материальную выгоду, посредством использования и трансформации накопленных знаний об информационных технологиях.

Несмотря на то что блокчейн-технология и криптовалюты достаточно недавно привлекли внимание широкой общественности, первым, кто по достоинству оценил преимущества криптовалют (такие как быстрота, анонимность, надежность, дешевизна и транснациональность транзакций), стал преступный мир. Привлекательность использования криптовалюты в преступных целях обусловлена равным образом уникальными свойствами архитектуры блокчейна: децентрализованным характером

сети и наличием криптографических средств защиты данных в ней, что в значительной степени затрудняет процесс идентификации владельца криптовалюты, а также возможность изъятия ее из криптокошелька.

Нацеленность на применение инновационных решений преступниками приводит к возникновению и развитию преступных посягательств, совершаемых ранее неизвестными способами и с использованием ранее неизвестных средств и связанных в рассматриваемом нами случае с использованием блокчейн-технологии и криптовалюты.

Одной из первых и наиболее востребованных сфер использования криптовалюты в преступных целях стала наркоторговля. О криптовалюте, в частности биткойне, как надежном платежном средстве при расчетах за наркотики заговорили еще в 2013 г. в связи с делом Silk Road (анонимной интернет-площадки, действовавшей в теневого интернете и занимавшейся распространением наркотиков, порнографии, персональных данных, оружия, контрафактов продукции) [1, с. 9]. Сегодня схема продажи не только наркотиков, но и иных запрещенных к обороту предметов с использованием в качестве средства оплаты криптовалюты детально проработана преступниками и широко применяется ими во всем мире. Согласно данным Интерпола, с 2010 по 2016 г. оборот от реализации запрещенных предметов в теневого интернете составил свыше 2 млрд долларов США исключительно в криптовалюте [2].

На фоне роста капитализации криптовалют и в условиях отсутствия должного правового регулирования данной сферы, позволяющего определить параметры безопасности выпуска и оборота криптовалюты, отмечается тенденция постепенной переквалификации преступников с хищения денежных средств на хищение криптовалюты в различных формах проявления: взлом кошельков криптобирж и отдельных пользователей; вымогательство криптовалюты; реализация мошеннических ICO и др. [3–5]. По экспертным оценкам, только за первое полугодие 2018 г. посредством модификаций технологических средств для совершения преступлений в криптоиндустрии преступникам удалось похитить около 1,1 млрд долларов США в криптовалюте [6].

Наглядным примером развития способов совершения преступных посягательств в отношении криптовалюты с использованием сетевых технологий, основанных на удаленном доступе, является появление скрытого майнинга или криптоджекинга. Основная цель криптоджекинга заключается не в похищении данных, а в использовании стороннего оборудования для добычи криптовалюты, ведь чем больше производственные мощности аппаратных средств, тем выше шанс получить вознаграждение в виде криптовалюты. В то же время использование вычислительных мощностей сторонних сервисов может нанести суще-

ственный вред не только интересам отдельных граждан и организаций, но и интересам отдельных государств.

Для преступников сфера оборота криптовалюты предоставила широкие возможности по легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Особенности архитектуры блокчейна и отсутствие соответствующих рекомендаций Международной группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) по выявлению сомнительных операций с криптовалютой фактически исключают возможность достоверно установить участников преступных схем [7, с. 151]. На практике встречаются способы легализации преступных доходов через криптовалюты посредством использования нелегальных обменных сервисов и криптоавтоматов, криптомиксеров и азартных онлайн-игр [1, с. 12; 7, с. 151–152]. Согласно отчету аналитической компании CipherTrace, в период с 2017 г. по первое полугодие 2018 г. было легализовано преступных доходов при помощи криптовалюты свыше 1,2 млрд долларов США [6].

Широкое распространение в открытом доступе интернета информации об алгоритмах разработки вредоносного программного обеспечения и подробных инструкциях по осуществлению, например, криптоджекинга в совокупности с существующими в теневом интернете 12 000 запросами и 34 000 предложениями, связанными с хищением криптовалюты [5], позволяет нам сделать вывод, что для совершения большинства преступных посягательств в сфере криптоиндустрии не требуется наличие специального образования, а лишь наличие специальных технических навыков, полученных посредством изучения и использования соответствующих ресурсов интернета.

Таким образом, можно констатировать, что преступники, имея более высокий уровень подготовки в сфере инновационных технологий, используют все более изощренные способы совершения преступлений. Для эффективного противодействия данным преступлениям необходимо оперативное реагирование правоохранительных органов, которое невозможно без соответствующей подготовки сотрудников в области информационных технологий, в частности блокчейн-технологий и оборота криптовалют.

1. Сидоренко Э.Л. Наркотики и криптовалюта: мировые криминологические тренды // Наркоконтроль. 2018. № 2.

2. Ларина Е., Овчинский В. Криптовалюта, блокчейн и преступность [Электронный ресурс] // Завтра: блоги и сообщества. URL: http://zavtra.ru/blogs/kriptovalyuta_blokchejn_i_prestupnost (дата обращения: 25.09.2018).

3. Wall Street Journal: мошеннические ICO уже принесли своим создателям свыше \$1 млрд [Электронный ресурс] // ForkLog. URL: <https://forklog.com/wall-street-journal-moshennicheskie-ico-uzhe-prinesli-svoim-sozdatelyam-svyshe-1-mlrd> (дата обращения: 25.09.2018).

4. С начала этого года преступники похитили \$1,1 млрд в криптовалюте [Электронный ресурс]. URL: <https://cryptonews.one/kriptovaluta/s-nachala-ehotogo-goda-prestupniki-pokhitili-11-mlrd-v-kriptovaljute> (дата обращения: 08.10.2018).

5. Group-IB: Хакерские группировки променяли банки на рынок криптовалют [Электронный ресурс]. URL: <https://coinspot.io/technology/bezopasnost/group-ib-hakerskie-gruppirovki-promenyali-banki-na-rynok-kriptovalyut> (дата обращения: 08.10.2018).

6. Исследование: в 2018 году через криптовалюту отмоют около \$1,5 млрд [Электронный ресурс]. URL: <http://hodlweek.com/news/issledovanie-v-2018-godu-cherez-kriptovaliutu-otmoiut-okolo-15-mlrd> (дата обращения: 08.10.2018).

7. Сидоренко Э.Л. Криминологические риски оборота криптовалюты // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 6.

УДК 343.982.323

В.И. Елётнов

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТРАНСГЕНДЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

С 1 января 2019 г. в штате Нью-Йорк США вступит в силу закон, официально разрешающий жителям данной территории указывать в свидетельстве о рождении третий пол, обозначаемый как пол «X» [1]. Аналогичные законопроекты утверждены или находятся на стадии рассмотрения и в некоторых других штатах США (Калифорнии, Орегоне, Вашингтоне и Нью-Джерси), в Германии, Австрии, Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Индии, Пакистане и Непале [2]. Мировое сообщество постепенно узаконивает интерсексуальность – различные комбинации мужских и женских половых признаков, которые не вписываются в традиционную бинарную систему, меняя традиционные представления о биологическом поле.

В контексте обозначенной тенденции отдельным пунктом стоит необходимость овладения сотрудниками правоохранительных органов терминами, обозначающими новые вариации половой принадлежности современного человека, визуальной диагностики их признаков.

Признавая существование третьего пола, законодатели и научное сообщество в первую очередь имеют в виду людей, которые родились с определенными физическими или биологическими половыми особенностями (например, гермафродитов, сочетающих в себе физиологические признаки обоих полов (в Беларуси гермафродитизм относят к гене-

тическим патологиям)) [3, с. 81]. В то же время понятие третьего пола охватывает и трансгендеров – людей, которые не соответствуют установленным общественным критериям пола или выходят за их пределы [4, с. 79], иными словами, людей, чей биологический пол не совпадает с социальным – гендером. Термин «гендер» в настоящее время используется в психологии и сексологии для обозначения психологических и поведенческих характеристик, отличающих мужчин от женщин; в более узком смысле им обозначается социальный пол [5, с. 11; 6, с. 59].

Среди трансгендеров выделяют андрогинов – людей, сочетающих в себе мужской и женский типы личности, позиционирующих себя представителями промежуточного пола (во внешности андрогинность проявляется в смешении мужских и женских признаков) [7, с. 5]; кроссдрессеров (трансвеститов) – людей, одевающихся в одежду противоположного пола [4, с. 78; 5, с. 22]); транссексуалов – людей, самоидентификация которых отличается от их биологического пола, стремящихся изменить или уже изменивших «свои первичные и (или) вторичные половые признаки посредством феминизирующих или маскулинизирующих медицинских вмешательств» [4, с. 79; 5, с. 184]. Выделяют транссексуалов М-Ж (в англ. MtF, от male-to-female transsexual) – мужчин, выражающих себя женщиной, и транссексуалов Ж-М (в англ. FtM female-to-male transsexual) – женщин, выражающих себя мужчиной [4, с. 76].

Относительно распространенности обозначенных явлений официальной статистики нет. Считается, что гермафродитизм встречается в среднем у 1 из 2 000 человек [8, с. 54], а на 20 000–50 000 человек (старше 15 лет) приходится один транссексуал (при этом количество женщин-транссексуалов в три раза меньше мужчин-транссексуалов) [5, с. 32]. Вместе с тем исследователи Л. Конвейн и Д. П. Келли в своих работах приводят сведения о том, что число транссексуалов в США и Европе по отношению к числу населения составляет 1 : 500 и 1 : 750 соответственно (распространенность операций по смене пола составляет 1 : 2500) [9; 10]. Распространенность кроссдрессеров, по мнению Л. Конвейн, составляет 1 : 50 [10].

В Республике Беларусь детальных исследований, посвященных степени распространенности трансгендеров, не проводилось. Известно лишь, что на 2016 г. под наблюдением межведомственной комиссии по медико-психологической и социальной реабилитации лиц с синдромом отрицания пола при Министерстве здравоохранения Республики Беларусь находилось 210 человек с предварительным диагнозом синдром отрицания пола, а всего за последние 10 лет разрешение на изменение пола получили 45 пациентов: 28 женщин решили стать мужчинами и 17 мужчин – женщинами [11].

Все описанные вариации проявления пола человека представляют интерес для криминалистической практики, поскольку могут выступать в качестве особых примет разыскиваемых. Кроме того, современные возможности изменения биологического пола могут использоваться преступниками как средство маскировки и запутывания следствия. Так, в январе 2014 г. в Екатеринбурге был совершен ряд вооруженных грабежей. Из видеозаписей с мест событий и показаний свидетелей следовало, что данные преступления совершала одна и та же женщина. Однако один из свидетелей обратил внимание на грубый, мужской голос грабительницы. Эта информация была принята к сведению и в дальнейшем было установлено, что указанные грабежи совершал передевавшийся в женщину мужчина [12].

Вместе с тем представляется, что в описании внешности человека такие характеристики, как «гермафродит», «андрогин», «транссексуал», «кроссдрессер» («трансвестит»), во избежание ошибок могут быть зафиксированы лишь в случае их явной достоверности. В иных случаях, целесообразно говорить о наличии у мужчины (женщины) женоподобных (мужеподобных) черт.

В целом при определении пола человека необходимо обращать внимание на элементы и признаки полового диморфизма (анатомические различия между мужчинами и женщинами в половых признаках (первичных и вторичных) [13, с. 198].

К различиям в первичных половых признаках относятся отличия между мужчинами и женщинами в половых органах [14, с. 26]. К различиям между мужчинами и женщинами во вторичных половых признаках И.А. Тишевской относит их разницу в строении скелета (у мужчин – массивные кости и узкий таз, у женщин – тонкие кости и широкий таз), распределении жировой ткани (у мужчин она чаще откладывается в верхней части туловища и живота, у женщин – в области ягодиц, бедер, нижней части живота), в структуре волос и характере их распределения (у мужчин волосы жестче и толще, более выражено оволосение туловища и конечностей, характерен их рост на лице), в наличии у мужчин в щитовидном хряще гортани увеличенного выступа (кадыка, «адамового яблока»), у женщин – молочных желез [15, с. 23]. Как отмечает М.Л. Бутовская, у женщин уже плечи и талия, более короткая и широкая грудная клетка, более длинное туловище, более широкие бедра, конечности в среднем на 10 % короче, чем у мужчин [5, с. 40]. В.Н. Буркова пишет также о разнице в пальцевом индексе (соотношение длин указательного и безымянного пальца правой руки): у мужчин он меньше (т. е. разница в их длине в пользу безымянного пальца, как правило, более выражена) [16, с. 79]. По данным исследователей Альбертского университета (Канада), у 95 % мужчин этот показатель равен 0,89–1, у 95 % женщин – 0,91–1,02

[17, р. 220]. А.Б. Хомутов отмечает, что половой диморфизм проявляется в размере элемента «рост сидя» (расстоянии от верхушечной точки до плоскости сиденья, которое у женщин примерно на 5 см больше за счет сильного развития жировой ткани в седалищной области) [18, с. 79].

В.М. Харитонов, А.П. Ожигова, Е.З. Година указывают, что половой диморфизм проявляется также в характеристиках позвоночника (у женщин более выражен поясничный изгиб), живота (у женщин он длиннее), таза (у женщин он шире и более наклоненный), кисти (у женщин более узкая), в более высоком и относительно узком лице, крупном по отношению к высоте лица носу у мужчин [13, с. 201].

А.В. Краев обращает внимание на то, что женская голова относительно тела больше мужской, а ширина таза больше размера грудной клетки на 5–6 см (у мужчин они практически равны) [19, с. 127].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что в настоящее время, сопровождаемое распространением трансгендерности, законодательным закреплением «третьего пола» во многих странах мира, определение половой принадлежности человека в процессе решения задач, стоящих перед правоохранительными органами, может стать весьма непростой задачей. В этой связи чрезвычайно важным становится следующее:

овладение сотрудниками правоохранительных органов терминами, обозначающими трансгендерность (в первую очередь речь идет о кроссдрессерстве и транссексуализме);

владение сотрудниками правоохранительных органов знаниями о признаках, отражающих трансгендерность во внешнем облике человека;

учет и использование сотрудниками правоохранительных органов сведений о признаках полового диморфизма.

1. В Нью-Йорке разрешили указывать в свидетельствах о рождении третий пол [Электронный ресурс] // Белорусский портал TUT.BY. 2018. 10 октября. URL: <https://news.tut.by/world/611225.html?cmd=11665> (дата обращения: 10.10.2018).

2. Австрия признала третий пол [Электронный ресурс] // Лента.Ру. 2018. 19 июня. URL: https://lenta.ru/news/2018/06/29/third_gender (дата обращения: 10.10.2018).

3. Савченко Н.Е. Гипоспадия и гермафродитизм. Минск, 1974.

4. Стандарты помощи транссексуальным, трансгендерным и гендерно неконформным людям. 7-я версия // Международные медицинские стандарты помощи трансгендерным людям. СПб, 2015.

5. Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино, 2013.

6. Панина Е.В. Специфика самосознания подростков разного пола и гендерной ориентации : дис. ... канд. юрид. наук : 19.00.07. Ярославль, 2014.

7. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой ; Региональная общественная организация «Восток–Запад: Женские Инновационные Проекты». М., 2002.

8. Точный М.Д. Об объекте насильственных преступлений (ст. 131, 132 УК РФ) // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н. Татищева. 2010. № 72.

9. Келли Д.П. Оценка распространенности транссексуализма в Соединенном королевстве [Электронный ресурс] // Университет штата Мичиган. URL: <http://ai.eecs.umich.edu/people/conway/TS/UK-TSp prevalence.html> (дата обращения: 14.09.2018).

10. Конвей Л. Распространенность транссексуализма [Электронный ресурс] Университет штата Мичиган. URL: <http://ai.eecs.umich.edu/people/conway/TS/RU/TSp prevalence-RU.html> (дата обращения: 14.09.2018).

11. Конопелько Л. Свыше 200 белорусов живут с синдромом отрицания пола [Электронный ресурс] // Портал газеты «Советская Белоруссия». 2016. 14 окт. URL: <http://www.sb.by/articles/svyshe-200-belorusov-zhivut-s-sindromom-otritsaniya-pola.html> (дата обращения: 14.09.2018).

12. Трансвестит с оружием ограбил офис в Екатеринбурге [Электронный ресурс] // НТВ.Ru : официальный сайт телеканала НТВ. 2014. 15 января. URL: <http://www.ntv.ru/video/719413> (дата обращения: 18.09.2018).

13. Харитонов В.М., Ожигова А.П., Година Е.З. Антропология : учеб. для вузов. М., 2004.

14. Криминалистическое описание внешности человека : учеб. пособие / В.А. Снетков [и др.] ; под общ. ред. В.А. Снеткова. М., 1984.

15. Тишевской И.А. Возрастная и конституциональная антропология : учеб. пособие. Челябинск, 2000.

16. Буркова В.Н. Пальцевой индекс, агрессия и личностные черты у российских подростков // Вестн. НГУ. Серия «Психология». 2008. Т. 2, вып. 2.

17. Bailey A.A., Hurd P.L. Finger length ratio (2D:4D) correlates with physical aggression in men but not in women // Biological Psychology. 2005. Vol. 68, Issue 3.

18. Хомутов А.Б. Антропология. 3-е изд. Ростов н/Д, 2004.

19. Краев А.В. Анатомия человека. М., 1978. Т. 1.

УДК 343.98

М.А. Ершов

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ
В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
КАФЕДРЫ КРИМИНАЛИСТИКИ
НИЖЕГОРОДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ**

К одной из актуальных проблем науки криминалистики, одному из востребованных направлений работы специалистов в области криминалистики относится криминалистическая подготовка сотрудников правоохранительных структур.

Как показывают исследования представителей научной школы кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России и педагогический опыт, проблема качества подготовки кадров для правоохранительных органов определяется спецификой системы образования. В современных условиях с учетом реализации в России компетентного подхода к организации образовательного процесса предъявляются особые требования. В связи с этим предлагаются несколько постулатов научно-педагогической концепции нашей кафедры.

1. На всех этапах формирования компетенций преобладающее значение приобретает деятельностный подход. Условием его реализации является погружение самостоятельно мыслящих обучающихся в ситуации, максимально приближенные к реальной действительности и напрямую связанные с характером их будущей профессиональной деятельности. При этом преподаватель должен восприниматься обучающимися как справочно-экспертная система. Таким образом, выполняется одно из важнейших требований образовательных стандартов – необходимость преподавания дисциплин с применением активных и интерактивных форм и методов обучения.

2. Практическая направленность обучения гармонично должна дополняться ориентацией на теорию. Отсутствие теоретической подготовки может привести к признанию выпускником существующего явления и одновременно непониманию его сущности, а также неготовности выполнять творческие виды деятельности. В этом плане особую роль мы отводим изучению раздела криминалистики «Криминалистические основы деятельности по выявлению и расследованию преступлений» [1, с. 190–243], в который интегрированы теоретические основы и дидактические элементы формирования аналитического и версионного мышления.

3. Существующие лимиты времени, отведенного на освоение типовой программы обучения, требуют принятия довольно сложного решения: либо преподавать курс криминалистики с максимальным набором информационного материала и невозможностью отражения на занятиях (с учетом проверки уровня и качества восприятия материала обучающимися) всех деталей, всех особенностей, проблем и нюансов («всего понемногу» – «как должно»), либо объединить все темы курса вокруг единой системообразующей задачи («как нужно»). Речь идет об особом подходе к организации образовательного процесса и о таком дидактическом стиле работы, который бы создавал условия для формирования позитивного профессионального стиля у самого обучающегося.

Опыт наших кафедральных дидактических поисков и экспериментов позволил остановить свой выбор на модели формирования у обучающихся криминалистического стиля мышления (обучения крими-

налистическому анализу исходной информации независимо от формы деятельности (оперативно-розыскной или следственной) и конкретных видов преступлений, привития навыка составления криминалистических обоснований принятия методических и тактических решений). Данный выбор был не случаен. Он позволяет, во-первых, объединить конкретные методические разработки единой системообразующей задачей, во-вторых, развивать современную педагогическую технологию с ориентацией на последующую практическую деятельность обучающегося [2, с. 52–61].

Какие существуют пути для формирования способности мыслить аналитически и принимать правильные методические и тактические решения? Каким образом в ходе практических занятий по криминалистике можно научить аналитическому (ретроспективному и прогностическому) мышлению, развить эту способность, сформировать ее на уровне устойчивого навыка?

Формирование навыков аналитического мышления в ходе занятий по криминалистике, а также при изучении связанных с ней дисциплин предлагается осуществлять в семь этапов [3, с. 153–158].

Первый этап. В связи с реализацией в Нижегородской академии МВД России образовательных программ по подготовке не экспертов-криминалистов, а специалистов подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (оперативные сотрудники) и работников следственных подразделений, в рамках занятий по криминалистической технике мы сделали акцент на обучении курсантов и слушателей навыкам правильной работы со следами преступной деятельности. Речь идет не только об обнаружении, фиксации и изъятии следов с набором технико-криминалистических средств, но и об анализе единичных следов-отображений, комплексном восприятии, осмыслении и понимании всей следовой картины, ее связи с конкретными признаками преступлений, возможным механизмом преступной деятельности. В образовательном процессе также уделяется внимание подбору специалистов, экспертов и экспертных учреждений, грамотной постановке вопросов перед экспертом, анализу результатов проведенных исследований и экспертиз. Такой подход позволяет сформировать у обучающихся способность построения и разработки версий, связывая процесс изучения криминалистической техники с изучением криминалистической тактики и методики.

На втором этапе в рамках темы «Криминалистическая характеристика преступной деятельности» обучающимся предлагается изучить примеры следственно-судебной практики и заполнить специально разработанные таблицы, с помощью которых механизм криминального события анализируется с позиции элементного и фазового подходов.

В структуру первой таблицы включены следующие элементы: субъект, ситуация, способ, следы.

Результатом фазового анализа является ретроспективное аналитическое переосмысление деяний субъектов путем выделения информационной и процедурной части приготовления к совершению преступления, фаз реализации преступного замысла и воспроизводства преступной деятельности.

Третий этап реализуется при изучении темы «Выявление криминальной ситуации и формирование исходной информации». Обучающимся рекомендуется выделить в содержательной части информации главное (ключевое), систематизировав исходную информацию, отметить противоречия (неточности, неясности), сравнив исходную информацию с данными видовой криминалистической характеристики преступной деятельности, сформулировать вопросы, подлежащие выяснению, обосновать альтернативы и избрать пути, методы и способы получения ответов на сформулированные вопросы с использованием арсенала имеющихся методических и тактических средств (следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий). Обучающимся необходимо спрогнозировать собственные действия в качестве субъекта расследования определившись с возможными ошибками, трудностями в предстоящей работе, в том числе связанными с противодействием расследованию, а также определить пути преодоления противодействия.

На четвертом этапе обучение осуществляется с использованием разработанной на кафедре карты криминалистического анализа информации. Карта имеет следующие позиции переосмысления исходной информации:

источник и содержание информации (рекомендуется охарактеризовать источник информации, а ее содержательную часть представить с учетом позиций, определенных на третьем этапе обучения);

предположения о субъектах преступной деятельности и их связях, возможных действиях субъектов и их связях, следах и источниках информации (при этом между позициями карты по горизонтали должна прослеживаться взаимосвязь, взаимозависимость каждого из элементов);

обстоятельства, подлежащие выяснению, которые прописываются в виде вопросов, формулируемых на основе выдвинутых в предыдущих колонках карты предположений. Важно, чтобы аналитическая модель выстраивалась обучающимися с использованием схемы условно-вероятностного силлогизма: «если... то, вероятно...»;

способы выяснения (рекомендуется обозначать весь набор средств (информационных, процедурных и орудийно-инструментальных), необходимых для разрешения поставленных вопросов-обстоятельств, подлежащих выяснению).

На пятом этапе осуществляется обучение формированию системы доказательств, необходимых для оправдания принятия процессуальных (тактических) решений. В этих целях используются две разных дидактических формы (таблицы). В первой отражаются: доказательственные факты и аргументы; средства доказывания; направления использования установленных доказательственных аргументов; обстоятельства, которые не были выяснены; как можно использовать знания о невыясненных обстоятельствах. Во второй таблице (составляется после того, как принято решение о возбуждении уголовного дела) содержится план расследования, в котором выдвинутые обучающимися в карте криминалистического анализа предположения формулируются в виде одной или нескольких следственных версий, последние максимально детализируются (уточняются); на основе выдвинутых версий формируется предмет доказывания; для каждого обстоятельства, подлежащего доказыванию, подбираются следственные (процессуальные) действия, оперативно-розыскные мероприятия.

На шестом этапе происходит формирование аналитических способностей, применяемых при производстве отдельных следственных (процессуальных) действий (раздел «Криминалистическая тактика»). Практические занятия по криминалистической тактике разбиваются на три логические части. В ходе принятия тактического решения о производстве следственного (процессуального) действия и выполнения мероприятий по подготовке к его проведению обучающимся предлагается заполнить таблицы осмысления этапов подготовки и проведения следственного (процессуального) действия на основе исходной информации. Затем на полигоне осуществляется имитация следственной (тактической) ситуации. Обучающиеся, будучи поставленными в условия, максимально приближенные к реальным, самостоятельно под наблюдением преподавателя проводят следственное (процессуальное) действие, по результатам которого в третьей части занятия составляется аналитическая справка с отражением допущенных ошибок, перспектив использования результатов проведенной процедуры, прогнозированием дальнейших действий субъекта расследования.

Седьмой этап связан с итоговым формированием и совершенствованием криминалистического стиля мышления. Он реализуется на занятиях по криминалистической методике, а также в рамках смежных дисциплин.

Предлагаемая методика позволяет с наибольшей эффективностью формировать у обучающихся навыки и умения, необходимые для выявления и расследования преступлений, она успешно апробируется на протяжении более 15 лет.

4. С точки зрения комплексности и межпредметности как важнейших условий практической направленности обучения и его развивающего характера [4, с. 58–95] в целях формирования умения и устойчивого навы-

ка междисциплинарного мышления и принятия соответствующего уровня решений требуется реализация междисциплинарных технологий.

Примером внедрения в образовательный процесс междисциплинарных технологий в Нижегородской академии МВД России служат практические занятия по предупреждению коррупции в органах внутренних дел и формированию антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел.

Реализация научно-педагогической концепции кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России предполагает соблюдение строгой последовательности изучения обучающимися курса криминалистики с учетом приведенной выше методики формирования криминалистического стиля мышления; определение в курсе криминалистики места алгоритма криминалистического анализа информации; разработку современных (инновационных) педагогических технологий, дидактических материалов, средств доставки учебного материала, позволяющих совершенствовать процесс формирования криминалистического стиля мышления; развитие форм педагогического контроля знаний, оценочных средств; формирование соответствующего современным реалиям методического обеспечения образовательного процесса.

1. Криминалистика : курс лекций / под ред. А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 2018.

2. Журавлев С.Ю. О дидактических подходах к формированию аналитического мышления в ходе проведения практических занятий по криминалистике // Криминалистика: проблемы методологии и практики расследования отдельных видов преступлений : сб. науч. ст. / под ред. А.Ф. Лубина. Н. Новгород, 2003.

3. Журавлев С.Ю. Основы формирования криминалистического стиля мышления субъекта расследования преступлений // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина) : сб. материалов 53-х криминалист. чтений : в 3 ч. М., 2012. Ч. 1.

4. Гуслова М.Н. Инновационные педагогические технологии : учеб. пособие. 3-е изд., испр. М., 2012.

УДК 347.973

М.Г. Жук

ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Современное общество невозможно представить без компьютерных технологий, уровень которых постоянно растет. Они проникли практически во все сферы жизни. Одновременно возрастает и количество,

противоправных посягательств в этой сфере, появляются новые средства и способы совершения преступлений. По данным МВД Республики Беларусь, в 2017 г. выявлено 3 099 преступлений в сфере высоких технологий, что на 25,4 % больше в сравнении с 2016 г. При этом рост числа таких уголовно наказуемых деяний отмечается во всех регионах страны. Особенностью компьютерных преступлений является их транснациональный характер. Уже не имеют большого значения границы между странами, расстояния, разница в языках общения. Определяющими становятся уровень компьютеризации общества, возможность доступа к компьютерам, соответствующие специальные знания, общие для программистов разных стран.

Понятие «преступление с сфере высоких технологий» для уголовного права и криминалистики сравнительно новое. Термин сложился стихийно для удобства обозначения преступлений, орудием или предметом которых стала компьютерная информация или компьютерные средства. В 80-х гг. XX в. данные преступления достигли такого распространения, что в национальных правовых системах, а затем и на международном уровне были приняты правовые нормы, введившие уголовную ответственность за их совершение [1, с. 6].

Орудием совершения компьютерного преступления могут являться как компьютерные средства и оборудование, так и программное обеспечение, с помощью которого преступники осуществляют неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации. Не всякий неправомерный доступ образует состав преступления, а лишь такой, при котором наступили вредные последствия для правообладателя информации, затруднившие или сделавшие невозможным для потерпевшего использование информации: уничтожение, блокирование, модификация или копирование информации [2, с. 617]. Такие деяния получили названия «компьютерные преступления», «киберпреступления», «преступления в сфере высоких технологий», «высокотехнологичные преступления», «преступления в сфере компьютерной информации», «сетевые преступления», «машинно-интеллектуальные преступления», «технично-интеллектуальные преступления», в основном подразумевающие одни и те же виды преступной деятельности [3, с. 6]. Наибольшее распространение в отечественной юридической литературе получил термин «компьютерные преступления».

Компьютерное преступление – противозаконная деятельность, связанная с информационными ресурсами, при которой компьютер выступает либо как объект совершения преступления, либо как субъект непосредственного воздействия. Главная особенность компьютерных преступлений – это сложность в установлении состава преступления и

решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Компьютерная информация способна достаточно быстро изменять свою форму, копироваться и пересылаться на любые расстояния. Следствием этого являются трудности с определением первоисточника и субъекта совершения преступления. Информация как криминалистический объект имеет ряд специфических свойств: высокая динамичность, постоянное функционирование, возможность дистанционной работы и, безусловно, возможность быстрого изменения и безвозвратного удаления большого объема данных. Получив доступ к информации, киберпреступник может использовать все известные ему средства для манипулирования поведением объекта преступления. Основными факторами, способствующими совершению компьютерных преступлений, являются: низкий уровень прикладного программного обеспечения; наличие возможности несанкционированного доступа или модификации компьютерной информации; концентрация компьютерной информации различного назначения в единых базах данных; отсутствие надлежащего контроля за доступом к информации; небрежность пользователей ЭВМ, несоблюдение мер предосторожности; постоянное увеличение потоков информации, накапливаемой, хранимой и обрабатываемой при помощи компьютеров и других средств автоматизации [4, с. 42–45].

В процессе формирования основ криминалистической методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации возникают определенные сложности: высокая латентность, достигающая по разным оценкам порядка 90 %; сложность сбора доказательств и процесса доказывания в суде ввиду отсутствия достаточной следственной практики; широкий спектр криминалистически значимых признаков этих преступлений; несовпадение места совершения противоправных действий и места наступления общественно опасных последствий; механизм совершения скрыт от правоохранительных органов.

Затрудняет следствие и то, что компьютерные преступления общественным мнением не рассматриваются порой как серьезная угроза.

Получение и анализ доказательств по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации – одна из основных и трудно решаемых на практике задач. Ее решение требует не только особой тактики проведения следственных и организационных мероприятий, но и наличия специальных познаний в области компьютерной техники и программного обеспечения. При расследовании компьютерных преступлений следователь сталкивается с необходимостью выявления и изъятия следов и собирания доказательств на таких объектах исследования, как компьютерная система, телекоммуникационная сеть или носитель информации (магнитный, оптический и т. д.). При этом в некоторых случаях

приходится искать нечто неосязаемое, а не привычные физические улики в виде следов применения оружия, отпечатков пальцев, поддельных документов. Основные проблемы связаны с описанием подлежащего изъятию компьютерного оборудования и компьютерной информации, а также с тактикой проведения обыска. Особые сложности при производстве следственных действий возникают в случае распределенных компьютерных систем обработки информации, так как место совершения преступления часто не совпадает с местом происшествия и наступления преступного результата [5, с. 265–270].

Разработка теоретических основ расследования преступлений в сфере компьютерной информации сложна и имеет много аспектов на стыке права, теории информатики, производства и эксплуатации аппаратных средств компьютерных систем, сетей и иного сопряженного оборудования.

Для разработки методики расследования компьютерных преступлений большое значение имеет их криминалистическая структура, которая включает следующие элементы: предмет посягательства, орудие посягательства, физическая деятельность субъекта, вредные последствия, место и время совершения преступления, субъект преступления, психическая деятельность субъекта. Основным предметом посягательства является компьютерная информация, определяемая как документированные сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, хранящиеся на машинных носителях, в ЭВМ, системе или сети ЭВМ либо управляющие ЭВМ [3, с. 64].

Способ совершения преступления складывается из комплекса специфических действий правонарушителя по подготовке, совершению и маскировке преступного посягательства. Нередко эти действия представляют собой целую систему со многими ее элементами и оставляют во внешней обстановке соответствующие отражения, составляющие информационную модель преступления [6, с. 69–70].

Можно было бы выделить следующие основные обстоятельства, подлежащие обязательному установлению и доказыванию по делам рассматриваемой категории:

имело ли место компьютерное преступление (либо это правонарушение иного рода);

каков объект преступного посягательства (данное обстоятельство имеет решающее значение для применения следователем той или иной методики расследования конкретного преступления или их совокупности преступлений);

каков предмет преступного посягательства;

каков способ совершения преступления;

место, время (период) и обстоятельства совершения преступления;

вид и размер ущерба, причиненного пострадавшему;
кто совершил преступление;
если преступление совершено группой лиц, то каковы состав группы и роль каждого соучастника;

какие обстоятельства способствовали совершению преступления.
В настоящее время наиболее полно, на наш взгляд, разработана методика расследования неправомерного доступа к компьютерной информации. Алгоритм расследования этого преступления построен по следующей схеме:

- 1) установление самого факта неправомерного доступа к информации в компьютерной системе или сети;
- 2) установление места несанкционированного проникновения в компьютерную систему или сеть;
- 3) установление времени несанкционированного доступа;
- 4) установление надежности средств защиты компьютерной информации;
- 5) установление способа несанкционированного доступа;
- 6) установление лиц, совершивших неправомерный доступ к компьютерной информации;
- 7) установление виновности и мотивов лиц, совершивших неправомерный доступ к компьютерной информации;
- 8) установление вредных последствий неправомерного доступа к компьютерной системе или сети;
- 9) выявление обстоятельств, способствовавших неправомерному доступу к компьютерной информации.

Как отмечает И.А. Возгрин, программы (алгоритмы) расследования данного вида преступлений должны строиться поэтапно (наиболее подробно для первоначального этапа, начиная с момента получения первичной информации и обнаружения признаков преступления), по наиболее часто встречающимся следственным ситуациям, с учетом выдвигаемых в каждой из них типичных следственных версий. Они должны включать научно обоснованную систему следственных, оперативно-розыскных, организационно-технических и иных действий и мероприятий, направленных на быстрое и полное установление истины по уголовному делу [7, с. 29].

1. Вехов В.Б., Попова В.В., Илюшин Д.А. Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации. М., 2004.
2. Крылов В.В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации. М., 1998.
3. Кушниренко С.П. Методика расследования преступлений в сфере высоких технологий : конспект лекций. СПб., 2007.
4. Хомколов В.П. Предупреждение преступлений в сфере компьютерной информации // Право: теория и практика. М., 2004.

5. Мешеряков В.А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. 2013. № 5.

6. Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1995.

7. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб., 1993. Ч. 4.

УДК 343.98

Н.Н. Ильин

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ТРАНСПОРТНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Происшествия, совершенные на воздушном, водном и железнодорожном транспорте, вызывают большой общественный резонанс, и им всегда уделяется пристальное внимание в средствах массовой информации. Так, в России за последние годы значительно возросло число авиационных происшествий. Если в 2007 г. было 7 авиапроисшествий, в 2017 г. – 38. По данным Межгосударственного авиационного комитета, с 2007 г. по 2017 г. в России произошло 202 авиационных происшествия и 173 катастрофы [1]. На дорогах количество погибших также остается на очень высоком уровне. По данным ГИБДД, за 2017 г. количество погибших в результате ДТП составило 19 тыс. человек. В этой связи Президент Российской Федерации на расширенном заседании коллегии МВД России говорил о необходимости внедрения новых технологий безопасности, применения современных средств фиксации нарушений и улучшения механизмов взаимодействия с другими ведомствами для последовательного сокращения количества транспортных происшествий и смертности на дорогах [3].

Следует отметить, что сегодня участились случаи использования заведомо технически неисправных транспортных средств, что нередко приводит к авариям, катастрофам и другим происшествиям на различных видах транспорта. Создание эффективной системы борьбы с преступлениями против безопасности движения и эксплуатации транспорта предполагает полное и всестороннее изучение причин и условий совершения преступлений, совершенствование методики их расследования с использованием в том числе специальных знаний в форме судебной экспертизы.

Нередко следователь и суд испытывают трудности при организации экспертных исследований, определении рода (вида) судебной экспертизы, объектов, которые необходимо предоставить эксперту, а также при решении вопросов, подлежащих постановке для получения необходимой доказательственной информации по уголовному делу.

Довольно часто практика (следственная, судебная и экспертная) определяет развитие теоретических знаний в судебной экспертизе. Анализ и обобщение современной следственной и экспертной практики показывают, что, несмотря на отсутствие отдельных (родов) видов судебных экспертиз в специальных перечнях, разработанных в государственных экспертных учреждениях, нередко их результаты успешно используются при раскрытии и расследовании преступлений. Потребности органов следствия требуют поиска более совершенных форм применения специальных знаний.

Так, транспортно-технические судебные экспертизы являются одним из методов установления обстоятельств при раскрытии и расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта либо совершения определенных транспортных происшествий.

В связи с начальным становлением и развитием теоретические проблемы рассматриваемого класса судебных экспертиз до настоящего времени не выступали в качестве предмета полноценных и комплексных исследований. Думается, что рассмотрение теоретических аспектов на современном диссертационном уровне позволит сформулировать научно обоснованные концептуальные положения, отражающие перспективы дальнейшего развития транспортно-технических судебных экспертиз и подготовку экспертов в данной области.

Отсутствие методологических основ, а также недостаточная проработанность теоретических и прикладных основ по производству транспортно-технических судебных экспертиз не только негативно влияет на развитие данного направления в деятельности правоохранительных органов, но и вынуждает следователей и суд часто ставить перед экспертами вопросы юридического характера (например, о соответствии действий лица, управляющего транспортным средством (пилота, судоводителя, машиниста), требованиям конкретных нормативных правовых актов). Вполне возможно, что в дальнейшем такое положение дел может привести к необоснованным отказам в возбуждении уголовных дел, поверхностному расследованию, и, как следствие, к необоснованным приговорам.

Таким образом, рассматриваемая нами проблема нуждается в комплексном исследовании. Это обусловлено, с одной стороны, недостаточно научно и теоретически разработанной концепцией частной теории транспортно-технических судебных экспертиз, с другой – наличием реальной

потребности для практики в их назначении и производстве при расследовании транспортных преступлений. Ввиду неразработанности концептуальных основ транспортно-технической судебной экспертизы возникла необходимость систематизации ее понятий и базовых категорий.

Отдельные проблемы, связанные с назначением и производством некоторых родов транспортно-технических судебных экспертиз, а также с использованием специальных знаний при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, были предметом ряда диссертаций. Предлагаем их дифференцировать по следующим направлениям исследования:

1. Общеетеоретические вопросы транспортно-технических судебных экспертиз. В диссертационных работах рассматриваются вопросы, связанные понятием и классификацией судебных экспертиз. При этом в качестве самостоятельного класса судебных экспертиз выделяются инженерно-транспортные (Т.В. Толстухина «Тенденции развития судебной экспертизы на основе информационных технологий», Москва, 1999 г.; Д.В. Артюшенко «Теоретические и прикладные аспекты классификации судебных экспертиз», Москва, 2013 г.; Н.В. Бурвиков «Системные построения в судебной экспертизе», Тула, 2014 г.).

2. Теоретические и практические вопросы назначения и производства отдельных родов транспортно-технических судебных экспертиз. Работы посвящены исследованию вопросов, связанных с тактикой назначения и методикой производства автотехнических судебных экспертиз (И.И. Чава «Совершенствование организации и нормативного регулирования судебной автотехнической экспертизы в целях повышения эффективности расследования дорожно-транспортных преступлений», Москва, 1991 г.; Ю.Б. Суворов «Теоретические и методические проблемы комплексного экспертного исследования системы «водитель – автомобиль – дорога» при расследовании дорожно-транспортных происшествий», Москва, 1993 г.; М.В. Беляев «Трасологическая диагностика по делам о дорожно-транспортных происшествиях», Москва, 2016 г.; Г.И. Сафонов «Тактика назначения судебной автотехнической экспертизы и использования ее результатов в процессе доказывания», Москва, 2017 г.).

3. Использование специальных знаний в области транспортно-технических судебных экспертиз при расследовании определенных видов транспортных преступлений. В диссертационных работах исследуются вопросы установления личности при расследовании отдельных видов преступных деяний, предусмотренных гл. 27 УК «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (Н.С. Корчан «Исследование причинных связей при расследовании дорожно-транспортных происшествий с помощью судебно-автотехнической экспертизы», Москва, 1991 г.; Э.Т. Сидоров «Использование автотехни-

ческих познаний в раскрытии и расследовании дорожно-транспортных преступлений», Москва, 1999 г.; А.А. Коссович «Информационно-криминалистическое обеспечение комплексных судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений», Саратов, 2003 г.; В.А. Городокин «Использование специальных автотехнических знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств», Челябинск, 2009 г.; А.А. Митрофанова «Криминалистическое обеспечение первоначального этапа расследования нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта: актуальные проблемы теории и практики», Иркутск, 2017 г.).

Вместе с этим, признавая несомненную теоретическую и практическую значимость всех вышеуказанных работ, следует обратить внимание на то, что в основном работы являются кандидатскими диссертациями по исследованию теоретических и практических вопросов использования специальных знаний в области автотехнических судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Докторские диссертации, в которых бы рассматривались концептуальные основы частной теории транспортно-технических судебных экспертиз, в настоящее время отсутствуют. Кроме того, практически не изучены методические основы производства авиационно-технических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз. Представляется, что в современных условиях развития судебной экспертизы необходимо синтезировать специальные знания различных родов транспортно-технических судебных экспертиз с целью формирования единой частной теории. Исходя из этого, следует решить следующие задачи:

выделить признаки ранее сформулированного, но не разработанного класса транспортно-технических судебных экспертиз, а также представить их классификацию;

определить ключевые категории транспортно-технических судебных экспертиз (предмет, объекты, задачи);

на основе изучения практики производства авиационно-технических, автотехнических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз рассмотреть возможности транспортно-технических судебных экспертиз при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, при расследовании преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта;

изучить комплексный характер транспортно-технических судебных экспертиз.

1. Статистика авиационных событий. URL: <https://mak-iac.org/> (дата обращения: 28.08.2018).

2. ГИБДД опубликовала годовую статистику ДТП за 2017 год. URL: <http://www.1gai.ru/autonews/520130-gibdd-opublikovala-godovuyu-statistiku-dtp-za-2017-god.html> (дата обращения: 28.08.2018).

3. Расширенное заседание коллегии МВД России 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54014> (дата обращения: 28.08.2018).

УДК 343.35

Д.В. Исютин-Федотков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

В мае 2018 г. вступила в силу ст. 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» Уголовного кодекса Российской Федерации. Часть 1 данной статьи предусматривает ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и причинило крупный ущерб. Часть 2 ст. 200.4 предусматривает ответственность за деяние, предусмотренное ч. 1, совершенное группой лиц по предварительному сговору; причинившее особо крупный ущерб.

Анализ новой статьи показывает, что при производстве по материалам и уголовному делу в рамках расследования преступления неизбежно возникнут следующие проблемные вопросы.

1. Диспозиция нормы предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности практически за любое нарушение законодательства о контрактной системе. Конечно, при условии, если это нарушение совершено работником заказчика из корыстной или иной личной заинтересованности и причинило крупный ущерб.

Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) (ч. 1 ст. 2) установлено, что законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд «состоит из настоящего Федерального закона и других федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в ч. 1 ст. 1 настоящего Федерального закона».

Согласно буквальному толкованию ч. 1 ст. 2 Закона № 44-ФЗ уголовно наказуемым может быть только нарушение законов, регулирующих отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд, в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок, в части, касающейся:

- планирования закупок товаров, работ, услуг;
- определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- заключения гражданско-правового договора, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а также бюджетным учреждением, государственным, муниципальным унитарными предприятиями, за исключением федеральных государственных унитарных предприятий, имеющих существенное значение для обеспечения прав и законных интересов граждан Российской Федерации, обороноспособности и безопасности государства, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации по согласованию с Администрацией Президента Российской Федерации, либо иным юридическим лицом в соответствии с ч. 1, 2.1, 4 и 5 ст. 15 Закона № 44-ФЗ;
- особенностей исполнения контрактов;
- мониторинга закупок товаров, работ, услуг;
- аудита в сфере закупок товаров, работ, услуг;
- контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Таким образом, уголовную ответственность могут повлечь деяния, нарушающие законодательство о контрактной системе в сфере закупок, – от планирования закупок до контроля за соблюдением этого законодательства. Это охватывает достаточно широкие отношения в этой

сфере и явно повлечет проблемы у следователей при описании события преступления.

2. Широкий круг лиц, которых могут привлечь к ответственности за нарушение законодательства о контрактной системе. Норма предусматривает ответственность за нарушение законодательства о контрактной системе в сфере закупок работником контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Не совсем понятно, могут ли быть отнесены к лицам, привлекаемым к уголовной ответственности, работники специализированных организаций, организаций, являющихся заказчиками по Федеральному закону от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», но осуществляющих некоторые публичные закупки в соответствии с требованиями Закона № 44-ФЗ.

С учетом того, что норма охватывает незаконные деяния от планирования закупок до контроля за соблюдением законодательства о контрактной системе, вопрос о круге лиц, в отношении которых может быть начато уголовное преследование, остается дискуссионным для следственных подразделений.

3. Отсутствие в законе применительно к рассматриваемой норме размеров крупного и особо крупного ущерба. Обычно в примечаниях к статьям законодатель устанавливает порядок определения того или иного размера ущерба. Однако в ст. 200.4 такое примечание отсутствует. В примечании к ст. 170.2, которым установлена граница ущерба применительно к статьям главы «Преступления в сфере экономической деятельности», ст. 200.4 также не упоминается. На наш взгляд, такой пробел в законодательстве не позволит следователям возбуждать уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 200.4 Уголовного кодекса РФ.

4. Отсутствие комментариев законодателя относительно «корыстной или иной личной заинтересованности» применительно к нарушению законодательства о контрактной системе. Скорее всего, необходимо ждать разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Представляется, что по аналогии с должностными преступлениями корыстную заинтересованность можно определить как стремление лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным

безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п.); иную личную заинтересованность – как стремление лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п. [1].

Таким образом, «по субъективной стороне получается, что можно злоупотреблять в закупках из самой что ни на есть корысти, но если крупный ущерб не причинять, то и преступления не будет» [2].

На основании изложенного можно заключить, что ст. 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» является очередным примером неудачного законотворчества. Производство по материалам при наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 200.4 Уголовного кодекса РФ в настоящее время будет завершаться отказом в возбуждении уголовного дела.

1. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 16 окт. 2009 г. № 19 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

2. Тасалов Ф. Госзакупки дошли до уголовной ответственности. Ужесточение ради ужесточения продолжается. // URL.: https://zakon.ru/blog/2018/3/30/goszakupki_doshli_do_ugolovnoj_otvetstvennosti_uzhestochenie_radi_uzhestocheniya_prodolzhaetsya (дата обращения: 10.10.2018).

УДК 343.98

Е.П. Ищенко

КРИМИНАЛИСТИКА: ПРОБЛЕМА ЦИФРОВИЗАЦИИ

Глобальное проникновение цифровых информационных технологий в повседневную действительность является непреложным фактом. С каждым годом уровень цифровизации российской экономики, гражданского общества и государства продолжает повышаться. Не случайно Правительством РФ в июне 2017 г. утверждена программа цифровой экономики.

В результате формируется информационное общество – общество, где большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации (знаний), а наряду с традиционным материальным миром возникает специфическая среда существования – кибернетическое пространство, обладающее рядом специфических признаков [1, с. 153–154].

В то же время действующий организационно-правовой механизм применения уголовного закона сложился в эпоху классического правоведения. Официальная доктрина подразумевает в качестве объекта доказывания преступления, познание которого в принципе доступно любому здравомыслящему человеку. Однако познавательная ситуация в российском уголовном процессе сильно изменилась: «цифровая информация о следах „информационного преступления“ не доступна для восприятия человеком – субъектом доказывания без работающего компьютера, а чаще всего и без эксперта, специалиста, чьи заключения, содействие признаются обязательными при обращении правоприменителя с цифровой информацией» [2, с. 9–10].

Указанные процессы и обстоятельства неминуемо влекут за собой глобальные изменения, в том числе и в криминалистике. Так, уже можно констатировать, что такой раздел криминалистической техники, как криминалистическая фотография, звуко- и видеозапись, стал полностью цифровым, вытеснив своих аналоговых предшественников. Более того, уже ставится вопрос о криминалистической робототехнике, предусматривающей такую классификацию роботов и робототехнических комплексов по роли в процессе борьбы с преступностью: функционально предназначенные для профилактики, пресечения, предотвращения преступных посягательств и административных правонарушений и функционально предназначенные для исследования и запечатления обстановки события и мест происшествий [3, с. 19].

В последние годы становится все более актуальным применение современных компьютерных средств и технологий цифровой фиксации доказательственной информации при производстве различных следственных действий. Так, многофункциональный цифровой комплекс «МСР-ТВ» отечественного производства, включающий в себя ноутбук и цифровой фотоаппарат, позволяет получать фотоизображения обстановки места происшествия с текстовыми, графическими или звуковыми комментариями, а также извлечь из компьютера нужный участок электронной карты местности и вставить его вместе с линиями разметки и другими необходимыми данными в фототаблицу, являющуюся приложением к протоколу осмотра.

В результате получается цифровой документ, включаемый в электронную базу данных. Наглядность и многоканальность представления

результатов осмотра создают возможность графического моделирования механизма совершения расследуемого преступления. Комплекс полезен и в качестве информационно-справочной компьютерной системы с выходом в интернет.

Другим примером может служить фотокамера с GPS-модулем, предназначенным для геокодирования изображений и видеофайлов во время съемки на месте происшествия. Это обеспечивает получение компьютерного плана-схемы с линейными размерами запечатленных объектов, указанием их положения и взаимного расположения, а также сведений о точном времени и месте производства каждого этапа следственного действия.

Современный мобильный телефон, обеспечивающий фотосъемку и звуковидеозапись, не говоря о мобильной телефонии, становится все более похожим на миникомпьютер. Поэтому в ближайшем будущем обострятся проблемы, связанные с освоением преступными сообществами целого ряда новых цифровых технологий общения. Уже сейчас правонарушители вместо привычной телефонной связи все активнее пользуются ICQ (централизованная служба мгновенного обмена сообщениями через интернет) и Skype, что лишает органы правопорядка многих работающих позиций.

Посмотрим под этим углом зрения на смартфон – мобильный телефон, дополненный функциональностью карманного персонального компьютера. Кроме совершения звонков и SMS-сообщений, функций голосовой почты он обеспечивает доступ в интернет, получение и отправку электронной почты, общение в социальных сетях, редактирование офисных документов, производство фотосъемки, аудио- и видеозаписи и т. д. Аппарат обладает сравнительно малыми габаритами, небольшой массой и сенсорным экраном, отличается развитой операционной системой, его функциональность значительно улучшают дополнительные приложения.

Активное использование следователями смартфонов может сыграть очень полезную роль в повышении результативности производства следственных действий и розыскных мероприятий, оптимизации расследования преступлений. Все процессуальные действия следователь может произвести с использованием смартфона, важными компонентами которого являются фотовидеокамера, диктофон и другие приложения. Мобильное приложение – это самостоятельный программный продукт, устанавливаемый под необходимую операционную систему смартфона, планшетного компьютера и т. п.

Все это обеспечивает компактность и надежность фиксации, хранения и передачи собираемой в ходе расследования доказательственной и ориентирующей информации. Однако при применении смартфона сле-

довательно необходимо заранее проверить помещение на качество восприятия им звука и достаточность освещения, для чего рекомендуется провести пробную видеозапись и оценить полученное качество записи звука и изображения.

Актуальна и возможность использования смартфона для составления фототаблиц, планов, чертежей и схем. Их изучение помогает лицам, не присутствовавшим на месте происшествия, уяснить взаимное расположение объектов на местности, пути подхода и ухода преступников и другие важные обстоятельства. Существенным недостатком обычного способа их составления является трудоемкость. Положение исправит использование смартфона с установленным приложением для создания чертежа «на ходу».

Приложение захватывает размеры фиксируемых объектов с камеры, для чего нужно поворачивать смартфон (как при создании круговых фотопанорам), попутно указывая узлы, предметы и т. п. На основе «снимков» происходит перерасчет размеров и автоматически составляется масштабный план места происшествия, причем с указанием его точных пространственных координат, определяемых системой GPS. Важно, что можно вносить в план поправки и изменения, добавлять объекты, корректировать размеры и ошибки на чертежах, передавать полученные результаты по каналам мобильной связи.

Известно, что каждое следственное действие необходимо протоколировать и прилагать к протоколу материалы, полученные во время его производства. В п. 8 ст. 166 УПК РФ устанавливается, какие материалы, полученные с помощью технических средств, должны быть приложены. Одними из них являются цифровые носители информации, полученной или скопированной с других электронных ее носителей в ходе следственного действия.

Можно воспользоваться смартфоном как обычным мобильным телефоном и позвонить с места происшествия, что позволит затем отследить звонки, произведенные с этого места, полнее оценить истребованную биллинговую информацию о соединениях [4, с. 26–29]. Следует особо отметить, что результат всех осуществленных с помощью смартфона действий будет представлен в форме цифровой информации.

Полученную цифровую информацию можно перенести со смартфона (например, с помощью его подключения к рабочему компьютеру) на другой электронный носитель информации (например, флэш-карту) и приложить к протоколу следственного действия. При составлении протоколов можно воспользоваться и другой полезной функцией смартфона – распознаванием речи и преобразованием ее в печатный текст.

Согласно ст. 190 УПК РФ «показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно», а ход и результа-

ты допроса отражаются в протоколе, составляемом в соответствии со ст. 166 и 167 УПК РФ. Законодатель допускает изготовление протокола с помощью технического средства. Протокол должен быть точным копием устной речи допрашиваемого лица.

Если при составлении протокола допроса во время его производства следователь отвлекается на запись, то может дать шанс допрашиваемому (из-за длинных пауз между вопросами) обдумать ответы и упустит криминалистически важную информацию.

Чтобы избежать подобных накладок и сократить время, затрачиваемое на составление протокола допроса, следователю нужно воспользоваться смартфоном с указанным приложением. Приложение записывает звук и предоставляет текстовую версию записанного. Технологии распознавания речи имеют многие приложения, которые можно скачать в смартфон в магазине приложений. Тогда текст протокола легко тотчас распечатать и предъявить для ознакомления допрошенному лицу. Таким образом, при производстве допроса следователю необходимо только войти в соответствующее приложение и включить запись.

По завершении допроса следователь может скопировать напечатанный текст из приложения, вставить его в протокол следственного действия, произвести необходимую доработку протокола и распечатать для ознакомления и удостоверения подписями правильности содержания.

Следователи, не имеющие достаточного опыта работы по специальности, могут эксплуатировать смартфон в качестве «записной книжки», содержащей алгоритмизированные тактические рекомендации по производству следственных действий и алгоритмизированные методические рекомендации по расследованию преступлений, наиболее характерных для данного региона страны [5, с. 30–35]. Смартфон может помочь в планировании всего расследования и следственных действий, организации следствия по нескольким уголовным делам, находящимся в производстве, выдвижении и проверке следственных версий, соблюдении процессуальных сроков и др.

Кроме того, поддерживая связь с интернетом, следователь может быть всегда в курсе вносимых в УПК, УК РФ и другие кодифицированные акты изменений, число которых в последнее время очень велико. Своевременный учет следователем законодательных новелл поможет ему избежать ошибок и нарушений требований закона. Для этого он может воспользоваться системой «КонсультантПлюс» или какой-либо аналогичной. Это будет способствовать повышению качества следственной деятельности по уголовным делам различных категорий. Использование смартфона может существенно изменить не только методы следственной и оперативно-розыскной работы, но и в обозримом будущем повлиять на ее правовые основы, с последующим внесением изменений в УПК РФ.

Использование видеотрансляции через интернет в ходе производства следственных действий, в первую очередь допросов, предъявления для опознания, признается приемлемым способом получения судебных доказательств все большим числом государств, в частности, по уголовным делам о сексуальных посягательствах на детей и подростков, а также при расследовании преступлений, совершенных членами организованных преступных сообществ, имеющих разветвленные международные связи. Свидетели и потерпевшие часто отказываются давать показания, опасаясь за свою жизнь. Дистанционные показания, запечатленные с помощью цифровой видеозаписи, способствуют защите свидетелей и потерпевших от незаконного воздействия со стороны заинтересованных лиц. Видеоконференцсвязь все чаще используется также для получения показаний свидетелей, по уважительным причинам не могущих явиться в суд.

Применение технологии видеоконференцсвязи позволяет обеспечить максимальную эффективность и быстроту фиксации доказательственной информации в различных сложных следственных и судебных ситуациях. Достоинством использования данной технологии является то, что она предоставляет техническую возможность фиксировать и передавать не только вербальную информацию, но и невербальные реакции участников процесса [6].

Весьма интересные перспективы открывает и цифровая технология, именуемая зондированием Земли. В соответствии с Конвенцией о передаче и использовании дистанционного зондирования Земли из космоса, оно осуществляется в различных диапазонах электромагнитных волн и способствует определению местонахождения, описанию характера и изменений не только природных, но и антропогенных объектов. На деле это выглядит как большой цифровой фотоаппарат, выведенный на околоземную орбиту и позволяющий получать снимки с линейным разрешением на местности до 2 м.

Комплекс дистанционного зондирования Земли состоит из системы технически взаимосвязанных и находящихся в режиме постоянного информационного обмена сегментов космического и наземного базирования. Объект идентификации представляет собой цифровой снимок исследуемой проекции как ее позиционная модель. Эта цифровая аппаратура, размещаемая на различных летательных устройствах: вертолетах, самолетах, космических спутниках, уже довольно активно используется в расследовании деликтов, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

С помощью принципиально новой аппаратуры, установленной на отечественных спутниках серии «Космос», можно производить многозональные съемки, охватывающие видимый и ближний инфракрасный диапазоны спектра электромагнитного излучения. Цифровая фотосъемка со спутника значительно дешевле фотографирования с самолета и осуществ-

вляется гораздо быстрее. Это позволяет более оперативно выявлять и уничтожать посевы наркотических растений, реагировать на другие деликты.

В практике уже имели место факты использования таких фотоснимков в качестве доказательств, фигурировавших по уголовным делам об уничтожении и повреждении лесов, незаконном культивировании наркотикосодержащих растений, умышленных убийствах, незаконной добыче и контрабанде ценных видов животных и растений и др. Карты цифровых фотоснимков обеспечивают достаточную точность отображения интересующего следствия объекта, позволяют запечатлеть и воспроизвести его характерные признаки.

Совместные усилия практиков и теоретиков позволят сократить разрыв между преступным и законным использованием в интернете современных цифровых технологий, будут способствовать повышению качества расследования и предупреждения киберпреступлений.

1. Мещеряков В.А. Влияние информационного общества на развитие криминалистики // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. Воронеж, 2015. Вып. 17.

2. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1.

3. Быстряков Е.Н., Усанов И.В. Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1.

4. Ищенко Е., Жуланов В. Анализ информации из электронных баз данных в следственной группе // Законность. 2007. № 4.

5. Гармаев Ю.П. Внедрение криминалистических методик расследования в практику: проблемы и пути их решения // Организационно-методические проблемы расследования преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016.

6. Семенцов В.А. Применение технологии видеоконференцсвязи при производстве следственных действий // Библиотека криминалиста. 2016. № 6.

УДК 343.985.1

Е.Ю. Казачек

ПОДГОТОВКА К ПРОВЕДЕНИЮ ДОПРОСА КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

В соответствии с Конвенцией о правах ребенка Президентом Российской Федерации перед обществом поставлена задача формирования в России системы, обеспечивающей защиту прав каждого ребенка. Для ее решения в стране должна быть создана система дружественного по

отношению к ребенку правосудия. Одно из ведущих мест в этой системе занимают следственные органы, которые в своей деятельности обязаны обеспечивать права и свободы несовершеннолетних. На них в ходе предварительного расследования возлагается дополнительная ответственность по сбережению от дальнейшего психического травмирования несовершеннолетних – жертв преступных посягательств.

Особый порядок производства по делам в отношении несовершеннолетних, установленный уголовно-процессуальным законом, требует дополнительных гарантий их прав, так как эти гарантии основаны на социально-психологических, возрастных и других особенностях несовершеннолетних.

Наиболее сложным первоначальным следственным действием с несовершеннолетними, позволяющим следователю восполнить событие совершенного в отношении несовершеннолетнего преступления, на наш взгляд, является допрос. Проведение допроса несовершеннолетнего потерпевшего, в ходе которого не установлен психологический контакт, может привести к безрезультативности. Л.В. Бертовский отмечает, что вне зависимости от категории и сложности дела при подготовке к допросу несовершеннолетнего потерпевшего одной из самых ответственных стадий является организационная и тактическая подготовка следователя, направленная на установление психологического контакта с допрашиваемым [1, с. 32].

Как правило, следователь при проведении допроса несовершеннолетнего не уделяет достаточного внимания созданию благоприятной обстановки допроса и подбору тактических приемов, направленных на установление психологического контакта с несовершеннолетними. В ходе допроса он опирается исключительно на свой жизненный опыт в вопросах воспитания при наличии собственных детей либо пользуется общепринятыми нормами общения с несовершеннолетними без учета их индивидуальных особенностей.

Наш опыт педагогической и следственной деятельности позволяет сделать вывод о том, что для успешного проведения допроса несовершеннолетнего следователем должны быть проведены различные организационные и тактические мероприятия, направленные на установление психологического контакта с несовершеннолетним потерпевшим, позволяющие в полной мере применить полученные доказательства в установлении истины по делу.

Предлагаем модель подготовки к проведению допроса с целью установления психологического контакта, которая направлена на соблюдение прав и гарантий, основанных на социальной психологии, и полностью соответствует целям и задачам допроса несовершеннолетних. Она

позволит следователю выработать собственный подход к осуществлению данного этапа следственного действия.

Модель предусматривает несколько этапов.

1. Изучение личности допрашиваемого несовершеннолетнего. Реализация данного элемента в подготовительной стадии допроса осуществляется посредством получения следователем консультации у специалиста в области детской психологии и педагогики, что не только будет способствовать установлению с несовершеннолетним психологического контакта и расположению его к себе, но и позволит уберечь его от дальнейшего психического травмирования, связанного с повторным воспоминанием произошедшего события.

2. Планирование времени допроса. При этом этапе необходимо учитывать следующее: допрос несовершеннолетнего потерпевшего в ночное время запрещен; время проведения допроса должно соответствовать его возрастным особенностям; вызов несовершеннолетних на допросы должен осуществляться непосредственно через их законных представителей и в свободное от обучения время [2, с. 94].

3. Выбор места проведения допроса несовершеннолетнего потерпевшего. На этом этапе желательно обеспечить условия, создающие атмосферу доверия. Следователю надлежит предусмотреть создание в этом месте обстановки доброжелательности и комфорта. Порядок оформления такого места для производства допроса в стенах следственного кабинета установлен приказом Следственного комитета Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 19. Предложенная приказом обстановка поспособствует достижению более полного психологического контакта следователя с потерпевшим.

4. Техническое обеспечение допроса. Применение технических средств при допросе позволит в дальнейшем избежать возможности изменения показаний несовершеннолетним потерпевшим, а также использовать результаты проведенного следственного действия в судебном заседании без дополнительного вызова несовершеннолетнего в суд и повторного травмирования [3, с. 217].

5. Подбор тактических приемов допроса несовершеннолетнего потерпевшего. Прежде всего следует обратить внимание на тактические приемы, направленные на актуализацию памяти несовершеннолетнего. Это постановка напоминающих вопросов, демонстрация вещественных доказательств, демонстрация материализованной информации, использование художественных способностей несовершеннолетнего, оглашение показаний, ранее допрошенных и т. д. Необходимо предусмотреть тактические приемы, направленные на разоблачение лжи и устранение искажений при добросовестном заблуждении, такие как допущение легенды, вызов,

внезапность, последовательность, отвлечение внимания, форсированный темп, замедленный темп, инерция, использование слабых мест личности несовершеннолетнего, создание состояния напряжения, создание определенного представления об осведомленности следователя, повторность и т. д. В случае дачи несовершеннолетним ложных показаний могут применяться тактические приемы, направленные на устранение лжи: постановка дополнительных вопросов, постановка контрольных вопросов, демонстрация вещественных доказательств и т. д. Вопросы, которые ставятся следователем при допросе несовершеннолетнего потерпевшего, должны быть максимально упрощены, а выясняемые события разделены на ряд составляющих. К ним предъявляются следующие требования: ясность, четкость, понятность, целеустремленность, желательно, чтобы они не содержали специальных юридических терминов.

6. Особую роль в установлении психологического контакта с потерпевшим играет эмоциональный настрой следователя. Чтобы взаимоотношения следователя и несовершеннолетнего потерпевшего привели к конечной цели допроса – получению полных и правдивых показаний, следователю для сохранения и развития процесса активного взаимодействия необходимо на основе учета психологических особенностей несовершеннолетнего, его реальных интересов в различных ситуациях допроса обеспечить высокую приспособляемость друг к другу [4, с. 305].

Предложенная модель подготовки к проведению допроса несовершеннолетнего позволит создать стройный алгоритм действий для применения его в ситуации, вызванной необходимостью преодоления психологического барьера со стороны несовершеннолетнего потерпевшего при проведении допроса.

1. Бертовский Л.В. Допрос. Тактика и технологии. М., 2015.

2. Ким Е.П., Киселёв Е.А. Некоторые аспекты создания механизма социальной реабилитации несовершеннолетних, пострадавших от насилия (по материалам Хабаровского края) // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 13 февр. 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2015.

3. Киселёв Е.А. О тактических особенностях применения технико-криминалистических средств при расследования насильственных преступлений // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 14 мая 2015 г.); ДВЮИ МВД России. Хабаровск 2015.

4. Киселёв Е.А., Казачек Е.Ю. Организационные и тактические основы установления психологического контакта при допросе несовершеннолетнего потерпевшего // Библиотека криминалиста. 2017. № 3.

**АЛГОРИТМИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СУБЪЕКТОВ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРИ ОБРАЩЕНИИ РОДСТВЕННИКОВ
ИЛИ БЛИЗКИХ ПОТЕРПЕВШЕГО
С ЗАЯВЛЕНИЕМ О ПОХИЩЕНИИ ЧЕЛОВЕКА**

Анализ состояния преступности в сфере посягательств на свободу личности свидетельствует о высокой латентности, организованности, транснациональности и прибыльности данных преступных деяний [1, с. 36], а существующие в практической деятельности проблемы выявления, расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных дел данной категории актуализируют исследования в области алгоритмизации расследования указанных посягательств.

Не останавливаясь на обосновании понятия «алгоритмизация расследования преступлений», учение о котором разработано на монографическом уровне в диссертационных исследованиях Е.П. Ищенко [2], А.С. Шаталова [3] и ряда последователей данной тематики [4–6], отметим, что алгоритмизация представляет собой точную систему действий, ориентированных на типичные следственные ситуации того или иного этапа расследования в зависимости от вида преступного деяния [7, с. 131].

Алгоритмизация деятельности субъектов расследования на предварительном этапе расследования имеет свои рамки, содержание которых заключается в периоде работы указанных субъектов с момента поступления сообщения о похищении человека и до момента принятия решения в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Действия субъектов расследования при поступлении сообщения о похищении человека направлены на выявление и сбор информации, указывающей на наличие или отсутствие признаков рассматриваемого посягательства, и характеризуются максимальной оперативностью и неотложностью, что детерминирует необходимость выполнения четкого алгоритма следственных и иных процессуальных действий, позволяющих принять законное решение в предусмотренные законом сроки.

Несмотря на расширение средств предварительной проверки сообщений о преступлениях, острота рассматриваемой проблемы так и не была снята, о чем свидетельствуют тематика проводимых исследований и их количество [8–10]. Специфика алгоритмизации деятельности субъектов расследования при поступлении сообщения о похищении челове-

ка обусловлена неполнотой данных, указывающих на элементы рассматриваемого состава преступления, определяя объем организационных, оперативных и процессуальных задач, решаемых на данном этапе.

Проведенное нами обобщение следственной практики указывает, что наибольший интерес для расследования похищения человека и алгоритмизации деятельности субъектов расследования представляют проверочные ситуации, детерминирующие совокупность и последовательность оперативно-розыскных, следственных и иных процессуальных действий, направленных на их разрешение и принятие законного решения в порядке ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Изучение уголовных дел о похищении человека позволяет утверждать, что наиболее распространенной являлась ситуация, в которой с заявлением о похищении человека обращались родственники или близкие потерпевшего лица (43,7 % от совокупности рассмотренных посягательств).

Для разрешения данной ситуации и выяснения возможных признаков состава совершенного преступления субъектами расследования проводится комплекс мероприятий, алгоритм которых направлен на: а) установление факта и обстоятельств совершения преступления; б) выявление, фиксацию и изъятие следов преступной деятельности, вещественных доказательств и документов; в) установление лиц, подозреваемых в совершении преступления, принятие мер к определению их местонахождения и роли каждого из них в совершении преступления.

1. Первоначально опрашиваются заявители, а впоследствии соседи, коллеги по работе, возможные очевидцы преступления, если они обладают интересующей информацией. Получение объяснений является одним из наиболее распространенных процессуальных действий, проводимых на предварительном этапе расследования, указанных посягательств (около 50 % от всех, произведенных мероприятий).

Процессуальный порядок получения объяснений законодательством не регламентирован, также не установлена его процессуальная форма. Общепринято, что в объяснении отражаются анкетные данные об опрашиваемом, указываются данные лица, принимающего объяснение, место и время его составления, описываются интересующие данные, после чего оно подписывается и опрашиваемым, и опрашивающим. При получении объяснения опрашиваемый не предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Содержание объяснения должно отражать подробную информацию об обстоятельствах, касающиеся: а) свойств личности потерпевшего; б) свойств личности преступника или подозреваемых заявителем лиц; в) взаимоотношений потерпевшего с преступником; г) особенностей

совершения преступления; д) состояния потерпевшего и места его нахождения в момент поступления сообщения и др.

2. При наличии информации о месте совершения преступления для установления следов преступной деятельности виновных, а также выявления следов потерпевших проводится осмотр места происшествия. Объектами осмотра в данных случаях будут являться участки местности, помещения квартир, номеров гостиниц, клубов, баров, медицинских учреждений и т. п.

3. Изъятые в ходе проведенного осмотра места происшествия предметы и документы: записные и телефонные книжки, черновые записи учета эксплуатации жертв преступниками, трудовые договоры, средства запугивания, связывания, физического воздействия на потерпевших, сотовой связи и т. п. – подробно описываются в протоколе осмотра предметов, документов (ч. 2 ст. 176 УПК РФ).

4. Проверяется, с кем потерпевший общался посредством мобильной и электронной связи, исследуются его записные книжки, личные вещи, документация, находящаяся в компьютере. С помощью специализированных аппаратно-программных комплексов, посредством анализа данных систем сотовой связи устанавливается местонахождение похищенного человека.

5. Отображение следов преступной деятельности, связанной с похищением человека, предполагает их получение путем истребования необходимой информации запросами (требованиями), правовыми основами направления которых являются положения ч. 4 ст. 21 УПК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 6 Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» (записи камер видеонаблюдения, перевод денежных средств со счетов похищенного и т. д.).

6. После осмотра изъятых в ходе осмотров мест происшествий и других процессуальных действий, предметов, документов возникает необходимость направления их на исследование с целью установления групповой принадлежности биологических или химических веществ, идентификации следов преступной деятельности и т. д. Наиболее часто объектами исследования выступают средства физического и психического воздействия на потерпевших (веревки, лекарственные вещества, следы крови, отпечатки пальцев рук и т. д.), а также средства компьютерной техники и сотовой связи, изъятые у преступников. При необходимости определения тяжести вреда здоровью и выяснения психического состояния, потерпевшие направляются на исследование, после чего материалы предоставляются для проведения судебных экспертиз.

7. В рамках данного этапа расследования уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность использования специальных знаний и в форме производства судебных экспертиз, доказательственное значение заключений которых гораздо выше, чем у справок об исследовании, в силу их информативности, проверяемости, достаточности; они позволяют более глубоко и объективно оценить полученные результаты [11, с. 91–94].

Выполнив комплекс вышеуказанных проверочных и следственных действий, субъекты расследования смогут установить лиц, подозреваемых в совершении похищения человека, после чего приступить к получению у них объяснений, поскольку, по справедливому высказыванию В.В. Степанова, «проверку нежелательно, а чаще всего и недопустимо начинать с получения объяснений лиц, о преступной деятельности которых ведется проверка» [12, с. 81] и перейти к разрешению вопроса о возбуждении уголовного дела.

1. Оячев С.В. Выступление от имени Российской Федерации // Повышение эффективности сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии торговле людьми : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 16 февр. 2015 г. М., 2015.

2. Ищенко Е.П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.

3. Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2000.

4. Соловьева О.М. Криминалистическая алгоритмизация следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.

5. Сливинский К.О. Алгоритмизация деятельности следователя : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

6. Тонкий Е.С. Организация и алгоритмизация расследования незаконного предпринимательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

7. Цветков С.И., Ищенко Е.П. Перспективы использования ЭВМ для алгоритмизации следственной деятельности // Проблемы совершенствования расследования и профилактики преступлений на современном этапе. Уфа, 1990.

8. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова и О.С. Капинус. М., 2016.

9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

10. Адвокатская практика : учебник / отв. ред. А.А. Клишин, А.А. Шугаев. М., 2016.

11. Власов В.В., Калюжный А.Н. Исследование предметов и документов в законодательстве современной России: аспекты производства и фиксации // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2013. № 1.

12. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СЛЕДСТВЕННОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ
ДАНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛИЧНОСТИ РАСХИТИТЕЛЯ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ
ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ**

Криминалистическая характеристика преступления, отражающая закономерности преступной деятельности, с одной стороны, является информационной моделью криминального события, а с другой, «матрицей» для поиска причин и условий, способствующих преступлению. Каждая закономерность может быть исследована с позиций причинно-следственных связей на предмет ее формирования, что в своей совокупности дает общую картину причин-следствий преступления. В свою очередь, применительно к каждой закономерности преступности могут быть предложены меры, блокирующие ее развитие, – соответствующие мероприятия общей и индивидуальной профилактики. Первостепенное значение для поиска таких блокирующих мер имеет анализ криминалистической характеристики расхитителя.

Криминалистическая характеристика личности расхитителя по делам о хищении путем злоупотребления служебными полномочиями, кроме мировоззренческого уровня, включает в себя следующие элементы: уголовно-правовые характеристики, индивидуально-личностные и социально-психологические свойства личности, специальные и иные характеристики.

Истоки коррупции, ее исходные глубинные причины заключаются в растлении человека, за которым следует его порча. Как правильно отметил профессор В.П. Шиенок, это проблема мировоззренческого, базового уровня человеческого существа. Причины могут быть только в человеке, совершившем преступление, и они включают в себя психологическую (интеллектуальную, волевою) и физиологическую компоненты. Единство этих компонент формирует мотивацию преступника, становясь причиной правонарушения.

Следует иметь в виду и основные факторы, способствующие совершению преступлений данной категории: 1) противоречия между мировоззрением общества потребления и требованиями к личным и профессиональным качествам государственного служащего, его долгом; 2) недостаточная развитость гражданского общества, динамизм социальных групп и слоев в постсоветских странах, актуализирующих противоречия мотивов в бизнесе (получение прибыли) и на государственной службе (служение, долг).

Каждый человек уникален, однако между отдельными компонентами личности устанавливаются типичные внутренние связи, лежащие в основе поведенческих стереотипов. Следовательно, отдельные обобщенные характеристики расхитителей определяют отдельные детерминанты противоправного поведения. Опишем наиболее типичные из них.

К уголовно-правовым характеристикам относятся характеристики специального субъекта, цели и мотива, совершения преступления группой лиц, повторно. Расхититель, совершая хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, далеко не всегда понимает его уголовно-правовой смысл. Он пытается достичь преступной цели, поступая привычным для себя образом, пытаясь избежать любых неблагоприятных последствий (общественное осуждение, угрызения совести, привлечение к юридической ответственности). Поэтому в случае изменения обстановки, увеличения неблагоприятных для него обстоятельств, рисков (например, возможность быть уличенным в совершении хищения) расхититель может прервать свою преступную деятельность и добровольно отказаться от дальнейшей реализации преступного замысла.

Характеристика специального субъекта заключается в использовании для совершения преступления должностными лицами служебных полномочий. С позиций следственной профилактики требуется проанализировать круг полномочий расхитителя в трех аспектах: во-первых, с точки зрения наличия системы контроля за деятельностью должностных лиц; во-вторых, транспарентности (прозрачности) функционала должностных лиц, т. е. очевидности и доступности установленных в должностных инструкциях компетенций и возможности ознакомления с ними других работников предприятия; в-третьих, наличия системы разумных ограничений полномочий в виде визирования, согласования, конкурсов и пр., предполагающих исключение возможности единовластного принятия решения в отношении бюджетных ассигнований. Большое значение в этой работе, как уже отмечалось выше, имеет анализ должностных инструкций, положений, контрактов с целью установления правовой неопределенности, используемой расхитителем в ходе преступных операций.

Мотив преступления является осознанным (или неосознанным) внутренним побуждением, которым руководствуется конкретный человек, чтобы достичь преступной цели. Изучение мотива (-ов) преступления в первую очередь направлено на обеспечение мер индивидуальной профилактики, а также на воплощение в жизнь установленных ст. 3 УК принципов личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма уголовной ответственности.

Принцип личной виновной ответственности закрепляет требования установления корыстной цели совершения хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере. Причины пре-

ступления, кроющиеся в его корыстной цели и иных мотивах, в той или иной мере отражаясь в субъективной стороне преступления, являются мерой, влияющей на наступление уголовной ответственности, и имеют значение для следственной профилактики.

Принцип справедливости означает, что наказание и иные меры уголовной ответственности должны сначала устанавливаться, а затем назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения, личности виновного. Следовательно, следственная профилактика должна добыть, отыскать доказательства, позволяющие принять обоснованные меры уголовной ответственности, раскрыть суть преступления, его мотивы, чтобы при применении их судом они не могли быть слишком суровыми или слишком мягкими, т. е. несправедливыми как по отношению к виновному, так и по отношению к обществу в целом, подрывая авторитет демократического социального правового государства.

Принцип гуманизма демонстрирует истинную природу и дух уголовного закона, указывая на ценность любого человека, необходимость обеспечения его безопасности. Исходя из этого в ходе расследования должны быть изучены: мотивация виновного лица, положительные и отрицательные характеристики его личности, факторы, влияющие на их формирование и позволяющие в своей совокупности применить достаточные меры для ресоциализации и исправления лица.

Для расхитителей характерны не только корыстный, но и иные дополнительные мотивы (карьеризм, властолюбие, ведомственно-корпоративный интерес). Остановимся на формировании этих мотивов, возможных следах-носителях.

К источникам криминалистически значимой информации о мотивах расхитителя относятся не только сведения, непосредственно указывающие на них (например, показания подозреваемых, обвиняемых лиц, свидетелей), но и косвенные данные, например стиль управления в организации, обстановка в быту и на службе, личные вещи и привычки расхитителя (гардероб, класс транспортного средства, места отдыха и т. д.). Другими словами, информация о мотивах расхитителя свидетельствует о его жадности, накопительстве, стремлении лишь к наживе и достатку, абсолютизации материальной выгоды, авторитарном стиле управления, карьеризме, стремлении к достижению определенного престижного статуса, пренебрежении к требованиям закона. Данные факты всегда проявляются не только в ходе подготовки, совершения и сокрытия преступления, но и в повседневной жизни расхитителя. Именно в повседневной жизни они более очевидны, поскольку расхититель часто не пытается их маскировать.

Причины совершения преступлений в составе групп могут быть различны, например сложность способа совершения хищения, повышение

эффективности преступного результата, меры по минимизации возможности привлечения к уголовной ответственности и др. Применительно к хищениям рассматриваемой категории следует отметить, что расхититель может вовлекать в совершение преступления лиц, не осведомляя их об этом, например поручая им выполнять лишь отдельные операции (действия), охватываемые единым преступным замыслом.

В то же время совершение группой лиц хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере часто является тем условием, без которого отдельные разновидности данного преступления совершить затруднительно или невозможно, так как сам способ совершения преступления требует нескольких соучастников. Например, так происходит, когда руководитель бюджетной организации и коммерческого предприятия договариваются совершить хищение путем завышения объема выполненных работ.

Таким образом, формирование преступных групп для хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере, как правило, обусловлено его способом подготовки, совершения и сокрытия, который требует участия нескольких человек. Основным условием совершения таких преступлений является отсутствие транспарентности (прозрачности) во взаимоотношениях: внутренней – между руководителями различных уровней и работниками предприятия; внешней – между представителями организации и иными юридическими лицами.

Отсутствие реальной конкуренции, прозрачности выбора поставщика или подрядчика, создание излишних технических условий, ограничивающих круг экономических субъектов (партнеров), являются факторами, способствующими завышению стоимости работ, услуг, материалов, а следовательно, создающими резерв для хищения.

С целью предотвращения коррупционных проявлений следует проанализировать не только правовое регулирование на предмет норм, ограничивающих конкуренцию, но и по возможности предложить прозрачный, транспарентный механизм открытого выбора поставщиков и подрядчиков.

Одним из элементов способа совершения хищения является псевдолегальный выбор нужного контрагента (коррупционного партнера). Способствует коррупционному проявлению данного типа искаженное применение должностными лицами требования об удешевлении стоимости продукции, услуг, деятельности государственных органов и предприятий. С этой целью расхититель и руководитель коммерческой организации могут договариваться о демпинге конкурсной стоимости работ (материалов) для обеспечения победы в конкурсе с последующим ее завышением. Иногда дополнительные работы повышают конкурсную

и рыночную цену в несколько раз, хотя в действительности не выполняются. Поэтому целью следственной профилактики является правовое закрепление и обеспечение независимого контроля за поставщиками и объемами выполненных работ подрядчиками, например с помощью незаинтересованного технического надзора, посредством применения фото- и видеофиксации.

Таким образом, важным направлением профилактики групповых хищений рассматриваемого вида является установление и реализация правовых механизмов транспарентности выбора поставщиков и подрядчиков, а также обеспечение независимого контроля за действиями контрагентов, в том числе с применением фото- и видеофиксации.

К индивидуально-личностным и социально-психологическим качествам личности расхитителя следует отнести возраст, пол, место рождения, лидерские способности, инициативу, предприимчивость, уровень образования, квалификационные требования и стаж работы на предприятии, круг общения, социальные связи, роль семьи и семейного положения, материальный достаток.

Анализ данной группы характеристик расхитителя позволяет выделить следующие его типичные характеристики: высокий интеллектуальный уровень, значительный житейский и трудовой опыт, квалификационные знания и умения, высшее образование, обширные социальные связи и круг общения, достаточно высокий материальный достаток. Эти качества имеют в целом положительную общественную оценку. Конечно, под воздействием искаженного мировоззрения некоторые из этих качеств деформируются и обременяются отрицательной направленностью, эгоизмом, эгоцентризмом. В этой связи с целью индивидуальной профилактики следует использовать положительные характеристики расхитителя, усилить их влияние на целостность личности и в то же время заблокировать отрицательно влияющие компоненты. К примеру, следователь, обладая информацией о наличии у расхитителя беременной жены, малолетних детей, престарелых родителей, может использовать эти криминалистически важные сведения в ходе проведения различных процессуальных действий, актуализируя важность данных ценностей и недопустимость в дальнейшем противоправной деятельности, которая подрывает авторитет подозреваемого (обвиняемого) как главы семьи, ведет семью и личную жизнь к краху. Целесообразно использовать и иные криминалистически важные сведения о достижениях расхитителя перед обществом, авторитете среди определенных социальных групп (однокурсники, прихожане, земляки, коллеги и др.).

Социально-демографические факторы имеют первостепенное значение для избрания наиболее эффективных мер индивидуального про-

филактического характера. Главная их задача – прервать формирование причин преступления и преступного мировоззрения. Конечно, органы предварительного следствия ограничены во времени и средствах, чтобы изменить индивидуальные настройки личности расхитителя, формировавшиеся многие годы.

Однако есть ряд обстоятельств, которые могут изменить преступное мировоззрение. Во-первых, наличие положительных установок у расхитителя, активация которых может стать серьезным преградой для совершения последующих преступлений (например, чувство материнства, отцовства, наличие престарелых родителей и пр.). Во-вторых, тяжесть самого преступления и наличие правовых оснований для прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (например, в связи с возмещением причиненного ущерба и деятельным раскаянием, привлечением к административной ответственности, амнистией, истечением срока давности и пр.). В-третьих, продолжительность предварительного расследования, создающая достаточные временные возможности для индивидуально-профилактической работы следователя.

Таким образом, индивидуальная следственная профилактика базируется на использовании характерных личностных и социально-демографических качеств расхитителя (высокий интеллектуальный уровень, значительный житейский и трудовой опыт, квалификационные знания и умения, высшее образование, обширные социальные связи и круг общения, достаточно высокий материальный достаток и иные положительные характеристики и достижения лица) в целях ресоциализации и корректировки его личности путем блокирования отрицательных внешних и внутренних факторов (детерминант).

Типичными мерами общей и частной профилактической деятельности следователя являются: комплексное воздействие на мировоззрение; обеспечение эффективности мер уголовной ответственности и ресоциализации личности; устранение правовой неопределенности в должностных инструкциях и контрактах, разумные ограничения полномочий должностных лиц в виде визирования, согласования, конкурсов и пр.; установление и реализация правовых механизмов конкуренции и транспарентности выбора поставщиков и подрядчиков; обеспечение независимого контроля за действиями контрагентов с применением фото- и видеофиксации; индивидуальная профилактика посредством актуализации важности положительных ценностей, недопустимости противоправной деятельности и блокирования отрицательных компонентов; проведение комплекса информационно-пропагандистской работы; совместная проработка с руководством организации предложений по совершенствованию работы.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для успешного расследования любого преступления большее внимание необходимо уделять осмотру места происшествия. «Осмотр места происшествия – это действие первоначальное и неотложное. Его сущность и отличительная черта – в непосредственном обнаружении, восприятии, изучении и фиксации состояния, свойства и признаков материальных объектов на месте происшествия. Осмотр места происшествия почти всегда носит комплексный характер: одновременно приходится осматривать и местность, и предметы, и документы, а иногда и труп» [1, с. 241].

Сущность осмотра заключается в том, что следователь непосредственно сам убеждается в существовании и характере фактов, имеющих доказательственное значение [2, с. 551].

Осмотр места происшествия проводится для установления комплекса обстоятельств, имеющих значение при расследовании преступления: обстановки противоправного деяния; путей подхода и отхода преступников с места происшествия; численности лиц, участвовавших в совершении преступления; продолжительности пребывания преступников на месте происшествия; оставленных следов на месте происшествия.

Порой только благодаря грамотно проведенному осмотру места происшествия с применением криминалистической техники и изъятию следовой информации удастся раскрыть преступления по горячим следам [3].

Места совершения насильственных преступлений являются, как правило, типичными: лесопарковые зоны, салоны автомобилей, жилые помещения, подъезды жилых домов, лифты, чердачные либо подвальные помещения зданий, помещения общественных учреждений, элеваторные колодцы.

При поступлении заявления либо сообщения о совершении преступления следователю необходимо организовать выезд на место происшествия и проведение его осмотра, желательно с участием потерпевшего, если это возможно, а до выезда – дать поручения дежурному по органу внутренних дел о надлежащей охране территории, подлежащей осмотру. Также необходимо организовывать вызов для участия в осмотре криминалиста с соответствующей криминалистической техникой и по возможности кинолога с собакой.

Если в ходе осмотра места происшествия будет обнаружено мобильное средство связи, осмотр его необходимо производить, с применением мобильного комплекса по сбору и анализу цифровых данных.

Для изъятия обнаруженных следов обуви необходимо применять комплект для работы со следами ног и транспорта. Изготовленные гипсовые слепки следов обуви впоследствии могут быть использованы для идентификационной экспертизы. Местонахождение следов указывают на плане, прилагаемом к протоколу следственного действия.

С места происшествия также необходимо изъять образцы почвы (для назначения почвоведческой экспертизы). При осмотре следует сосредотачивать внимание на поиске таких объектов, на которых возможно обнаружить следовую информацию (спички, окурки, частицы ткани, волосы, волокна, нитки от одежды, другие предметы, оставленные преступником, оружие, следы его применения). Для этого необходимо применять осветительное оборудование. Для отыскания следов биологического происхождения целесообразно применять источники экспертного света. При их использовании можно отыскать следы спермы, крови, выделений на почве, покрытой растительностью (травой, листьями, хвоей), если с момента преступления прошло немного времени и не было осадков.

Для отыскания стреляных гильз, холодного оружия, иных металлических объектов при производстве осмотра места происшествия целесообразно применять металлодетекторы, а также магнитные поисковые системы (например, «Поиск»).

Для поиска следов крови на месте происшествия в случае, если имеется информация, что они заматы, необходимо использовать набор для поиска следов крови Bluestar, применение которого позволяет использовать образцы биологического материала для проведения ДНК-экспертизы, так как реагент не изменяет состав пятен крови.

При осмотре автомашины следует обращать внимание на обстоятельства, свидетельствующие о пребывании в ней потерпевшего и преступника. На сиденьях автомашины (чехлах) необходимо искать следы спермы, крови и микрочастицы, а в протоколе осмотра следователь должен тщательно фиксировать, где, откуда, какие следы изымаются. При отыскании следов необходимо использовать оптические приборы, в том числе лупу, и источники света.

С целью отыскания, фиксации и изъятия следов пальцев рук в салоне автомобиля целесообразно использование переносной цианоакрилатовой горелки. Испаритель с водой помещают в прикуриватель, скотчем герметизируют все щели в салоне автомобиля и через щель в боковом стекле распыляют в него цианоакрилат. После окуривания салона проветривают и выявляют имеющиеся следы пальцев рук на его обшивке.

Микрочастицы изымаются с предмета, если он не может быть доставлен к месту исследования или есть опасение, что при транспортировке, данного предмета, а также под влиянием каких-либо других факторов они могут быть утрачены. В этих целях может быть применен имеющийся в комплекте криминалистического чемодана пылесос. Изъятые с его помощью микрочастицы вместе с фильтром упаковываются и приобщаются к протоколу осмотра.

Анализ практики рассмотрения судами уголовных дел о насильственных преступлениях показал, что признавались недопустимыми и исключались из числа доказательств изъятые в ходе осмотра места происшествия доказательства на основании отсутствия указания в протоколе порядка упаковки вещественных доказательств, неуказания в протоколе всех изъятых предметов и следов биологического происхождения при осмотре места происшествия, несоблюдения процессуального порядка использования технико-криминалистических средств при производстве следственных действий.

Следовательно необходимо соблюдать следующие требования: самостоятельность в принятии решения о применении технико-криминалистических средств; допустимость применения технико-криминалистических средств; предварительное уведомление всех участников следственного действия о применении технико-криминалистических средств; обязательность процессуального закрепления применения технико-криминалистических средств и полученных при их использовании результатов. Применение технико-криминалистических средств должно планироваться.

1. Бастрыкин А.И. Криминалистика техника, тактика и методика расследования преступлений : науч.-практ. пособие. 2-е изд., доп. СПб, 2010.
2. Белкин Р.С. Криминалистика. М., 2006.
3. Криминалистика : учебник / Н.И. Порубов [и др.]. Минск, 2011.

УДК 343.985:343.343.6

М.П. Климчук, Е.П. Бегалов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЛИЦ ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ

Личность преступника является одним из центральных элементов криминалистической характеристики незаконной переправки лиц через государственную границу. А.Н. Хоменко отмечает, что личность пре-

ступника является наиболее активной составляющей всей системы элементов криминалистической характеристики преступлений. По своей сути это тот элемент, который осуществляет деятельность по совершению преступления, «образует» все обстоятельства события преступления и находится в непосредственной взаимосвязи с другими элементами криминалистической характеристики [1, с. 221]. Построение типовой модели личности подозреваемого представляет собой процесс отбора необходимой, ситуационно обусловленной информации, объединения такой информации в целом, ее анализа и выведения нового знания, способствует установлению личности неизвестного преступника.

Для определения сущности рассматриваемого элемента криминалистической характеристики могут быть использованы данные из разных сфер познания: криминалистики, уголовного процесса, уголовного права, криминологии, социологии, психологии, психиатрии. Его содержание определяется характером преступных действий и надлежащими сведениями, которые способствуют эффективному выявлению, раскрытию и расследованию преступления. Иными словами, комплекс признаков личности преступника как элемент криминалистической характеристики охватывает все признаки, которые могут служить определению эффективных путей и методов установления, розыска и изобличения виновного.

Информацию об особенностях личности преступника можно получить путем изучения обстановки совершения преступления, показаний свидетелей, оперативно-розыскных и других данных, а также использования специальных знаний (обращение к криминалистическим учетам, получение консультаций, справок, привлечение специалиста к составлению субъективного портрета, получение заключения эксперта). Наличие этой информации имеет важное криминалистическое значение, поскольку позволяет определить направление поиска преступника (преступников), быстро его задержать и изобличить в совершении преступления.

Для разработки криминалистической характеристики лиц, совершивших незаконное перемещение лиц через государственную границу, имеют значение данные, касающиеся структуры личности преступника. Схема этой структуры имеет следующий вид: биологические, демографические, нравственные (мировоззрение, интересы, хобби и др.), социальные (трудовые, семейно-бытовые), психологические признаки [2, с. 47]. Такие данные о личности типичного преступника на начальном этапе расследования должны оказать помощь следователю и при выдвижении версий относительно лица, виновного в совершении незаконной переправки лиц через государственную границу. Анализ материалов уголовных дел о совершении данных преступлений позволил выявить личностные особенности преступника. Рассмотрим их.

Биологические признаки включают пол, возраст, особенности физической конституции, состояния здоровья. Результаты обобщения следственно-судебной практики свидетельствуют, что преступниками в большинстве (87 %) случаев были мужчины. Стоит также уточнить, что даже в той, незначительной части преступлений (13 %), которые совершались лицами женского пола, исполняли они, как правило, второстепенные, а не организаторские роли – способствовали совершению преступления, предоставляли помещения для укрытия мигрантов, реже – непосредственно пересекали государственную границу в пунктах пропуска по поддельным документам.

Возраст преступника в значительной мере определяет его мышление, поведение, активность противоправных действий. Он характеризуется следующими показателями: 14–18 лет – 17 %; 19–30 лет – 28 %; 31–45 лет – 39 %; старше 45 лет – 16 %. Эти сведения указывают на то, что наибольшей криминогенностью обладают лица преимущественно мужского пола в возрасте от 30 до 45 лет.

Указанная категория лиц, как правило организовавшая незаконную переправку, налаживала связи (часто межгосударственные). Например, в 2018 г. двое граждан Гвинеи в соучастии с двумя гражданами Украины организовали и незаконно переправили через государственную границу шесть граждан Гвинеи, одного гражданина Конго и одного гражданина Сирии. За предоставленные «услуги» организаторы получили от них около 12 тыс. долларов США [3].

По данным уголовных дел о незаконной переправке лиц через государственную границу, 23 % лиц ранее имели судимость, 11 % из них были судимы более одного раза. Исходя из анализа качественной структуры рецидива, можно сделать вывод, что около половины осужденных были судимы за преступления имущественного характера. Часто наличие криминального прошлого дает возможность таким лицам, используя уже «наработанные» связи (в том числе в местах лишения свободы), восстановить свою преступную деятельность.

Не подлежит сомнению тот факт, что употребление алкоголя или наркотических средств негативно сказывается на психической деятельности лица и влияет на выбор способа совершения преступления. Установлено, что по 14 % уголовных дел в момент совершения преступления преступник находился в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Такая характеристика присуща в основном тем преступлениям, которые совершены без предварительной подготовки. Подавляющее же большинство указанных преступлений, совершенных преимущественно в группе, требовало от всех ее членов чрезвычайной организованности, бдительности и ответственности за конечный результат, а потому исключали употребление алкоголя, наркотических средств.

Социально-демографические признаки охватывают образование, социальное положение, место жительства, профессию, специальность, род занятий, данные о совершенных преступлениях и пр. Анализ уголовных дел о незаконной переправке лиц через государственную границу показывает достаточно высокий уровень образования организатора (со средним образованием – 11 % лиц; со средним специальным – 15 %, незаконченным высшим – 7 %, высшим – 67 %) и средний – исполнителя (со средним образованием – 26 % лиц, средним специальным – 28 %, незаконченным высшим – 5 %, высшим – 41 %). Среди преступников жители города составляют 62 %, а жители сельской местности 23 %. В подавляющем большинстве эти населенные пункты находятся в пограничной местности, неподалеку мест незаконной переправки лиц через государственную границу.

Наиболее типичным является отсутствие определенного рода занятий, источники доходов или отсутствуют вообще, или непостоянны. 19 % – работающие лица, 12 % – учатся в школах, профессионально-технических училищах, учреждениях высшего образования, 69 % – безработные. Незанятость трудоспособного лица работой и (или) обучением имеет криминогенное значение, поскольку лишает его возможности получить честным путем средства к существованию, предоставляет много свободного времени, которое может быть использовано им вопреки интересам общества, выводит из сферы необходимого уровня социального контроля и положительных связей в коллективе.

Таким образом, исполнитель незаконной переправки лиц через государственную границу характеризуется обычно невысоким социальным положением, образованием, отсутствием определенной профессии.

По данным уголовных дел, рассматриваемые преступления совершаются как в одиночку (31 %), так и группой лиц (69 %). Преступные группы формируются по национальному (45 %), реже региональному (18 %) принципу. В 37 % изученных уголовных дел такие связи имели межгосударственный характер. Именно они представляют особую сложность при расследовании незаконной переправки лиц через государственную границу. В таких случаях важно установление не только непосредственного исполнителя преступления, но и всех членов преступной группировки, и прежде всего ее организатора. Учитывая это, целесообразно проанализировать его типичные, криминалистически значимые характеристики.

Систематизация точек зрения криминалистов, а также анализ уголовных дел рассматриваемой категории позволили выделить перечень сведений, характеризующих личность типичного организатора незаконного перемещения лиц через государственную границу. Организатором является лицо мужского пола в возрасте от 35 до 45 лет, не имеющее

постоянного места работы; являющееся гражданином страны совершения преступления, реже – гражданином другого, преимущественно пограничного государства; имеющее ярко выраженные черты лидера (высокий уровень интеллектуального развития, целеустремленность, настойчивость, оперативность, гибкость мышления и т. д.); обладающее знаниями в области миграционного законодательства, а также законодательства, регулирующего деятельность коммерческих организаций (учреждение, функционирование и ликвидация юридических лиц); осведомленное о методах работы пограничных и правоохранительных органов, должностных лиц, связанных с контролем миграционных процессов; обычно хорошо разбирающееся в психологии человека, что позволяет ему подбирать соучастников, управлять их поведением, налаживать коррумпированные связи с должностными лицами, которые имеют отношение к регулированию миграционных и смежных процессов; часто владеющее приемами конспирации и успешно применяющее их в преступной деятельности.

Признаки личности преступника и преступных групп по уголовным делам о незаконной переправке лиц через государственную границу как элемент их криминалистической характеристики определяют особенности планирования и проведения следственных (разыскных) действий, а также других мероприятий гласного и негласного характера.

Большое значение в процессе расследования преступлений указанной категории имеют сведения о мотивах и целях их совершения. Мотив совершения преступления связан с его целью. Как свидетельствует следственная и судебная практика, незаконная переправка лиц через государственную границу как преступление, совершенное с прямым умыслом, всегда имеет свою цель.

Сведения о мотиве и цели преступления тесно связаны с другими элементами криминалистической характеристики. Следовательно, мотив (мотивация поведения) не рассматриваются отдельно от личности преступника, его психологических характеристик: свойств, качеств, состояний. Как справедливо отмечает Л.М. Балабанова, знание мотива дает ответ не только на вопрос о том, почему совершаются те или иные действия, но и на вопросы о том, в чем их смысл для данного индивида, какие потребности при этом удовлетворяются. Такой подход к мотиву позволяет понять, на что направлена активность человека, ради чего выбран именно этот вариант поведения, а не другой, т. е. понять мотив как причину, определить направленность поведения [4, с. 127].

По данным уголовных дел, большинство рассматриваемых преступлений объединены корыстным мотивом – получением определенной материальной выгоды от их совершения в будущем (незаконное пересе-

чение границы с целью занятия проституцией, скупки краденого, совершение краж, мошенничества, занятия «челночным» бизнесом и т. д.). Типичным является стремление к наживе среди нарушителей режима государственной границы, занимающихся незаконным промыслом рыбы, контрабандной деятельностью. К этой же категории мотивов относится получение вознаграждения за незаконную переправку лиц через государственную границу. Часто (22 %) такие преступления совершаются с использованием поддельных документов, удостоверяющих личность. При этом до 47 % указанных лиц имеют официальную занятость.

Имели место случаи, когда целями лиц, незаконно пересекающих границу, являлись объединение с членами семьи, лечение различных недугов, уклонение от военной службы, уголовной ответственности, путешествие по миру, изменение обстановки проживания, привлечение внимания к своей особе. В таких случаях цели и мотивы сложно разграничить, однако в процессе расследования следователь должен выявить источник мотивации на совершение правонарушителем определенных действий, достижение соответствующей цели. Актуальность определения мотива незаконного перемещения лиц через государственную границу вызвана и тем, что совершение его из корыстных побуждений является квалифицирующим признаком.

Таким образом, детальное исследование криминалистической характеристики личности преступника свидетельствует о важности таких данных, как пол, возраст, гражданство, род занятий, образование, профессия. В подавляющем большинстве случаев это лица мужского пола, их средний возраст составляет 31–45 лет. Ранее судимыми было 23 % от общего количества привлеченных к уголовной ответственности. Около 56 % всех преступлений совершено по предварительному сговору группой лиц, из них организованной группой – 25 %, должностным лицом – 7 %. Корыстный мотив является доминирующим для лиц, организующих и способствующих на постоянной основе переправке лиц через государственную границу.

1. Хоменко А.Н. Связь личности преступника как элемента криминалистической характеристики преступлений с другими ее элементами // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1989.

2. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб., 2004.

3. Гвінейці незаконно переправили через Волинський кордон 8 нелегалів. URL: <https://www.volynnews.com/.../hvineytsi-nezakonno-perepra>.

4. Балабанова Л.М. Судебная психопатология (вопросы определения нормы и отклонений). Донецк, 1998.

**ПНЕВМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ
И КОНСТРУКТИВНО СХОДНЫЕ С НИМ ИЗДЕЛИЯ
КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ**

Применение любого оружие создает угрозу жизни и здоровью человека, представляя тем самым повышенную общественную опасность. Это утверждение в полной мере распространяется на пневматическое оружие и конструктивно сходные с ним изделия, которые также нередко являются орудием совершения ряда преступлений, прежде всего связанных с незаконным оборотом оружия.

Необходимость в проведении судебных баллистических экспертиз, как правило, возникает, когда оружие служит орудием совершения преступления или является предметом преступления. При этом для получения новых доказательств, подтверждения или отрицания уже имеющих требуются специальные знания в области криминалистического исследования материальной части огнестрельного, пневматического, ствольного газового оружия, изделий, конструктивно сходных с огнестрельным оружием, патронов и следов их применения. Судебная экспертиза определяет, является ли исследуемый предмет оружием, если да, то каким именно (огнестрельным, газовым, пневматическим и т. д.), за изготовление, хранение или сбыт которого наступает ответственность перед законом, или это предметы, конструктивно сходные с оружием, предметы хозяйственно-бытового или иного назначения.

По мере формирования судебной баллистики экспертам приходилось постоянно сталкиваться с появлением новых видов объектов исследования, что закономерно приводило к совершенствованию специальных знаний и методов исследования. Так, с середины XX в. в экспертной практике стали появляться разного рода огнестрельные и неогнестрельные стреляющие устройства (ракетницы, строительно-монтажные пистолеты, устройства для забоя скота, ружья для подводной охоты и т. д.). С 1980-х гг. происходит увеличение производства не только огнестрельного оружия, но и создаваемых на их основе моделей газового, сигнального, пневматического оружия, огнестрельного оружия травматического действия. Это незамедлительно повлекло увеличение в экспертной практике переделанного самодельным способом и непеределанного газового и пневматического оружия, разнообразных стреляющих устройств, имеющих сходство с огнестрельным оружием

по конструкции и принципу действия. Возникла необходимость в теоретических исследованиях с целью разграничения указанных объектов.

Вопросы теории и практики судебной баллистики во второй половине XX в. исследовались в работах Б.М. Комаринца, С.Д. Кустановича, Е.Н. Тихонова, В.А. Ручкина, И.А. Чулкова, А.В. Кокина, В.Н. Шункова, В.Н. Трофимова и др. Процесс развития криминалистических знаний способствовал разработке на их основе методик судебно-экспертного исследования вновь появившихся видов оружия, как огнестрельного (огнестрельное оружие травматического действия), так и неогнестрельного (пневматического, ствольного газового, сигнального).

В «Словаре основных терминов судебно-баллистической экспертизы» дано следующее определение судебной баллистической экспертизы: это проводимое в установленной законом процессуальной форме специальное исследование стрелкового оружия, патронов, конструктивно сходных с ним устройств и следов их применения, оформленное в виде письменного заключения эксперта.

Статистические данные двадцатилетней следственной и судебной практики свидетельствуют о том, что количество ежегодно совершаемых преступлений, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, не снижается. Это укрепляет значимость баллистической экспертизы для расследования преступлений и свидетельствует об актуальности баллистических исследований в настоящее время. В связи с продолжающимся усложнением объектов баллистических исследований становится актуальным вопрос о совершенствовании концепции экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения.

Начало процессу переосмысления теории и практики баллистической экспертизы положил Закон Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 61-З «Об оружии». Он впервые в нашей стране юридически закрепил общее понятие оружия и огнестрельного оружия. В частности в законе использовано собирательное понятие оружия, связанное с целевым назначением его использования определенными субъектами.

В соответствии с указанным нормативным правовым актом под оружием в широком смысле понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также подачи сигналов пиротехническими составами. Это определение достаточно полное и содержательное, так как вполне аргументировано раскрывает понятие и предназначенность предметов, относящихся к оружию.

Оружие в зависимости от целей его использования определенными субъектами, а также по основным параметрам и характеристикам в соответствии со ст. 4 Закона «Об оружии» подразделяется на боевое, служебное и гражданское.

Понятие «гражданское оружие» существует в законодательстве практически всех государств либо в ратифицированных органами законодательной власти международных соглашениях (конвенциях).

В соответствии с законодательством Республики Беларусь к гражданскому оружию относится оружие, предназначенное для использования гражданами в целях самообороны, для занятий спортом и охоты. Перечень предметов, относящихся к гражданскому оружию (ст. 7 закона) включает:

1) оружие самообороны:

газовое оружие – газовые пистолеты, газовые револьверы и патроны к ним, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные веществами слезоточивого или раздражающего действия, разрешенными к применению Министерством здравоохранения;

электрошоковые устройства и искровые разрядники, имеющие выходные параметры, соответствующие нормам, устанавливаемым Министерством здравоохранения;

2) спортивное оружие:

огнестрельное с нарезным стволом;

огнестрельное гладкоствольное;

холодное;

метательное;

пневматическое с дульной энергией свыше 3 Дж, но не более 25 Дж;

3) охотничье оружие:

огнестрельное с нарезным стволом;

огнестрельное гладкоствольное, в том числе с длиной нарезной части не более 140 мм;

огнестрельное комбинированное (гладкоствольное и нарезное), в том числе со сменными и вкладными нарезными стволами;

пневматическое с дульной энергией свыше 7,5 Дж, но не более 25 Дж;

холодное;

сигнальное оружие.

В соответствии с делением оружия на боевое, служебное и гражданское сформирована нормативная правовая база их комплексного судебно-экспертного исследования. Исследование пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий является одной из задач, решаемых судебной баллистической экспертизой.

Оборот гражданского оружия регламентируется Указами Президента Республики Беларусь от 30 августа 2002 г. № 473 «О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь», от 13 февраля 2003 г. № 71 «Об утверждении Положения о порядке веде-

ния и издания Государственного кадастра служебного и гражданского оружия и боеприпасов и Положения о порядке проведения сертификации служебного и гражданского оружия и боеприпасов», постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст.ст. 294–297 УК)», СТБ 2505-2017 «Оружие гражданское и служебное ручное стрелковое, патроны к нему, оружие холодное клинковое, изделия, конструктивно сходные с ручным стрелковым оружием. Криминалистические требования и методы испытаний».

К объектам баллистической экспертизы относятся:

огнестрельное оружие, его детали и составные части;

пневматическое и ствольное газовое оружие (пистолеты и револьверы);

огнестрельное оружие травматического действия;

предметы промышленного изготовления, хозяйственно-бытового и специального назначения, имеющие отдельные конструктивные элементы и механизмы или внешние признаки, свойственные огнестрельному оружию, но не предназначенные для поражения цели (строительные инструменты, сигнальное оружие, макеты, устройства для забоя скота и обездвиживания животных, игрушки и т. д.);

патроны и компоненты их снаряжения;

следы применения оружия на метаемых снарядах, гильзах, преградах и предметах окружающей обстановки (объекты с огнестрельными повреждениями);

образцы для сравнения;

процессуальные документы, содержащие информацию, необходимую для решения поставленных перед экспертом вопросов, и др.

Широкий круг объектов судебной баллистической экспертизы способствовал разработке экспертных методик исследования каждого из вышеуказанных видов оружия, которые представляют систему категорических или альтернативных научно обоснованных предписаний по выбору и применению методов, приемов и средств для решения экспертной задачи.

Существует спрос не только на гражданское оружие, подлежащее обязательной регистрации, но и на оружие, которое находится в свободной продаже, например пневматическое оружие с дульной энергией мене 7,5 Дж, охлажденное оружие, механические распылители слезоточивого или раздражающего действия и др. В связи с этим представляется необходимым совершенствование правовой регламентации получения разрешения, оформления, сертификации, регистрации, порядка хранения, но-

шения, применения пневматического спортивного и охотничьего оружия, относящегося к гражданскому оружию, и ответственности за нарушение этого порядка. Целесообразна также разработка комплексных профилактических мероприятий, направленных на обучение необходимым навыкам обеспечения личной безопасности при ношении и применении пневматического оружия и конструктивно сходных с ним изделий.

УДК 343.985

Д.В. Костюкевич

**ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ
СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ
КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Одним из главных условий быстрого раскрытия, полного и качественного расследования преступлений, а также принятия всех предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер, направленных на изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, является взаимодействие следователей с оперативными подразделениями органов внутренних дел. От эффективности взаимодействия между указанными субъектами напрямую зависит выполнение основной задачи, стоящей перед органами предварительного следствия, защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых.

В научной литературе по криминалистике, уголовному процессу и теории оперативно-розыскной деятельности общепринято подразделение форм взаимодействия следователей с оперативными подразделениями органов внутренних дел на процессуальные и непроцессуальные (организационно-тактические). Процессуальные формы взаимодействия – это формы сотрудничества следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел, получившие правовую регламентацию в уголовно-процессуальном законе. Непроцессуальные (организационно-тактические) формы взаимодействия выработаны практикой и получили свое правовое оформление в иных нормативных правовых актах. Существование данного разделения форм взаимодействия связано с многообразием различных видов сотрудничества между следователями

и оперативными подразделениями органов внутренних дел и невозможностью предусмотреть их в рамках уголовно-процессуального законодательства, так как сам процесс расследования характеризуется динамичностью и эвристической направленностью, и на смену одним формам взаимодействия могут приходиться другие, получающие в дальнейшем процессуальное оформление в виде межведомственных инструкций и иных нормативных правовых актов.

Одной из непроцессуальных форм взаимодействия следователя с оперативными подразделениями органа дознания является совместная работа в следственно-оперативных группах. Данная форма взаимодействия субъектов широко используется в практической деятельности на первоначальном этапе расследования при выезде на место происшествия, и как справедливо заметил Р.С. Белкин, это наиболее продуктивная форма взаимодействия [1, с. 431].

Практика создания следственно-оперативных групп и сам термин «следственно-оперативная группа» впервые были определены и получили свою правовую регламентацию в утвержденной 20 февраля 1979 г. приказом МВД СССР № 64 Инструкции о взаимодействии следователей, оперативных работников УР, БХСС и дежурных частей при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений. Термин «следственно-оперативная группа» в данной инструкции был использован в отношении групп, созданных для расследования сложных уголовных дел, нуждавшихся в активном оперативном сопровождении, и формирований, выезжавших для совместной работы на месте происшествия и раскрытия преступлений по горячим следам [2, с. 16].

Как показывают анализ практики и результаты научных исследований [2, с. 125], совместная работа в следственно-оперативных группах является одной из наиболее важных и действенных непроцессуальных форм взаимодействия следователей и оперативных подразделений органов внутренних дел.

Рассматриваемая форма взаимодействия позволяет комплексно использовать и рационально сочетать имеющиеся в наличии у каждого из субъектов взаимодействия силы, средства и методы при раскрытии и расследовании преступлений и обладает рядом преимуществ по сравнению с самостоятельной деятельностью каждого из субъектов. Преимуществами являются:

возможность оперативного управления и маневрирования находящимися в распоряжении у следователя силами оперативно-розыскных подразделений, концентрации их на главном направлении расследования;

сокращение времени на взаимный обмен информацией между взаимодействующими субъектами и возможность оперативного принятия решений на основании полученной информации;

возможность непрерывного контроля со стороны следователя за содержанием, своевременностью, активностью и результативностью действий оперативных подразделений;

сокращение сроков проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий без ущерба для качества полученных доказательств.

Несмотря на преимущества совместной работы в следственно-оперативной группе, уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрена возможность ее создания, а основания ее деятельности устанавливаются общими положениями уголовно-процессуального закона, а именно ст. 36, 37, 184, 186 УПК Республики Беларусь, а также иными нормативными правовыми актами.

Относительно содержания понятия «следственно-оперативная группа» отсутствует общепризнанное мнение. Одним из первых определение следственно-оперативной группы сформулировал С.В. Бажанов, который определял ее как «организационно-процессуальное формирование следователей и оперативных работников органов внутренних дел, которые под руководством следователя, принявшего дело к производству, обеспечивают совместное согласованное по целям, месту и времени раскрытие и расследование сложных и больших по объему уголовных дел о наиболее опасных преступлениях» [3, л. 12].

По нашему мнению, в определении, предложенном С.В. Бажановым, сужен круг преступлений, для расследования которых может создаваться следственно-оперативная группа: часто в практической деятельности следственно-оперативная группа создается для решения менее глобальных задач, например для выезда на место происшествия, когда еще и само уголовное дело отсутствует, а есть только заявление или сообщение о преступлении.

Г.А. Кокурин определяет следственно-оперативную группу как организационное формирование (постоянного или временного характера), которое состоит из следователя (следователей), оперативных работников органов внутренних дел и иных специалистов, использующих свойственные им средства и методы работы, и создается для лучшей организации работы по раскрытию и расследованию преступлений. Под иными специалистами Г.А. Кокурин понимает сотрудников экспертно-криминалистических и других подразделений, и считает, что их участие в следственно-оперативной группе всегда временно, так как они выполняют более узкие задачи [4, л. 23].

К недостаткам данного определения следует отнести ограниченность лишь перечислением субъектов следственно-оперативной группы без указания ее иных качественных характеристик.

Ю.А. Матвейчев рассматривает следственно-оперативную группу в широком смысле как формирование, состоящее из должностных лиц, в той или иной форме принимающих участие в раскрытии и расследовании преступлений, в узком смысле – как формирование, состоящее из следователей и должностных лиц органа дознания, наделенных правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность, которые под руководством следователя, в производстве которого находится уголовное дело, осуществляют раскрытие и расследование преступлений [2, с. 27]. Данное определение следственно-оперативной группы не лишено вышеперечисленных недостатков и сужает круг участников следственно-оперативной группы до двух субъектов – следователя и органа дознания.

По мнению И.А. Цоколова, следственно-оперативная группа – это основанное на законе и ведомственных нормативных правовых актах временное организационное формирование, состоящее из следователя (следователей), сотрудников оперативных аппаратов субъектов оперативно-розыскной деятельности и иных специалистов, возглавляемое следователем и создаваемое для оптимальной организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [5, с. 23]. По нашему мнению, данное определение наиболее полно отражает сущность и содержание деятельности современных следственно-оперативных групп.

Инструкция о порядке взаимодействия подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь при выявлении (раскрытии) преступлений, утвержденная приказом МВД Республики Беларусь от 3 января 2018 г., № 1, определяет следственно-оперативную группу как группу в составе следователя (группы следователей) или лица, производящего дознание, и сотрудников ОВД, формируемую ежедневно на основании ежемесячного графика дежурств следственно-оперативных групп, для выезда на место происшествия. Для работы в составе следственно-оперативных групп могут привлекаться сотрудники других правоохранительных и иных государственных органов, а также специалисты Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Из приведенного определения следует, что следственно-оперативная группа – это временное формирование, создаваемое только для выезда на место происшествия, что, на наш взгляд, не вполне коррелирует с общепринятыми в науке подходами к определению следственно-оперативной группы.

С целью наиболее предметного определения сущности такой категории, как следственно-оперативная группа, необходимо выделить его признаки, к которым относятся:

организованность – данное формирование, имеет свою систему и структуру, а деятельность организуется определенным субъектом (следователем);

согласованность совместных действий по раскрытию и расследованию преступлений;

четкое разграничение компетенции с сохранением функциональной самостоятельности субъектов в результате совместной деятельности;

участие в работе следственно-оперативной группы представителей иных правоохранительных органов и служб;

осуществление процессуального руководства работой следственно-оперативной группы следователем.

Таким образом, совместная работа в следственно-оперативной группе представляет собой организационно-тактическую форму взаимодействия следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел. Содержание функционирования следственно-оперативной группы определяется целью ее создания – оптимальной организацией деятельности по раскрытию и расследованию преступлений при комплексном использовании сил и средств задействованных субъектов.

1. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

2. Матвейчев Ю.А. Теоретические, правовые и организационные основы расследования уголовных дел следственно-оперативными группами / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Могилев, 2016.

3. Бажанов С.В. Групповой метод расследования как способ повышения эффективности предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1990.

4. Кокурин Г.А. Криминалистические и организационные основы деятельности следственно-оперативных групп по раскрытию и расследованию преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Свердловск, 1991.

5. Цоколов И.А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2001.

УДК 343.98

Е.Н. Котов

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Базовым нормативным правовым актом, на основе которого осуществляется противодействие коррупции в нашей стране, является Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», принятый 15 июля

2015 г. В нем указан круг субъектов коррупционных правонарушений, определена система мер по борьбе с коррупцией и ее предупреждению, дан перечень правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений.

В настоящее время в целях реализации государственной антикоррупционной политики и принятия мер по противодействию коррупции действует также Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 годы, утвержденная решением республиканского координационного совещанием по борьбе с преступностью и коррупцией от 26 мая 2017 г. № 16.

Необходимо отметить, что действующее антикоррупционное законодательство пока не дает легального определения коррупционного преступления. Однако в ст. 37 Закона «О борьбе с коррупцией» законодателем указаны альтернативные способы совершения коррупционных преступлений. К ним, например, относятся: 1) вымогательство имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц в обмен на любое действие или бездействие при исполнении служебных (трудовых) обязанностей; 2) принятие имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц в обмен на любое действие или бездействие при исполнении служебных (трудовых) обязанностей, кроме предусмотренной законодательством оплаты труда; 3) предложение или предоставление имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц в обмен на любое действие или бездействие при исполнении служебных (трудовых) обязанностей; 4) действие или бездействие при исполнении служебных (трудовых) обязанностей в целях незаконного извлечения выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц; 5) незаконное использование или умышленное сокрытие имущества от любой деятельности, указанной в абзацах втором, третьем и пятом ч. 1 ст. 37; 6) принятие подарков, за исключением сувениров, вручаемых при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, или получение другой выгоды для себя или для третьих лиц в виде работы, услуги в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей; 7) осуществление поездки за счет физических и (или) юридических лиц, отношения с которыми входят в вопросы его служебной (трудовой) деятельности, за исключением следующих поездок: служебных командировок; по приглашению супруга (супруги), близких родственников или свойственников; осуществляемых в соответствии с международными договорами Республики Беларусь или по договоренности между государственными органами Республики Беларусь и органами иностранных государств за счет средств соот-

ветствующих государственных органов и (или) международных организаций; осуществляемых с согласия вышестоящего должностного лица либо коллегиального органа управления для участия в международных и зарубежных научных, спортивных, творческих и иных мероприятиях за счет средств общественных объединений (фондов), в том числе поездок, осуществляемых в рамках уставной деятельности таких общественных объединений (фондов) по приглашениям и за счет зарубежных партнеров; 8) передача государственным должностным лицом физическим лицам, а также негосударственным организациям бюджетных средств или иного имущества, находящегося в государственной собственности либо в собственности организаций, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц, если это не предусмотрено законодательными актами; 9) использование государственным должностным лицом в личных и иных внеслужебных интересах предоставленного ему для выполнения государственных функций имущества, находящегося в государственной собственности, если это не предусмотрено актами законодательства; 10) использование государственным должностным лицом своих служебных полномочий в целях получения кредита, займа, приобретения ценных бумаг, недвижимого и иного имущества.

Совершение данных действий влечет, как правило, уголовную ответственность, поскольку все они в том или ином сочетании выступают в качестве конститутивных признаков объективной стороны преступлений, входящих в перечень коррупционных преступлений, установленный совместным постановлением Генеральной прокуратуры, Комитета государственного контроля, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности и Следственного комитета. В данный перечень включены следующие составы: хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК), легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 и ч. 3 ст. 235 УК), злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 424 УК), бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 425 УК), превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и ч. 3 ст. 426 УК), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК), получение взятки (ст. 430 УК), дача взятки (ст. 431 УК), посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК), злоупотребление властью, превышение

власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 455 УК).

Очевидно, что в данной ситуации перед криминалистической наукой стоит задача разработки частной методики расследования коррупционных преступлений, обязательным структурным элементом которой является криминалистическая характеристика.

Полагаем, что при конструировании содержания криминалистической характеристики коррупционных деяний, т. е. ее элементов, отражающих специфику этих преступлений, следует исходить из существующих теоретических представлений о криминалистической характеристике преступлений, а также из уголовно-правовых понятий и признаков соответствующих противоправных уголовно наказуемых деяний, указанных в Законе «О борьбе с коррупцией» и перечне коррупционных преступлений.

С нашей точки зрения, данная характеристика является частной криминалистической характеристикой отдельного вида (группы) преступлений, так как система коррупционных преступлений представляет собой криминалистическую классификацию преступлений, указанных в Законе «О борьбе с коррупцией» и перечне коррупционных преступлений, построена законодателем применительно к таким элементам состава преступления, как субъект преступления и субъективная сторона состава преступления. В качестве субъекта любого коррупционного преступления может выступать только должностное лицо. А обязательными признаками субъективной стороны данных преступлений являются такие коррупционные мотивы, как корыстная заинтересованность либо иная личная заинтересованность. Это, как утверждал Р.С. Белкин, лишней раз доказывает наличие самых тесных связей криминалистической методики с уголовным правом.

Криминалистическая характеристика определенного вида (группы) коррупционных преступлений – это описание общих черт, присущих всем коррупционным деяниям, имеющим значение для раскрытия и расследования всех коррупционных преступлений. Ее назначение – служить теоретической базой для разработки общих положений и методов раскрытия и расследования коррупционных преступлений, обусловленных объективными свойствами самого преступления.

При этом криминалистическая характеристика коррупционных преступлений не должна дублировать их уголовно-правовую характеристику. Она должна быть значительно шире ее и включать описание фактов, несущественных для уголовно-правовой квалификации деяния, однако, важных для его раскрытия и расследования.

Полагаем, что основные элементы структуры криминалистической характеристики коррупционных преступлений могут быть представле-

ны как данные: 1) о характеристике исходной информации; 2) о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения; 3) о личности вероятного преступника и вероятных мотивах преступления; 4) о типичных условиях криминальной ситуации (место, время, обстановка).

Для организации эффективного расследования преступлений прежде всего необходимы знания о наиболее распространенных источниках, содержании и условиях получения исходной информации о событиях коррупционных преступлений.

Способ совершения преступления (в широком смысле, включая подготовку и сокрытие) – это система взаимосвязанных и взаимообусловленных действий, с помощью которых преступник достигает своей цели. Способы совершения конкретных коррупционных преступлений во многом зависят от специфики сферы служебной деятельности, в которой совершаются эти деяния, характера должностного положения правонарушителя и его полномочий, сложившейся обстановки и личностных качеств правонарушителя.

Способ совершения и преступления относится к объективной стороне состава преступления. Относится он и к характеристике предмета доказывания, т. е. обладает и процессуальным содержанием. Однако он имеет решающее значение и для частной криминалистической методики, поскольку является базой для выдвижения как общих, так и частных версий, в этом качестве влияет на определение направлений расследования и решение других вопросов раскрытия и расследования преступления.

Данные, характеризующие личность субъектов коррупционных преступлений, по нашему мнению, являются наиболее важным, центральным элементом криминалистической характеристики коррупционных преступлений.

Выделение в качестве основного элемента криминалистической структуры коррупционной деятельности специфического субъекта – должностного лица обосновывает необходимость изучения самого понятия должностного лица, определения составных элементов его деятельности, имеющих криминалистическое значение.

Особенностью всех должностных лиц, являющихся субъектами коррупционной деятельности, выступает характер выполняемых ими обязанностей. Данные лица выполняют специфические задачи и функции. Они наделены соответствующими полномочиями, позволяющими совершать юридически значимые действия, обязательные для исполнения гражданами и должностными лицами независимо от их ведомственной принадлежности и занимаемой должности. Установление правового статуса должностного лица происходит, как правило, до возбуждения уголовного дела.

Не менее важными являются данные и о типичных условиях криминальной ситуации (место, время, обстановка), в которых совершаются коррупционные преступления. Нередко эти условия определяют выбор способа совершения преступления и механизм образования идеальных и материальных следов.

УДК 343.98

О.В. Кубарева

СПОСОБ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ИТОГОВ ГОЛОСОВАНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ПОДЛЕЖАЩЕЕ ДОКАЗЫВАНИЮ

Фальсификация избирательных документов, которая выражается в подлоге протоколов участковых избирательных комиссий о подсчете голосов на избирательном участке, а также протоколов территориальных избирательных комиссий об итогах голосования в пределах округа, представляет особую опасность, поскольку так называемые итоговые документы кладутся в основу результатов выборов [1, с. 365].

Случаи привлечения к уголовной ответственности членов избирательных комиссий за фальсификацию избирательных документов и итогов голосования являются единичными. Об этом свидетельствуют проведенные очередные местные выборы в 2015 г.: из 71 зарегистрированного досудебного расследования по ст. 158 УК Украины (фальсификация избирательной документации) передано в суд с обвинительным актом всего 2 [2]. В Едином государственном реестре судебных решений также немного судебных приговоров, принятых в течение последних пяти лет по результатам судебного рассмотрения уголовных дел по обвинению членов избирательных комиссий в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 УК Украины.

Такое положение в определенной степени обусловлено не только активным противодействием заинтересованных в результатах выборов лиц, но и незнанием следователями особенностей избирательного процесса, его этапов, субъектов, законодательства, регулирующего избирательные процедуры. Недостаточный уровень квалификации современных следователей и прокуроров затрудняет проведение в этой категории уголовных производств быстрого, полного и беспристрастного досудебного расследования, а также формирование качественной системы доказательств для их рассмотрения в суде. В случае сообщения право-

охранительным органам о фальсификации избирательных документов и итогов голосования не в момент ее совершения, а через некоторое время после того, как событие преступления состоялась, поиск доказательств характеризуется особой сложностью.

Несомненно, одним из важных обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании любого преступления, в том числе против избирательных прав, является способ его совершения. Он представляет собой достаточно сложное и многогранное явление, в связи с чем выступает в качестве предмета исследования целого ряда правовых наук. При этом каждая из них изучает то, что входит в предмет ее исследования и соответствует ее задачам, т. е. под собственным углом зрения, с позиции своих служебных функций [3, с. 53; 4, с. 27].

В юридической литературе является общепризнанным определенное уголовно-правовое значение методов, которые преступники выбирают для совершения общественно опасных деяний. Во многих статьях УК Украины способ относится к числу признаков состава преступления, т. е. является неотъемлемой частью объективной стороны. Кроме того, законодатель использует способ в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность, и при формулировании квалифицирующих видов преступных посягательств [5, с. 248–249].

Несомненно, уголовно-правовое понимание способа преступления определяет его уголовно-процессуальное значение и соответственно влияет на содержание некоторых процессуальных форм. Уголовно-процессуальный аспект способа определяется задачами относительно раскрытия и расследования преступлений, а также выполнения других задач уголовного судопроизводства [6, с. 122]. Способ входит в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, а его изложение имеет место в таких процессуальных документах, как сообщение о подозрении, обвинительный акт и приговор. Это позволяет оценить правильность квалификации и обоснованность выбранной судом меры наказания [3, с. 56; 5, с. 249].

Для освещения сущности способа совершения рассматриваемых преступлений как обстоятельства предмета доказывания, определенно в ст. 91 УПК Украины, следует, по нашему мнению, воспользоваться особенностями криминалистической характеристики этих преступлений и определенной детализацией ее содержания.

К способам совершения рассматриваемых преступлений могут быть отнесены следующие действия:

подписание членами комиссий бланков протоколов о подсчете голосов и итогах голосования до момента подсчета голосов и установления результатов голосования. Как правило, фальсификаторами вносятся нужные данные в протоколы после подсчета голосов. Такие действия

расцениваются как интеллектуальный подлог, так как внешняя форма протокола никак не нарушается;

уничтожение настоящих протоколов и изготовление поддельных, в которых фальсифицируются подписи членов избирательных комиссий, поскольку последние отказываются подписать такой протокол или фальсификаторы не обращаются к ним с таким предложением по ряду причин;

комбинированные варианты, сочетающие как интеллектуальный, так и материальный подлог.

Как показывает практика, основными доказательствами относительно способов фальсификации избирательных документов и итогов голосования, на которых основываются судебные приговоры, являются фактические данные, имеющиеся в избирательных документах и выводах технико-криминалистических, почерковедческих и компьютерно-технических экспертиз, а также показаниях свидетелей – членов избирательных комиссий, официальных наблюдателей и избирателей.

Важное значение имеет наличие в материалах уголовного производства сфальсифицированных протоколов о подсчете голосов избирателей, которые содержат информацию о номере участка, месте его расположения, количестве выданных бюллетеней для голосования, кандидатах на выборные должности, председателе, заместителе председателя, секретаре и членах участковой избирательной комиссии и т. д. Протоколы могут быть использованы в качестве процессуального источника доказательств по делу и необходимы для проведения экспертных исследований в уголовном производстве на предмет факта фальсификации избирательных документов. Техничко-криминалистические, почерковедческие и компьютерно-технические экспертизы при расследовании рассматриваемых преступлений являются обязательными, поскольку они разрешают вопрос о наличии признаков подлога избирательных документов.

Обязательно в материалах уголовного производства должны быть составленные и подписанные наблюдателями и избирателями акты о выявлении нарушений, а также постановления об образовании участковых избирательных комиссий, в соответствии с которыми образуются избирательные комиссии и назначаются их члены.

При доказывании данного вида преступлений следует учитывать законодательство, которое регламентирует деятельность избирательных комиссий и порядок документооборота, в частности Законы Украины «О выборах Президента Украины», «О выборах народных депутатов Украины», «О местных выборах», «О Центральной избирательной комиссии», «О Государственном реестре избирателей», «О Национальном архивном фонде и архивных учреждениях». Кроме того, порядок ведения делопроизводства, передачи и хранения избирательной и дру-

гой документации определяется подзаконными актами в форме постановлений или протокольными решениями Центральной избирательной комиссии Украины (постановления «О порядке хранения избирательной документации Центральной избирательной комиссии, территориальных, участковых избирательных комиссий по выборам Президента Украины», «О порядке организации работы и ведения делопроизводства в избирательных комиссиях по местным выборам» и др.).

Квалифицированный подход следователя и прокурора к определению средств доказывания по уголовному делу о фальсификации избирательных документов и итогов голосования будет способствовать более качественному и быстрому расследованию, а также усилит обоснованность и убедительность позиции стороны обвинения в ходе судебного разбирательства.

1. Виборче право України : навч. посіб. / за ред. В.Ф. Погорілка, М.І. Ставнійчук. Київ, 2003.
2. Виборчі злочини на чергових місцевих виборах – 2015: особливості досудового розслідування. URL: <https://www.oporaua.org/vybory/zvity/43792-vyborychi-zlochynu-na-cherhovuykh-mistsevykh-vyborakh-2015-osoblyvosti-dosudovoho-rozsliduvannya>.
3. Зуйков Г.Г. Криминалистическое понятие и значение способа совершения преступления. Труды ВШ МООП СССР. М., 1967. Вып. 15.
4. Чернявський С.С. Злочини у сфері банківського кредитування (проблеми розслідування та попередження) : навч. посіб. Київ, 2003.
5. Кругликов Л.Л. Соотношение уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического значений способов совершения преступлений : сб. аспирант. работ. Свердловск, 1971. Вып. 13.
6. Попелюшко О.В. Способ совершения преступления как элемент предмета доказывания // Совет. государство и право. 1984. № 1.

УДК 343.985.8

О.С. Кучин

РОЛЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ

Современная организованная преступность является крайне сложным явлением, ввиду чего в науке существует множество различных подходов к фиксации ее основных содержательных элементов в норма-

тивных и доктринальных определениях. Для организованной преступности характерна устойчивая преступная деятельность, осуществляемая преступными организациями (организованными группами и преступными сообществами) (далее – ОПГ), имеющими иерархическую структуру, материальную и финансовую базу и связи с государственными структурами, основанные на коррупционных механизмах.

Первые попытки дать определение организованной преступности были сделаны в США в 1950–1960-х гг., когда комитеты Конгресса начали обнаруживать доказательства существования тайного преступного общества, или картеля, организованного выходцами с итальянского острова Сицилия, под названием «мафия»¹ или «Коза ностра» (в переводе с итальянского – «наше дело»).

В те же годы на конференциях по борьбе с организованной преступностью было сформулировано и ее следующее определение: «Организованная преступность – это результат самовоспроизводящегося преступного сговора, направленного на получение сверхприбылей за счет общества любыми способами и средствами, как законными, так и незаконными. Состав участников сговора может меняться, но сам сговор как целое продолжает существовать». Подлинный текст этого определения на английском языке: *Organized crime is the product of a self-perpetuating criminal conspiracy to wring exorbitant profits from our society by any means – fair and foul, legal and illegal. Despite personnel changes, the conspiratorial entity continues.*

Закон США 1968 г. о контроле над преступностью и безопасностью на улицах (*Omnibus Crime Control and Safe Streets Act*) дает несколько иное определение: организованная преступность – это противозаконная деятельность членов высокоорганизованной, дисциплинированной ассоциации, занимающейся поставками незаконных товаров и оказанием незаконных услуг, включая игорный бизнес, проституцию, ростовщичество, наркобизнес, профсоюзный рэкет и другие виды противозаконной

¹ В литературе для обозначения организованной преступности в целом, преступной организации или тайного сообщества лиц, занимающихся противозаконной деятельностью, также используется термин «мафия». Данный термин также может означать конкретную преступную организацию, возникшую на основе существовавшего еще в 1282 г. подпольного антифранцузского вооруженного движения сопротивления в Сицилии (действовавшего под лозунгом *Morte alla Francia, Italia anela*) («Смерть Франции, вздохни, Италия»), или конкретный тип преступной организации, основанный на кодексе молчания (омерты), стремящийся к установлению насильственными методами руководства или контроля над экономической и общественной деятельностью для получения незаконных прибылей или преимуществ. Это разнообразие способов использования необходимо учитывать при рассмотрении источников, описывающих организованную преступность, поскольку мафией нередко называются и те организации, которые не построены по мафиозному типу.

деятельности членов подобных организаций. Подлинный текст определения на английском языке: Organized crime means the unlawful activities of the members of a highly organized, disciplined association engaged in supplying illegal goods and services, including but not limited to gambling, prostitution, loan sharking, narcotics, labor racketeering, and other unlawful activities of members of such organizations.

ФБР США в настоящее время определяет организованную преступную группировку как любую группу лиц, имеющую определенный вид формализованной структуры, основной целью которой является получение доходов от незаконной деятельности, поддерживающей свое положение через использование насилия и угроз насилием, коррумпирования государственных чиновников, взяточничества или вымогательства, обычно имеющая влияние на людей, проживающих на определенной территории, вплоть до страны в целом.

В современной юридической литературе авторами выделяется несколько подходов к определению организованной преступности. Так, А.И. Долгова выделяет следующие основные признаки, которые различные ученые кладут в основу определения:

сплоченность участников организации, находящая выражение в создании и деятельности преступных организаций (Ю.Н. Адашкевич, С.В. Дьяков, А.И. Долгова, В.С. Овчинский);

массовость, распространенность устойчивых преступных сообществ (А.И. Гуров, Э.Ф. Побегайло);

способы и виды деятельности, осуществляемой организованными преступными формированиями (И.Я. Гонтарь);

одновременно и массовость, и осуществление определенных видов деятельности;

наличие между устойчивыми группами, осуществляющими преступную деятельность, устойчивой общерегиональной и межрегиональной связи (А.С. Емельянов).

С выходом в конце 1980-х – начале 1990-х гг. организованной преступности на транснациональный уровень в борьбу с ней включились международные организации, в частности Организация Объединенных Наций.

На Международном семинаре по борьбе с организованной преступностью, который проводился 21–25 октября 1991 г. в Суздале, под организованной преступностью было предложено понимать «относительно большую группу устойчивых и управляемых преступных образований, занимающихся преступной деятельностью в корыстных интересах и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств, как насилие, запугивание, коррупция и хищение в крупных размерах».

К сожалению, ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности не дает общего определения организованной преступности. В ней используется операционалистский подход, при котором сложное явление определяется путем описания составляющих его самостоятельных элементов. Конвенция дает определения понятий, составляющих саму суть организованной преступности:

организованная преступная группа – структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с казанной конвенцией, с тем чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду;

серьезное преступление – преступление, наказуемое лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания;

структурно оформленная группа – группа, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что организованная преступность – это сложная система организованных преступных формирований, их отношений и деятельности.

Современная российская практика борьбы с организованной преступностью использует многолетний опыт оперативных подразделений, их успешных операций, стратегических и тактических просчетов, сохраняет все традиционные элементы, учитывает комплекс факторов, обуславливающих устойчивость, живучесть, приспособляемость и видоизменения организованной преступности.

Существенное значение для дальнейшего совершенствования оперативно-розыскной тактики борьбы с организованной преступностью имеют положения Федерального закона № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), в частности предусмотренная им реализация такой важнейшей тактической категории, как оперативно-розыскные действия.

Из смысла указанного закона следует, что с помощью оперативно-розыскных мероприятий обеспечивается:

получение и проверка первичной информации о признаках криминальной активности конкретных лиц и групп, о совершенных преступлениях и причастных к ним лицах;

выявление лиц, осведомленных о преступлениях, обнаружение имущества, в том числе денег и ценностей, добытых преступным путем,

предметов, документов и других объектов – носителей доказательственной информации, их сохранение;

установление преступников, местонахождения лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда;

решение частных задач, связанных с обеспечением достижения целей оперативно-розыскной деятельности.

Закон предоставляет возможность инициативного, творческого, свободного от догматизма и формализма подхода к решению тактических задач и предполагает использование при проведении оперативно-розыскных мероприятиях, непосредственно оперативными сотрудниками средств оперативной техники, а также принятие мер по ее сокрытию от лиц, в отношении которых предполагается ее применение. Также реализация ФЗ «Об ОРД» предполагает включение в структуру оперативно-розыскной тактики и обеспечение личной безопасности участников оперативно-розыскных действий. Все это в конечном итоге направлено на получение скрываемой информации, повышение осведомленности оперативных подразделений об организованной преступности, успешное воздействие на оперативно-розыскные ситуации, складывающиеся в борьбе с ней.

В оперативно-розыскной тактике борьбы с организованной преступностью большое значение имеет разрешение оперативным подразделением проблем наступательности в проведении оперативных разработок, полноты, объективности сбора информации и особенно соблюдения конспирации, т. е. реализация важнейших принципов оперативно-розыскной деятельности.

Современная тактика борьбы с организованной преступностью базируется на обобщении и критическом осмыслении совокупного оперативного опыта выявления и проверки разветвленных преступных групп, действующих в разных сферах экономики; борьбы с бандитизмом; оперативного наблюдения за рецидивистами; негласной работы в криминальных и в террористических организациях. Весь этот опыт основывается на глубокой разведке противоборствующей криминальной стороны, где учитывается степень ее преступной активности и направленность («криминальная окраска»), возможность проведения лидерами ОПГ контрагентурных мероприятий.

Современные традиционные оперативно-тактические рекомендации чаще всего строятся на основе исследования механизма преступного поведения, способов совершения преступлений, типологии преступников. В борьбе с организованной преступностью следует учитывать и иные факторы: дислокацию основных позиций, занятых лицами, входящими в преступные формирования, их социальное положение, деловые, служебные, политизированные связи на разных уровнях, в различных

ведомствах. Моделируются не типичные ситуации совершения преступлений, а вероятные ситуации противоборства, прогнозируются возможные «ходы» представителей преступных формирований, их покровителей. Эти модели и прогнозы приводят к выводу о необходимости «множественной» конспирации для достаточно длительной зашифровки оперативного интереса не только к лидерам, но и к второстепенным деятелям преступных формирований.

Особое внимание следует уделять учету информации о правонарушениях тех участников организованной преступности, квалификация действий которых вызывает затруднения. В архивных уголовных и оперативных делах, материалах доследственных проверок, материалах об административных правонарушениях как раз и могут быть обнаружены факты подстрекательства, укрывательства, недоносительства, которые в свое время не получили должной юридической оценки, так как исследовались изолированно, не в контексте вскрытой позже организованной преступной деятельности.

Перечень оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) дан в ст. 6 ФЗ «Об ОРД» и может быть изменен или дополнен только федеральным законом.

В тактике борьбы с организованной преступностью первостепенное значение имеет проведение комплексной оперативной разработки по делам оперативного учета. Применяя в процессе разработки комплекс ОРМ, оперативный сотрудник или оперативное подразделение уделяет повышенное внимание таким мероприятиям, как опрос, проверочная закупка, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, контролируемая поставка, оперативное внедрение. Все ОРМ по делам оперативного учета в отношении организованной преступности проводятся в комплексе, применяются оперативно-тактические комбинации, оперативные игры, активно используется агентура и штатные оперативные сотрудники, внедренные в ОПГ. Комплекс ОРМ проводится не только «на воле» в месте проживания и дислокации ОПГ и их лидеров, но и в местах лишения свободы, следственных изоляторах, на предприятиях, контролируемых ОПГ, за рубежом, где лидеры ОПГ часто скрываются от преследования на родине.

На наш взгляд, оперативное внедрение является доминирующим ОРМ в тактике борьбы с организованной преступностью. Оно является не только сложным по своей подготовке и проведению, но и опасным мероприятием для сотрудников, которые внедряются в ОПГ. При проведении данного ОРМ следует обращать внимание не только на тщательную его подготовку, легендированность и зашифрованность, но и

на то, чтобы данные о лицах, внедренных в ОПГ, не стали известны членам и лидерам организованной преступности, т. е. инициаторам оперативной разработки, применяющим оперативное внедрение, необходимо постоянно, фактически ежеминутно, контролировать ситуацию вокруг внедренного сотрудника и оказывать достойное противодействие контрразведывательным мероприятиям, которые проводят члены ОПГ в своем окружении.

Для дальнейшего развития правового регулирования оперативного внедрения интерес, по нашему мнению, представляет опыт США. Там проведение секретных операций по оперативному внедрению осуществляется Федеральным бюро расследований, Управлением по борьбе с наркотиками, другими спецслужбами и правоохранительными органами США с использованием негласных сотрудников («тайные сотрудники», и «тайные агенты»). Агент в США – это кадровый сотрудник спецслужб или осведомитель. Их деятельность регламентируется в основном нормативными актами, изданными Президентом США и Генеральным атторнеем (министром юстиции) США. В этих актах подробно регламентируется порядок использования негласных сотрудников и осведомителей в секретных операциях. Так, например, Инструкция о порядке проведения операций под прикрытием предусматривает использование негласных сотрудников лишь для следующих целей:

получения информации или доказательств в интересах судебного преследования по делам первостепенной важности;

установления и поддержания доверительных отношений с лицами, связанными с преступной деятельностью, по которой ведется расследование;

предотвращения серьезной опасности, угрозы смерти или нанесения тяжких телесных повреждений сотруднику или другому лицу.

Следует отметить, что в США для проведения «секретных операций» созданы и функционируют фиктивные организации, корпорации, фирмы. Они снабжены соответствующей «легендой», их деятельность регламентируется соответствующими инструкциями. Такого рода легендированные организации и фирмы юридически являются собственностью ФБР, они имеют свой бюджет, осуществляют все деловые операции, необходимые для поддержания «легенды», функционируют под контролем ФБР. Их задачами являются создание видимости заинтересованности в противозаконных сделках, торговых операциях, финансовых махинациях и установление доверительных отношений с лицами, подозреваемыми в участии в организованной преступности, внедрение негласных агентов в сеть операций этих ОПГ и сбор обвинительных доказательств. Под «крышей» вышеуказанных легендированных организаций действуют секретные (кадровые) сотрудники ФБР.

Статья 15 ФЗ «Об ОРД» также предоставляет право органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, создавать легендированные организации и предприятия, зашифровывать личности негласных сотрудников и штатных сотрудников оперативных подразделений.

В заключение отметим, что проведение комплекса ОРМ в отношении ОПГ и их лидеров всегда предшествует возбуждению уголовного дела по соответствующей норме УК РФ в отношении любых участников этих криминальных формирований. Кроме того, проведение ОРМ имеет большое значение при осуществлении оперативного сопровождения расследования по уголовному делу, а также и при рассмотрении уголовного дела в суде. Также надо отметить, что оперативная разработка будет продолжаться и после вынесения приговора, а именно в местах лишения свободы, куда участники ОПГ будут направлены для отбытия наказания.

УДК 343.1

В.А. Лазарева, К.Н. Николаева

ПРЕДМЕТ И СПОСОБЫ ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ

Согласно ст. 87 УПК РФ проверка доказательств проводится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также посредством установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Данная формулировка представлена законодателем в общем виде, она указывает лишь на способы проверки доказательств, в то время как критерии проверки доказательств в указанной статье отсутствуют. Неясно также, какие свойства доказательств должны быть проверены и как предмет проверки доказательств соотносится с указанными способами. По нашему мнению, это значительно усложняет определение сущности рассматриваемого элемента процесса доказывания и придает исследованию особую актуальность.

Рассмотрим в первую очередь, что является предметом проверки доказательств, какие свойства доказательств нуждаются в проверке.

Понятия «доказательство» и «доказывание» со второй половины XX в. принято рассматривать в свете теории отражения, с позиций которой «образование доказательства представляет собой сложный

отражательно-информационный процесс. <...> Исследуемое событие, отражаясь в окружающей обстановке, оставляет в ней следы разного рода, которые несут в себе информацию об этом событии. <...> Будучи выявленной, преобразованной субъектом доказывания и облеченной им в требуемую законом процессуальную форму, информация о событии, оставившем следы, становится доказательством в процессуальном смысле» [1, с. 135–140].

Таким образом, доказательства – это знания, полученные в ходе уголовного судопроизводства и облеченные в процессуальную форму. Именно такой подход к понятию доказательств занял доминирующее место в науке и получил воплощение в ст. 74 УПК РФ [2, с. 131–136], согласно которой доказательство по уголовному делу выступает в единстве своего содержания (фактических данных) и процессуальной формы (источник получения фактических данных) [3, с. 136]. Показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы и документы являются доказательствами, рассматриваемыми со стороны их формы, в то время как сведения о фактах, подлежащих доказыванию, составляют содержание доказательств [4, с. 7]. На то, что доказательство имеет содержательную и формальную стороны указывают и другие авторы, хотя одни из них считают, что само доказательство (как содержание) и источник доказательства (как форма) – совершенно разные понятия [5, с. 10–15], а другие рассматривают содержание и форму как неразрывно связанные стороны единого понятия доказательства [6, с. 22–23].

Изложенное означает, что предметом проверки доказательства, имеющего составную природу, является не только содержание доказательства, но и его форма, фактически процедура получения сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, и ее закрепления (оформления) в материалах дела. В целях нашего исследования такое разграничение сторон понятия доказательства совершенно необходимо, поскольку обе стороны исследуются, проверяются и оцениваются, как правило, порознь и к ним предъявляются неодинаковые требования.

Учитывая изложенное, содержание и форму доказательства можно рассматривать как предмет проверки, тогда как само доказательство в целом является объектом проверочной деятельности.

Исходя из того, что содержание доказательства характеризуется такими свойствами, как относимость и достоверность, а к форме предъявляется требование допустимости, которое означает не что иное, как законность процедуры получения и оформления этих сведений, часто называемой формированием доказательств, целью проверки можно считать установление соответствия каждого доказательства требованиям относимости, достоверности, допустимости.

Определившись с предметом проверки доказательств, проанализируем, как он соотносится с теми способами проверки доказательств, которые указаны в ст. 87 УПК РФ.

Признано, что проверка доказательств начинается с логических операций – анализа содержания каждого отдельного доказательства. Это дает следователю детальное и четкое знание объема и характера сведений, составляющих содержание доказательства, а через них – представление об отдельных сторонах обстоятельств, имеющих значение для дела.

Анализ доказательства сопровождается формированием понятий, суждений об отдельных частях, сторонах доказательства, их свойствах.

Вместе с тем логические операции в виде анализа каждого доказательства по отдельности предшествуют или сопровождаются практическими – сопоставлением доказательств между собой. Цель этого приема проверки доказательств состоит в том, чтобы выяснить, насколько доказательства, в том числе различные по своим видовым характеристикам (например, показания и протокол осмотра), согласуются друг с другом. При обнаружении противоречий в доказательствах необходимо выяснить их причины, для чего используются уже другие способы проверки доказательств, указанные в ст. 87 УПК РФ.

Проверка доказательства названными способами не всегда дает полное знание о свойствах доказательств. Возможности проверки могут быть ограничены недостаточностью или отсутствием других доказательств, связанных с проверяемым, наличием неустранимых сомнений в качествах и свойствах каждого доказательства. Аналогичный результат будет иметь место и при сопоставлении между собой доказательств одного вида, так как при этом не исключается вероятность их искажения из-за действия одних и тех же причин (например, общая эмоциональная возбужденность потерпевших, свидетелей, обусловленная исключительностью характера воспринятых событий; их заинтересованность в уголовном деле; сговор) [7].

При таких обстоятельствах требуется проведение дополнительных следственных действий с целью получения новых доказательств, а также проведение проверочных следственных действий, специально приспособленных к проверке уже имеющихся в деле доказательств (очная ставка, проверка показаний на месте и др.), в ходе которых происходит анализ и синтез содержания как нового доказательства, так и ранее полученных и их сопоставление между собой.

Еще одним способом проверки доказательств в ст. 87 УПК РФ названо установление источника информации. Установив источник, например, свидетельских показаний, уполномоченное лицо выясняет присущие ему особенности, наличие или отсутствие причин, которые могли

повлиять на заинтересованность свидетеля в деле. Знание источника позволяет сосредоточить внимание на том, являются ли показания результатом непосредственного или опосредованного восприятия, учесть условия восприятия. Следователь обязан исследовать вопрос о том, не являются ли показания свидетеля результатом ошибочного восприятия.

Анализ доказательств со стороны источника позволяет следователю выделить те свойственные ему особенности, которые в зависимости от обстоятельств уголовного дела могут сыграть существенную роль из-за возможного их влияния на качество проверяемого доказательства. Применительно, например, к показаниям свидетеля они могут касаться не только особенностей личности свидетеля, связанных с его полом, возрастом, органами чувств, но и его социальных свойств, обусловленных спецификой образования, должностного и семейного положения: правильно ли свидетель воспринял наблюдаемый факт; не было ли объективных факторов, препятствующих правильному восприятию наблюдаемого; правильно ли воспроизведены наблюдения; правильно ли зафиксированы показания и так далее. Если источником информации является вещественное же доказательство, оно должно быть тщательно осмотрено [7].

Анализ названных способов проверки доказательств показывает то, что ст. 87 УПК РФ в первую очередь говорит о проверке содержания доказательства: именно сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, можно сопоставлять с другими сведениями, подтверждать или опровергать другими сведениями.

Вместе с тем в ряде случаев закон прямо требует установления источников доказательств. Так, не могут быть признаны допустимыми доказательствами показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), даже если сведения, полученные при допросе свидетеля, подтверждаются посредством производства других следственных или судебных действий.

Известность источника доказательственной информации – важнейшее условие допустимости доказательств, недопустимое доказательство не подлежит проверке с точки зрения достоверности его содержания, оно не является доказательством в собственном смысле этого слова. Информация, полученная из неизвестного источника, не образует доказательства. Поэтому указание в ст. 87 УПК РФ на установление источника как способ проверки доказательства представляется не вполне корректным. Скорее, речь идет не об установлении источника, а о проверке его надежности, способности сохранять информацию в неискаженном виде. Проверка источника может проводиться всеми способами, названными в ст. 87 УПК РФ, включая производство следственных действий. Уста-

новление нового источника информации дает возможность получить новое доказательство, которое можно сравнивать с уже имеющимися.

Следовательно, способами, указанными в ст. 87 УПК РФ, может быть проверена и форма доказательства. С помощью следственных действий, например, выясняются условия обнаружения, извлечения и закрепления доказательства, соблюдение требований закона относительно его допустимости.

Следует заметить, что возможность проверки доказательств с точки зрения их относимости указанными в ст. 87 УПК РФ способами представляется сомнительной, наличие связи содержания доказательства с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу, устанавливается исключительно мыслительным путем, что не позволяет отделить проверку доказательства от его оценки. Практической проверке на относимость может быть подвергнуто не само доказательство, а устанавливаемое им обстоятельство. Поскольку такие обстоятельства (промежуточные факты) в теории уголовного процесса рассматриваются как доказательства главного факта, их проверка сопоставима с проверкой доказательств.

В заключение отметим, что предметом проверки доказательств по уголовному делу можно считать как содержание, так и форму доказательства, в целом являющегося объектом проверочной деятельности. Целью проверки доказательств является установление соответствия доказательства указанным в ч. 1 ст. 88 УПК РФ критериям относимости, допустимости и достоверности. Названные в ст. 87 УПК РФ способы проверки доказательств обеспечивают возможность их последующей оценки.

1. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008.
2. Лазарева В.А. О доказательствах, их допустимости и способах собирания // Новый Уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола, Москва, 13 нояб. 2004 г. / отв. ред. И.Ф. Демидов. М., 2004.
3. Лупинская П.А. Уголовный процесс : учеб. для вузов. М., 2003.
4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.
5. Белкин А.Р. Еще раз о доказательствах, об источниках доказательств и о том, как отличить одно от другого // Мировой судья. 2012. № 1.
6. Купряшина Е.А. Источники доказательств и критерии их оценки в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Воронеж, 2007.
7. Доля Е.А. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. 1994. № 1.

ЧАСТНАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА – ПРОДУКТ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Криминалистика как сложная интегративная наука, находящаяся в состоянии непрерывного развития и аккумулирующая в себе различные теоретико-прикладные установки, представляет собой систему знаний, предназначенных для борьбы с преступностью в части раскрытия и расследования преступлений (как основное задание криминалистики). В связи с этим особое внимание в криминалистической науке уделяется разработке частных криминалистических методик. Р.С. Белкин отмечал, что «конечным „продуктом“ криминалистической науки, поступающим на вооружение следственной практики, являются частные криминалистические методики, в содержании которых на основе положений и выводов общей и частных криминалистических теорий комплексуются криминалистические рекомендации по осуществлению судебного следования и предотвращения преступлений» [1, с. 552].

Частная криминалистическая методика – это научный продукт, призванный удовлетворить потребности следственной (следственно-прокурорской) практики. По справедливому утверждению Г.Н. Мухина и Д.В. Исютина-Федоткова, целевое предназначение любой частной криминалистической методики – содержать исходную информацию, а также конкретные практически значимые рекомендации по раскрытию и расследованию преступлений конкретного вида или группы. Указанные авторы подчеркивают, что частная криминалистическая методика должна соответствовать природе криминалистики в целом, отражая ее «сервисный» характер, т. е. выраженную направленность на удовлетворение нужд практики [2, с. 267]. Основным критерием, определяющим качество частных методик должна быть способность обеспечить правоохранительные органы действенными методическими рекомендациями, которые организуют, алгоритмизируют и упрощают работу следователя. Однако сегодня можно смело констатировать, что некоторые из разработанных частных криминалистических методик (в виде диссертационных исследований, монографий, учебных пособий, методических рекомендаций и т. д.) не выполняют те задачи, которые были заявлены их авторами. И причин этому несколько.

1. Чрезмерная теоретизированность частных криминалистических методик. Безусловно, общая теория криминалистики, частные кримина-

листические теории являются неотъемлемым источником формирования и создания методик расследования преступлений, но многие теоретические положения, конструкции (например, использование сомнительной терминологии, противоречивых частных теорий) лишь усложняют процесс восприятия рекомендаций, не позволяя «потребителю продукта» понять механизм преступной деятельности и предложенный алгоритм действий. Современные авторы часто пытаются увидеть необычное в обычном, создать нечто такое, чего не было ранее, не учитывая при этом целесообразности предлагаемого, а ведь еще Г. Гросс предостерегал, что «... в самой природе человека лежит стремление предпочитать выдающееся будничному, нередко искать романтическую подкладку там, где ее нет, с большей охотой выслушивать о страшном, неслыханном, нежели о заурядном и простом. Такова уже природа человека, с той разницей, что у одних она проявляется более откровенно, а у других скрытно» [3, с. 29].

2. Довольно часто авторами различных частных методик поверхностно исследуется эмпирическая составляющая, т. е. практика расследования тех преступлений, для улучшения качества расследования которых и разрабатывается методика. Теория создает некую мнимую реальность совершения и расследования преступлений, не соотносящуюся с действительностью. Нечто подобное описывает и М.К. Мамардашвили: «... сама действительность по отношению к теории выступает как ошибка, как отклонение от теории, то есть считается, что военный стратег терпит поражение не потому, что плоха теория (теория всегда хороша), а потому, что практика не последовала за теорией; если реальность последовала бы за теорией, то теория привела бы к успеху» [4, с. 16]. И как следствие – теория не воспринимается практикой.

3. Отсутствие апробированных технологий создания частных криминалистических методик, в связи с чем достаточно сложно определить качество предложенной методики и уровень ее соответствия. Ю.П. Гармаев и А.Ф. Лубин подчеркивают, что «... иногда „фабриканты“ считают, что они сделали все от них зависящее, когда подготовили очередную криминалистическую методику, хотя совсем нет уверенности в ее пригодности для конкретных условий. Однако, если качество методики достаточно высоко, то она найдет своего потребителя. Тогда „закон пропорциональности“ остается в силе: хорошо налаженное формирование методики предопределяет успех ее реализации» [5, с. 51]. Остается лишь определить, что понимать под «хорошо налаженным формированием».

4. Необходимость в разработке параллельно (либо после) с частной криминалистической методикой рекомендаций по ее применению и адаптации. И тут также остаются открытыми вопросы относительно их особенностей, структуры и технологии создания.

5. Отсутствие единой точки зрения относительно структуры частной криминалистической методики. Единственным критерием, по нашему мнению, которому должна соответствовать структура частной криминалистической методики является практическая целесообразность, т. е. если методика работает, облегчает и совершенствует работу следователя, то структура ее верна и абсолютно неважно, из наук ли уголовно-правового цикла, либо иных наук, либо практики заимствованы знания.

Безусловно, криминалистическая наука не стоит на месте, совершенствуются и развиваются многие ее научно-практические составляющие. Несмотря на это, стоит констатировать отставание, неэффективность значительного количества уже существующих частных криминалистических методик. Полагаем, что устранение указанных нами причин даст возможность повысить качество и «работоспособность» частных криминалистических методик, которые призваны облегчить и алгоритмизировать работу следователя.

1. Белкин Р.С. Избранные труды. М., 2008.
2. Мухин Г.Н., Исютин-Федотков Д.В. Криминалистика: современные проблемы, история и методология : науч.-метод. пособие. М., 2012.
3. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. (Антология криминалистики).
4. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). СПб., 2012.
5. Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. СПб., 2006.

УДК 159.9:34.01(075.8)

О.Ю. Ли

О ПРЕПОДАВАНИИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ СТУДЕНТАМ ЗАОЧНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА

В силу ограниченного количества учебных часов учебная дисциплина «Судебно-медицинская экспертиза» с большим количеством медицинских терминов вызывает трудности в понимании, усвоении и запоминании теоретических знаний и в овладении практическими навыками. В связи с этим преподавателю приходится подбирать приемы, позволяющие в доступной для студентов форме излагать материал. Сложность преподавания состоит еще и в том, что студенты-заочники,

как правило, сотрудники правоохранительных органов, закончили среднюю школу несколько лет назад, основательно утратив знания по анатомии человека. Поэтому, говоря о субплевральном расположении, попутно приходится объяснять, что такое, например, плевра и где она находится. В этой связи возникает проблема, как лучше подать (в каком виде) большое количество теоретического материала, чтобы он был понятен, надолго остался в голове студента и при необходимости легко извлекался из памяти. При этом занятия не должны превращаться в унылую зубрежку, так как для любого преподавателя важно, чтобы они проходили интересно.

Что мы предлагаем? Проведение занятий по изучению судебной медицины в виде так называемых деловых игр. Деловая игра – это не что иное, как изображение реальной производственной ситуации в стенах учебного заведения. Первые деловые игры появились в XVII–XVIII вв. для обучения военному делу, и их первое упоминание значилось как военные шахматы, потом как маневры на карте. Интересно, что в XIX в. военные игры должны были служить для того, чтобы разбудить внимание молодых военнослужащих и уменьшить трудности при обучении. Доска для игры была значительно больше шахматной (с большим количеством клеток) и рельефной. Ферзь обычно обозначал крепость, а пешки были пехотой.

В СССР первая деловая игра, разработанная М.М. Бирштейн в 1932 г., была проведена на Лиговском заводе пишущих машин. Однако в то время она не получила должного признания, как отмечают в литературе, из-за того, что царила эпоха тоталитарного контроля над человеком и его мыслями.

В настоящее время деловые игры широко используются для обучения не только военному делу, но и медицине, юриспруденции, предпринимательству. В игре развиваются такие качества, как способность к прогнозированию, мышление, творческое начало и многие другие. Поэтому мы предлагаем проводить занятия по изучению судебно-медицинской экспертизы в виде игры «Судебное заседание».

На подготовительном этапе в качестве домашнего задания студенты изучают справочные и нормативные документы. Затем выбирают фабулу по определенной теме судебно-медицинской экспертизы (транспортная травма, огнестрельные повреждения, механическая асфиксия и т. д.). После этого составляют дело, в котором основными документами являются постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы с перечнем вопросов для эксперта и заключение судебно-медицинского эксперта.

На самих занятиях по мере разбора тем мы заслушиваем учебные дела. Как правило, студенты разбираются на группы, представляя обвинение и защиту. Есть и зрители судебного заседания, имеющие возможность вмешиваться в ход процесса, есть и судьи.

В начале занятия выступает преподаватель и сообщает о теме игры. Слово передается стороне обвинения, которая описывает фабулу дела и перечисляет свои действия. Возможны разные варианты. Если в деле фигурирует труп, то подробно описывается осмотр тела на месте происшествия, зачитываются вопросы для судебно-медицинской экспертизы трупа и оглашается заключение эксперта. Возможно назначение и проведение экспертизы живым лицам либо экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения. Чаще всего студенты берут примеры дел из своей практики. После стороны обвинения слово передается представителем защиты. Те выискивают неточности, нестыковки в доказательствах либо находят другие факты, указывающие на неверное толкование и другой возможный ход событий. При этом и та, и другая сторона излагают теоретические факты, относящиеся к теме занятия. Например, если занятие проводится по теме «Смерть в результате механической асфиксии», то дается определение, классификация, признаки того или иного вида механической асфиксии (повешение, удушение петлей, утопление и т. д.). Повторяем вероятные и достоверные признаки смерти, вспоминаем, как определить время наступления смерти, другие вопросы судебно-медицинской экспертизы.

В ходе игры моделируем различные ситуации, в том числе, конфликтные. Учимся их разрешать. Запоминаем маленькие хитрости для будущей работы. А поскольку ситуация проигрывается многократно, создаются предпосылки для ее лучшего запоминания: повторение – мать учения.

Судим строго по закону, стараясь соблюсти все необходимые процессуальные формальности. Благодаря такому подходу из глубин памяти извлекаются знания по уголовному и гражданскому праву, уголовному и гражданскому процессу, психологии, юридической психологии, конфликтологии, судебно-медицинской экспертизе, судебно-психиатрической экспертизе и многим отраслям права.

В ходе игры развивается речь, формируется умение держаться на публике. Приобретаемый опыт публичных выступлений несомненно пригодится студенту в будущей деятельности.

Сама игра проходит интересно, но необходим подготовительный период, которому, как правило, отводится намного больше времени, чем на саму игру. В итоге за одно занятие успеваем рассмотреть одно или два дела по одной теме. Соответственно, теоретические вопросы с множественностью судебно-медицинских терминов проговариваются несколько раз, что способствует их пониманию и запоминанию.

Форма обучения в виде деловой игры позволяет в доступной форме приобрести необходимые студенту-юристу знания медицинской отрасли, крайне полезные (и важные!) в будущей деятельности по расследованию преступлений против личности.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Понятие «криминалистическое обеспечение» было введено в научный оборот и деятельность практических подразделений, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, в конце XX в., когда сфера использования криминалистических знаний значительно расширилась, вышла за рамки уголовно-процессуальной деятельности. Знания из области криминалистики стали широко использоваться в сфере административного процесса, гражданского процесса и др. Наиболее четко и емко это понятие было определено в работах Р.С. Белкина и В.Г. Коломацкого. Так, Р.С. Белкин определил криминалистическое обеспечение органов внутренних дел как «систему криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений их сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 64].

В.Г. Коломацкий считает, что «криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел – это система внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умении работников использовать научные, методические, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений» [2, с. 62].

Вопросы криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел (правоохранительных органов) исследовались и другими учеными: Т.В. Аверьяновой, В.А. Волынским, Г.И. Грамовичем, А.В. Дуловым, З.И. Кирсановым, Г.Н. Мухиным, Н.И. Порубовым, П.Т. Скорченко, А.В. Шмоным и др. Каждый из них внес свою лепту в исследование этой проблемы, и, безусловно, результаты работы ученых заслуживают того, чтобы практики на них обратили внимание и хотя бы отдельные положения взяли на вооружение, попытались использовать при реализации своих должностных полномочий.

В настоящее время практически общепризнанным является мнение, что система криминалистического обеспечения включает в себя следую-

щие элементы: криминалистические знания, криминалистическое образование (криминалистическую подготовку), криминалистическую технику.

Криминалистические знания – результат познания закономерностей, составляющих предмет криминалистики, и материализация этого результата в виде предлагаемых практике средств, методов и рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений. Криминалистические знания находят воплощение в двух формах: фундаментальные составляют содержание общей теории криминалистики, частных криминалистических теорий и учений; прикладные выступают в виде научных рекомендаций практике, криминалистических приемов, тактических приемов, тактических комбинаций, частных криминалистических методик расследования преступлений, технико-криминалистических средств и методов и т. д.

Криминалистическое образование – это система обучения по использованию методов и средств криминалистики в практической деятельности и привитию обучающимся необходимых для такого использования умений и навыков в соответствии с параметрами компетенций специалистов. Криминалистическое образование представляет собой тот канал, по которому криминалистические знания внедряются в практику органов внутренних дел. Формами такого образования могут выступать первоначальное базовое криминалистическое обучение в учреждении высшего образования, повышение квалификации, командировки за границу с целью изучения передового опыта, занятия в системе служебной подготовки, самообразование.

Криминалистическая техника – совокупность технических средств, необходимых для реализации криминалистических знаний и полученных в процессе криминалистического образования умений и навыков по сбору, исследованию и использованию доказательственной информации для раскрытия и расследования преступлений.

Опыт организации технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений показывает, что доминирующим его направлением является организация высококвалифицированного, мобильного технико-криминалистического сервиса, осуществляемого органами уголовного преследования, экспертно-криминалистическими подразделениями во взаимодействии с фирмами-производителями.

Основными направлениями развития технико-криминалистического обеспечения органов внутренних дел являются: расширение и укрепление доказательственной базы по материалам и уголовным делам; совершенствование организации «полевой криминалистики»; автоматизация на базе компьютерной техники криминалистических и общегражданских учетов на основе криминалистических методов.

Эффективность функционирования системы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений определяется соблюдением ряда условий: система криминалистического обеспечения деятельности органов уголовного преследования должна быть приоритетным направлением совершенствования работы МВД (поскольку это основной канал внедрения данных научно-технического прогресса в сферу уголовного судопроизводства); обеспечение развития криминалистической науки; постоянное, систематическое повышение квалификации каждым сотрудником органов внутренних дел; технико-криминалистические средства и иная техника, которые используются в процессе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий должны быть удобны в применении, а полученные при этом результаты должны иметь доказательственное значение; функционирование криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в целом будет эффективно при условии функционирования каждого элемента системы криминалистического обеспечения [1, с. 68–69].

В кратком виде нами изложены основные положения криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел. А как обстоит дело в реальности? Насколько изложенные подходы получили развитие в деятельности органов внутренних дел? Не претендуя на абсолютную истину и учитывая ограниченный объем данной публикации, остановимся лишь на отдельных аспектах этой проблемы.

В течение последнего десятилетия произошли серьезные преобразования в деятельности правоохранительных органов. Были образованы Следственный комитет Республики Беларусь, Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. Существенные структурные и функциональные изменения затронули деятельность МВД Республики Беларусь. Безусловно, с образованием новых ведомств стали быстрее и эффективнее решаться вопросы, которые накапливались и не решались годами в силу разных причин. Вместе с тем, анализ деятельности правоохранительных органов, в частности подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, свидетельствует о том, что при проведении преобразований в этой сфере были учтены не все вопросы, решение которых вызывалось необходимостью на этом этапе реформы. Так, деятельность сотрудников подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, по нашему мнению, лишена качественного, своевременного и необходимого криминалистического обеспечения. Прежде всего это связано со слабым использованием технико-криминалистических средств при производстве процессуальных действий в рамках уголовного процесса (в полной мере это касается и административного процесса). С чем это связано? Попытаемся сформулировать свои доводы в этой части.

1. В результате реформирования системы МВД были образованы два новых ведомства – Следственный комитет Республики Беларусь и Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. В штаты этих ведомств были зачислены практически 100 % сотрудники подразделений предварительного расследования, органов дознания и экспертно-криминалистической службы, т. е. в структуре МВД не осталось какого-либо подразделения, обеспечивающего криминалистическое сопровождение деятельности сотрудников органов внутренних дел (подготовка методических рекомендаций, планирование, подбор, закупка и эксплуатация соответствующих технико-криминалистических средств, их выдача, использование, хранение, списание осуществляются руководителями структурных подразделений МВД или должностными лицами подразделений финансов и тыла).

2. В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК Республики Беларусь МВД Республики Беларусь, специальные подразделения по борьбе с коррупцией и организованной преступностью органов внутренних дел, территориальные органы внутренних дел являются органами дознания. В соответствии с ч. 2 этой статьи на них возложено решение ряда задач в рамках производств по материалам и уголовным делам. Очевидно, что от уровня криминалистического обеспечения деятельности органов дознания зависит степень решения задач уголовного процесса.

3. После образования новых ведомств наметились различные подходы в реализации криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных структур. Следственный комитет пошел по пути создания и функционирования своих криминалистических подразделений, которые призваны обеспечить криминалистическое сопровождение производства по материалам и уголовным делам. Государственный комитет судебных экспертиз обеспечивает проведение судебных экспертиз, участие специалистов в производстве следственных действий, которые осуществляют в рамках своих полномочий органы уголовного преследования. Сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз включаются в состав следственно-оперативных групп, которые формируются на базе территориальных органов внутренних дел. При этом следует обратить внимание на то, что территориальные подразделения Государственного комитета судебных экспертиз малочисленны по составу и не всегда в состоянии обеспечить дежурство специалиста-криминалиста в суточном наряде в составе следственно-оперативной группы.

4. Современный уровень развития науки и техники, в том числе и криминалистической, требует того, чтобы вопросами криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в системе МВД уделялось более пристальное внимание, а это требует осуществления ряда мероприятий управленческого, организационного, правового, финансово-

го и материально-технического характера. Например, Закон «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» определяет задачи, систему органов внутренних дел, принципы их деятельности, обязанности и права органов внутренних дел и их сотрудников. Имеется глава, регламентирующая применение сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники. В то же время в содержании закона мы не найдем нормы, которая бы предписывала сотрудникам органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей использовать соответствующую криминалистическую технику. Возникает вопрос: как это соотносится с задачами органов внутренних дел, которые изложены в ст. 2 закона? Для сравнения: в Федеральном Законе Российской Федерации «О полиции» содержатся нормы, предписывающие полиции в своей деятельности использовать достижения науки и техники, современные технологии и информационные системы (ст. 11, 12, 13 и др.). Практически такой же подход используется в законодательстве Республики Казахстан. На наш взгляд, законодательное закрепление необходимости использования подразделениями милиции (полиции) в своей деятельности криминалистической техники является одним из обстоятельств, которое способствовало сохранению и развитию криминалистических подразделений в структуре МВД России и Казахстана.

5. Изучение материалов проверок, которые проводились сотрудниками подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, свидетельствует о том, что уровень криминалистического обеспечения деятельности сотрудников органов внутренних дел при производстве следственных и иных процессуальных действий по материалам и уголовным делам остается крайне низким¹. Случаи использования технико-криминалистических средств при производстве проверочных действий носят единичный характер. В основном их применение связано с фотофиксацией хода и результатов следственных действий, производство которых возможно до принятия решения о возбуждении уголовного дела. Причем качество оформления результатов применения фотосъемки оставляет желать лучшего. В процессе изучения таких материалов не выявлено ни одного факта применения технико-криминалистических средств, используемых для обнаружения следов, предметов (объектов), имеющих значение для установления всех обстоятельств проверяемого события. Проверочные действия в по-

¹ Автором было изучено 105 материалов проверок, которые проводились и решения по которым принимались сотрудниками подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности, на предмет применения технико-криминалистических средств в процессе осуществления проверочных действий. Изучению подвергались только те материалы проверки, по которым следственно-оперативная группа не работала, т. е. проверочные действия осуществлялись сотрудниками подразделений криминальной милиции или милиции общественной безопасности единолично.

давляющем большинстве случаев производятся формально и им присущ характер упрощенчества.

Эффективность деятельности подразделений органов внутренних дел, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, зависит от уровня использования криминалистических средств и методов в процессе ее осуществления. На наш взгляд, решению этой проблемы могло бы способствовать создание в структуре МВД подразделений, которые бы осуществляли технико-криминалистическое обеспечение деятельности подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности.

1. Белкин Р.С. Понятие и содержание криминалистического обеспечения деятельности криминальной милиции // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997.

2. Коломацкий В.Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика : в 3 т. М., 1995. Т. 1. История, общая и частные теории.

УДК 343.98

Д.Н. Лозовский

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ

Планомерное развитие дистанционных платежных сервисов и совершенствование национальной платежной системы на основе использования электронного документооборота и других современных технологий способствуют повышению доступности платежных услуг и расширению сферы безналичных расчетов.

Расширение сферы безналичных расчетов привело к интенсивному развитию киберпреступности и повлекло за собой возникновение своеобразной криминальной индустрии, необходимой для совершения хищений денежных средств, в том числе с использованием банковских карт.

Технологии, используемые злоумышленниками для совершения хищений, постоянно совершенствуются и становятся доступными широкому кругу лиц, которые могут не обладать глубокими знаниями в области информационных технологий. Повышение доступности мошеннических схем и инструментов для их реализации ожидаемо влечет за

собой рост числа несанкционированных переводов денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан, о чем свидетельствует статистика Банка России.

Борьба с хищениями денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан является для органов внутренних дел трудной задачей вследствие относительной новизны, высокой технической сложности и технологической изменчивости таких преступлений, организованного характера преступной деятельности, территориальной распределенности преступных групп, межрегионального характера большинства совершаемых преступлений.

По результатам опроса практических работников были выявлены ряд проблем, влияющих на качество расследования хищений, совершенных с использованием банковских карт, среди которых можно выделить:

сложность в установлении события преступления;

значительные затруднения в организации и тактике производства первоначальных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела;

отсутствие знаний у следователя, дознавателя, оперативных работников о методике расследования выделенной категории дел и специфики оборота пластиковых карт;

несвоевременная регистрация заявлений о преступлениях рассматриваемой категории.

По данным М.Н. Филиппова, по делам о кражах и мошенничествах, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов, в 42,6 % случаев трудности возникали при проведении следственного осмотра. Затруднения прежде всего были связаны с описанием таких объектов, как банкомат, POS-терминал, банковская карта [1, с. 27].

Анализ следственной практики показывает, что упущения в раскрытии и расследовании хищений, совершенных с использованием банковских карт, обусловлены тем, что следователь недооценивает роль и значение осмотра места происшествия как неотложного следственного действия, в результате чего допускает ряд тактических ошибок: проведение осмотра единолично следователем, а не в составе следственно-оперативной группы; проведение осмотра без участия соответствующего специалиста; несвоевременность его проведения, что приводит к утрате вещественных доказательств. Часто, именно поэтому на последующем этапе работы следователю приходится проводить дополнительный осмотр места происшествия, чтобы восполнить пробелы того, что было сделано ранее.

С учетом мнения ученых, а также анализа следственной практики считаем возможным предложить следующие рекомендации, направленные на повышения качества расследования по делам данной категории.

1. Проведение осмотра места происшествия необходимо во всех случаях при проверке сообщения о преступлении или возбуждении уголовного дела. Перед началом данного следственного действия необходимо всем его участникам разъяснить их права и обязанности, цели и задачи проведения осмотра.

2. В состав СОГ в обязательном порядке должны входить такие участники, как следователь – руководитель СОГ, оперуполномоченный, специалист-криминалист, инспектор-кинолог с собакой для розыска и задержания лиц по горячим следам. В зависимости от ситуации в качестве специалистов рекомендуется приглашать сотрудников технического отдела банка, которые непосредственно занимались установкой и обслуживанием терминала; специалиста, который будет осуществлять фотосъемку и видеозапись. Кроме специалистов целесообразно пригласить представителя администрации организации, где проводится осмотр, заявителя или потерпевшего. Лица, входящие в СОГ, окажут содействие следователю в изучении и фиксации окружающей обстановки, отборе необходимых объектов, которые впоследствии отправятся на исследование, а также помогут выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

3. По прибытии на место происшествия следователь должен проделать следующую работу: удалить с места происшествия посторонних лиц и организовать охрану места хищения; опросить заявителя и очевидцев происшедшего об изменениях, внесенных в обстановку, действиях каждого до момента прибытия СОГ и о виде операции, при осуществлении которой были выявлены признаки совершенного преступления; дать соответствующие поручения другим участникам осмотра о производстве съемки (видеозаписи) места происшествия и начале работы по обнаружению, исследованию, фиксации и изъятию следов преступления.

4. Целесообразно при проведении осмотра места хищения, совершенного с использованием банковской карты, использовать такой тактический прием, как осмотр от центра к периферии, исходной точкой которого принято считать электронный терминал, где были обнаружены признаки совершенного деяния, или рабочее место, на котором непосредственно изготавливалось средство совершения преступления.

5. В качестве понятых рекомендуется привлекать лиц, которые обладают некоторыми знаниями в области оборота пластиковых карт и знакомы с порядком их использования, например сотрудников торговой организации или банка. Перед началом осмотра места происшествия им должны быть разъяснены их права и обязанности.

6. Учитывая специфику места происшествия данного вида хищений, следователь должен помнить, что к изменению и утрате электронных документов и их реквизитов может привести любая работа на клавиату-

ре терминала, а так же его отключение от питания или разрыв соединения между серверами. Целесообразно, чтобы во время осмотра вычислительной техники и иного оборудования специалистом они находились в выключенном или включенном состоянии [2, с. 74].

7. Как правило, при первичном осмотре участниками следственно-оперативной группы не принимаются меры, направленные на своевременное изъятие документов из автоматизированных охранных систем наблюдения, что впоследствии приводит к утрате записи. Чаще всего обусловлено это тем, что на момент проведения осмотра отсутствует специалист или представитель банка, которому принадлежит терминал.

Таким образом, осмотр места происшествия по делам о хищениях, совершенных с использованием банковских карт, носит комплексный характер, ввиду чего требуется заблаговременная и детальная его подготовка, так как проверочные действия и оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые в процессе производства осмотра, вызывают необходимость производства ряда следственных действий, таких как обыск, выемка, осмотр предметов и документов, допрос и др.

1. Филиппов В.Н. Методика расследования краж и мошенничеств, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов // Вестник уголов.-исполн. системы. 2015. № 5.

2. Вехов В.Б. Попова В.В., Илюшин Д.А. Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации: науч.- практ. пособие. М., 2004.

УДК 343.132:343.61

А.В. Мовчан

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ

Серийные убийства на сексуальной почве представляют особую опасность, поскольку данные преступления направлены на значительный круг жертв, являются длительными и скрытыми. А.А. Барыгина и В.И. Майоров отмечают рост количества убийств по половым мотивам, жертвами которых становятся самые незащищенные слои населения – дети и женщины [1, с. 3].

В.Н. Исаенко пишет, что наиболее сложные в раскрытии убийства, которые совершаются лицами, имеющими определенную внутреннюю

установку, своего рода «заряженность» на неоднократные действия, на неопределенную их множественность. Практически все они объединены нездоровыми сексуальными влечениями обвиняемых [2, с. 88].

Термин «сексуальные убийства» или «серийные сексуальные убийства» подчеркивает их половую направленность при посягательстве на жизнь человека, отражает их определенное свойство, но не отражает сущностные проявления преступника и механизм его преступного поведения. В научной литературе отмечается, что сексуальное убийство – это умышленное лишение человека жизни с целью реализации извращенной сексуальной потребности [3, с. 68].

А.А. Барыгина и В.И. Майоров определяют понятие «серийные убийства» как совершенные одновременно лицом или группой лиц по предварительному сговору два или более убийства (или покушения на них), которые характеризуются единством или сходством мотивов и однотипностью способов их совершения [1, с. 24].

В то же время А.С. Фомина предлагает определять серийные убийства как совершенные одним лицом или группой лиц три и более убийства (покушения на них), которые отделены друг от друга по времени и объединены единством мотива и механизма их совершения. Серийные убийства на сексуальной почве – это отдельный вид серийных убийств, который отличается серийностью и имеет сексуально-садистскую мотивацию. При этом отмечается, что понятия «серийные убийства» и «серийные убийства на сексуальной почве» соотносятся как общее и отдельное [3, с. 249].

О.П. Кучинская выделяет следующие группы серийных убийств на сексуальной почве:

убийства женщин и подростков (женского и мужского пола) с целью преодоления их сопротивления;

убийства с целью обеспечения своей безнаказанности после совершения изнасилования;

убийства женщин до, во время или после совершения изнасилования, когда потерпевшие совершают действия, которые воспринимаются преступниками как тяжкое оскорбление;

убийства, когда преступник получает половое удовлетворение от страданий, агонии жертв или с целью совершения сексуального контакта с мертвым человеком [4, с. 212].

Особенности серийных убийств на сексуальной почве связаны прежде всего с их многоэпизодностью, т. е. желанием преступника совершать повторные, сходные по своему характеру преступления. В теории оперативно-розыскной деятельности серийными преступлениями называют последовательный ряд неочевидных преступлений, сходных по

непосредственным объектам преступного посягательства, цели, мотивам, способам подготовки и совершения преступлений, а также способам сокрытия следов.

Серийные сексуальные убийства с учетом промежутка времени между отдельными эпизодами подразделяют на три группы:

серия убийств, совершенных один за другим с перерывом в несколько минут;

серия убийств, совершенных с перерывом в несколько дней или месяцев и продолжающихся в течение года;

серия убийств, продолжающихся в течение нескольких лет с временными промежутками между эпизодами от нескольких дней до нескольких лет.

Серийные сексуальные убийства являются наиболее опасными по своей жестокости, последствиям и продолжительности преступлениями [5, с. 175]. Подавляющему большинству серийных сексуальных убийц характерны применение особенно жестоких способов убийства, причинение чрезвычайных мучений жертве, издевательство над трупом и другие циничные действия [6].

Способ лишения жизни во всех сериях стереотипный, отличается шаблонностью. Практически в каждой серии убийств отмечаются специфические индивидуальные черты, которые позволяют выделить патосексуальный садистский почерк. В зависимости от выбора способа убийства серийные сексуальные убийцы разделяются на две большие группы: «душители» (причиняют смерть жертвам через удушение руками или различными предметами) и «потрошители» (причинение смерти жертве достигается нанесением телесных повреждений колюще-режущими предметами).

Когда совершается сексуальное убийство, поиск виновного лица часто происходит среди психически больных. В то же время следует помнить, что преступником может быть лицо из любой социальной группы, жизнь и поведение которого не имеют признаков психической аномалии [6].

С учетом того, что серийные преступления совершаются в течение длительного времени, трудно обнаружить новые доказательства, провести необходимый дополнительный осмотр места происшествия. Во время розыска преступника ориентиром, как правило, определяется и задается определенная совокупность поисковых признаков, которые нашли свое частичное отражение в способах совершения серии преступлений. Такую информацию можно получить в ходе анализа результатов осмотра места происшествия, данных судебно-медицинской, биологической и других экспертиз, допроса свидетелей, а также данных, полученных оперативным путем.

В аппаратах главных управлений Национальной полиции Украины (ГУНП) для оперативного выезда на места совершения убийств с отягчающими обстоятельствами создаются постоянно действующие следственно-оперативные группы (СОГ), которые возглавляют следователи специализированных подразделений по расследованию уголовных преступлений против личности следственного управления ГУНП.

Руководитель органа досудебного расследования в случае убийства лица или обнаружения трупа человека, причины смерти которого на момент осмотра места происшествия не установлены, а также не получено достаточных данных, свидетельствующих о ненасильственном характере смерти, сразу обеспечивает внесение в Единый реестр досудебных расследований сведений об указанном уголовном преступлении и его предварительную квалификацию как умышленного убийства и принимает все предусмотренные УПК Украины меры для всестороннего, полного и беспристрастного исследования обстоятельств уголовного правонарушения.

Начальник следственного управления ГУНП лично выезжает на место происшествия по каждому факту умышленного убийства или тяжкого телесного повреждения со смертельным исходом, совершенных в условиях неочевидности или с отягчающими обстоятельствами, или других уголовных преступлений против личности, которые могут вызвать общественный резонанс; к проведению осмотра места происшествия по таким фактам обязательно привлекает следователей-криминалистов следственного управления ГУНП; заслушивает отчеты членов СОГ, проверяет качество составления протокола осмотра места происшествия и полноту фиксации обстоятельств совершения уголовного правонарушения; в случае установления неполноты этого следственного действия немедленно организует проведение повторного или дополнительного осмотра; организует взаимодействие следственных подразделений и Экспертной службы МВД Украины при изъятии, хранении и своевременном и квалифицированном назначении судебных экспертиз по изъятым в ходе досудебного расследования следам, в том числе биологического происхождения, и их проверку по криминалистическим учетам Экспертной службы МВД Украины [7].

Розыск преступника по горячим следам является первым и основным неотложным оперативным мероприятием, которое осуществляется оперативными подразделениями полиции с целью раскрытия указанной категории дел. С помощью негласных источников, а также разведывательных опросов, оперативных установок и других оперативно-розыскных мероприятий изучается образ жизни и поведение потерпевшего, его связи и отношения с окружающими.

К первоочередным поисковым мероприятиям также относится установление свидетелей (очевидцев). Это могут быть лица, проживающие

возле места совершения преступления, служащие или рабочие предприятий и учреждений, расположенных рядом с местом происшествия, лица, которые находились или проходили рядом с местом происшествия во время возможного совершения преступления. Путем разведывательного опроса граждан во многих случаях устанавливается дополнительный круг свидетелей.

В случае совершения указанных преступлений в отношении малолетних необходимо в процессе проведения первичных поисковых мероприятий немедленно проверить лиц, находящихся на оперативном и профилактическом учете органов Национальной полиции и медицинских центров.

При разработке плана расследования умышленного убийства на сексуальной почве особое внимание нужно уделять выдвижению и проверке версий. Версии определяют основные направления работы по раскрытию преступления. Выдвигаемые версии опираются на данные, уже полученные при проведении неотложных оперативных мероприятий и следственных действий.

К дальнейшим действиям при расследовании серийных сексуальных убийств относится выдвижение версий об объекте поиска (его признаки, местонахождение и т. д.), определение оперативно-розыскных задач, которые необходимо решить, выбор наиболее эффективных путей их решения.

Проверка версий о том, кто мог совершить умышленное убийство на сексуальной почве, установление круга свидетелей и выявление вещественных доказательств осуществляются путем проведения поисковых мероприятий (личный поиск), засад, оперативного патрулирования, использования возможностей негласного аппарата, использования оперативных учетов, разведывательного опроса лиц, подозреваемых в совершении умышленного сексуального убийства, и т. д.

Важное значение для прогнозирования совершения серийных убийств на сексуальной почве имеет метод блок-схемы последовательности выполнения задач (метод Линстауна). В частности, В.А. Образцов и С.Н. Богомолова используют данный метод для прогнозирования места и времени совершения очередного преступления маньяком-насильником. Они отмечают, что несмотря на то, что место совершения преступления является как бы произвольным, заданным маршрутом жертвы, в сознании преступника место преступления и требования к нему бывают выбраны заранее. Уже после первого преступления можно охарактеризовать желаемые ему места преступлений. Поэтому возможно и необходимо определить подобные места на местности и взять их под надзор. Преступник обязательно «обходит» территорию, нередко возвращаясь на место преступления [8].

Аналогичный подход и к процессу прогнозирования временного фактора, связанного с преступлениями. Не будучи чем-то случайным, этот фактор несет достаточно много информации о преступнике, особенно если удастся выявить закономерности, по которым он выбирает то или иное время для нападения. Закономерности выбора времени совершения преступления устанавливаются по двум направлениям: определение времени суток (часы, минуты) и периодичности осуществления нападений (месяц, день).

На выбор времени суток совершения преступления влияет вероятность появления жертвы в месте, удобном для нападения. На периодичность совершения преступлений влияют характер и уровень нереализованных потребностей преступника, что, в свою очередь, зависит от погодных условий, времени года, фазы Луны, режима работы, учебы и т. п. Пики роста числа подобных преступлений обусловлены прежде всего появлением на улице одновременно наибольшего количества потенциальных жертв: 14–15 часов – время окончания занятий в школах; 16–17 часов – окончание занятий в группах продленного дня, колледжах, университетах; 18–19 часов – окончание рабочего дня; 22 часа – возвращение с вечерних гуляний, из гостей. В процессе определения времени нападения преступника на его жертвы важно обращать внимание на то, в какие дни недели они происходили, чем эти дни отличаются от других для данной территории. Изучение серийных сексуальных убийств показало, что их максимум приходился на пятницу и субботу, минимум – на четверг [8].

Итак, можно выделить следующие криминалистические и оперативно-розыскные черты серийных сексуальных убийств: множественность и многоэпизодность преступлений; высокий уровень рецидивности; фактическая безремиссионность серийного криминального насилия; крайняя опасность рецидива серийных сексуальных убийств; особая жестокость преступлений.

1. Барыгина А.А., Майоров В.И. Организация расследования серийных сексуальных убийств : науч.-метод. пособие. М., 2011.

2. Исаенко В.Н. Некоторые вопросы организации расследования серийных убийств // Воронежские криминалистические чтения / под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 2000. Вып. 1.

3. Фомина А.С. Расследование убийств, совершаемых по сексуальным мотивам // Расследование преступлений против личности : учеб. пособие / под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 1998.

4. Кучинская О.П. Некоторые особенности расследования серийных убийств // Вестн. Запорож. нац. ун-та. 2010. № 4.

5. Александренко Е.В. Анализ допущенных следственных ошибок как условие эффективности раскрытия и расследования серийных сексуальных

убийств // Криминалистика XXI века : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Харьков, 25–26 нояб. 2010 г. Харьков, 2010.

6. Серийные сексуальные убийства / Ю.М. Антонян [и др.] ; под ред. Ю.М. Антоняна. М., 1997.

7. Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия органов предварительного расследования с другими органами и подразделениями Национальной полиции Украины в предотвращении уголовных правонарушений, их выявлении и расследовании [Электронный ресурс] : приказ МВД Украины от 7 июля 2017 г. № 575. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/z0937-17/print1511938330236635> (дата обращения: 09.10.2018).

8. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Российские серийные убийцы. Типовой портрет [Электронный ресурс]. URL: http://ord.com.ua/categ_1/artic le_31537.html (дата обращения: 09.10.2018).

УДК 343.9

Г.Н. Мухин

О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Остаются невыясненными вопросы: как закономерности предупреждения преступлений связаны с закономерностями раскрытия и расследования и связаны ли они настолько тесно, что должны изучаться вместе и в рамках одной науки? Эти положения еще больше обостряют вопрос: входит ли предупреждение преступлений в предмет криминалистики, органически ли прописывается в нем и не смешивают ли закономерности науки и изучаемые на их основе специальные средства и методы? По-прежнему остается проблема разведения предметов различных наук, например криминалистики и криминологии, первая из которых изучает раскрытие преступлений по его следам, а вторая – как раз предупреждение их различными методами, приемами и средствами.

Очевидно, что предупреждение может быть и в процессе раскрытия преступлений, но достаточно ли это для того, чтобы рассматривать эти закономерности вместе и в рамках предмета одной науки? Обратим внимание на определенное различие предметов наук и дисциплин, а также на то, что одно и то же явление может изучаться различными науками и дисциплинами. И то, что предупреждение преступлений может изучаться в криминалистике совсем не говорит, что оно входит и в предмет этой науки. Впрочем, предмет науки криминалистики составляют определенные закономерности, а предупреждение преступлений в число этих закономерностей не входит.

Образуют ли закономерности предупреждения преступлений предмет криминалистики, а не какой-либо другой науки, как вписываются они в систему криминалистики, каково их содержание? Существуют различные точки зрения относительно этих вопросов. В отдельной статье, посвященной их анализу, содержится следующая информация: некоторые ученые не поддерживают существование именно криминалистического предупреждения преступлений; другие, признавая его спорность, выделяют основные черты криминалистической профилактики; третьи же включают криминалистическое предупреждение в предмет криминалистики. Автор статьи, приходит к выводу, что до настоящего времени нет единства во мнении, какие именно вопросы предупреждения преступлений и какие методы должны разрабатываться той или иной юридической наукой [1, с. 215]. Определение предмета науки, в рамках которого и будут изучаться вопросы предупреждения преступлений, составляет основную спорную проблему, причем речь идет именно о предмете науки, а не о том, что отдельные вопросы могут рассматриваться и в пределах других наук, обогащая и совершенствуя их содержание.

В.Г. Павлов и С.А. Роганов определяют, что криминалистическая профилактика преступлений представляет собой непроцессуальную и процессуальную (досудебную) деятельность определенных должностных лиц государственных органов по разработке новых и совершенствованию технико-криминалистических средств, тактических и методических основ: а) предотвращения и пресечения преступлений криминально активных лиц; б) выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений; в) быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений. При этом, указанные авторы, рассматривая предупреждение преступлений, отмечают следующее. Для борьбы с преступностью необходимо вскрывать и устранять факторы, приводящие к преступлению либо облегчающие его совершение, которые весьма специфичны и многочисленны. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает, что при расследовании подлежат выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (например, влияние социальной среды на подозреваемого). Законодатель использует различную терминологию (речь идет и о доказывании и о выявлении обстоятельств), причем термин «выявление» употребляется в связи с тем, что не всегда представляется возможным установить предмет доказывания [2, с. 62].

В большинстве изданий криминалистическая профилактика определяется как система мер следователя, оперативного сотрудника, специалиста (эксперта) и других сотрудников правоохранительных органов по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступ-

лений, и по разработке рекомендаций по предупреждению (превенции) преступной деятельности. Эта профилактика предусматривает криминалистическую защиту различных объектов от преступных посягательств, получение информации о готовящихся преступлениях, использование научно-технических средств. При этом криминалистическое предупреждение решает задачи предупреждения подготавливаемых преступлений и пресечения попыток их совершения; принятия правовых мер по факту уже совершенного преступления; выяснения способа, места, времени, субъектов и определения основных направления следственной и оперативно-розыскной деятельности по их предупреждению; выявления наиболее уязвимых объектов и подготовки профилактических технико-криминалистических мероприятий.

Профилактические мероприятия осуществляются обычно в период применения криминалистической техники, т. е. в ходе расследования и использования научно-технических средств, и сводятся они к установлению технических проблем, создающих условия для совершения преступлений.

То, что совершенствование конструкции различных механизмов (запорные устройства, кассовые аппараты и т. д.) затрудняет совершение преступлений, очевидно, остается установить, что деятельность экспертов-криминалистов прямо связана с предметом криминалистики, причем настолько тесно, что входит в его содержание, образует его отдельную закономерность. Вывод, что деятельность по предупреждению преступлений не является предметом криминалистики, спорный, а доминирует же в криминалистике мнение о том, что следственная и экспертно-криминалистическая профилактика является предметом и видом криминалистической деятельности и что чрезмерное расширение, а равно и сужение ее предмета одинаково неприемлемы для криминалистики, ибо не соответствуют ее служебной роли [3, с. 13].

Не должно быть посягательств на предмет криминологии, так как криминалистика в разработке своих приемов и методов предупреждения в основном опирается на криминологическую теорию профилактики преступлений и собственной частной теории по этому вопросу пока не имеет; криминалистика в сфере предупреждения преступлений решает ряд задач, исследование которых должно входить в ее предмет. Это совершенствование научно-технических средств, тактических приемов и методов расследования; разработка приемов и методов выявления причин и условий, способствовавших совершению преступлений, учет их криминологических и криминалистических особенностей; разработка мер по пресечению начавшегося и предупреждения готовящихся преступлений; формирование профилактических мер специального криминалистического характера по защите объектов от преступного посягательства [1, с. 217].

Основное применение средств криминалистической профилактики сводится к использованию криминалистической техники, причем во время проведения различных криминалистических экспертиз. Конечно же, надо учесть, что предупреждение преступлений может осуществляться и в процессе следственных действий – осмотра, обыска, допроса, очной ставки, следственного эксперимента и др. Обычно вся профилактика преступлений сводится к устранению их причин путем вынесения следователем представлений. Устраняя эти причины специальным процессуальным актом – представлением о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших реализации преступных посягательств, по делам, направленным в суды, и по делам, расследованием, следователь тем самым занимается профилактической работой. Этот документ должен быть составлен при установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в нем указываются виновные лица и фактические данные, подтверждающие причину данного преступления. По этому представлению, которое вносится на любом этапе предварительного следствия, должны быть приняты необходимые меры и об их результатах сообщено следователю. Именно эти действия, как считается, и составляют основу профилактики преступлений.

Следует разобраться с понятиями предупреждения, профилактики, пресечения, предотвращения преступлений и т. п. Обычно их рассматривают их как синонимы общего понятия предупреждения преступлений или преступности. Следует понимать под профилактикой или предупреждением преступлений предотвращение готовящихся, пресечение начавшихся и устранение вредных последствий уже совершенных преступлений. По-прежнему в широком смысле профилактика является синонимом предупреждения, а в узком – выявлением и ликвидацией причин и условий конкретных преступных деяний и установлением лиц, склонных к совершению преступления, для оказания на них предупредительного воздействия. Таки образом, что касается непосредственного предупреждения преступности, то оно направлено на нейтрализацию уже действующих криминогенных факторов [4].

Все, что приводит к формированию перечисленных факторов, изучается криминологией и составляет ее, а не какой-либо другой науки, предмет. Что же касается криминалистики и включения в число изучаемых ею вопросов предупреждения преступлений криминалистическими методами, приемами и средствами, то очевидно, что это приводит к размыванию ее предмета как науки и удалению его от решения основных задач, связанных с раскрытием и расследованием преступлений, установлением совершивших их лиц.

Следует учесть также и то, что предупреждение преступлений, осуществляемое на ранних стадиях формирования преступной личности,

не допускает наступления вредных последствий, позволяет осуществить ресоциализацию возможного преступника. Это еще раз позволяет усомниться в отнесении предупреждения преступлений к предмету криминалистики, науки, связанной исключительно с раскрытием, а не предупреждением преступлений. Предмет криминологии образуют наряду с предупреждением причины и условия преступлений, сам феномен преступности, его показатели, личность и поведение преступника, т. е. те закономерности, которые образуют сферу познания именно этой, а не другой науки. Криминология является общетеоретической наукой для наук криминального цикла, куда наряду с криминалистикой входят и такие науки, как оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, судебная психология и др.

Таким образом, предупреждение преступлений хотя и изучается криминалистикой, но в ее предмет не входит и не образует познаваемые ею закономерности, т. е. закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств. Р.С. Белкина отметил, что на познании этих закономерностей как раз и разрабатываются специальные средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений [5].

Как известно, сами определения предмета криминалистики многочисленны и разнообразны, однако признается, что эта наука изучает то, как совершается преступление, как оно отражается во внешней среде и как оно раскрывается. Все эти объекты изучения существуют вне и независимо от нашего сознания и образуют систему закономерностей, куда предупреждение преступлений как раз и не входит, хотя, как и многое другое, изучается в криминалистике.

Изложенное может быть систематизировано в виде следующих выводов. Рассмотрение вопроса о предупреждении преступлений криминалистическими методами, приемами и средствами приводит к размыванию предмета криминалистики и затрудняет решение основных задач, связанных с раскрытием преступлений и установлением совершивших их лиц. Запутывание вопроса о соотношении предметов наук связано с упоминанием криминалистического предупреждения в определении предмета криминалистики, что усложняет дело разведения предметов наук криминалистики и криминологии. Предупреждение преступлений хотя и изучается криминалистикой, в ее предмет не входит и не образует познаваемые ею закономерности, поэтому нельзя отнести предупреждение преступлений к предмету криминалистики – науки, связанной исключительно с раскрытием, а не с предупреждением преступлений.

Криминалистическое предупреждение преступлений целиком поглощается мерами предупреждения, так как все, что приводит к формированию действующих криминогенных факторов, изучается криминологией и составляет ее, а не какой-либо другой науки предмет.

1. Анищенко И.А. Криминалистическое предупреждение преступлений // Вестн. Полоц. гос. ун-та. 2016. № 14. Серия D, Эконом. и юрид. науки.
2. Павлов В.Г., Роганов С.А. Криминалистическая профилактика преступлений в сфере наркобизнеса // Ленинград. юрид. журн. 2012. № 1.
3. Пантелеев И.Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики : учеб. пособие. М., 1980.
4. Криминология : учеб. для вузов / под ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
5. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. М., 2000.

УДК 343.9

А.Э. Набатова

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научные исследования по криминалистике в Республике Беларусь занимают одно из ведущих мест. На более ранних этапах неоценимый вклад в развитие криминалистической науки и формирование научных школ внесли И.И. Басецкий, Г.И. Грамович, А.В. Дулов, Г.А. Зорин, Н.И. Порубов. Под их руководством защищены докторские и кандидатские диссертации, широко известна учебная и научная литература, получившая признание не только в республике, но и далеко за ее пределами. В настоящее время широко известны докторские диссертации по специальностям 12.00.09, 12.00.12 Л.Г. Горшениена [1], А.Е. Гучка [2], В.Ф. Ермоловича [3], К.А. Исаевой [4], Г.Н. Мухина [5], А.С. Рубиса [6], В.Б. Шабанова [7], В.П. Шиенка [8].

За период с 1991 по 2017 г. защищено по 7 докторских и 65 кандидатских диссертаций. Общим положениям криминалистики, ее предмету, системе, задачам и методам посвящены 5 кандидатских и 3 докторские диссертации, криминалистической технике, ее основным положениям и отдельным отраслям – 14 кандидатских, криминалистической тактике – 14 кандидатских, криминалистической методике – 32 кандидатские и 4 докторские.

Наибольший интерес у исследователей вызывает криминалистическая методика, наименьший – криминалистическая техника и криминалистическая тактика. Разрешению фундаментальных проблем криминалистической науки посвящено всего 8 диссертаций. Тем не менее, 3 из них являются докторскими.

4 % исследований осуществлялось представителями Кыргызстана, Китайской Народной Республики, некоторые ученые выехали из страны, некоторых уже нет в живых. Отмечается тенденция смены шифра специальности при написании докторских диссертаций, уход из криминалистики в уголовное право и т. д. Еще одной серьезной проблемой является слабое представительство соискателей из регионов республики. Основная масса ученых сосредоточена в Минске. Указанные обстоятельства не способствуют популяризации криминалистической науки, ее достижений, и говорить о достаточности исследований в данной области не приходится.

Докторские диссертации в отрасли защищаются крайне редко, их количество явно недостаточно. На наш взгляд это серьезная проблема в деле эффективного развития фундаментальных основ криминалистики, формирования научных школ и подготовки соискателей, способных проводить не только научно обоснованные, но и практически значимые исследования.

Под влиянием указанных выше факторов наблюдается существенное отставание научных разработок от запросов практики. В переход всеобщей глобализации, развития информационных технологий, перехода общества из реального в виртуальное пространство, не имеющее границ в привычном для нас понимании, криминалисты по-прежнему занимаются разработкой практически значимых рекомендаций в привычном для них виде.

Современные реалии таковы, что устоявшиеся взгляды и теории в криминалистике требуют существенного переосмысления с позиций глобальных угроз терроризма, экстремизма, коррупции, торговли людьми, наркотрафика, незаконного оборота оружия, развития IT-сферы.

Отсюда вытекает еще одна насущная проблема криминалистической науки. Изучение передового зарубежного опыта по расследованию преступлений носит фрагментарный характер на уровне отдельных публикаций, диссертаций и сводится к изучению специальной литературы, которой в настоящее время на русском языке явно недостаточно. Наблюдается низкая мобильность ученых-криминалистов, совместные исследования с коллегами из ближнего и дальнего зарубежья ими практически не проводятся.

Острота имеющихся проблем усугубляется отсутствием должного финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских

работ, без которых не может эффективно развиваться криминалистическая техника и другие разделы криминалистики. Активизация финансируемых научных исследований в области криминалистики будет способствовать разработке научно-технических средств, методик способных эффективно воздействовать на уровень преступности в целях его снижения, усилит прикладную функцию науки.

К сожалению, приходится констатировать снижение активности в заимствовании криминалистикой передовых технологий в области естественных и технических наук для нужд расследования преступлений. Работы, посвященные криминалистической технике, за исключением некоторых, носят теоретизированный характер. Лишь немногие из них содержат запатентованные разработки, конкретные методики с описанием исследовательского инструментария.

В заявленном контексте особого внимания заслуживают искусственные нейронные сети (ИНС). В научной литературе ведется дискуссия относительно внедрения сетей в следственную, экспертную деятельность и разработки на их основе аппаратно-программных комплексов для решения разных классов задач (С.А. Баранов и др. [9], Д.В. Бахтеев [10], Д.А. Никонец, С.Д. Кулик [11], П.Р. Храмулин [12], Л.Н. Ясницкий и др. [13]). ИНС – это распределенный параллельный процессор, состоящий из элементарных единиц обработки информации, накапливающих экспериментальные знания и предоставляющих их для последующей обработки. В основу создания ИНС положена действующая модель нервной системы и составляющие ее биологические нейроны. Система сходна с мозгом, так как знания в нее поступают из окружающей среды и используются в процессе обучения, запоминания. Единицей, хранящей информацию в ИНС, выступает искусственный нейрон.

По архитектуре выделяют нейронные сети свертки, рекуррентные нейронные сети, обучение с подкреплением. Нейронные сети свертки используются для идентификации объектов, распознавания лиц и частей тела человека, выделения объектов внимания и т. д. Рекуррентные нейронные сети применяются для распознавания естественного языка, обработки видео, распознавание изображений (эмоций). Обучение с подкреплением активно применяется в робототехнике.

Осознав возможности ИНС, можно говорить о недостаточности их использования для разработки методов, способов, средств выявления (раскрытия) и расследования преступлений, основанных на информационных технологиях. К сожалению, приходится констатировать наличие некоторого разрыва между высоким уровнем имеющихся IT-разработок

в стране и объемом их использования в криминалистической науке для целей обеспечения уголовно-процессуальной деятельности.

Правоохранительными органами нарабатан передовой опыт профилактики, предупреждения, эффективного расследования преступлений, который нужно представлять на международной арене нашим зарубежным партнерам. Передовой опыт, осмысленный с позиции криминалистической науки, ее фундаментальных основ и теоретических посылов имел бы большой вес и резонанс.

Для разрешения сложившейся ситуации очень важно наладить конструктивный диалог между наукой и практикой, который в настоящее время практически не ведется.

Несмотря на позитивные сдвиги в результате создания Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь обострилась проблема криминалистического образования и подготовки квалифицированных кадров.

На основании изложенного представляется важным сделать следующие выводы и высказать предложения.

1. Очевидным фактом является необходимость активизации разработок в рамках криминалистической техники. С учетом уровня, достигнутого в области естественных и технических наук, интеграция их средств и методов в различные сферы деятельности не исключает их использования при расследовании преступлений. Приспособление достижений науки и техники для нужд криминалистики – первоочередная задача для исследователей.

2. Криминалистическая тактика нуждается в новом толчке развития. Требуют переосмысления тактические приемы и психологические основы проведения следственных действий, а также средства и методы их технического сопровождения.

3. В криминалистической методике недостаточно уделяется внимания транснациональной организованной преступности в различных ее формах и проявлениях. Нет отзыва со стороны ученых по проблемам противодействия терроризму, экстремизму. Есть все основания для разработки информационных основ расследования преступлений на уровне IT-технологий. В связи с этим необходимо развивать научные направления по формализации криминалистического знания и интеграции его в программные продукты по расследованию преступлений в виде автономных приложений, специализированных программ способных существенно облегчить деятельность следователя. Предлагаем обратить внимание ученых-криминалистов на ИНС. Как представляется, их возможности совпадают с криминалистической деятельностью по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Есть все основания

для проведения научных и прикладных исследований в заявленном проблемном поле.

4. С целью наиболее эффективной подготовки квалифицированных специалистов считаем необходимым объединить усилия учреждений высшего образования, научных организаций, правоохранительных органов и разработать единую концепцию криминалистического образования в Республике Беларусь.

5. Налаживание эффективного взаимодействия между учеными-криминалистами и практиками, ведение открытого диалога о проблемных аспектах правоохранительной деятельности, требующих научного осмысления, и формирование по результатам данного диалога заказа на научно-исследовательскую, опытно-конструкторскую работу с привлечением соответствующих специалистов, создание научных коллективов, лабораторий, центров по разработке средств и методов борьбы с преступностью.

6. В качестве обязательного компонента эффективного взаимодействия науки и практики можно определить привлечение ученых-криминалистов в качестве консультантов при расследовании преступлений, выполнение ими отдельных видов работ в правоохранительных органах.

7. Налаживание эффективных научных связей в области криминалистики с коллегами из России и других стран СНГ, проведение совместных научных исследований по актуальной проблематике, исходя из запросов, поступающих на уровне Союзного государства.

8. Для успешной консолидации с нашими партнерами из стран Европейского союза, Китая и других стран обязательным является изучение иностранных языков и владение ими. Преодоление языковых барьеров будет способствовать формированию единого криминалистического пространства, к которому стремятся наши европейские коллеги и видят в таком объединении настоятельную необходимость в деле противостояния глобальным вызовам, угрожающим мировому сообществу.

1. Горшенин Л.Г. Теория криминалистического прогнозирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Минск, 1994.

2. Гучок А.Е. Криминалистическое учение о материальной структуре преступления : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12. Минск, 2014.

3. Ермолович В.Ф. Теоретико-прикладные проблемы криминалистической характеристики преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2001.

4. Исаева К.А. Проблемы криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений в сфере экономики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2002.

5. Мухин Г.Н. Криминалистическая теория отклоняющегося преступного поведения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2002.

6. Рубис А.С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2007.

7. Шабанов В.Б. Теоретико-правовые и прикладные проблемы противодействия преступности в уголовно-исполнительной системе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2002.

8. Шиенок В.П. Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел. Теоретические основы, правовые и организационные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Минск, 1995.

9. Информационные технологии в юридической деятельности : учеб. пособие / С.А. Баранов [и др.]. Иркутск, 2015.

10. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Рос. право : образование, практика, наука. 2018. № 2.

11. Никонец Д.А., Кулик С.Д. Задача разработки программной системы 54-й поддержки принятия решений экспертом-криминалистом при морфологическом исследовании волос человека // Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века : сб. ст. по материалам Третьей всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, 14–18 мая 2018 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018.

12. Храмулин П.Р. Исследование зависимости индекса восприятия коррупции в стране от социально-экономических факторов // Там же.

13. Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц / Л.Н. Ясницкий [и др.] // Криминолог. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2015. Т. 9, № 3.

УДК 343.98

Д.Н. Панченя

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СПЕЦИАЛИСТА С ТЕКСТИЛЬНЫМИ ВОЛОКНАМИ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Следы в виде микрочастиц текстильных волокон (ТВ), как правило, обнаруживают и изымают при проведении следственных действий – осмотра места происшествия (ОМП), трупа, местности, помещения, жилища и иного законного владения, предметов и документов, освидетельствования, следственного эксперимента, обыска в жилище, личного обыска, проверки показаний на месте.

Субъектами, осуществляющими работу с ТВ в ходе следственных действий, являются следователь и специалист, которого следователь в соответствии со ст. 200 УПК в случае необходимости вправе привлечь к участию.

Согласно ст. 62 УПК специалистом является не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности, вызванное органом, ведущим уголовный процесс, для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий.

Чаще всего ТВ изымаются в ходе ОМП. Работа с ТВ является частью общего процесса ОМП, который можно разделить на три этапа: предварительная подготовка, непосредственная работа с ТВ и подготовка материалов для направления на экспертизу.

При проведении ОМП в работе с волокнами необходимо соблюдать следующую последовательность действий: 1) выяснение ситуации на месте происшествия и немедленное принятие мер для сохранения предполагаемых ТВ; 2) мысленная реконструкция происшедшего события и выбор тактики ОМП; 3) поиск ТВ; 4) обнаружение ТВ; 5) фиксация полученной информации о ТВ; 6) изъятие и упаковка ТВ; 7) предварительное исследование ТВ и отбор образцов для сравнительного исследования; 8) проведение консультации со следователем по вопросам назначения экспертизы и подготовка материалов, направляемых на исследование.

Предварительная подготовка заключается в принятии мер по сохранению места происшествия и имеющейся следовой картины, сборе информации о преступлении, планировании хода дальнейшего осмотра. Немаловажную роль в выборе тактики проведения ОМП играет сбор первичной информации об обстоятельствах дела, которая позволяет спланировать ход проведения ОМП. При этом часто используется метод мысленного моделирования (постановки себя на место преступника и реконструкции его действий), когда специалист представляет все возможные варианты происшедшего и на основе этого предполагает, на каких объектах, в каких местах и каким способом можно обнаружить ТВ. Данный процесс завершается обзорным изучением окружающей обстановки, установлением точки начала и направления поиска, выделением узловых участков.

После проведения подготовительной подготовки приступают к непосредственной работе с ТВ. В ходе реализации составленного ранее тактического плана специалист использует все необходимые для работы научно-технические средства и криминалистические методы для обнаружения, фиксации и изъятия ТВ. Важным условием результативной работы на месте происшествия является сохранение на предметах имеющихся волокон-наслоений и исключение возможности привнесения посторонних ТВ. Для этого необходимо использовать специальную одежду из белого неворсистого материала (одноразовые комбинезоны, халаты, костюмы, шапки, маски для лица и т. д.), на обувь следует на-

девать бахилы, на руки – резиновые перчатки. Инструменты перед применением должны быть обработаны смоченными в спиртовом растворе белыми хлопчатобумажными салфетками или тампонами.

В процессе проведения ОМП чаще всего ТВ обнаруживают в следующих местах:

- на трупe, теле, одежде, обуви потерпевшего и подозреваемого, а также на предметах, находящихся при них;

- на месте совершения преступления: на предметах мебели, в узких проходах между предметами вещной обстановки, текстильных изделиях домашнего обихода, иных предметах обстановки;

- на территории, прилегающей к месту совершения преступления; в местах проникновения, прихода и отхода преступника; на различных преградах;

- на объектах преступного посягательства, орудиях преступления, орудиях взлома, средствах связывания, предметах (инструментах), оставленных преступником на месте преступления;

- на сиденьях (чехлах), ремнях и подушках безопасности, рулевом колесе, кузове, его различных деталях и узлах транспортных средств;

Для поиска ТВ применяются оптические приборы, дающие увеличенное изображение объекта, осветители с направленным и достаточно интенсивным светом, и специальные приемы освещения, увеличивающие контраст (световой и цветовой) между микрообъектом и поверхностью объекта-носителя. В качестве инструментов в работе используются пинцеты, игольчатые щупы, препаровальные иглы, скальпели, шпатели и т. д. Чтобы исключить потерю волокон при переносе, рабочие концы инструментов смачивают водой или водно-глицериновой смесью (1:1).

После обнаружения микрочастиц ТВ на предмете-носителе необходимо приступить к их фиксации, в ходе которой происходит закрепление установленных при осмотре фактических данных о признаках ТВ в связи с событием преступления, а также закрепление самих волокон как носителей информации. Фиксация волокон входит в общее содержание фиксации хода и результатов проводимого ОМП. Основным и обязательным способом фиксации данного следственного действия является протокол ОМП. Для фиксации целесообразно использовать видеозапись и фотосъемку, делать (вручную или с использованием технических средств) рисунки, чертежи места преступления с отображением обстановки и указанием местоположения вещественных доказательств, в том числе обнаруженных ТВ.

После фиксации обнаруженные объекты-носители или имеющиеся на них ТВ подлежат изъятию. Различают два варианта изъятия ТВ: с объектом-носителем (его фрагментом) и отдельно от объекта-носителя.

Первый вариант изъятия используется в случаях, когда: объект-носитель сам является вещественным доказательством; локализация ТВ на объекте-носителе имеет значение для дела; изъятие, упаковка и транспортировка самого объекта-носителя не представляют особых трудностей; ТВ целесообразно изымать в лабораторных условиях. Вторым вариантом используется, когда имеются основания полагать, что в результате транспортировки объект-носитель и имевшиеся на нем ТВ могут быть утрачены, повреждены; объект-носитель изъять сложно или невозможно; необходимые дальнейшие манипуляции могут повлечь нарушение локализации и внесение посторонних загрязнений.

В литературе достаточно подробно излагается информация о возможностях использования для изъятия ТВ различных предметов, приспособлений (поролоновая губка, эбонитовая или стеклянная палочка) и приборов, в том числе электрических (микропылесос, вакуумный уловитель). Однако практика показывает, что в настоящее время обнаружение и изъятие ТВ в подавляющем большинстве случаев осуществляется адгезионным методом с помощью липких пленок. Специалисты Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь при проведении ОМП и иных следственных действий широко используют адгезионные пленочные материалы Intercoat и Oracal.

Различают два способа изъятия ТВ с использованием липких пленок: один отрезок либо несколько отрезков пленки однократно контактируют с отдельными участками поверхности объекта-носителя. Данный способ используется в тех случаях, когда перед специалистом стоит задача фиксации размещения (локализации) ТВ на поверхности;

ТВ изымаются путем многократной обработки всей поверхности объекта несколькими отрезками пленки. При данном способе поверхность объекта условно делится на зоны, каждая из которых обрабатывается одним отрезком пленки до состояния осязательного снижения прилипающей способности ее липкого слоя. После этого используется новый отрезок пленки для соответствующей ему зоны.

В случае применения обоих способов для фиксации локализации волокон отрезки пленки нумеруются, а их расположение фиксируется на схемах, а также путем фотосъемки и видеозаписи.

Важно помнить, что при работе с ТВ не рекомендуется их изъятие на дактилоскопические пленки (особенно темные), предназначенные для работы с окрашенными следами рук, а также изъятие при помощи скотча.

В ряде случаев с учетом физических особенностей поверхности осматриваемых текстильных материалов и невозможности использования липких пленок (например, длинноворсовый мех) целесообразно изъятие волокон путем их вычесывания на бумагу с использованием чи-

стой расчески. Во избежание утраты изымаемых ТВ у основания зубьев расчески закрепляют ватный тампон, который при наличии волокон высушивают и изымают.

Особого подхода требует изъятие волокон из подногтевого содержимого живых лиц и трупов. В данном случае края ногтевых пластин состригают острыми стерильными ножницами максимально близко к основанию, оставшиеся на пальцах загрязнения соскабливают ватной палочкой. Срезанные фрагменты ногтевых пластин и соответствующие им ватные палочки помещают в чистые пробирки. При осмотре трупа для изъятия ТВ из носовых полостей либо ушных проходов также используют ватные палочки. Из волос волокна изымают путем их вычесывания расческой.

При обнаружении ТВ на объектах небольших размеров они изымаются целиком. Если ТВ находятся на крупногабаритных объектах, и изъять их целиком невозможно, допускается отделение их части (например, на металлическом сейфе, оконной раме, прутьях металлической решетки) путем выпиливания, срезания или соскабливания.

Если установлено, что имел место физический контакт преступника и потерпевшего, изъятию подлежит их одежда. Исходя из вида преступления и обстоятельств дела, изымают либо полный комплект одежды, либо отдельные предметы (например, верхнюю одежду). Нет необходимости направлять на волоконведческую экспертизу нижнее белье, чулочно-носочные изделия и предметы, находящиеся в карманах одежды, факт контакта которых со сравниваемой одеждой сомнителен. В случае обнаружения ТВ в труднодоступных местах (щели, вмятины, иные неровности поверхности) для их изъятия необходимо использовать кисти, препаровальные иглы, шпатели.

Упаковка изъятых ТВ производится с соблюдением следующих требований: первичная упаковка должна быть стерильной; материал упаковки должен быть прочным, не деформироваться, предохранять объект и ТВ от случайного попадания влаги и загрязнителей; она должна исключать возможность уничтожения имеющихся и привнесения посторонних ТВ; она должна иметь пояснительную информацию (об объекте и следах на его поверхности, о месте изъятия объекта) и подписи участников следственного действия и понятых, быть опечатана. Допускается использование в качестве упаковки самодельных свертков из чистой кальки или плотной бумаги, которые затем помещают во вторичную упаковку (бумажный пакет, конверт, коробку). Предметы, принадлежащие потерпевшим и подозреваемым, помещают в отдельную тару. При необходимости сохранения локализации ТВ предметы одежды, обуви и другие изделия из текстильных материалов помещают между чистыми

листами бумаги (кальки) и аккуратно сворачивают. При этом запрещается выворачивать и вытряхивать предметы, удалять загрязнения и иные наслоения с их поверхности, отворачивать края манжет или низ брюк. Следует помнить, что влажная одежда перед упаковкой обязательно просушивается на кальке или листах бумаги при закрытых окнах и дверях. В случае допущения нарушений правил упаковки ТВ могут утратить доказательственное значение.

Исследование изъятых в ходе ОМП ТВ осуществляется в рамках экспертизы волокнистых материалов и изделий из них, проводимой в подразделениях ГКСЭ Республики Беларусь. Подготовка материалов для направления на экспертизу является заключительным и не менее важным этапом работы с ТВ, так как от правильности ее проведения зависит результативность последующего экспертного исследования. Она включает в себя определение задач экспертизы, консультацию с экспертами-волоконниками по вопросам назначения экспертизы в случае ее необходимости, получение дополнительных материалов в ходе проведения отдельных следственных действий (выемка, обыск, осмотр и пр.), грамотную постановку соответствующих вопросов, выбор экспертного учреждения.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что работа с ТВ на месте происшествия в силу специфики их строения, свойств и высокой доказательственной значимости требует от специалиста использования в максимальном объеме всего имеющегося комплекса специальных знаний, передового опыта, высоконаучных технических средств, современных технологий и методов исследования. От качества проведения ОМП и подготовки направляемых на исследование материалов напрямую зависит не только эффективность последующей работы судебных экспертов в рамках проведения волоконно-технических экспертиз, но и процесс расследования уголовного дела, а также успешность раскрытия преступления в целом.

УДК 343.985.7

Е.Ю. Пасовец

О РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Существует достаточно много дефиниций промышленной безопасности различных авторов. Объединяет их следующий признак: промышленная безопасность гарантирует состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных

производственных объектах и последствий от них. Для этого в национальных правовых системах формируется и утверждается ряд нормативных правовых актов, которые устанавливают правила безопасности на объектах промышленной сферы. Нарушение данных правил является основанием для привлечения виновных лиц к различного вида ответственности, в том числе и уголовной. В связи с этим возникает необходимость в наличии эффективной методики расследования преступных нарушений правил промышленной безопасности.

При решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за нарушение правил промышленной безопасности необходимо выявить нарушения специальных правил безопасности, предусмотренных на конкретных объектах, различных по своему назначению. Это могут быть нарушения, связанные, например, с использованием ядерной энергии, выявленные на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах, нарушения правил безопасности при проведении горных, строительных работ и т. д., ответственность за которые наступает в соответствии с ст. 299, 301–303, 305, 325, 334, 463 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Уголовный кодекс Республики Беларусь не предусмотрел систематизацию составов преступлений, связанных с нарушениями в сфере промышленной безопасности, в рамках одной главы либо другой структурной его части. Рассматриваемые преступления отнесены к различным категориям противоправных деяний, систематизированных законодателем: преступления против общественной безопасности (например, ст. 298 «Ненадлежащее выполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»), преступления против здоровья населения (например, ст. 325 «Нарушение правил обращения с радиоактивными материалами») и т. д.

В стране наблюдается устойчивая тенденция к росту несчастных случаев в промышленной области. Причина комплексная: снижение эффективности системы охраны труда, преступная халатность работников промышленной сферы, неграмотные управленческие решения руководителей.

Наиболее часто лица привлекаются к ответственности за нарушение правил производственно-технической дисциплины, правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах либо правил безопасности взрывоопасных работ» (ст. 302 УК); нарушение правил безопасности горных или строительных работ» (ст. 303 УК); нарушение проектов, обязательных для соблюдения требований технических нор-

мативных правовых актов при производстве строительно-монтажных работ» (ст. 305 УК).

Очевидно, что каждый состав преступления требует самостоятельной методики расследования. Есть специфика и у таких категорий дел. Существуют трудности в выявлении преступлений, связанных с нарушением правил промышленной безопасности, особенно если они не повлекли тяжких и особо тяжких последствий и не нанесли значительного материального вреда. Кроме того, присутствует противодействие расследованию ряда должностных лиц объектов промышленной сферы. Расследование преступлений в сфере промышленной безопасности достаточно трудоемкое.

Следует обратить внимание на недостаточность методического обеспечения расследования рассматриваемых преступлений. По выше указанным составам в Республике Беларусь не было проведено ни одного монографического, диссертационного исследования. Последняя научная публикация по данной тематике вышла в свет около 20 лет назад.

Вопросы расследования преступлений в сфере промышленной безопасности впервые обозначил Г. Гросс. Он отметил, что содержательный компонент методики расследования данного вида преступлений обусловлен особенностями производства. Впоследствии по рассматриваемой тематике были работы советских ученых-криминалистов А.В. Дулова, Н.П. Яблокова и др. Однако научных изысканий по вопросам частных методик расследования в сфере промышленной безопасности в странах постсоветского мира не проводилось. Расследованию, например, нарушений правил безопасности горных работ посвящена только одна работа В.Ф. Зудина, изданная в 1963 г.

Очевидно, что преступления в сфере промышленной безопасности расследуются в рамках не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и нормативной базы, регулирующей определенную отрасль промышленности. С учетом совершенствования правовой системы, а также введения в оборот совершенно новых для страны промышленных объектов (например, Белорусской АЭС) необходим инновационный комплексный подход к созданию общей методики расследования данных преступлений. Это, в свою очередь, обеспечит разработку современных частных методик расследования по конкретным составам преступлений. Разработанное методическое обеспечение повысит эффективность и качество расследования преступлений в сфере промышленной безопасности и эффективность их профилактики.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Важнейшим требованием уголовного судопроизводства в Республике Беларусь является соблюдение принципа презумпции невиновности. Это означает, что органы уголовного преследования должны доказывать виновность лица, совершившего преступление, и опровергать собранными доказательствами доводы, приводимые в свою защиту подозреваемым или обвиняемым. Сотрудник правоохранительных органов должен не только собрать доказательства, но и провести их проверку и оценку путем производства следственных действий.

В ряде случаев объективная проверка и оценка полученных доказательств возможны только при проведении следственного эксперимента, позволяющего органу уголовного преследования опытным путем проверить достоверность полученных в ходе следствия сведений, правильность своих гипотез и выводов, а также воспроизвести картину произошедшего события в полном объеме с учетом взаимных связей, различных деталей и особенностей.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что в процессе расследования уголовных дел при проведении следственного эксперимента сотрудниками органов уголовного преследования допускаются ряд ошибок, которые не позволяют в дальнейшем использовать результаты данного следственного действия в судебном заседании.

В криминалистической литературе авторами выделяются те типичные ошибки, которые допускаются лицом, производящим расследование, при составлении протокола следственного эксперимента [1, с. 30; 2, с. 3; 3, с. 16; 4, с. 29–35; 5, с. 136–138; 6, с. 100–105; 7, с. 53–57]. Например, Н.И. Гуковская к ним относит неправильное процессуальное оформление проделанных опытов; неполноту протокола, т. е. не указывается, в какой обстановке проводился следственный эксперимент, не описывается, содержание опытов, нет сведений о том, что проводилась фотосъемка, составлялись схемы и планы; нарушение последовательности при описании проделанных опытов, когда описание опытных действий носит не последовательный характер, а представляет собой беспорядочное изложение; приведение в протоколе данных, не относящихся к следственному эксперименту; небрежную литературную редакцию протокола [1, с. 30–31].

Возможно, по этой причине следователи и сотрудники органов дознания неохотно планируют и проводят следственный эксперимент в своей практической деятельности. От того, насколько грамотно следователь спланирует экспериментальные действия, во многом зависит успех следственных действий в целом, поскольку доказательственной базой будут служить оформленные протоколом результаты эксперимента (как положительные, так и отрицательные).

Просчеты и ошибки сотрудников органов уголовного преследования в процессе подготовки и проведения рассматриваемого следственного действия часто обусловлены не только непониманием ими опытной сущности следственного эксперимента, но и отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве четко прописанного механизма его проведения. Согласно ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [8] порядок организации и проведения следственного эксперимента отдан на усмотрение сотрудника органа уголовного преследования, который в соответствии с нормами УПК вправе сам принимать решение о проведении данного следственного действия и самостоятельно его проводит. На наш взгляд, в данной статье не совсем четко регламентированы права и обязанности участников следственного действия и другие его аспекты.

Отсутствующие в законодательстве механизмы исполнения тех или иных действий, неясное толкование тех или иных норм разъясняются в решениях высших судебных органов, научно-практических комментариях к законам, трудах таких ученых, как Б.С. Альхамду [9], Л.Е. Ароцкер [10], Р.С. Белкин [11–15], Н.И. Гуковская [1, 16], А.Б. Манчу [17], А.С. Рубан [2, 18], К.В. Соснин [19] и др.

Вместе с тем, несмотря на почти 50-летнее существование следственного эксперимента как самостоятельного процессуального действия, вопросы о его сущности, целях и задачах остаются проблемными, вызывающим многочисленные споры ученых-процессуалистов [2, с. 3].

Ряд российских ученых (Ю.А. Кузьмин [20, с. 419–422], Н.И. Жукова [21, с. 135–138; 22, с. 121–124; 23, с. 90–94], Д.В. Симаков [24]), рассматривая историю возникновения данного следственного действия, отмечают, что первые упоминания о следственном эксперименте как одном из средств получения доказательств в ходе расследования уголовных дел относятся к середине XVIII в. История следственного эксперимента начинается с 1779 г., когда были отмечены случаи проведения следственного эксперимента в ходе расследования фальшивомонетничества [2, с. 3].

Первые упоминания о следственном эксперименте в российской исторической литературе, по мнению Н.И. Жуковой, относятся к 1860–1890 гг. (разбирательство по делам по обвинению Энгельгардта (1863) и Имшенецкого (1883)) [21, с. 135–138; 22, с. 121–124; 23, с. 90–94].

Одновременно в юридической литературе появляются теоретические размышления о природе данного следственного действия. Но глубокой теоретической и практической разработки следственный эксперимент в то время так и не получил. Кроме того, отсутствовало единство терминологии. Наряду с термином «эксперимент» в трудах ученых употреблялись термины «опыт», «судебный опыт» и т. д. В этот период о следственном эксперименте в своих работах упоминают российские процессуалисты того времени Д.Г. Тальберг [25], Л.Е. Владимиров [26, с. 32], описывая примеры их проведения.

В СССР, как отмечают российские исследователи Ю.А. Кузьмин, Д.В. Симаков, в процессуальной и криминалистической литературе вопрос о проведении следственного эксперимента стал разрабатываться в конце 30-х гг., однако нельзя не заметить, что уже в 1932 г., этот вид следственного действия стал предметом внимания в ограниченных кругах, а именно в органах юстиции. В методическом письме № 2 (циркуляр № 80 от 15 мая 1932 г.) НКЮ РСФСР в связи с рассмотрением дела по обвинению Новиковых, Костренкова и Страусова по ст. 58 УК РСФСР подчеркнул необходимость проведения эксперимента для проверки результатов сомнительного опознания по голосу. Это вскоре нашло свой отклик и в литературе, а затем было детализировано опять-таки применительно к требованиям проверки результатов сомнительного опознания в методическом письме Прокуратуры СССР [2, с. 7; 20, с. 419–422; 24].

Наиболее активные научные споры по вопросам теории следственного эксперимента развернулись в 1940–1950-х гг. В этот период в среде процессуалистов развернулась активная дискуссия относительно места следственного эксперимента в общей системе следственных действий. Отсутствие однозначных подходов у ученых-юристов и практиков-криминалистов привело к тому, что именно тогда появилось наибольшее количество научных исследований, посвященных данной проблеме [20, с. 419–422].

Рассматривая научные публикации о следственном эксперименте, хотелось бы отметить, что первым исследователем данного следственного действия является Л.Е. Ароцкер. В 1951 г. в им защищена кандидатская диссертация на тему «Следственный эксперимент в советской криминалистике», где он впервые обосновал место следственного эксперимента в системе следственных действий [10].

В 1958 г. диссертацию («Теория и практика проведения следственного эксперимента на предварительном следствии») защитила Н.И. Гуковская. В этой работе на основе подробного анализа взглядов ведущих ученых-процессуалистов был сделан однозначный вывод о том, что следственный эксперимент является самостоятельным следственным действием [16; 18, с. 216].

Впоследствии изучением рассматриваемого следственного действия занимались ряд ученых [1, 2, 9–19]. Так в 1961 г. была защищена докторская диссертация Р.С. Белкиным («Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике») [11]. До настоящего времени многие ученые-процессуалисты и криминалисты ссылаются в своих научных работах на труды Р.С. Белкина и признают правомерность выдвинутых им теоретических положений о сущности эксперимента, его целях, видах и условиях проведения.

В.Ф. Берзин в своей диссертации на тему «Эксперимент при проведении криминалистических экспертиз», защищенной в Киеве в 1963 г., следственный эксперимент рассматривает как составную часть экспертного исследования [27].

В диссертации А.Б. Манчу («Следственный эксперимент: теория и практика» (1966) достаточно полно исследованы изменения, произошедшие в теории и практике следственного эксперимента, связанные с его включением в уголовно-процессуальное законодательство (1960) [17].

Б.С. Альхамду в своем исследовании («Психологические основы и тактика следственного эксперимента» (1992)) основное внимание концентрирует на психологических аспектах следственного эксперимента [9].

В 2002 г. была защищена диссертация К.В. Сосниным («Тактико-криминалистические основы использования математических методов и компьютерных технологий в следственном эксперименте: по делам о дорожно-транспортных происшествиях»). Автор проведение следственного эксперимента связывает с использованием математических методов и компьютерных технологий в основном по делам о дорожно-транспортных происшествиях [19].

Хотелось бы отметить диссертацию А.С. Рубана («Следственный эксперимент: теория и практика»), которую он защитил в 2009 г. В ней автор рассмотрел историю возникновения данного следственного действия, основные криминалистические и уголовно-процессуальные проблемы, возникающие при проведении следственного эксперимента, а также определил основные пути решения этих проблем [2].

Как следует из формулировки ст. 207 УПК Республики Беларусь, целями следственного эксперимента являются проверка и уточнение данных, имеющих значение для уголовного дела. Однако следует согласиться с мнением большинства современных ученых (Н.А. Моисеев, К.С. Колесник, В.В. Сергеев, А.И. Анапольская, Л.Я. Драпкин), указывающих на значительное ограничение целей проведения следственного эксперимента в контексте указанной статьи, поскольку помимо указанных целей можно выделить и другие: получение новых доказательств; проверку тех или иных предположений следователя; установление при-

чин и условий, способствовавших совершению преступления; проверку следственных версий [28, с. 23; 29, с. 63–66; 30, с. 8–11].

Хотелось бы остановиться на такой проблеме, слабо изученной в криминалистической литературе, как оценка результатов следственного эксперимента. Как правильно указывает О.К. Чернецкий, «результаты следственного эксперимента должны рассматриваться только в совокупности с другими материалами расследуемого уголовного дела, как правило, они подтверждают или опровергают имеющиеся у следователя предположения или сами становятся базой для нового предположения о факте или явлении» [31, с. 216–220].

Анализируя деятельность сотрудников органов уголовного преследования, уже на завершающем этапе проведения следственного эксперимента осуществляется оценка полученных результатов, определяется их значимость для расследования. Именно на этой стадии выявляются ошибки, допущенные при проведении следственного действия, оцениваются их возможные результаты, решается вопрос о целесообразности повторного производства данного действия [28, с. 23; 30, с. 8–11].

В процессе анализа результатов данного следственного действия тщательно исследуется протокол следственного действия, именно в нем отражается ход и результаты следственного действия, а также приложения к нему в виде планов, схем, зарисовок, фотоснимков и видеозаписи. Как отмечается в криминалистической литературе, на практике это делается далеко не всегда, что приводит к последствиям, негативным для установления объективной истины по расследуемому уголовному делу.

Если при оценке результатов следственного эксперимента следователь обнаруживает то или иное обстоятельство, ставящее под сомнение их достоверность, и если есть основания полагать, что допущенная ошибка может быть устранена повторным экспериментом, то такой эксперимент должен быть проведен [32, с. 106; 33, с. 13].

Следственный эксперимент имеет большое значение, однако на практике часто не применяется в тех случаях, когда проведение его необходимо. Это связано с тем, что проведение следственного эксперимента связано с большим количеством трудностей чисто организационного характера, а результаты следственного эксперимента далеко не всегда приводят к бесспорным, категорическим выводам. Однако нельзя не отметить и тот факт, что при расследовании значительного количества преступлений следственный эксперимент бывает иногда незаменимым средством получения доказательств.

Уяснение данных вопросов практическими работниками правоохранительных органов будет иметь существенное значение для быстрого

и полного раскрытия преступлений и изобличения виновных, для привлечения каждого виновного в совершении преступления к ответственности в соответствии с законом, для ограждения граждан от необоснованных обвинений в совершении преступлений, для устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

1. Гуковская Н.И. Следственный эксперимент. М., 1958.
2. Рубан А.С. Следственный эксперимент : теория и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009.
3. Жукова Н.И., Жукова А.Н. Производство следственного эксперимента / под ред. П.М. Давыдова. Саратов, 1989.
4. Лошманов В.П., Ярамышьян Ш.И. Следственный эксперимент при расследовании автопроисшествий, возникших в результате неисправностей транспортных средств // Криминалистика и судебная экспертиза : сб. науч. работ. Киев, 1977. № 14.
5. Найманов Т.Ю. Особенности проведения следственного эксперимента при расследовании преступлений, связанных с криминальной деятельностью организованных преступных групп и преступных сообществ в сфере грузоперевозок на автодорогах // Вестн. СевКавГТИ. 2011. № 11.
6. Скопинь Я.Э. Тактика и методика проведения следственного эксперимента при расследовании дел о дорожно-транспортных происшествиях // Проблемы расследования и предупреждения дорожно-транспортных происшествий : материалы конф. / Высш. следств. шк. МВД СССР. Волгоград, 1974.
7. Степанов М.Е. Особенности следственного эксперимента при расследовании убийств, скрытых инсценировкой // Вестн. Дальневосточ. юрид. ин-та МВД России. 2015. № 3.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24.06.1999 г. : одобрен Советом Республики 30.06.1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.07.2018 / Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».
9. Альхамду Б.С. Психологические основы и тактика следственного эксперимента : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1992.
10. Ароцкер Л.Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1951.
11. Белкин Р.С. Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1961.
12. Белкин Р.С. Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1961.
13. Белкин Р.С. Теория и практика следственного эксперимента. М., 1959.
14. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964.
15. Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве. М., 1997.
16. Гуковская Н.И. Теория и практика проведения следственного эксперимента на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958.

17. Манчу А.Б. Следственный эксперимент: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966.
18. Рубан А.С. Развитие представлений о следственном эксперименте в российском уголовном судопроизводстве // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2008. № 4.
19. Соснин К.В. Тактико-криминалистические основы использования математических методов и компьютерных технологий в следственном эксперименте: по делам о дорожно-транспортных происшествиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002.
20. Кузьмин Ю.А. Концептуально-исторические основы института соучастия в преступлении // NovaInfo.Ru. 2016. № 57.
21. Жукова Н.И. Некоторые вопросы взаимодействия участников следственного эксперимента // Вопросы взаимодействия следователя и других участников расследования преступлений : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1984.
22. Жукова Н.И. О классификации следственного эксперимента и ее криминалистическом значении // Следственные действия (криминалистические и процессуальные аспекты) : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1983.
23. Жукова Н.И. Роль следственного эксперимента в проверке следственных версий // Версии и планирование расследования : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1985.
24. Симаков Д.В. Становление следственного эксперимента в отечественной науке уголовно-процессуального права [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gyurnal.ru/statyi/ru/399/https://www.gyurnal.ru/statyi/ru/399> (дата обращения: 14.01.18).
25. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям : в 2 т. Киев, 1889–1891.
26. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная. СПб., 1910.
27. Берзин В.Ф. Эксперимент при проведении криминалистических экспертиз : дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1963.
28. Моисеев Н.А., Колесник К.С., Сергеев В.В. Некоторые психологические аспекты производства следственного эксперимента // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 2.
29. Анапольская А.И. Тактика производства следственного эксперимента при расследовании компьютерных преступлений // Полит. упр. 2015. № 1.
30. Драпкин Л.Я., Пяткова И.Г. Тактико-криминалистические аспекты проведения следственного эксперимента // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. 2014. № 3.
31. Чернецкий О.К. Оценка результатов следственного эксперимента // Уч. зап. Крым. федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1, № 1.
32. Курьянова Ю.Ю. Следственный эксперимент: проблемы в понимании и способы их разрешения // Сибир. юрид. вестн. 2009. № 2.
33. Сапожков Н.Г. О сущности следственного эксперимента и необходимости уточнения формулировки статьи 181 УПК РФ // Рос. следователь. 2007. № 19.

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ САМОДЕЛЬНЫХ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

Анализ практики противодействия преступлениям, совершаемым с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств свидетельствует о том, что в качестве орудий преступления довольно часто фигурируют самодельные взрывные устройства. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что доля преступлений, совершаемых с применением таких средств, среди всех общественно опасных деяний, совершенных с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств, в нашей стране составляет около 30 %. Для сравнения: в Республике Казахстан это число значительно выше. По данным МВД этой страны, при совершении криминальных взрывов применение самодельных взрывных устройств имело место в около 85 % случаев.

Особый интерес для расследования представляют конструктивные особенности самодельных взрывных устройств, которые, как правило, изготавливаются в одном или нескольких экземплярах в домашних условиях с использованием доступных материалов и компонентов. По конструкции и принципу действия самодельные взрывные устройства нередко являются копиями известных образцов ручных гранат или мин, но конструктивно, как правило, состоят из корпуса (оболочки) и средства взрывания.

Самодельные взрывные устройства в зависимости от характера применяемого материала подразделяются:

на полностью самодельные (все элементы изготовлены самодельным способом с возможным использованием станочного и сварочного оборудования, а потом собраны вручную (например, граната со стальным корпусом, выточенным на токарном станке, снаряженная самодельным взрывчатым веществом, состоящим из соскобленной и измельченной массы со спичек, и самодельным средством воспламенения). Так, гражданин Д., находясь на рабочем месте автотранспортной организации в Полоцке, изготовил самодельное взрывное устройство, состоящее из корпуса осветительного прибора и помещенного в него самодельного взрывчатого вещества (триперекись ацетона). В качестве запала использовался обычный тряпичный шнур. В результате испытания такого устройства во дворе организации был поврежден служебный автобус. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что из-

готовление данного вида самодельных взрывных устройств имело место в 16,6 % случаев;

собранные с использованием элементов промышленного производства, но не относящихся к конструкциям промышленных взрывных устройств (например, с использованием в качестве поражающих элементов гаек, болтов, гвоздей, нарезанной проволоки). В сентябре 2005 г. возле автобусной остановки у Летнего амфитеатра на проспекте Фрунзе в Витебске сработало спрятанное в клумбу самодельное взрывное устройство, которое представляло собой пивную банку, начиненную железными обрезками, болтами и гайками. В результате взрыва пострадали два человека. Самодельные устройства такого вида использовались в 58,4 % случаев;

собранные с использованием некоторых элементов взрывного устройства промышленного изготовления (например, унифицированный запал для ручной гранаты и самодельное взрывное устройство) либо переделанные в результате реконструкции устройств промышленного изготовления (например, реконструкция боеприпасов времен Великой Отечественной войны) (25,4 %).

Одной из причин массового применения самодельных взрывных устройств при совершении преступлений является их относительно легкое изготовление из абсолютно легальных доступных компонентов. Инструкций же по изготовлению таких устройств предостаточно имеется в открытых интернет-источниках. В этой связи возникает острая необходимость в регулировании национального сегмента сети Интернет в части блокировки сайтов, содержащих информацию как экстремистской направленности, так и об изготовлении самодельных взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Блокирование сайтов, содержащих материалы экстремистского либо террористического характера осуществляется по решению суда на основании материалов правоохранительных органов. Источник информации экстремистского характера заносится в постоянно обновляемый Республиканский список экстремистских материалов, который ведется Министерством информации Республики Беларусь [1]. Такими материалами могут выступать книжные издания, печатные издания, информационные материалы, информационная продукция, видеоролики, CD-R/RW, DVD-R/RW и т. д. Отнесение той или иной информации к материалам экстремистского характера осуществляется Республиканской экспертной комиссией по оценке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма и областными экспертными комиссиями, осуществляющими свою деятельность в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 августа 2014 г. № 810 «Об экспертных комиссиях по оцен-

ке информационной продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма». Для этих целей проводится экспертиза информационной продукции, результаты которой оформляются экспертным заключением.

Поддерживая указанные меры государственного реагирования, направленные на пресечение распространения материалов экстремистского либо террористического характера, отметим важное замечание И.Ю. Сундиева о том, что попытки решить проблему блокированием доступа к интернету и мобильной связи «любителям»-взрывникам в краткосрочном периоде могут дать лишь ограниченный и недолгий позитивный эффект. Но в долгосрочной перспективе запреты и блокирование ресурсов могут привести к негативным последствиям в виде дополнительного «прилива» социального недовольства со стороны пассивных наблюдателей [2, с. 69]. Более эффективными представляются точечное блокирование доступа к определенным сайтам, аккаунтам в социальных сетях или сетевым сообществам, информационное противостояние, а также соответствующее криминалистическое обеспечение деятельности органов уголовного преследования по противодействию преступлениям, совершаемым с применением взрывных устройств.

1. Республиканский список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // Министерство информации Республики Беларусь. URL: <http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov> (дата обращения: 01.10.2018).

2. Сундиев, И.Ю. Противодействие вербовочной деятельности международных террористических организаций в сети Интернет // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящен. 100-летию милиции Беларуси (Минск, 10 февр. 2017 г.) / учреждение образования «Акадм. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск, 2017.

УДК 343.98

В.А. Передерий, А.Н. Голодный

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В 2017 г. научные и практические работники, юридическая общественность Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан отметили 95-летие со дня рождения выдающегося советского и российского ученого в области криминалистики доктора юриди-

ческих наук, профессора Рафаила Самуиловича Белкина. Заложенные им фундаментальные основы криминалистики, методические рекомендации по практическому применению криминалистических знаний, в том числе в области профилактической деятельности следователя, актуальны и в наши дни, о чем свидетельствует правоприменительная следственная практика.

В своих работах профессор Р.С. Белкин отмечал, что раскрытие и расследование преступлений, привлечение виновных к уголовной ответственности не исчерпывают обязанностей органов предварительного следствия. Закон возлагает на них и специальные обязанности по предупреждению (превенции) криминала. Истина по делу достигается лишь в том случае, когда полно и всесторонне установлены все обстоятельства, входящие в предмет доказывания. К числу этих обстоятельств закон относит причины и условия, способствующие преступлению, которые также подлежат именно доказыванию, т. е. должны быть выявлены путем применения всех процедур, предусмотренных законом для этого процесса [1, с. 966].

Указанные постулаты являются фундаментом для дальнейших научных исследований, развития теории и практики криминалистики на данном направлении деятельности.

14 сентября 2017 г. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, открывая серию лекций об актуальных проблемах следственной деятельности в современных условиях, провел лекционное занятие со студентами Санкт-Петербургской академии Следственного комитета на тему «История развития следственных органов в России». В качестве основных задач, стоящих перед следственными органами, он отметил профилактику преступлений, а также оперативное и качественное расследование уголовных дел [2]. Кроме того, особое и повышенное значение им придается профилактике преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних [3, с. 5–12].

Таким образом, Следственным комитетом Российской Федерации профилактике преступлений уделяется такое же пристальное внимание, как и расследованию уголовных дел. И это не случайно.

В криминалистике имеется понятие «криминалистическая профилактика». Видные ученые определяют его следующим образом: «Это система мер следователя, оперативного работника, специалиста (эксперта) и других работников правоохранительных органов по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, и разработке рекомендаций по предупреждению (превенции) преступной деятельности. Она разрабатывает приемы криминалистической

защиты различных объектов от преступных посягательств, получения информации о готовящихся преступлениях, основываясь на специфических задачах криминалистики как науки и широком использовании научно-технических методов и средств» [4, с. 497–498].

Необходимо отметить, что высказывались мнения о том, что деятельность по предупреждению преступлений не является предметом криминалистики [5]. Доминирует же в криминалистике точка зрения, согласно которой следственная и экспертно-криминалистическая профилактика является предметом и видом криминалистической деятельности и что чрезмерное расширение, а равно и сужение ее предмета одинаково неприемлемы для криминалистики, ибо не соответствуют ее служебной роли [6, с. 140].

По мнению Р.С. Белкина, профилактическая деятельность заключается в деятельности следователя по предупреждению преступлений, осуществляемая как в процессуальной, так и в непроцессуальной форме. Процессуальная заключается в установлении при расследовании конкретного преступления причин и условий, способствовавших его совершению, и внесении представлений об их устранении. Представление может быть внесено и по данным, установленным по группе расследованных однородных дел;

деятельности эксперта, выявляющего при проведении экспертных исследований обстоятельства, способствовавшие (могущие способствовать) совершению преступления [7].

Необходимо учитывать, что в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации представление является одним из основных инструментов органов расследования для устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, так как данные обстоятельства являются частью предмета доказывания по уголовному делу и органы предварительного расследования обязаны их устанавливать.

В соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

На наш взгляд, необходимо вести речь не о праве внести представление, а об обязанности, если это будет способствовать устранению данных обстоятельств и предупреждению совершения новых преступлений.

Следует также указать, что в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 21) была указана обязанность следователя (дознателя, суда) выявлять причины и условия, способствовавшие преступлению [11].

Р.С. Белкин обоснованно указывал, что требование закона устанавливать по каждому делу именно причины преступления носит в большей степени декларативный характер: причина преступления – настолько сложная категория, обусловленная многозначными социальными и иными зависимостями, что установить ее в рамках предварительного следствия часто просто невозможно. В связи с этим он и ряд других видных ученых вели речь об установлении обстоятельств, способствовавших преступлению, а не их причин [8, с. 984].

В УПК РФ (ч. 2 ст. 73) указано на необходимость выявлять именно обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Руководствуясь требованиями п. 4 ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», следственные подразделения всех уровней СК России в качестве одной из основных задач ставят выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, принятие мер по их устранению. Так, следственными органами СК России в 2016 г. по 117 743 уголовным делам (оконченным и приостановленным) внесены представления в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 158 УПК РФ, что составляет 94,6 % (2015 г. – 120 264, или 94,9 %). По внесенным представлениям к дисциплинарной ответственности привлечено 33 388 должностных лиц, что на 3,8 % больше, чем в 2015 г. (32 158).

Как свидетельствует практика, представление обычно выносится на заключительном этапе расследования, но до прекращения дела или направления его прокурору. Это связано с расположением ч. 2 ст. 158 УПК РФ в правовой норме, регламентирующей окончание предварительного расследования.

Вместе с тем представление должно вноситься на более ранних стадиях расследования, когда будут иметься достаточные данные, свидетельствующие о причинах совершения преступлений. Не следует затягивать или откладывать на завершающий этап расследования проведение мероприятий по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и внесение соответствующих представлений. Выполнение требований ч. 2 ст. 158 УПК РФ на завершающей стадии не всегда обоснованно. Актуальность внесения представлений утрачивается, в ряде случаев это приводит к истечению сроков давности привлечения виновных лиц к дисциплинарной или административной ответственности. Кроме того, несвоевременное внесение представления, бездействие на данном направлении деятельности создают угрозу совершения аналогичных преступлений. В дальнейшем в ходе расследования (при установлении новых обстоятельств) не исключается возможность внесения дополнительного представления.

Представления должны вноситься не только по уголовным делам, направленным прокурору для утверждения обвинительного заключения, но и по остальной категории уголовных дел. Как свидетельствует практика, не в полной мере используются возможности для внесения представлений по прекращенным уголовным делам (прежде всего по не реабилитирующим основаниям) и уголовным делам, предварительное следствие по которым приостановлено по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 208 УПК РФ (в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого).

Основное количество представлений, как правило, вносится в органы внутренних дел. Следователь полагает, что данный правоохранительный орган оперативно и качественно справится с задачей по предупреждению преступлений. В то же время нельзя пренебрегать и иными возможностями для внесения представлений.

Предложенные к реализации меры должны по возможности полностью обеспечить устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. При этом следователь не вправе вмешиваться в административно-кадровые вопросы организации и указывать, кого и как наказать или уволить. Однако он может предложить рассмотреть вопрос о привлечении виновных лиц к дисциплинарной ответственности и проведении конкретных мероприятий, направленных на устранение выявленных нарушений.

В целях надлежащего и своевременного выполнения внесенного представления в самом представлении или в сопроводительном письме адресату следует указать, что в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования и поручения следователя обязательны для исполнения всеми учреждениями, организациями, предприятиями, должностными лицами и гражданами, а также предупредить об административной ответственности по ст. 17.7 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации за невыполнение законных требований следователя.

Направив представление в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, орган следствия обязаны осуществлять контроль за своевременностью и полнотой его рассмотрения, принятием эффективных и действенных мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Исключение формального подхода к устранению адресатами представлений обстоятельств, способствовавших совершению преступления, во многом обеспечивается личным участием следователя (руководителя следственного органа) в их рассмотрении, уверенном, профессиональном отстаивании своей позиции, основанной на знании действующего законодательства и собранных доказательствах. Так, в 2015 г. в производстве Московского межрегионального следственного управления на

транспорте СК России находилось уголовное дело № 2/1334 по обвинению В., С. и И. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 263 УК РФ (в результате железнодорожного происшествия, произошедшего из-за нарушения технологии производства работ, погибло 6 пассажиров; получили телесные повреждения различной степени тяжести 23 пассажира; повреждены железнодорожные пути и железнодорожные вагоны) [9]. В целях устранения обстоятельств, способствовавших совершению данного преступления, следствием внесено представление в адрес президента ОАО «РЖД». По результатам его рассмотрения к дисциплинарной ответственности привлечено 29 сотрудников РЖД (8 уволены), разработана новая система премирования сотрудников железной дороги, внесены изменения в порядок производства работ на бесстыковом пути, пересмотрен план подготовки и повышения квалификации работников путевого комплекса.

Следственным работникам необходимо также использовать альтернативные формы реагирования: обращение с соответствующими ходатайствами (о выявленных нарушениях) к надзирающему прокурору; информирование руководства вышестоящих структурных подразделений (например, МВД России) о возможной или выявленной противоправной деятельности сотрудников правоохранительных и контролирующих органов; оповещение соответствующих оперативных служб, надзирающих и контролирующих государственных органов; принимать участие в собраниях коллективов организаций и учреждений, выступать на предприятиях и в учебных заведениях с докладами по предупреждению преступлений и т. д.

Полагаем, что успех в борьбе с преступностью зависит не только от профессионального мастерства следователей по полному раскрытию преступлений, быстрому и качественному их расследованию, но и от выявления обстоятельств, способствовавших совершению каждого преступления, и принятия мер к их устранению.

1. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. М., 2001.

2. Выступление Председателя СК России А.И. Бастрыкина [Электронный ресурс]. Официальный сайт Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://skspba.ru> (дата обращения: 10.09.2018).

3. Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всеросс. криминолог. журн. 2017. № 1.

4. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика : учебник. 2-е изд. М., 2010.

5. Пантелеев И.Ф. Теоретические проблемы советской криминалистики : учеб. пособие. М., 1980.

6. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

7. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. доп. М., 2000.
8. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 2000.
9. Контрольное производство по уголовному делу № 2/1334 по преступлению, предусмотренному ч. 3 ст. 263 УК РФ // Архив Московского межрегионального следственного управления на транспорте СК России.

УДК 343.132

О.В. Петрова

ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СВИДЕТЕЛЯ ИЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНА И ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ

Допрос как следственное действие заключается в получении следователем или лицом, производящим дознание, показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля в устной или по желанию допрашиваемого в письменной форме об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Порядок проведения допроса определен в ст. 215–221 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Допросу несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего присущи определенные особенности, которые закон во многом не учитывает, хотя и определяет дополнительные гарантии.

Главными условиями и залогом успешного производства следственных действий с участием несовершеннолетних являются снижение уровня вторичной виктимизации, проведение следственных действий в дружественных ребенку условиях, сокращение/исключение количества повторных допросов и повторного производства иных следственных действий. В связи с этим при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних особенно важно получить всестороннюю, полную и объективную информацию.

В соответствии со ст. 216 УПК вызов на допрос в качестве потерпевшего или свидетеля лица, не достигшего 16 лет, проводится через его родителей или иных законных представителей. В случае неявки без уважительных причин несовершеннолетний в возрасте до 14 лет приводу подвергнут быть не может (ст. 130 УПК), поэтому представляется возможным рассмотреть вопрос о допросе по месту его нахождения.

Согласно ч. 2 ст. 217 УПК лицу, вызванному на допрос, сообщает-ся, в качестве кого, по какому уголовному делу оно будет допрошено, разъясняются права и обязанности, в том числе и право отказаться от дачи показаний в отношении его самого, членов его семьи и близких родственников, о чем делается отметка в протоколе.

Несовершеннолетнему данную информацию следует разъяснить доступным языком. Представляется положительной практика зарубежных стран, когда предлагается использовать листовки, специальные брошюры и видео, в которых несовершеннолетним в доступной форме рассказывается о допросе, его задачах и даются рекомендации, направленные на снижение стресса и тревожности перед предстоящим следственным действием.

Допрос начинается со свободного рассказа, за которым может следовать вопросная часть (ст. 217 УПК). При допросе несовершеннолетнему далеко не всегда удается сформулировать полный свободный рассказ, поэтому важными будут вопросы, побуждающие к припоминанию обстоятельств.

В соответствии со ст. 218 УПК ход и результаты допроса отражаются в протоколе, составляемом с соблюдением требований ст. 193, 194 УПК. Показания записываются от первого лица и по возможности дословно. Вопросы и ответы на них фиксируются в той последовательности, которая имела место при допросе. В протоколе должны найти отражение и те вопросы участвующих в допросе лиц, которые были отведены следователем, лицом, производящим дознание, или на которые отказался отвечать допрашиваемый, с указанием мотивов отвода или отказа.

Допрашиваемым в ходе следственного действия могут быть сделаны схемы, чертежи, рисунки, диаграммы, которые приобщаются к протоколу, о чем в нем делается отметка. Судебная психология активно предлагает использовать рисунки в ходе допроса несовершеннолетних, особенно малолетних.

По окончании допроса протокол предъявляется для прочтения допрашиваемому либо оглашается по его просьбе. Требования допрашиваемого внести в протокол дополнения и уточнения подлежат обязательному исполнению.

Факт ознакомления с показаниями и правильность их записи удостоверяются допрашиваемым подписью в конце протокола. Также он подписывает каждую страницу протокола. В отношении несовершеннолетних, особенно малолетних, может возникнуть необходимость удостоверения факта невозможности подписания протокола (ст. 194 УПК).

В протоколе указываются все лица, участвовавшие в допросе. Каждый из них должен подписать протокол.

Видеозапись допроса является важнейшей дополнительной гарантией его законности, помогает передать максимально точно показания допрашиваемого, в том числе невербальную информацию. Однако современные законодательные требования к порядку применения видеозаписи значительно усложняют допрос, противоречат интересам несовершеннолетнего, а в некоторых случаях и объективно невыполнимы.

В соответствии со ст. 219 УПК следователь, лицо, производящее дознание, принимают решение о применении звуко- и видеозаписи и уведомляют об этом допрашиваемого до начала допроса.

Звуко- и видеозапись должна отражать сведения, указанные в ст. 218 УПК, и весь ход допроса. Звуко- и видеозапись части допроса, а также повторение специально для записи показаний, данных в ходе того же допроса, не допускаются.

По окончании допроса звуко- и видеозапись полностью воспроизводится допрашиваемому. После этого у него выясняется, имеет ли он дополнения или уточнения к сказанному им, удостоверяет ли правильность записи. Дополнения показаний к звуко- и видеозаписи, сделанные допрашиваемым, также заносятся на фоно- и видеограмму. Звуко- и видеозапись заканчивается заявлением допрашиваемого, удостоверяющим ее правильность.

По смыслу закона данные требования должны быть соблюдены и в ходе допроса несовершеннолетних. Однако представляется, что дополнительный просмотр видеозаписи допроса может быть и будет фактором, способствующим вторичной виктимизации потерпевшего и свидетеля, кроме того, и физически невозможным ввиду особенностей психики несовершеннолетнего. Данное предписание закона фактически ограничивает возможности применения таких технических средств. Закрепленная относительно недавно возможность применения видеоконференцсвязи на допросе (ст. 224¹ УПК) не упрощает применения видеозаписи.

Потерпевшие и свидетели в возрасте до 16 лет не предупреждаются об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, им лишь указывается на необходимость говорить только правду. Несовершеннолетним потерпевшему и свидетелю разъясняется право отказа от дачи показаний, уличающих в совершении преступления их самих, членов семьи и близких родственников, а также другие процессуальные права и обязанности, предусмотренные ст. 50, 60 УПК, о чем делается отметка в протоколе допроса, которая удостоверяется их подписью.

Весьма сложным этическим и правовым вопросом является вопрос о праве несовершеннолетнего отказаться от дачи показаний в отношении близких родственников и членов семьи в случаях, когда преступление совершается именно в семье, со стороны родных. С одной стороны, совершение насилия в отношении детей, особенно в семье, составляет особую общественную опасность, рассматривается как квалифицирующий признак по некоторым составам преступлений, а с другой стороны, должен быть соблюден принцип равенства всех перед законом, как и конституционная гарантия должна распространяться и на несовершеннолетних.

Если несовершеннолетний желает воспользоваться своим иммунитетом, представляется необходимым разъяснить ему в доступной форме негативные последствия отказа для доказывания по делу и сконцентрироваться на собирании иной доказательственной базы.

Важной фактической процедурной проблемой является дополнительный круг участников допроса несовершеннолетнего. Помимо следователя на допросе присутствует в определенных законом случаях законный представитель и педагог или психолог. Согласно требованиям ст. 221 УПК при допросе несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля в возрасте до 14 лет педагог или психолог участвуют обязательно, а от 14 до 16 лет – по усмотрению следователя, лица, производящего дознание. При допросе несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля могут участвовать их родители или другие законные представители.

Все это, являясь, по сути, дополнительной гарантией соблюдения прав несовершеннолетнего, не способствует охране психического здоровья несовершеннолетнего и полноте показаний. Большинство педагогов и психологов не владеют методикой допроса, фактически лишь присутствуют при допросе, никоим образом не влияя на его ход. Участие же законных представителей может быть фактором, стесняющим несовершеннолетнего в даче показаний.

Таким образом, существующие объективные и субъективные факторы ограничивают возможности получения показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Комплексный подход к внедрению дружественных технологий допроса позволит обеспечить как права несовершеннолетних, так и решение задач уголовного процесса.

УДК 343.98

М.Г. Петруевич

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ ПО ФАКТУ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

Поскольку массовые беспорядки имеют групповой характер, проведение допроса позволяет получить наибольший объем информации, выявить наличие ложных сведений и расхождение в показаниях между допрашиваемыми, определить дальнейшие направления расследования. Специфика данного следственного действия при расследовании рассма-

триваемого преступления заключается, прежде всего, в предмете допроса, в котором должны быть отражены особенности как самих массовых беспорядков, так и отдельных противоправных действий.

Тактика проведения различных видов допроса подробно разработана в криминалистической литературе. Однако проведение допроса в процессе расследования массовых беспорядков обладает определенными организационно-тактическими особенностями, которые необходимо учитывать на практике.

Допрос свидетелей и потерпевших в массовых беспорядках проводится сразу после установления их местонахождения в максимально полном объеме, с использованием технико-криминалистических средств, так как при определенном стечении обстоятельств возможность дополнительного проведения этого следственного действия может отсутствовать.

В случаях совершения деяний, сопряженных с причинением вреда имуществу общественных, политических и религиозных организаций, а также других юридических лиц, в качестве потерпевших допрашиваются представители этих организаций.

К проведению допроса свидетелей и потерпевших необходимо качественно подготовиться. Следователю рекомендуется предварительно провести беседу, обратить внимание на внешний облик допрашиваемого, уровень образования и культуры, особенности речевого аппарата, психофизиологические реакции на действия следователя, желание помочь органам предварительного следствия или скрыть некоторые обстоятельства происшедшего. Полученные сведения могут оказать помощь в установлении психологического контакта с допрашиваемым, а также в выборе наиболее правильных методов и тактических приемов.

Тактические приемы, используемые следователем при допросе свидетеля массовых беспорядков, должны быть направлены на активизацию процесса припоминания обстоятельств происшедшего. С этой целью необходимо формулировать вопросы в стройной, логической последовательности (рекомендуется сначала задавать общие вопросы о том, что известно допрашиваемому по данному делу, затем вопросы, касающиеся отдельных обстоятельств), в отдельных случаях наряду с основными вопросами задавать уточняющие, напоминающие и контрольные.

Причинами добросовестного заблуждения свидетеля по делам о массовых беспорядках могут быть: непонимание того, какие именно сведения от него хотят получить; ошибки восприятия, запоминания, воспроизведения воспринятого; неспособность рассказать об увиденном; неблагоприятное психологическое состояние свидетеля во время допроса и др. [1, с. 106].

В целях восстановления и воспроизведения фактов о деталях массовых беспорядков можно предъявить свидетелю фотоизображения предметов, лиц, места происшествия для вторичного восприятия, активизирующего ассоциативные связи и способствующего оживлению памяти.

В процессе проведения допроса по рассматриваемой категории дел необходимо учитывать, что массовые беспорядки сопровождаются значительным звуковым и световым фоном, вследствие которого у свидетелей возникает сильнейший стресс, создающий, в свою очередь, сложности при получении от них достоверных показаний в процессе допроса.

Если свидетель массовых беспорядков находится в состоянии сильного волнения и не может выразить словами, что знает о тех или иных свойствах, признаках предмета, явлениях, то предъявляемые для наглядности схемы, фотографии, видеофрагменты могут помочь ему назвать то, что интересует следователя. Можно также предложить допрашиваемому изобразить на бумаге то, что он затрудняется описать словами.

В случае обнаружения в показаниях свидетелей массовых беспорядков пробелов или неточностей следователь обязан принять меры к их устранению путем избирательного применения тактических приемов в зависимости от причин добросовестного заблуждения допрашиваемого или его нежелания дать полные и правдивые показания.

Потерпевшего целесообразно допрашивать как можно быстрее, так как его показания отличаются большей достоверностью и значительным количеством существенных деталей. Потерпевшие при массовых беспорядках характеризуются тем, что помимо сильнейшего психологического они подвергаются и физическому воздействию. Следовательно, крайне затрудняется получение полных и объективных показаний.

На процесс формирования показаний потерпевшего существенное влияние оказывает факт посягательства на него самого. Физическое и психическое состояние потерпевшего, пережившего нервно-психическое потрясение в связи с преступлением, является причиной того, что в его показаниях отмечаются: преувеличение опасности совершенного посягательства; фрагментарность, т. е. наличие пробелов в описании события преступления; непоследовательность в изложении и т. п.

В некоторых случаях полные и точные показания можно получить на повторном допросе. Это объясняется тем, что допрашиваемый неоднократно возвращается в мыслях к событию, припоминая отдельные детали, обстоятельства, о которых сообщил во время первого допроса. Решение о проведении повторного допроса свидетелей массовых беспорядков следователь может принять, если считает, что допрашиваемый дал неполные сведения, которые ему известны.

Существует ряд объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование показаний свидетелей массовых беспорядков.

К объективным факторам относятся: погодные условия, в которых происходило восприятие описываемых событий; условия видимости, в которых свидетель воспринимал происходящее; расстояние от места нахождения свидетеля до места, где происходили описываемые им события; наличие посторонних раздражителей при восприятии интересующих правоохранительные органы событий (звуковой или световой фон) и др.

К субъективным факторам можно отнести: состояние органов зрения, слуха; особенности памяти свидетеля; физическое и психологическое состояние; заинтересованность лица в происходящем событии; профессиональная подготовленность и др. [2, с. 41].

Установление факторов, которые могли оказать влияние на формирование показаний свидетелей массовых беспорядков, позволяет избирать оптимальные тактические приемы допроса, способные минимизировать их воздействия.

На практике часто встречаются ситуации, когда свидетелями преступления или потерпевшими выступают большое количество сотрудников органов внутренних дел. Их целесообразно допрашивать незамедлительно, без предварительной подготовки по ограниченному кругу вопросов. Для сокращения трудоемкости данного процесса в условиях дефицита времени желательно, чтобы свидетели записывали свои показания собственноручно. Следователь может предложить им вопросники, которые охватывают весь предмет допроса и дифференцируются в зависимости от категории допрашиваемых лиц [3].

Вопросы, подлежащие выяснению в ходе допроса свидетелей, могут касаться обстоятельств, предшествовавших массовым беспорядкам и приведших допрашиваемого на место происшествия, действий конкретных участников беспорядков (выкрики, лозунги, призывы к расправам, сопротивление работникам милиции и военнослужащим и т. д.), их вооруженность, действия сотрудников правоохранительных органов, передвижение транспортных средств и т. д.

У военнослужащих, как правило, должны уточняться содержание поступивших команд, экипировка, вооружение, маршрут передвижения, характер поведения толпы, порядок их действий при ее рассеивании и т. д.

Полезно, чтобы у следователя имелась карта местности, схема зданий, где произошли массовые беспорядки. Карта должна быть без каких-либо пометок, чтобы допрашиваемый мог указывать на ней необходимые сведения.

По мере накопления значительного объема показаний потерпевших и свидетелей руководителю следственной группы целесообразно организовать их обобщение и систематизацию, используя с этой целью различного вида накопительные ведомости, таблицы, схемы и т. д.

Учитывая изложенное, представляется необходимым перед проведением допроса свидетелей и потерпевших по факту массовых беспорядков проводить сбор сведений, которые могут оказать помощь в установлении психологического контакта с допрашиваемыми, а также в выборе наиболее эффективных методов и тактических приемов его проведения. В процессе допроса следователю необходимо максимально учитывать факторы, которые могли оказать влияние на формирование показаний.

1. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии : учеб. пособие. Минск, 1998.
2. Грицаев С.И., Влезько Д.А., Шевель Д.В. Использование психологических знаний в расследовании преступлений : учеб. пособие. Краснодар, 2013.
3. Григорьев В.Н. Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения : учеб. пособие. Ташкент, 1991.

УДК 343.98.06

А.В. Полякова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ БИОМЕТРИЧЕСКИХ СИСТЕМ АУТЕНТИФИКАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВАХ СВЯЗИ

В настоящее время широко распространены средства мобильной связи, портативные персональные компьютеры: информационно-телекоммуникационные технологии развиваются высокими темпами. В связи с этим, как подтверждает Н.А. Архипова, правоохранительные органы все чаще сталкиваются с необходимостью вовлечения в процесс раскрытия и расследования преступлений материалов, связанных с использованием средств мобильной связи [1, с. 6], что вызывает необходимость разработки более эффективных приемов и методов обнаружения, фиксации использования мобильных телефонов для сбора информации.

Под аутентификацией понимается процесс опознавания субъекта или объекта путем сравнения введенных идентификационных данных с его эталоном (образом), хранящимся в памяти системы [2].

Биометрическая аутентификация, основанная на использовании индивидуальных физических признаков человека, предусматривает наличие в мобильном устройстве связи специальных программно-аппаратных средств, таких как биометрический сканер, считывающий информацию.

Разработаны биометрические сканеры, которые учитывают статические признаки (распознавание по отпечаткам пальцев, геометрии руки, радужной оболочке глаза), а также динамические характеристики человека (распознавание по клавиатурному почерку, голосу, походке).

Мобильные устройства с возможностью идентификации личности по отпечаткам пальца имеют огромную популярность. В них предусмотрена система датчиков разблокировки смартфона с помощью данных отпечатка пальца. Такая система начиная с момента ее внедрения компанией Apple (сканер TouchID) показала свою эффективность при подтверждении личности владельца устройства и защите персональной информации от доступа посторонних лиц, преступников в первую очередь. По данным International Biometric Group, доля систем распознавания по отпечаткам пальцев составляет примерно 52 % всех используемых в мире биометрических систем [3].

Разработаны следующие типы сканеров отпечатков пальцев. Оптический формирует изображение всей панели пальцев, используя CCD-матрицу: в местах, куда свет не приходит (гребни), матрица записывает черные пиксели, создавая точно отображаемое изображение пальца. В емкостном сканере вместо матрицы предусмотрены специальные миниатюрные схемы конденсаторов (емкостных датчиков), которые после приложения пальца к считывателю изменяют свою емкость. Тепловой сканер использует микроскопические тепловые датчики, которые определяют разницу температур между гребнями и долями пальцевой подушки. Ультразвуковой сканер основан на явлении дифракции: в момент приложения пальца к датчику тот начинает генерировать не слышимые для нас звуки, так как поведение звуковых волн при контакте папиллярных линий пальца со сканером отличается от промежутков между ними.

Принцип работы всех сканеров практически един: с поверхности приложенного пальца по гребням и впадинам папиллярного узора сенсором считывается информация, которая регистрируется, а затем строится полная цифровая картина отпечатка. Система определяет тип узора (дуговой, петлевой, завитковый), сканер идентифицирует минуции (детали Гальтона) – окончания линий папиллярного узора, разветвления и пересечения этих линий, которые, являясь локальными и уникальными признаками отпечатка пальца, позволяют идентифицировать человека. Сканер определяет положение минуций относительно друг друга на каждом снимке: он разбивает отпечаток на небольшие блоки 9×9 пикселей, каждый из которых содержит определенное число минуций. Координаты обнаруженных минуций и их углы ориентации записываются в вектор. Затем идентичные блоки со сканера и снимков из базы данных

сопоставляются, и если узоры в них идентичны, то отпечатки пальцев принадлежат одному и тому же владельцу.

Существенным достоинством данного типа аутентификации пользователей, детерминирующим его распространенность и надежность, является отсутствие необходимости в запоминании различных паролей, графических ключей, формировании запросов на их восстановление при потере, взломе. Информация, сохраняемая на устройстве, получается только владельцем, что подтверждается свойством объектов криминалистической идентификации – индивидуальности папиллярных узоров каждого человека.

Однако данная система имеет ряд существенных недостатков. При попадании к преступникам мобильного устройства есть вероятность снятия отпечатка пользователя для полноценного его использования: информация об отпечатках пальцев владельца мобильного телефона в большинстве моделей содержится в виде незашифрованных файлов (изображения) в локальной памяти, а следовательно, возможен взлом и хищение данной информации злоумышленниками. Некоторые производители смартфонов ввели специальный элемент защиты чип – область в чипсете для хранения данных об отпечатках пальцев, внедрили сенсоры, создающие высококачественные изображения отпечатков, информация о которых в защищенных зонах хранится в виде математических образов (TrustZone (ARM), SecureEnclave (Apple) и Snapdragon Mobile Security (Qualcomm)). Кроме того, для защиты от взлома возможны ситуации выхода из строя датчика распознавания отпечатков пальцев.

Для преодоления защиты биометрических систем преступники используют различные способы фальсификации отпечатков пальцев рук пользователей. Профессор С.С. Самищенко определил поддельные следы рук как такие следы рук, которые были изготовлены с использованием способов, не имеющих места в обычном процессе слепообразования (с помощью клише, путем опыления отпечатков пальцев и др.). Подложные следы, по его мнению, появляются в случаях умышленного введения в процесс расследования уголовного дела следов рук обычного происхождения, но не имеющих отношения к событиям преступления [4, с. 10, 27–28.].

А.Г. Сухарев, А.В. Стальмахов, Р.Ю. Трубицын предлагают существующие способы фальсификации папиллярных узоров, имеющие криминалистические цели, условно разделить на две группы: изменение рисунка папиллярного узора непосредственно на кожном покрове руки и изготовление искусственных папиллярных узоров в виде объемных муляжей или плоскостных копий, а также при помощи современных технологических средств [5, с. 65]. Способом, связанным с

технологическим процессом, может быть изготовлен как оттиск следа в полном объеме, так и какая-то его часть. Для изготовления искусственных папиллярных узоров пальцев рук применяются следующие технологии (способы): использование пластичных масс, метод фотолитографии, фотополимерный способ, лазерное гравирование на резине, флеш-технологии, вулканизация резины с матриц, полученных на основе использования твердых фотополимерных композиций и др.

Производители мобильных телефонов и правоохранительные органы объединяют усилия в борьбе с изготовлением искусственного папиллярного узора. Так, ведомство по патентам и товарным знакам США опубликовало на своем сайте патентную заявку компании Apple о биометрическом захвате неавторизованных пользователей, направленном на помощь полиции в розыске преступников. Предполагается использование сканера отпечатков пальцев Touch ID для активации режима сбора чужих отпечатков и изображений. Если датчик фиксирует прикосновение неавторизованного пользователя, встроенные камеры смартфона начинают снимать потенциального похитителя на фото и записывать видео. Затем эти данные сохраняются на устройстве или пересылаются на сервер, где отпечатки сравниваются с базой пользователей [6].

Наряду со сканером пальца в смартфонах используется и другой вид идентификации владельца устройства – распознавание лица (Face ID), предложенное компанией Apple (модель X). Комплекс сенсоров составляет 3D-модель лица из 30 тыс. точек для возможности распознавания с разных ракурсов. Если лицо изменит внешность с помощью прически, бороды, макияжа и т. п., программа все равно распознает его. А встроенная ИК-камера позволяет программе функционировать даже при недостаточных условиях освещения.

Работа системы распознавания лиц в различных телефонах осуществляется в четыре этапа. Лицо сканируется: ИК-датчик определяет, есть ли лицо перед смартфоном, проектор передает на лицо 30 тыс. точек в ИК-диапазоне, ИК-камера считывает 3D-карту спроецированных точек, происходит извлечение уникальных данных лица (контуры глазниц, форма скул, ширина носа, иногда и шрамы). Полученные данные передаются в специальный сопроцессор SecureEnclave, встроенный в процессор A11 Bionic, в котором хранится паттерн лица владельца смартфона в зашифрованном виде. Далее происходит поиск сопоставлений. Если данные совпадут с паттерном, смартфон разблокируется.

В телефонах серии Galaxy S9 реализована технология Intelligent Scan, которая дополнительно сканирует сетчатку глаза, хотя распознавание лица возможно и при закрытых глазах.

Распознавание лиц реализовано в смартфонах Huawei, Xiaomi, Meizu, OnePlus, Nokia, Vivo, OPPO. Только в OPPO Find X система похожа на

Face ID, в остальных телефонах используется обычная фронтальная камера и 2D-карта.

Система аутентификации пользователя путем распознавания лиц также не лишена недостатков, к которым относятся: возникновение ошибок при идентификации близнецов или людей с очень схожими чертами лица, обман системы с помощью масок, распечатанных на 3D-принтерах; возможность сбоя системы; несовершенство системы из-за использования данных фронтальной камеры, которые существенно зависят от условий съемки. Датчики виртуально выводят на лицо большее количество точек, что позволяет ей срабатывать при появлении бороды, очков и других помех.

Для решения задач по раскрытию и расследованию преступлений становится интересным новое российское приложение FindFace, с помощью которого по фотографии возможно найти аккаунт человека в социальной сети «ВКонтакте». Достаточно сделать снимок человека на смартфон, загрузить в программу и получить его аккаунт в социальных сетях. Программа является инструментом поиска российскими правоохранительными органами подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, но приложение пока не получило повсеместного внедрения. Например, в октябре 2017 г. система распознавания лиц FindFace уже использовалась во время протестных акций в Москве и ряде других регионов [7].

Отдельно отметим, что система распознавания лиц используется не только в мобильных устройствах. Она активно внедряется в камеры видеонаблюдения Московского метрополитена для предотвращения преступлений, розыска преступников. Система также включает особую программу сбора и анализа информации, позволяющую идентифицировать любого подозрительного пассажира по некоторым особенностям его внешности. Данный комплекс специальных средств определяет лицо каждого пассажира и сравнивает его с базой данных о людях, находящихся в розыске, анализируя и находя совпадения. Вначале камеры фиксируют человека при входе или выходе из станции, определяют подозрительные задержки в неустановленных местах и отмечают проявление странного поведения. Помимо того, возможности системы позволяют быстро отслеживать любые предметы, что долгое время находятся без движения.

В начале 2017 г. в полицию китайского города Шэньчжэнь обратился молодой мужчина с заявлением о пропаже его трехлетней дочери. Случай похищения детей в Китае не редкость. Раскрываемость таких преступлений раньше была крайне низка, так как зацепок у полицейских практически не было. Полицейские взяли у отца фотографию девочки, и поиск начался. Фотография была загружена в базу данных, нейросети стали ее сравнивать с данными районных видеокамер. В течение нескольких ми-

нут была обнаружена запись с уличной камеры, на которой видно, как неизвестная женщина идет по улице с пропавшим ребенком на руках.

В июле 2017 г. в Орегоне мужчина в магазине положил в корзину множество дорогих товаров и вышел, не воспользовавшись кассой самообслуживания. Камеры магазина зафиксировала признаки внешности вора. Полицейские, расследующие это дело, подключившись к системе распознавания лиц Amazon Rekognition, прогнали через базу данных с 300 тыс. фотографий преступников из их округа лицо магазинного вора. Сервис показал четырех людей с похожими лицами, аккаунты которых в социальной сети Facebook полицейские проверили и нашли преступника.

Таким образом, внедрение в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений новых методов, разработанных на базе научно-технического прогресса, расширяет ее возможности, позволяет решать задачи на более высоком уровне, совершенствовать теоретические и методологические подходы к решению этих задач. Наука не стоит на месте, разрабатываются все более и более усовершенствованные технические приборы, устройства, программное обеспечение, которые должны внедряться в криминалистическую деятельность для борьбы с преступностью на новом, совершенном уровне. Также необходимо дальнейшее объединение усилий производителей мобильных устройств связи, сотрудников правоохранительных органов для раскрытия преступлений.

Тема работы не теряет своей актуальности и может быть предметом дальнейших исследований в сфере производства компьютерно-технической экспертизы для постановки новых задач, расширения возможностей получения содержащейся в мобильном телефоне информации.

1. Архипова Н.А. Организационно-тактические аспекты раскрытия и расследования преступлений в ситуациях использования средств мобильной связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.

2. Средства и системы контроля и управления доступом. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний [Электронный ресурс] : ГОСТ Р 51241-2008 : утв. приказом Федер. агентства по техн. регулированию и метрологии, 17 дек. 2008 г., № 430-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».

3. Подделка отпечатков пальцев [Электронный ресурс] // TECHPORTAL.RU: отраслевой медиаканал. URL: <http://www.techportal.ru/glossary/poddelka-ot-peschatkov-palcev.html> (дата обращения: 16.09.2018).

4. Самищенко С.С. Современная дактилоскопия: теория, практика и тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

5. Сухарев А.Г., Стальмахов А.В., Трубицын Р.Ю. Искусственные папиллярные узоры как негативные аспекты дактилоскопической идентификации и верификации // Судеб. экспертиза. 2011. № 1.

6. Apple запатентовала метод ловли преступников при помощи датчика Touch ID [Электронный ресурс] // Newsru.com. URL: <https://hitech.newsru.com/article/26aug2016/apple> (дата обращения: 18.09.2018).

7. Решения FindFace.PR. Идентификация личности. Поиск по огромным базам фотографий. Идентификация личности по фотографии за долю секунды [Электронный ресурс]. URL: <https://findface.pro/ru/> (дата обращения: 03.10.2018).

УДК 343.13

А.В. Руденко

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ СОБИРАНИЯ, ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Доказывание как деятельность, включающая в себя работу с людьми – носителями информации, версиями, доказательствами, доказательствами, промежуточными и искомыми фактами, представляет собой сложный процесс формирования достоверного вывода по делу. Основу этого процесса составляют конкретные факты объективной действительности, которые многократно отражаются в следах материального и идеального характера, сознании субъектов доказывания, в выдвигаемых ими версиях, выводимых из них логических следствиях, в результатах сопоставления доказательств, логических следствий и новых доказательств, в протоколах, в процессуальных решениях.

Сами факты не меняются, меняется оценка их отображения в различных обстоятельствах: при собирании, проверке, оценке и использовании доказательств. Для отображения фактов объективной действительности применяется воздействие, связанное не только с практической, но и с логической деятельностью, как формальной, так и содержательной. Появляется новое качество отображений, которое формирует субъективное представление об их основе. Это представление-образ является неполным, обрывочным, часто ошибочным, так как составлено из отображений различных фактических обстоятельств событий прошлого. Постепенно, в результате деятельности, направленной на достижение достоверного знания об обстоятельствах преступления, этот образ приобретает четкие очертания, границы, общие с образами иных событий, наполняется красками. Реализация конкретными субъектами процессуальной деятельности задач доказывания приводит к достижению характеристики знания об обстоятельствах преступного деяния и лице его совершившем как достоверного. При этом знание становится достоверным только при соблюдении предусмотренных законом требований к процессу доказывания.

Однако это не единственное условие. Другим, не менее важным условием достоверного установления обстоятельств дела является логическая верность в предположениях и выводах субъектов доказывания, которая основана на содержательном осмыслении доказательств.

Следователь, начиная производство по делу, может владеть лишь незначительным количеством информации, исходной только для вероятностных (предположительных) выводов об обстоятельствах преступления, которые должны претерпеть трансформацию в достоверные знания. В процессе собирания, проверки и оценки доказательств знания претерпевают изменения: на первоначальном этапе расследования они обусловлены только собственным содержанием и формой, а затем их местом и значением среди других доказательств, собранных по делу.

То, что собирание, проверка и оценка доказательств как элементы процесса доказывания могут иметь не только процессуальную, но и диалектическую природу, является основой данного исследования.

Главное в диалектике уголовно-процессуального познания – доказательства, которые приобретают свою характеристику через оценку субъектами доказывания их свойств (относимость, допустимость, достоверность, сила (значение), достаточность в их совокупности,

Поскольку форма во многом определяет содержание, соблюдение требований к собиранию и проверке доказательств также во многом определяет содержание оценки достоверности вывода, основанного на доказательствах, а следовательно, и достоверности самих доказательств.

Практическая составляющая доказывания ограничена собиранием доказательств и получением новых доказательств при проверке, а все остальное в доказывании – мыслительная деятельность. Так как результаты практической деятельности являются основой для выводов, значит достоверный вывод, который формируется в результате субъективного процесса, должен быть основан на объективных результатах реальной деятельности. Реальная деятельность осуществляется исходя из неполных объективных данных и субъективных выводов, носящих характер предположений.

Диалектика объективных результатов доказывания – доказательств – определяет формально-логическое оперирование ими. Диалектическое исследование доказательства приводит к утверждению о том, что формально-логическое мыслительное достижение правильных выводов должно быть наполнено содержанием, которое позволяет характеризовать результаты мышления как содержательно достоверные.

Содержательная логика доказывания – это основа как для процесса доказывания, так и для его начала и результата, это теорема комплексного применения диалектического и формально-логических методов к осуществлению процесса доказывания и достижению в его результате

содержательной достоверности как характеристики знания субъекта доказывания. Доказывание представляет собой содержательный логический процесс, включающий в себя элементы построения версий, выведения из них логических следствий, определения возможных доказательств, собирания (обнаружения и фиксации), проверки доказательств с мыслительной и практической сторон, оценки доказательств и их использования в обосновании выводов для подтверждения и опровержения версий, оценки достоверности установления наличия или отсутствия обстоятельств преступления.

Предметом содержательной логики доказывания является изучение процесса доказывания как вида мыслительно-практической деятельности, основанного на использовании законов и форм мышления, диалектики становления и развития формы и содержания доказательств в процессе их собирания, проверки и оценки, становления достоверности итогового вывода по уголовному делу.

Изложение характеристики содержательной логики уголовно-процессуального доказывания представляется верным осуществлять с учетом двух ее составляющих – объективной и субъективной логики.

В характеристику объективной логики доказывания входят: само преступление, его сущность, становление и развитие свойств доказательств в процессе их обнаружения и фиксации (собирания), проверки и оценки. Однако так как исследование методами логики преступления, его сущности ближе науке уголовного права, чем науке уголовного процесса, доказательства в развитии своих свойств, а во взаимосвязи с ними и элементы процесса доказывания являются объектом исследования этой составляющей содержательной логики доказывания.

Субъективная логика охватывает часть логического исследования доказывания, в которую входят: версии в процессе их построения, выведения из них логических следствий, определение возможных доказательств, получение логических выводов на основании оценки доказательств, полученных по результатам проверки версий. Проверка и оценка доказательств в своем мыслительно-логическом аспекте также находят отражение в субъективной логике доказывания.

Особое место в содержательной логике доказывания занимает оценка доказательств. Оценка доказательств относится к субъективной логике в той своей части, которая носит исключительно логический характер и может быть облечена в форму. С другой стороны, в результате деятельности по оценке получаемые значения свойств доказательств неотделимы от самих доказательств, следовательно, эту деятельность относят к объективной логике.

Устанавливая обстоятельства в процессе доказывания, которые дают возможность определить посредством доказательств основные призна-

ки сущности преступления, используются обе стороны логики доказывания, т. е. доказывание в наибольшей мере представлено содержательным логическим процессом: благодаря интегративным качествам системы доказательств посредством логических инструментов достигается цель доказывания. Установление обстоятельств предмета доказывания по конкретному делу – это прежде всего процесс, результатом которого является содержательно достоверный логический вывод. В то же время установление обстоятельств предмета доказывания – это результат итоговой оценки доказательств, логический вывод по итогам проверки версий, т. е. процесс относится к субъективной логике доказывания.

Различие объективного и необъективного применительно к знаниям о преступлении связано не только с тем, что они описывают, но и с тем, как они это описывают: адекватно или неадекватно, тождественно сущности или нетождественно. Объективность вероятностных знаний о преступлении означает соответствие субъективной модели преступления фактам объективной действительности. Необъективность вероятностных знаний обуславливается как неполнотой, так и субъективизмом их оценки, ошибочности исходных данных для таких знаний. На выявление, опровержение и устранение элементов субъективизма и ошибочности в знании направлено выполнение всех требований, предъявляемых к процессу доказывания, которые установлены уголовно-процессуальным законодательством.

Таким образом, субъективная составляющая содержательной логики доказывания подчиняется законам формальной (субъективной) логики, а объективная составляющая – подробно регламентированным требованиям уголовно-процессуального закона и законам диалектики.

УДК 343.13:342.922

О.В. Рымарчук

ИНСТИТУТ ЧАСТНЫХ ДЕТЕКТИВОВ В УКРАИНЕ

Возникновение института частных детективов – реакция государственной власти на потребность современного общества в альтернативной защите своих прав, свобод и интересов негосударственными институтами без привлечения правоохранительных органов. Для расширения возможностей граждан и юридических лиц в такой защите во многих странах мира (США, Великобритания, Франция, Германия, Канада, Индия, Израиль, Япония, Норвегия, Испания, Италия, Португа-

лия, Мексика, Россия и др.) частная детективная деятельность урегулирована на законодательном уровне [1].

Поскольку становление правового государства предполагает укрепление законности во всех сферах деятельности, 13 апреля 2017 г. был принят Закон Украины «О частной детективной (розыскной) деятельности», обеспечивающий конституционные гарантии лица, его законных прав и интересов путем определения общих правовых основ организации частной детективной деятельности в Украине. Однако Президент Украины использовал право вето и возвратил Верховному Совету Украины указанный закон на повторное рассмотрение и внесение поправок. После подписания Президентом Украины Закона «О частной детективной (розыскной) деятельности» (далее – Закон) будет обозначен правовой статус субъектов частной детективной деятельности и их права, обязанности; виды детективных услуг, которые могут предоставлять такие субъекты; процедура выдачи свидетельства о праве на занятие частной детективной деятельностью и получения разрешения на хранение и применение специальных средств.

Закон впервые должен закрепить понятие частного детектива – физического лица, предпринимателя, предоставляющего заказчику на платной договорной основе детективные услуги с целью защиты его законных прав и интересов. Частная детективная (розыскная) деятельность должна будет осуществляться с разрешения центрального органа исполнительной власти, обеспечивающего формирование государственной политики в сфере охраны прав и свобод человека, интересов общества и государства, противодействия преступности, поддержания публичной безопасности и порядка, а также предоставления полицейских услуг.

В соответствии с Законом частным детективом может быть гражданин Украины, достигший 21 года, владеющий государственным языком, имеющий высшее юридическое образование или стаж работы в оперативных подразделениях или органах досудебного расследования не менее трех лет, прошедший соответствующее обучение с целью осуществления частной детективной (розыскной) деятельности и получивший в установленном законом порядке свидетельство о праве на занятие частной детективной (розыскной) деятельности [2].

Следует отметить, что Закон имеет как своих сторонников, так и оппонентов. Не все специалисты поддерживают законодателя в том, что частным детективам необходимо высшее юридическое образование. Например, в Германии к кандидатам не предъявляются требования юридического образования или соответствующего опыта работы в правоохранительных органах. В США нормативно-правовое регулирование частной детективной деятельности осуществляется в каждом штате отдельно. Так, в штате Калифорния для получения лицензии кандидату

необходимо иметь опыт практической работы в области расследований преступлений не менее 6 тыс. часов (750 рабочих дней), а при наличии юридического образования – 2 тыс. часов [3]. В штате Нью-Йорк частным сыском могут заниматься лица, имеющие не менее трех лет стажа работы в полицейских, следственных или иных службах. Испанские частные детективы должны иметь необходимые знания и умения для осуществления таких функций. Лицензиаты в Италии обязаны обладать соответствующим уровнем образования и высокими моральными качествами, позволяющими работать в области частного сыска [4, с. 7–13].

Закон определяет исчерпывающий перечень детективных услуг, которые могут предоставляться субъектами частной детективной (розыскной) деятельности:

- сбор, фиксация и исследование сведений, необходимых для рассмотрения дел в гражданском, хозяйственном, административном судопроизводстве на договорной основе со сторонами судебного процесса;

- изучение рынка, поиск и сбор информации из открытых источников с целью подготовки деловых переговоров заказчика, установление финансовой платежеспособности, имущественного состояния и благонадежности потенциальных деловых партнеров;

- установление биографических и других данных, характеризующих личность отдельных граждан (с их письменного согласия) при заключении ими трудовых и иных договоров с заказчиком частных детективных (розыскных) услуг (трудоустройство у него на вакантную должность), выявление их деловых связей, в том числе с конкурентами заказчика, в Украине и за рубежом;

- поиск лиц, местонахождение которых неизвестно, выяснения причин и обстоятельств их исчезновения, возможностей и условий их возврата, розыск лиц, утративших родственные или дружеские связи;

- розыск пропавшего (утраченного или похищенного) имущества, предметов и животных;

- осуществление мероприятий для воссоздания утраченной (пропавшей) информации касательно законных прав и интересов заказчика;

- выявление фактов незаконного (несанкционированного) сбора с целью использования сведений, составляющих коммерческую тайну заказчика, или их разглашения, а также фактов незаконного (несанкционированного) сбора конфиденциальной информации о физических лицах;

- поиск, выявление и фиксация фактов незаконного использования интеллектуальной собственности, которая принадлежит заказчику, а также случаев недобросовестной конкуренции;

- поиск должников и лиц, уклоняющихся от выполнения своих договорных обязательств;

- обеспечение защиты информации с ограниченным доступом (коммерческая, профессиональная тайна) заказчика;

- осуществление других детективных услуг, не запрещенных законодательством.

Несмотря на то что перечень детективных услуг довольно обширен, в Законе отсутствует механизм реализации такой деятельности. Субъекты частной детективной (розыскной) деятельности не имеют права осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, отнесенные законом к исключительной компетенции оперативных подразделений, и на них не распространяется действие законов, регулирующих правовой статус работников правоохранительных органов. Законодатель также не учел вопрос о роли частных детективов в уголовном судопроизводстве: не предусмотрел перечень их полномочий, а также порядок взаимодействия с правоохранительными органами.

В Законе предусмотрены способы и методы осуществления частного сыска (ст. 13):

- обращение с запросами в органы государственной власти, органы местного самоуправления, к должностным и служебным лицам предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений, а также к физическим лицам;

- ознакомление в определенном объеме с необходимыми для осуществления частной детективной (розыскной) деятельности документами и материалами предприятий, учреждений, организаций, кроме тех, которые содержат информацию с ограниченным доступом с их согласия;

- проведение внешнего осмотра сооружений, помещений, других объектов, доступ к которым не ограничен, закрытых для свободного доступа сооружений, помещений, других объектов с согласия их собственников или законных пользователей, а также проведение внутреннего осмотра с согласия собственника;

- проведение осмотра и изучения материалов, предметов, документов с согласия их собственников или законных пользователей;

- получение на договорной основе письменных выводов и устных консультаций специалистов и экспертов по вопросам, требующим специальных знаний;

- осуществление наружного наблюдения на открытой местности, в общественных местах и на транспорте по решению уполномоченных лиц в порядке, предусмотренном Уголовным процессуальным кодексом Украины;

- осуществление кино- и фотосъемки, видео- и аудиозаписи, а также применение других технических средств, не наносящих вреда жизни и здоровью лиц, в служебных помещениях – с письменного согласия лиц, в отношении которых осуществляется такая техническая фиксация, а также с уведомлением владельцев или законных пользователей этих помещений;

проведение устного опроса лиц.

Некоторые из предоставленных законодателем обширных полномочий частных детективов и методов их реализации вызывают сомнения, особенно те, которые требуют добровольного письменного согласия лиц, в отношении которых они будут осуществляться: не установлен процессуальный порядок получения добровольного письменного разрешения, например осуществления кинофотосъемки и видеоаудиозаписи [5].

Кроме того, Закон не обозначил правового статуса информации, документов, предметов, полученных во время осуществления детективной (розыскной) деятельности. Будут ли они обладать юридической силой доказательств? В украинском уголовном судопроизводстве они не будут доказательствами, так как такой подход противоречит нормам УПК Украины. Доказательство признается допустимым, если оно получено в порядке, установленном УПК Украины, а недопустимое доказательство не может быть использовано при принятии процессуальных решений, и на него не может ссылаться суд при постановлении судебного решения (ст. 86) [4, 5].

Таким образом законодательство Украины успешно развивается в направлении эффективного урегулирования вопросов, касающихся частного сыска, так как есть законодательная основа, обеспечивающая соблюдение прав, свобод и интересов человека. Однако Закон Украины «О частной детективной (розыскной) деятельности» нуждается в доработке, и для его усовершенствования есть возможности и время.

1. Объяснительная записка к проекту Закона Украины «О частной детективной (розыскной) деятельности» от 28 декабря 2015 года [Электронный ресурс]. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=57580 (дата обращения: 01.11.2018).

2. Закон Украины «О частной детективной (розыскной) деятельности» от 13 апреля 2017 года [Электронный ресурс]. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=57580 (дата обращения: 01.11.2018).

3. Беззуб И. Частная детективная деятельность: украинские реалии и зарубежный опыт [Электронный ресурс]. URL: http://nbuviap.gov.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=2930:privatna-detektivna-diyalnist-ukrajinski-realijita-zarubizhnij-dosvid&catid=8&Itemid=350 (дата обращения: 01.01.2018).

4. Бугайчук К.Л. Институт частных детективов за границей: сравнительно-правовой анализ // Право и безопасность. 2016. № 1.

5. Гришко В.И., Хоружа И.Г. Проблемы имплементации Закона «О частной детективной (розыскной) деятельности» в Украине с учетом зарубежного опыта // Юрид. науч. электрон. журн. 2018. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://lsej.org.ua/index.php/arkhiv-nomeriv/2-uncategorised/85-1-2018-ukr> (дата обращения: 01.11.2018).

ПРОБЛЕМЫ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАСИЛЬСТВЕННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Одними из средств решения тактической задачи по сбору и фиксации исходной информации о произошедшем событии при расследовании насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего являются освидетельствование и судебно-медицинская экспертиза потерпевшей (потерпевшего).

Для решения главных задач освидетельствования потерпевшей при расследовании насильственных действий сексуального характера важно изъятие:

вагинального содержимого (при извращенных способах содержимого слизистой прямой кишки и рта, анального отверстия) с целью обнаружения спермы, образцов микрофлоры влагалища; подногтевого содержимого (изъятое с каждого пальца помещается в отдельную пробирку) с целью выявления эпителиальных клеток, крови, слюны, обломков волос, а также микроволокон и микрочастиц с одежды насильника и места происшествия;

следов спермы, крови, слюны, волос насильника с тела потерпевшей (при этом проводится прочесывание волос на лобке расческой, которую затем упаковывают в отдельный пакет) и других загрязнений. Описывают расположение и характер телесных повреждений (кровоподтеки, царапины, следы укусов и т. д.), затем следы фотографируют, а со следов зубов изготавливают слепки с помощью силикона.

После освидетельствования при совершении преступлений, связанных с насильственными действиями сексуального характера в отношении несовершеннолетней, нами рекомендуется проводить в обязательном порядке судебно-медицинскую экспертизу. Параллельно проводится судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств, в рамках которой исследованию подвергается содержимое влагалища или анального отверстия, потому что оно может быть обнаружено на половом органе мужчины (на одежде и постельном белье), а данные следы могут быть использованы для установления факта контактного взаимодействия. Проведение судебно-медицинской экспертизы подозреваемо-

го также обязательно, потому что обнаружение и фиксация кровоподтеков, ссадин, ран подтверждает насильственный характер совершенных действий, что необходимо для доказывания виновности лица в случае выдвижения им в качестве оправдательного обстоятельства факта добровольности сексуальных отношений с потерпевшей.

При освидетельствовании лица, подозреваемого в совершении насильственных действий сексуального характера, кроме поиска телесных повреждений обязательно осматривается область половых органов, анального отверстия и рта. Осмотр тела освидетельствуемого лица с целью обнаружения следов крови начинается с открытых частей (руки, лицо, ушные раковины, волосы), а затем осматривается все тело целиком, особенно те участки тела, на которых преступник мог не заметить кровь, смывая ее с себя. У подозреваемого коротко остригаются ногти, потому что в содержимом под ними может находиться кровь, частицы кожи. Если имеются данные, что преступник на месте происшествия был босиком, необходимо остричь ногти пальцев ног.

Отыскивая кровь, следует выявлять и другие следы, указывающие на орудие преступления, на причастность лиц к совершенному преступлению (следы зубов, ногтей, мелкие раны). Ввиду того что следы и раны на теле, заживая, быстро теряют свои формы и другие характерные признаки, их необходимо при обнаружении немедленно зафиксировать. В процессе осмотра тела фиксируются особые приметы: татуировки, шрамы, рубцы, родимые пятна, пигментированные участки кожи, веснушки, обильное оволосение всей поверхности или отдельных частей тела, а также отсутствие некоторых элементов частей тела или их дефекты.

Нередко одновременно с освидетельствованием лица проводится осмотр его одежды. Однако следует помнить, что на решение вопроса о целесообразности изъятия одежды оказывает влияние главный фактор – временной период, т. е. время между совершением преступления и задержанием лица, подозреваемого в его совершении. Осмотр одежды подозреваемого имеет особое значение для установления факта контактного взаимодействия комплектов одежды потерпевшей (потерпевшего) и лица, подозреваемого в совершении преступления.

Так, Ю.Г. Торбин предлагает дать право следователю при производстве освидетельствования производить осмотр имеющейся на подозреваемом или потерпевшем одежды, если есть достаточные основания полагать, что она была на них в момент совершения преступления [1, с. 162]. А.Я. Гинзбург и Р.С. Белкин полностью поддерживают данную идею [2, с. 158].

К.Ж. Капсалимов придерживается противоположной точки зрения и считает, что осмотр одежды производится как отдельное следственное действие и не входит в освидетельствование [3, с. 47].

О.Н. Турлыбаев видит эту проблему в соотношении полов освидетельствуемого и лиц, присутствующих при освидетельствовании и предлагает дополнить ч. 3 и 4 ст. 223 УПК Республики Казахстан тем, что освидетельствуемое лицо указывает что пол участвующих лиц по своему желанию [4, с. 70]. При этом автор ссылается на случаи с трансвеститами, пол которых точно установить не представляется возможным: внешний облик их указывает не на тот пол, в котором чувствует себя человек.

По нашему мнению, при освидетельствовании должен осматриваться только наружный облик человека, но никак не одежда, так как данное действие направлено на осмотр поверхности тела и его особенностей, прежде всего половых органов и других частей тела, связанных с отличием по полу, которые фиксируются в протоколе. Определение душевного состояния освидетельствуемого относится к области психиатрии и психологии.

Анализируя уголовно-процессуальное законодательство, а именно регламентирующее производство освидетельствования, сопровождаемое осмотром половых органов освидетельствуемого лица (ч. 3 ст. 223 УПК Республики Казахстан), мы пришли к выводу, что диспозиция данной статьи не отвечает действительности – совершаемым в ходе данного следственного действия, а следовательно, затрудняется применение ее на практике. Так, ч. 3 ст. 223 УПК Республики Казахстан закрепляет только обнажение освидетельствуемого лица – осмотр его половых органов отсутствует.

По данной проблеме Ю.Г. Торбин высказывается однозначно, говоря о значимости участия врача в освидетельствовании, так как он использует свои медицинские знания в целях обнаружения, фиксации особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения, иных свойств и признаков, имеющих значение для дела [1, с. 127], в том числе оно обязательно при осмотре половых органов освидетельствуемых несовершеннолетних [1, с. 132].

На основании вышеизложенного мы пришли к выводу, что необходимо процессуально закрепить обязательное участие специалиста в области медицины при осмотре половых органов освидетельствуемого лица, поскольку оно улучшает результаты освидетельствования по следующим причинам: во-первых, специализированный осмотр естественных углублений человеческого тела способствует качественному сбору доказательств; во-вторых, специалист, осуществляющий осмотр, независим и непредвзят; в-третьих, при обследовании интимных частей тела любой человек полагается только на специалиста в области медицины, так как при производстве освидетельствования происходит вторжение в сферу личных прав и свобод граждан (конституционный принцип защиты чести и достоинства человека – ст. 18 Конституции Республики

Казахстан), в том числе и на телесную неприкосновенность (ст. 17 Конституции Республики Казахстан).

Итак, мы пришли к следующим выводам:

1. Объектом освидетельствования при совершении насильственных сексуальных действий в отношении несовершеннолетних является тело живого человека (потерпевшей (потерпевшего), подозреваемого), которое изучается с целью обнаружения следов преступления и особых примет. При этом целенаправленность поиска определяется составом совершенного деяния, объяснениями освидетельствуемого лица, результатами осмотра места происшествия, орудия (при наличии) и способа насилия, которые были использованы при совершении преступлений.

2. Проведение судебно-медицинской экспертизы освидетельствуемого лица обязательно, потому что обнаружение и фиксация кровоподтеков, ссадин, ран подтверждает насильственный характер сексуальных действий, что необходимо для доказывания виновности лица в случае выдвижения им в качестве оправдательного обстоятельства факта добровольности сношения с совершеннолетней потерпевшей.

1. Торбин Ю.Г. Теория и практика освидетельствования. СПб., 2004.

2. Гинзбург А.Я., Белкин Р.С. Криминалистическая тактика : учебник. Алматы, 1998.

3. Капсаламов К.Ж. Уголовное преследование и способы собирания доказательств : учеб. пособие. Астана, 2000.

4. Турлыбаев О.Н. Особенности расследования насильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Караганда, 2006.

УДК 343.932

В.В. Сайдамарова

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ

Развитие информационных технологий и их внедрение в медицину, науку, производственную сферу навсегда изменили современное общество. Законы социума обязаны подчиняться и приобщаться к данным переменам. Поскольку актуальным является предупреждение таких преступлений, как международный терроризм, совершение различных преступлений с использованием глобальной компьютерной сети и т. п., увеличился интерес к тематике цифровой идентификации личности,

особенно в повседневной практике правоохранительных органов. Идентификация человека – одна из основных задач криминалистики: ее теория одна из ведущих, наиболее разработанных и применяемых на практике в раскрытии преступлений. На основе идентификации разработаны многочисленные методы, среди которых антропометрические методы, предложенные в 1879 г. А. Бертильоном, – первые шаги массового применения биометрии, ДНК-анализ человека и т. п. [1, с. 59–63].

Криминалистическая идентификация как теория, метод и процесс познания всегда использовалась специалистами для получения реального результата в идентификационных исследованиях, что свидетельствует о высокой степени ее значимости для раскрытия, расследования преступлений и розыска преступников. Идентификация является одним из самых универсальных и эффективных методов в установлении материальных объектов по их следам в обстановке расследуемого события. Ее универсальность обусловлена системой материальных взаимодействий в структуре исследуемого события: каждый материальный объект, входящий в эту структуру (например, субъект преступления), может быть как отображаемым, так и отображающим объектом. В силу этого данные объекты могут быть установлены посредством идентификации.

В настоящее время наряду с уже существующими традиционными методами и способами идентификации широкое применение находят современные биометрические информационные технологии. Сегодня слово «биометрия» не вызывает сомнений – оно прочно вошло в обиход. Биометрическая идентификация, биометрический сканер, биометрические паспорта – каждый понимает, о чем идет речь. Под биометрическими технологиями чаще всего понимают автоматические или автоматизированные методы распознавания личности человека по его биологическим характеристикам или проявлениям.

Биометрия представляет собой методику распознавания и идентификации людей на основе их индивидуальных физических или поведенческих характеристик.

Биометрическая идентификация использует биометрический признак – физиологические особенности, заложенные в генетическом коде (геометрия лица, ладони, ступни, форма уха, температурная топография кожи лица и ладони, папиллярные узоры, рисунок радужной оболочки и сетчатки глаза, колебания голосовых связок, походка и т. п.), которые являются постоянными и неизменными характеристиками человека. Биометрия позволяет оценить разнообразные связи, зависимости и отношения между биологическими явлениями, объектами и процессами [2].

Современные методы биометрических исследований с целью идентификации человека являются автоматическими цифровыми система-

ми. Методы биометрической идентификации могут быть поделены на две группы: статические и динамические.

Статические методы – основываются на уникальной физиологической (статической) характеристике человека, данной ему от рождения. К основным статическим методам, применяемым в настоящее время, относится биометрическая защита:

В основе биометрической защиты по предъявлению отпечатков пальцев лежит уникальность рисунка папиллярных узоров на пальцах каждого человека. Изображение отпечатка пальца, полученное с помощью специального сканера, преобразуется в цифровой код (свертку) и сравнивается с ранее введенным эталоном. Данная технология является самой распространенной среди других методов биометрической идентификации [3].

Биометрическая защита по распознаванию формы ладони построена на геометрии кисти руки – на уникальной биометрической характеристике человека. С помощью специального устройства, состоящего из камеры и нескольких подсвечивающих диодов, которые, включаясь по очереди, дают разные проекции ладони, строится трехмерный образ необходимый для получения уникальной цифровой свертки, идентифицирующей человека.

Биометрическая защита по расположению вен на лицевой стороне ладони основана на считывании рисунка вен на лицевой стороне ладони с помощью инфракрасной камеры. Полученная картинка обрабатывается, и по схеме расположения вен формируется цифровая свертка. Инфракрасная камера делает снимки внешней или внутренней стороны руки. Рисунок вен формируется благодаря тому, что гемоглобин крови поглощает инфракрасное излучение. Степень отражения уменьшается, и вены видны на камере в виде черных линий. Специальная программа на основе полученных данных создает цифровую свертку. Контакт человека со сканирующим устройством не требуется.

Биометрическая защита по сетчатке глаза – это способ идентификации по рисунку кровеносных сосудов глазного дна. Для того чтобы этот рисунок стал виден, человеку нужно посмотреть на удаленную световую точку – таким образом подсвеченное глазное дно сканируется специальной камерой.

Биометрическая защита по радужной оболочке глаза предусматривает фотографирование радужной оболочки портативной камерой со специализированным программным обеспечением, позволяющим захватывать изображение части лица, выделяя из него изображение глаза и рисунок радужной оболочки, по которому строится цифровой код для идентификации человека.

Идея идентификации личности по радужной оболочке глаза была предложена офтальмологами в 1936 г. Первый автоматизированный алгоритм распознавания радужной оболочки глаза, разработанный математиком Джоном Даугманом, появился в 1994 г., был запатентован и до сих пор лежит в основе систем распознавания радужной оболочки [4].

Технология биометрической идентификации личности использует уникальность признаков и особенностей радужной оболочки человеческого глаза. Радужная оболочка – цветная часть глаза между склерой и зрачком – является, как и отпечатки пальцев, фенотипической особенностью человека. Радужная оболочка формируется еще до рождения человека и не меняется на протяжении всей жизни. Невозможно найти два абсолютно идентичных рисунка радужной оболочки глаза, даже у близнецов. Рисунок радужки очень сложен, что позволяет отобразить порядка 200 контрольных точек, с помощью которых обеспечивается высокая степень надежности сопоставления. Для сравнения: лучшие системы идентификации по отпечаткам пальцев используют 60–70 точек. В отличие от сканирования сетчатки глаза, при котором используются инфракрасные лучи или яркий свет, получение изображения радужной оболочки глаза производится простым фотографированием. Очки и контактные линзы, даже цветные, не воздействуют на качество получаемого изображения.

Биометрическая защита по форме лица на сегодняшний момент занимает второе место после сканирования отпечатков пальцев. Строится трехмерный образ лица человека, на котором выделяются контуры бровей, глаз, носа, губ и т. д., вычисляется расстояние между ними. Строится не просто образ, а еще множество его вариантов на случаи поворота лица, наклона, изменения выражения.

Биометрическая идентификация по распознаванию облика лица позволяет с высокой точностью распознать человека, особенно если применять трехмерное сканирование лица. Технология распознавания позволяет сканировать человеческие лица в режиме реального времени. Видеочамера подключается к терминалу, и система определяет, соответствует ли лицо в кадре фотографиям из базы данных.

Принцип работы системы распознавания по лицу основан на специальном алгоритме оцифровки изображений, позволяющем выбирать на кадрах лицо человека и оцифровывать его, выделяя большое количество параметров – так называемых базовых точек (скулы, цвет и форма глаз, ширина переносицы, губ и т. д.). Для надежного опознания человека программе достаточно всего несколько десятков базовых точек. Фотография и цифровое описание лица заносятся в базу данных, с которыми сравнивается распознаваемое лицо.

Распознавание лица – это, пожалуй, единственный биометрический способ идентификации персон, для применения которого не требуется

специальная техника. Люди легко узнают друг друга по лицам, именно в лицо мы узнаем родных и близких, а не прибегаем, скажем, к сличению отпечатков пальцев или радужной оболочки. В отличие от других биометрических методов, применимых только для контроля доступа или сравнения в базе данных, технология распознавания образа позволяет детектировать (находить) лицо человека в видеокадре либо для последующего сравнения с базой данных, либо, наоборот, чтобы скрыть его от случайного зрителя.

Биометрическая идентификация по термограмме лица основана на уникальном распределении на лице кровеносных сосудов, снабжающих кровью кожу, которые выделяют тепло. Для получения термограммы используются специальные камеры инфракрасного диапазона. Этот метод позволяет различать близнецов.

За основу биометрической идентификации по ушной раковине взята система трубчатой структуры среднего уха и общая форма ушной раковины, создающие ушной отпечаток, который позволяет точно опознать владельца в 99,6 % случаев. О возможности использовать анатомические особенности уха для установления личности человека еще в 80-х гг. XIX в. говорил Альфонс Бертильон, французский полицейский офицер, который одним из первых начал пользоваться физическими измерениями для идентификации преступников. Бертильон применял качественные и количественные описания различных частей тела, включая уши, называя эту методику антропометрией [1].

Динамические методы биометрической идентификации основываются на поведенческой (динамической) характеристике человека, т. е. построены на особенностях, характерных для подсознательных движений в процессе воспроизведения какого-либо действия.

Биометрическая идентификация по походке человека является новым методом, основанным на уникальном рисунке передвижения, который включает в себя ритм, скорость и другие особенности. Этот рисунок передвижения можно использовать для идентификации личности человека даже в том случае, если лицо скрыто под маской, надеты широкие очки, капюшон, кепка, т. е. такие вещи или аксессуары, которые способны скрыть лицо человека.

Исследователи из Манчестерского университета (University of Manchester) совместно с коллегами из испанского Мадридского автономного университета (Universidad Autónoma de Madrid) собрали самую большую в мире базу данных о походке людей, в которую вошло около 20 тыс. записей движений ног 127 человек, сделанных с помощью специальных напольных сенсоров и камер высокого разрешения. Для работы системы нужна была только камера, находящаяся не далее 50 м от цели.

По словам автора исследования из Манчестерского университета Омара Кастильо Рейса (Omar Costilla Reyes), можно выделить примерно 24 различных параметра движения, во время ходьбы, т. е. каждый человек действительно обладает уникальной моделью перемещения.

Все эти данные были загружены в нейросеть, которая после настройки программы смогла распознавать людей по походке почти со 100-процентной точностью. Информационно-поисковая система идентифицирует человека по пространственным и временным характеристикам его следа.

Эксперты утверждают, что разработанная система регистрации пригодится для обеспечения безопасности в местах большого скопления людей. Поскольку система очень точна, с ее помощью можно мгновенно заметить человека, который находится в розыске, а также предотвратить теракты и другие виды преступлений.

Развитию биометрической идентификации по голосу (спектральным характеристикам голоса), одной из старейших технологий, в настоящее время уделяется большое внимание. Этот метод идентификации человека основан на построении кода по голосу, как правило, по различным сочетаниям частотных и статистических его характеристик. В биометрической системе для определения или подтверждения личности используют индивидуальные поведенческие, психологические и некоторые другие характеристики.

Биометрическая идентификация по рукописному почерку, как правило, использует подпись человека или написанное кодовое слово. Эта технология становится весьма популярной альтернативой росписи ручкой. Она предусматривает применение или специальных ручек, или чувствительных к давлению планшетов, или комбинацию того и другого. В зависимости от требуемой степени защиты алгоритм идентификации может быть простым (учитывает степень совпадения двух изображений) или усложненным (кроме изображений анализируются динамические признаки написания – степень нажима, скорость письма, распределение участков с большим и меньшим нажимом и т. п., что определяет мышечную память).

Китайские власти решили использовать на службе полиции и общественной безопасности искусственный интеллект, основанный на биометрической идентификации. Китайские полицейские имеют доступ к 176 млн камер по всей стране, лучшие инженеры-программисты работают над улучшением системы распознавания людей и выявления преступников, используя биометрические методы идентификации по рисунку походки, распознаванию лица, голоса, радужной оболочке глаза и т. п. [6].

Анализ биометрической системы свидетельствует о ее существенном рывке в развитии за последнее время. Стало актуальным использование данных методов не только в сфере раскрытия и расследования

преступлений, но и в бытовой жизни человека, поскольку увеличился спектр массового применения некоторых методов биометрической идентификации человека (мобильная связь, паспортные системы, кредитные карты и т. п.) [5].

Рост объема баз данных, основанных на биометрической идентификации, предоставляет дополнительные возможности для установления личности человека, как при проведении расследования, так и для обеспечения безопасности. Более того, многие страны мира направляют все силы и средства, чтобы стала возможна мгновенная идентификация личности для возможности не только раскрытия преступлений, но и их пресечения.

1. Гинце А.А. Биометрические технологии: мифы и реальность // Инсайд. 2005. № 1.
2. Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : межвуз. сб. науч. тр. Омск, 2006. Вып. 5.
3. Тихонов В.А., Райх В.В. Информационная безопасность: концептуальные, правовые, организационные и технические аспекты : учеб. пособие. М., 2006.
4. Павельева Е.А., Крылов А.С. Поиск и анализ ключевых точек радужной оболочки глаза методом преобразования Эрмита // Информатика и ее применения. 2010. № 4.
5. Татарченко И.В., Соловьев Д.С. Концепция интеграции унифицированных систем безопасности // Системы безопасности. 1998. № 1.
6. Распознавание лиц: почему в Китае не скрыться даже в 60-тысячной толпе. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-43751391> (дата обращения: 15.11.2018).

УДК 343.985.7

А.Б. Сакенова, Р.С. Серазутдинов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕГО ПРАВОСУДИЕ ИЛИ ДОСУДЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Методика расследования посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или досудебное расследования, отличается сложностью. Ввиду двойственного объекта преступного посягательства она частично схожа с методикой расследования умышленных убийств и покушений (ст. 99 УК РК). Для успешного проведения расследования необходимо прежде всего криминалистически охарактеризовать пося-

гательство, совершенное в отношении лица, осуществляющего правосудие или досудебное расследование.

Преступление может иметь место как во время осуществления потерпевшим деятельности, обусловленной его полномочиями, так и спустя какое-то время в связи с этой деятельностью. Промежуток времени между осуществлением профессиональной деятельности потерпевшим и посягательством на его жизнь на квалификацию не влияет. Ответственность по ст. 408 УК РК может наступить и тогда, когда это лицо уже не исполняло своих служебных обязанностей. В таком случае особенно важно установить связь преступного поведения с прошлой деятельностью потерпевшего по осуществлению правосудия. Например, преступник посягает на жизнь потерпевшего, стремясь устранить его от рассмотрения дела, оказать влияние путем посягательства на его близких, отомстить за принятое решение. Деятельность, в связи с которой осуществляется посягательство на жизнь, должна быть законной, т. е. быть основанной на нормах законов и во исполнение норм законов, а также должна соответствовать должностным полномочиям потерпевшего.

Место совершения преступления может быть различным – в суде, дома, в общественном месте, на улице и т. п.

Вторым в череде рассматриваемых нами элементов криминалистической характеристики является мотив совершения преступления как элемент, позволяющий определить вероятную логику действий преступника при достижении цели. Цель рассматриваемого преступления являясь обязательным признаком субъективной стороны, заключается в воспрепятствовании законной деятельности потерпевшего. Она достигается причинением смерти потерпевшего, а также одновременным запугиванием других участников процесса. Мотив – месть потерпевшему за его законную деятельность в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством досудебного расследования либо исполнением судебного акта.

Важную роль для эффективного раскрытия и расследования данного вида преступлений играет обстановка, в которой преступление было совершено. Страх перед неотвратимым наказанием за совершение такого тяжкого преступления как посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или досудебное расследование, побуждает преступников принимать меры к сокрытию преступлений.

С.В. Пахомов в своем исследовании выделяет инструментальный тип посягательств, которые совершаются с целью обезопасить себя от законного преследования со стороны лиц, осуществляющих правосудие или досудебное расследование, и избежать ответственности за содеянное. При ситуативном типе убийство первоначально не входит в план преступ-

ного посягательства, но стечение определенных обстоятельств (активное сопротивление жертвы, призывы о помощи и т. п.) вынуждают преступника его совершить. Виновные в преступлениях подобного рода, как правило, отличаются эмоциональной несдержанностью, вспыльчивостью и раздражительностью. Посягательства мстительного типа совершаются по мотивам мести за осуществление лицом властно-распорядительных полномочий. При этом в качестве орудий преступлений используются предметы, случайно попавшие в поле зрения преступников [1, с. 53].

Третьим элементом в структуре криминалистической характеристики рассматриваемого преступления является обстановка, которая часто является следствием планирования преступной деятельности, направленной на реализацию целей преступника. В зависимости от мотивации совершения преступления и его типологического вида определяется выбор алгоритма и сопутствующей ему обстановки. Под обстановкой посягательства понимается характеристика места преступления в сочетании с содержанием событий, происходящих в этом месте в определенное время, поведение участников этих событий и иных присутствующих лиц. В структуре обстановки принято выделять обстановку, предшествовавшую совершению преступления, и обстановку, сложившуюся после его совершения. Такое деление способствует определению путей и средств поиска доказательственной информации. Посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или досудебное расследование, совершаются как в условиях очевидности, т. е. в присутствии свидетелей, так и в условиях неочевидности, т. е. тайно, без свидетелей. Соответственно, вероятность раскрытия данной категории преступлений непосредственно зависит от наличия свидетелей и очевидцев совершенного преступления.

Для установления обстановки совершения преступления рассматриваемой нами категории имеют значение обнаруженное оружие или орудия (холодное, огнестрельное оружие, предметы, приспособленные для совершения других преступлений, например для взлома дверей, либо предметы, находящиеся под рукой: камень, палка, стекло и пр.).

Посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или досудебное расследование, чаще всего совершаются при прямом контакте потерпевшего и преступника, и умысел на совершение данного преступления возникает при непосредственном взаимодействии с потерпевшим. Однако совершению преступлений рассматриваемой нами категории может способствовать тщательная подготовка.

На этот момент следует обратить внимание, рассматривая четвертый элемент криминалистической характеристики преступления, – способ совершения и сокрытие посягательства. В криминалистике существует

много точек зрения относительно включения способа сокрытия преступления в единую структуру способа совершения преступления. Если сокрытие преступления произведено после его совершения, способ сокрытия можно считать самостоятельным комплексом действий, не входящим в содержание понятия способа совершения преступления [2, с. 141].

В свою очередь мы придерживаемся мнения Р.С. Белкина, который отмечает полноструктурный способ совершения преступления, объединяющий способы осуществления всех стадий преступного замысла. При неполноструктурном способе одна или две из этих стадий (подготовка к совершению преступления либо сокрытие) могут отсутствовать [3, с. 661].

Действия по сокрытию преступления могут быть классифицированы в зависимости от того, являются ли они самостоятельными или представляют собой элемент способа совершения общественно опасного деяния. Мы придерживаемся точки зрения тех авторов, которые считают, что действия по сокрытию преступления могут быть элементом способа его совершения, если они охватываются единым преступным намерением.

В процессе совершения посягательства субъект для достижения конечной цели ставит как минимум две промежуточные цели: совершение посягательства на жизнь и его сокрытие. Включая в преступный замысел достижение их, он совершает соответствующие действия, которые избираются и выполняются таким образом, чтобы скрыть их осуществление. Преступник может упрощать или усложнять эти действия, чтобы принять наиболее приемлемые с его точки зрения меры по их сокрытию.

Иногда преступник, реализуя действия по подготовке и совершению преступления, устанавливает, что имеются благоприятные условия и для его сокрытия. Принимая решение об использовании этих условий, он планирует действия по сокрытию, включая их в общий преступный замысел и подчиняя конечной цели. Такие действия могут включаться в преступный замысел из боязни наказания, в связи с желанием преступника продолжить преступную деятельность и по другим причинам.

Однако действия по сокрытию преступления не всегда являются обязательным элементом способа его совершения, как в случае, если способ является отражением мотива посягательства. Часто импульсивное преступление совершается под влиянием внезапно возникшего умысла. В этой ситуации такие действия, как правило, скоротечны, поскольку субъект может не осознавать возможности привлечения к уголовной ответственности и стремится к достижению желаемой цели, невзирая на возможные неблагоприятные для себя последствия.

Сокрытие как элемент способа совершения имеет место либо на стадии подготовки, либо непосредственно в момент совершения посягательства на жизнь, либо после этого. Причем названные структурные

части способа совершения преступления и меры по сокрытию взаимосвязаны, взаимно predeterminedены. Особенности этих связей предоставляют субъекту преступления широкий выбор действий по сокрытию задуманного деяния. Выбирая тот или иной их вариант, он учитывает необходимость выполнения действий по подготовке и непосредственному совершению преступного посягательства, характер предполагаемых следов этих действий, условия объективной обстановки, в которых предстоит скрывать совершенное, и собственные возможности.

Если действия по сокрытию выполняются самостоятельно, набор их обширнее, чем когда они являются элементом способа совершения преступления, особенно если субъект преступления непосредственно участвует в проведении следственных действий. Самостоятельные действия по сокрытию может выполнять и субъект, не участвовавший в преступлении, что также предопределяет особенности их содержания.

Отнесение инсценировок к действиям по сокрытию преступления неозговорочно. В некоторых случаях инсценировки, т. е. создание искусственной обстановки какого-либо события, могут использоваться не для сокрытия преступления, а с целью оговора невиновных, когда никакого преступного деяния не совершалось [4].

К действиям по сокрытию, которые выполняются в рамках способа совершения преступления, нужно добавить действия, направленные на предупреждение возникновения следов преступного деяния, – подбор и использование специальных средств (перчатки, маски, чулки, носки, надеваемые на обувь, и т. п.).

Сокрытие, будучи видом противодействия досудебному расследованию, препятствует раскрытию преступления. Все действия по сокрытию можно классифицировать по предмету или направленности, а затем провести дальнейшую дифференциацию по самым различным основаниям.

Описанные элементы криминалистической характеристики, находясь в глубокой связи между собой, указывают на логическую последовательность мотивации совершения посягательства, способа и обстановки совершения преступления. Нежелание подвергнуться действиям лица, осуществляющего правосудие или досудебное расследование, порождает возникновение умысла на сокрытие расследуемых действий посредством совершения убийства вышеуказанного лица.

Эта логическая последовательность отражена в материальном праве – в уголовно-правовой норме ст. 408 УК РК, которая, однако, не включает в себя как квалифицирующий признак описываемый нами мотив, что является, на наш взгляд, одной из причин низкой регистрации исследуемого уголовного правонарушения.

Основываясь на данных Комитета по правовой статистике и специальным учетам, мы можем утверждать, что за последние пять лет заре-

гистрировано всего одно преступление по ст. 408 УК РК, что противоречит логике математического соответствия, выражаемого в пропорциональном соотношении случаев ведения производства по ст. 408 УК РК и общего количества правонарушений.

Само сокрытие преступления в качестве квалифицирующего признака в уголовном праве закреплено в п. 10 ст. 99 УК РК. Поэтому ошибка законодателя, не включившего этот квалифицирующий признак в ст. 408 УК РК, порождает проблему статистического отражения совершения преступлений рассматриваемого вида и свидетельствует об их латентности.

Таким образом, уголовно-правовая регламентация нормы, предполагающей уголовную ответственность по ст. 408 УК РК, существенно влияет на конечный результат правосудия и досудебного расследования, являясь несовершенной. Необходимы изменения с включением в эту статью УК РК в качестве обязательного квалифицирующего признака совершения преступления сокрытие посягательства и облегчение его совершения в целях активного противодействия по исполнению лицом своих функций по осуществлению правосудия или досудебного расследования.

В этой связи считаем необходимым внести в ст. 408 УК РК изменения и изложить в следующей редакции:

«Посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя, прокурора, лица, осуществляющего досудебное расследование, защитника, эксперта, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством досудебного расследования либо исполнением приговора, решением суда или иного судебного акта, совершенное в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, а также совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, – наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы».

1. Пахомов С.В. Проблемы методики расследования посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2003.

2. Мудьюгин Г.Н., Васильев А.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. М., 1957.

3. Криминалистика : учебник / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина. М., 2001.

4. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию [Электронный ресурс]. URL: http://www.adhdportal.com/book_2762.html (дата обращения 01.11.2018).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Криминалистическое обеспечение имеет важное значение для осуществления эффективного расследования преступлений. Его актуальным вопросам посвящены труды многих известных отечественных ученых-криминалистов – Р.С. Белкина, И.А. Возгрина, А.Ф. Волынского, В.А. Волынского, Л.Я. Драпкина, В.Г. Коломацкого, В.А. Образцова и др.

Например, уделяя большое внимание исследованию этой темы, профессор А.Ф. Волынский определяет криминалистическое обеспечение как комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в целях раскрытия и расследования преступлений. В отличие от криминалистического обеспечения криминалистическое сопровождение процесса раскрытия и расследования преступлений представляет собой реализацию уже сформированных условий постоянной готовности к применению криминалистических методов, средств и рекомендаций при раскрытии и расследовании конкретных преступлений, т. е. в повседневной работе по уголовным делам [1].

В свою очередь, криминалистическое обеспечение логично подразделить на технико-, тактико- и методико-криминалистическое. Предлагаются обоснованные предложения ряда современных ученых о преодолении узкопредметного подхода, при котором тактическое обеспечение сводится лишь к разработке тактических приемов и рекомендаций. По мнению Э.К. Горячева, «развитие криминалистики на пути узкопредметных разработок явно ограничено, малоперспективно и не соответствует реальным потребностям практики раскрытия и расследования преступлений» [2]. Отсюда следует вывод о том, что для внедрения достижений криминалистики необходимо соответствующее организационное, правовое обеспечение и т. д.

С учетом объема настоящей статьи целесообразно остановиться лишь на некоторых, по нашему мнению, актуальных вопросах тактического обеспечения наиболее распространенных следственных действий – допроса, проверки показаний на месте, предъявления для опознания, относящихся к категории вербальных, т. е. производимых «в целях получения

от потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых информации об известных им данных по поводу исследуемых по делу обстоятельств на основе речевого общения с ними и неречевых способов коммуникации (с помощью языка жестов, мимики, движений и т. п.)» [3, с. 6].

Тактико-криминалистическое обеспечение следственных действий основано на нормах уголовно-процессуального закона. Между тем, анализ применения на протяжении более полутора десятилетий Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации показывает наличие недостатков законодательного регулирования производства отдельных следственных действий, в том числе и с позиции криминалистической тактики. Сам термин «тактика» упоминается в УПК РФ единожды: согласно ч. 2 ст. 189 (общие правила проведения допроса) задавать наводящие вопросы запрещается. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса. Данная норма ввиду своей неопределенности была обоснованно подвергнута критике профессором О.Я. Баевым, который отметил, что это положение закона «чрезвычайно опасно, и на практике может повлечь далеко идущие негативные последствия. Будем надеяться, что следователи не воспримут ее как своеобразную индульгенцию на возможность использования любых тактических приемов проведения этого следственного действия» [4, с. 186–187].

Уголовно-процессуальный закон не может урегулировать все тонкости тактического обеспечения процесса расследования преступлений. Вместе с тем, на наш взгляд, можно и нужно закрепить в УПК РФ хотя бы некоторые принципиальные положения, получившие многолетнюю практическую апробацию, общепризнанные бесспорные и полезные тактические рекомендации, что придаст им обязательный характер, будет способствовать повышению ответственности за их неисполнение. В частности, УПК РФ содержит запрет постановки наводящих вопросов при допросе (ч. 2 ст. 189, ч. 1 ст. 275), предъявлении для опознания (ч. 7 ст. 193), проверке показаний на месте (ч. 2 ст. 194). Очевидно, что также недопустимы наводящие вопросы и при производстве иных следственных действий – очной ставки, следственного эксперимента, осмотра места происшествия, предметов, документов с участием подозреваемого (обвиняемого), свидетеля, потерпевшего. Помимо этого, подлежат запрету не только наводящие вопросы, но и любые высказывания, комментарии, жесты, иные действия, которые носят характер подсказки определенного варианта поведения, что особенно актуально для обеспечения объективных результатов производства проверки показаний на месте, предъявления для опознания.

На недостатки законодательной регламентации следственных действий справедливо обращают внимание и другие авторы [5]. При этом

само понятие «наводящий вопрос» ввиду своей неопределенности и неоднозначного толкования требует конкретизации. Соответствующие изменения логично ввести в ст. 164 УПК РФ (общие правила производства следственных действий), изложив, например, следующим образом: «При производстве следственных действий с участием подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля запрещаются постановка вопросов, иные высказывания, действия и поведение участников следственного действия, если они наводят допрашиваемого или лицо, чьи показания проверяются, на определенный ответ, лишая их свободы выбора при даче показаний».

Формулировка ч. 2 ст. 193 УПК РФ, согласно которой опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленное для опознания лицо или предмет, фактически ограничивает возможность предъявления лица для опознания только с помощью органов зрения. Между тем, в следственной практике нередко используется опознание по голосу, по которому учеными высказаны противоположные мнения. Так, авторы комментария к УПК РФ под редакцией Л.А. Воскобитовой полагают, что «фиксация мысленного образа объекта с помощью иных органов чувств (обоняния, осязания, слуха, вкуса) не имеет значения для уголовного процесса, поскольку не позволяет достоверно установить адекватность соответствия между мысленным образом и самим объектом» [6]. Другие ученые допускают такую возможность [7, 8].

Правомерность опознания по голосу подтверждается и судебной практикой. В кассационном определении от 7 апреля 2006 г. № 43-о06-4сп Верховный Суд РФ признал необоснованными доводы осужденного о нарушении уголовно-процессуального закона при проведении его опознания по голосу, тем самым допустив правомерность такого опознания.

В практике следственных органов СК России имеется случай нестандартного проведения опознания, позволившего наряду с другими доказательствами изобличить преступника. По одному из уголовных дел было проведено опознание мужчины, совершившего особо тяжкие преступления, слепоглухонемой потерпевшей, запомнившей его по тактильным ощущениям, полученным во время совершения в отношении нее преступления, посредством осязания ею пальцами рук лица опознаваемого [9, с. 6–9].

Представляет интерес изучение уголовно-процессуального законодательства бывших союзных республик в части регламентации порядка проведения опознания. Уголовно-процессуальные кодексы Беларуси и Казахстана предусматривают предварительный допрос опознающего об обстоятельствах, при которых он *наблюдал* опознаваемое лицо или

объект, в отличие от УПК РФ, согласно которому, опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они *видели* предъявленные для опознания лицо или предмет. Статья 224¹ УПК Республики Беларусь допускает проведение допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи, что влияет на тактику данных следственных действий.

В УПК Кыргызской Республики 2017 г., который вводится в действие с 1 января 2019 г., в отдельной главе подробно регламентировано проведение опознания. Согласно ст. 202 предъявление для опознания состоит в установлении различия или тождества предъявляемого объекта по его мысленному образу, ранее запечатленному в памяти опознающего. Закон не уточняет, с помощью каких органов чувств сформирован мысленный образ. Видимо, это предполагает возможность опознания лица по голосу и другим признакам, доступным восприятию не только органами зрения.

В УПК некоторых государств – бывших союзных республик закреплено важное тактическое правило о недопустимости предварительного неофициального предъявления лица или его фотографии для опознания, что иногда практикуется сотрудниками органов дознания. Например, в соответствии со ст. 203 УПК Кыргызской Республики 2017 г. запрещается предварительно показывать опознающему лицо, которое должно быть предъявлено для опознания, и представлять другие сведения о приметах этого лица. Большинство ученых подвергают обоснованной критике практику проведения опознания после того, как опознаваемый был негласно предъявлен опознающему, в том числе в ходе оперативно-розыскного отождествления личности [10].

УПК Республики Казахстан предусматривает дополнительные требования к лицам, предъявляемым для опознания вместе с опознаваемым: помимо того, что общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех, участие в следственном действии иных лиц, среди которых располагается опознаваемый, возможно только при их добровольном согласии и условии, что опознающий с ними заведомо не знаком. Кроме того, допускается опознание по единственному предъявляемому экземпляру предмета, для которого невозможно или затруднительно подобрать аналогичные объекты (ст. 230).

В связи с изложенным представляется необходимым обобщение следственной и судебной практики использования зарубежного опыта законодательной регламентации проведения опознания для решения вопроса о целесообразности внесении в УПК РФ соответствующих изменений и дополнений.

Перспективными направлениями развития современной криминалистики является разработка тактических рекомендаций, связанных с применением при подготовке и проведении следственных действий,

в частности проверки показаний на месте, новых тактических приемов, соответствующих современному уровню научно-технического развития, – установление точных координат определенного места посредством GPS-навигатора (самостоятельно или в сочетании с традиционным методом искусственных координат, предусматривающим использование так называемых маячков), географических карт, полученных с помощью средств спутниковой связи, компьютерных программ, позволяющих создавать трехмерные изображения; 3D-сканирование и т. д.

Многими отечественными учеными активно поддерживаются и разрабатываются идеи алгоритмизации, программирования процесса расследования как перспективных направлений совершенствования частных криминалистических методик. В области криминалистической тактики они выражаются в разработке программ допроса, содержащих перечень вопросов, подлежащих выяснению, производства иных следственных действий в типичных следственных ситуациях. Особенно важны подобные программы для повышения квалификации начинающих следователей, предупреждения тактических следственных ошибок и иных недостатков предварительного следствия. Поэтому данное направление развития тактики производства следственных действий заслуживает дальнейшего пристального внимания ученых-криминалистов и практиков.

1. Волинский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учеб. пособие. М., 2016.
2. Горячев К.Э. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений [Электронный ресурс] : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. URL: <http://www.dslib.net/criminal-process/gorjachev> (дата обращения: 30.08.2018).
3. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология [Электронный ресурс]. М., 2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».
4. Баев О.Я. Криминалистика: лекционный курс : учеб. пособие. М., 2017.
5. Меркулова М.В. Тактика проверки показаний на месте события [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. URL: <http://lawtheses.com/taktika-proverka-pokazaniy-na-meste-sobytiya> (дата обращения: 14.03.2017).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1: постатейный научно-практический комментарий [Электронный ресурс] / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия».
7. Чурилов С.Н. Криминалистическая тактика : практическое пособие в вопросах и ответах [Электронный ресурс]. М., 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] // науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М., 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

9. Никешкин В.А. О поиске нетривиальных решений и нетрадиционных методов при раскрытии особо тяжких преступлений // Предварит. следствие. Вып. 2. М., 2015.

10. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Т. 2 : Досудебное производство [Электронный ресурс]. М., 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

УДК 343.9

Е.В. Сафронова

РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ В ОТНОШЕНИИ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Развитие основ демократического правового государства – первостепенная задача для современной России. Выполнить ее можно посредством решения проблемы преступности в стране, уровень которой по-прежнему продолжает оставаться достаточно высоким. В борьбе с преступностью важно доказывание и процессуальная легализация полученных доказательств при расследовании уголовных дел, особенно при расследовании разбоя, совершенного организованными преступными группами на объекты финансово-кредитной сферы.

Разбой – один из самых опасных видов преступлений. В связи с возрастанием организованности преступной среды, технической и интеллектуальной подготовленности субъектов преступлений необходимо совершенствовать современную методику расследования разбоев, в том числе совершенных на объекты финансово-кредитной сферы.

Практика свидетельствует, что значительное количество уголовных дел, возбужденных по фактам совершения разбоев на объекты финансово-кредитной сферы, остаются нераскрытыми. Значит, недостаточно разработана методика расследования таких преступлений.

Наша задача – на основе анализа существующих в настоящее время методик расследования отдельных видов преступлений выявить из них наиболее адаптированную к современным условиям для расследования преступлений общеуголовной направленности, в том числе для расследования разбойных нападений на объекты финансово-кредитной сферы.

Деятельность правоохранительных органов по расследованию преступлений всегда создавала объективные предпосылки объединения криминалистических знаний с методикой расследования отдельных

видов преступлений в единую научную систему [1, с. 24] для всестороннего изучения некоторых особенностей расследования преступлений общеуголовной направленности, в том числе разбоя, совершенного организованными преступными группами в отношении финансово-кредитных организаций.

Разработке частных криминалистических методик уделяли особое внимание ряд ученых-юристов, но единой концепции нет: мнения ученых разнятся по ряду актуальных вопросов методик отдельных видов преступлений.

Достаточно оригинальные основания для классификации криминалистических методик предложил Ю.Г. Корухов. Он полагает, что закономерности познавательных процессов при расследовании преступлений позволяют выделить классы методик пространственно-временных, хозяйственно-экономических, причинных, экологических отношений [2, с. 563]. Предлагаемый перечень автор оставил открытым, так как по мере разработки новых методик, их структур и раздела науки в целом он будет расширяться.

Актуальной является позиция И.А. Возгина, который утверждает, что «с информационной точки зрения в методиках должны содержаться сведения, которые обеспечивали бы наиболее оптимальное выполнение конкретного вида познавательной и практической деятельности» [3, с. 287]. Методики носят рекомендательный характер, чтобы у исполнителя был простор для собственных творческих решений, поэтому отличаются от любых иных предписаний, жестко определяющих содержание и последовательность рабочих операций. Каждая методика индивидуальна, так как определяется содержанием практической деятельности, являющейся объектом исследования и сущностью предлагаемых рекомендаций [4, с. 17].

Частные криминалистические методики расследования отдельных видов преступлений должны предоставить следственной практике научные рекомендации, основанные на сочетании как общих закономерностей расследования преступлений, так и закономерностей расследования конкретных видов преступлений [5, с. 66].

Актуальным является формирование частной методики расследования разбоев, совершенных организованными преступными группами в отношении объектов финансово-кредитной сферы. Изучение и анализ статистических данных позволяет говорить о высоком проценте таких преступлений от общего числа совершаемых преступных деяний, об их широком общественном резонансе и особой социальной значимости. Активная научная разработка частной методики расследования этого вида преступления может привести к обогащению общей методики рас-

следования преступлений, поскольку будут обнаруживаться новые общие закономерности и особенности расследования разбоев [6, с. 109].

В процессе обновления и совершенствования методики расследования разбоев, совершенных на объекты финансово-кредитной сферы, необходимо обратить внимание на такой структурный элемент, как криминалистическая характеристика преступлений. Он имеет место быть во всех методиках расследования преступлений, в том числе и очевидных. К специфическим элементам криминалистической характеристики разбоев, совершенных на объекты финансово-кредитной сферы, можно отнести:

способ совершения, который отличается тщательной подготовкой, значительной дерзостью и часто сопровождается причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью и даже убийством;

особый предмет преступного посягательства (отделения почтовой связи, ломбарды, ювелирные магазины, пункты обмена валют, организации, осуществляющие денежные расчеты с населением);

личность преступника, который, как правило, является участником организованной преступной группы;

время совершения, разбросанное в течение суток с разным показателем преступлений (в дневное время – 30 % нападений, вечернее – 43 % нападений, ночное – 27 % нападений, утреннее – 6 % нападений).

Учитывая совершенствование способов и приемов совершения разбойных нападений группой лиц в отношении финансово-кредитных организаций, следует основательным образом пересмотреть существующую общую методику расследования разбойных нападений, внося изменения и дополнения в УПК РФ.

Совершенно справедливо отмечает Н.П. Яблоков, говоря о коррупции, «что общие методы расследования коррупционных преступлений строятся в основном на базе методов расследования взяточничества, при этом методы современных видов коррупции требуют изучения и совершенствования с учетом современных реалий» [2]. Это высказывание верно и по отношению к методике расследования разбойных нападений, совершенных на объекты финансово-кредитной сферы, которые, как и коррупция, многолики, так как совершаются в определенных условиях – в крупных городах, сельской местности, на транспорте.

Одним из важных направлений совершенствования борьбы с преступностью является внедрение в следственную практику более совершенных частных криминалистических методик, в том числе методики расследования разбоев, совершенных на объекты финансово-кредитной сферы, для повышения эффективности организации раскрытия и расследования преступлений.

Таким образом, информационное назначение криминалистической методики расследования разбоев, совершенных на объекты финансово-кредитной сферы, должно входить во внутреннее содержание понятия следственных ситуаций, играя в нем роль информационной основы для эффективного расследования уголовных дел. Доминирующим фактором при оценке криминалистической методики расследования разбоя, совершенного на объекты финансово-кредитной сферы, служит ее оптимизирующая составляющая полного и всестороннего процесса расследования.

1. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. 2017. № 2.
2. Яблоков Н.П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика : учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М., 2008.
3. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: история, основные теории, библиография. СПб., 2003.
4. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений : курс лекций : в 4 ч. СПб., 1992–1993. Ч. 4.
5. Лузгин И.М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2.
6. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984.

УДК 343.1

Д.Д. Селюков

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассмотрение и разрешение дорожно-транспортного преступления (ДТПр) – самостоятельная центральная стадия уголовного процесса, основной задачей которой является исследование доказательств и установление фактических обстоятельств условий дорожного движения ДТПр. На их основании судья выносит законное и обоснованное решение.

Доктор юридических наук, профессор, начальник УГАИ бывшего СССР В.В. Лукьянов определяет ДТПр как дорожно-транспортное происшествие, которое уголовно-наказуемо и происходит по причине, связанной с водителем, транспортным средством или условиями дорожного движения [1, с. 27].

ДТПр представляет собой негативный результат функционирования сложной социально-детерминированной функциональной биомеханической системы «водитель – транспортное средство – условия дорожного движения» (В – ТС – УДД). На эту систему воздействуют инженерный, ведомственный и государственный уровни деятельности для управления негативным и позитивным результатом ее функционирования. Систему В – ТС – УДД создают специалисты автомобильной промышленности, автомобильного транспорта и дорожного строительства, применяя технический подход и директивный метод управления дорожным движением, которые, однако, не могут научно обосновать и учесть человеческий фактор. Поэтому системно-функционально-деятельностный детерминированный метод нашел практическое применение при решении экспертных задач судебной автодорожной экспертизы и может быть применен для развития судебной экспертной деятельности.

Для расследования, производства судебной экспертизы ДТПр, раскрытия и рассмотрения уголовного дела, связанного с ДТПр, важно правовое обеспечение создания и содержания транспортных средств и автотранспортных коммуникаций в состоянии, которое гарантирует безаварийное и безопасное движение.

В ст. 313 и 319 УК Республики Беларусь регламентирована ответственность лиц, отвечающих за выполнение ремонтных работ и безопасность дорожного движения. Наказание несут только за некачественный ремонт транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации и связи, а также за нарушения правил содержания автотранспортных коммуникаций.

Профессиональные автодорожные преступления совершаются: при разработке технических нормативных правовых актов для проектирования, строительства и содержания автомобильных дорог и улиц; проектировании автомобильных дорог и улиц с отклонением от требований ТНПА; строительстве или реконструкции автомобильной дороги и улицы; ремонте автомобильной дороги и улицы, организации и регулировании дорожного движения.

Каждый специалист, создающий и открывающий движение по автомобильной дороге и улице, должен отвечать за некачественно выполненную работу, поэтому статьи в УК необходимо корректировать.

Выдвигаемые следователем версии о совершении ДТПр связаны: с деятельностью водителя при управлении транспортным средством, его психофизиологическими возможностями своевременно обнаружить возникновение конфликтной ситуации, правильно оценить ее, немедленно принять правильное решение во избежание ДТПр и его реализовать.

При отсутствии у водителя таких возможностей конфликтная ситуация перерастает в аварийную, т. е. ДТПр;

конструктивными особенностями и эксплуатационным состоянием агрегатов транспортного средства;

конструктивными особенностями и эксплуатационным состоянием автомобильной дороги и улицы.

Для доказательства каждой из версий необходимо назначение экспертиз ДТПр: дорожно-транспортно-психофизиологической [2], авто-технической [3–5], автодорожной.

Перед экспертами следователь при назначении экспертиз должен поставить вопросы:

1. Имеется ли психофизиологическая причинно-следственная закономерность между действиями водителя в рассматриваемых условиях дорожного движения, состоянием транспортного средства и возникшим ДТПр?

2. Имеется ли техническая причинно-следственная закономерность между конструктивными особенностями и эксплуатационным состоянием транспортного средства и ДТПр?

3. Имеется ли техническая причинно-следственная закономерность между конструктивными особенностями и эксплуатационным состоянием автомобильной дороги или улицы в месте и времени совершения ДТПр?

Если доказано наличие той или иной закономерности при определенных скоростях движения и эксперт дает категорический вывод, необходимо, чтобы был указан диапазон скоростей движения для вероятностного вывода, который обусловлен точностью измерительных приборов и аппаратуры, расчетных формул. После этого следователь производит исследование правовой причинно-следственной закономерности совершенного ДТПр.

Между элементами системы В – ТС – УДД, связями между ними, воздействием на нее в целом и результатом ее функционирования существует прямая и обратная, техническая, психофизиологическая и правовая причинно-следственная связь (закономерность) [6, с. 11–19; 7; 8].

Прямую связь в физиологических функциональных системах установил И.П. Павлов, обратную констатировали П.К. Анохин [9, с. 18–24], Н.А. Бернштейн, который доказал, что вначале создается модель действий в мозгу, а затем она реализуется [10, с. 328–329]. К.В. Судаков объективизировал физиологические показатели физиологических систем производственной деятельности человека и тесно увязал с его производственной деятельностью [11, с. 4–6, 10, 34, 37, 43, 65].

Причинно-следственная связь существует между субъектом управления и объектом управления.

Субъектом управления является:

водитель;

инженер по безопасности дорожного движения автотранспортной и дорожной организации;

специалист министерства автомобильной промышленности, автомобильного транспорта и дорожного строительства, отвечающий за конструктивные особенности и эксплуатационное состояние транспортного средства и автотранспортных коммуникаций, которые должны соответствовать требованиям безопасности дорожного движения и безопасного функционирования системы В – ТС – УДД;

специалист государственной организации, который занимается разработкой и утверждением ТНПА, отвечающим требованиям обеспечения технической, психофизиологической, экономической и экологической безопасности дорожного движения; расследованием, судебной экспертизой ДТПр, раскрытием и рассмотрением уголовных дел, связанных с профессиональным преступлением в сфере дорожно-транспортного комплекса (Белстандарт, органы уголовного преследования, Комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, прокуратура, суды и т. д.).

Общим объектом управления является результат функционирования системы В – ТС – УДД.

Негативная часть производственной деятельности специалиста связана с отступлением при выполнении им профессиональных функций от требований законов, ГОСТ, СНиП, правил, инструкций и др., которое приводит к правонарушениям отдельного специалиста, а в определенных условиях и к профессиональным преступлениям [12, 13].

Для научно обоснованного снижения уровня ДТПр необходимо устанавливать и учитывать причинно-следственные связи, влияющие на негативный результат функционирования системы В – ТС – УДД при воздействии на объект субъектов управления (водительский, инженерный, ведомственный и государственный уровень управления аварийностью и безопасностью дорожного движения).

Отсутствие научно обоснованного метода борьбы с ДТПр приводит:

к лоббированию ведомственных интересов в ущерб государственных интересов в области обеспечения безаварийного и безопасного дорожного движения;

необоснованному повсеместному снижению скорости движения в городах и населенных пунктах до 50 км/ч;

задержке нововведений, разработанных на основе опыта зарубежных стран без учета конкретных условий улично-дорожной сети Республики Беларусь;

загону аварийности в глубину функционирования системы В – ТС – УДД. Следовательно, решать ее будет сложнее, необходимо будет больше денежных и материальных средств по приведению улично-дорожной сети в состояние, отвечающее требованиям безаварийного и безопасного дорожного движения.

Для успешного развития судебной экспертной деятельности (правовой, технической, биологической, автотехнической, автодорожной, строительной, менеджмента и т. д.) следует шире применять системно-функционально-деятельностный детерминированный метод.

1. Лукьянов В.В. Безопасность дорожного движения. М., 1978.
2. Суходольский Г.В. Инженерно-психологическая экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Харьков, 2006.
3. Суворов Ю.Б. Свод методических и нормативно-технических документов в области экспертного исследования обстоятельств дорожно-транспортных происшествий. М., 1993.
4. Иларионов В.А. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий. М., 1989.
5. Автотехническая экспертиза / В.А. Бекасов [и др.]. М., 1967.
6. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968.
7. Соколовский З.М. Экспертное исследование причинной связи по уголовным делам. Киев, 1970.
8. Романов Н.С. Системный характер причинной связи в событии дорожно-транспортного происшествия // Криминалистика и судеб. экспертиза. Киев, 1976. Вып. 12.
9. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М., 1971.
10. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологической активности. М., 1966.
11. Судаков К.В. Теория функциональных систем: истоки, этапы развития, экспериментальные доказательства, общие постулаты. М., 1996.
12. Образцов В.А. Преступления, связанные с профессиональной деятельностью, как объект криминалистического исследования // Сб. ст. Всесоюз. ин-та по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступлений. М., 1982. Вып. 36.
13. Яковлев М.М. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2007.

УДК 378.016:343.98

Р.В. Скачѣк

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОЛИГОН: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В настоящее время успешное преподавание той или иной учебной дисциплины невозможно без использования в образовательном процессе учебных полигонов, основной целью создания и функционирования которых является формирование на основе теоретической подготовки

умений и навыков обучающихся, предусмотренных нормативными правовыми актами.

В образовательном пространстве Республики Беларусь и иных государств учебные полигоны создаются в зависимости от отрасли науки, в которой сформулированы необходимые теоретические основы, от имеющейся материально-технической базы в учреждении образования, от потребностей, которые предъявляет заказчик для подготовки квалифицированных кадров.

Следует отметить важность криминалистического полигона при изучении криминалистики. Среди наук и учебных дисциплин уголовно-правового цикла криминалистика занимает одно из главных мест, так как ее практический, прикладной аспект позволяет обучающимся реализовывать свои способности и использовать приобретенные навыки в правоприменительной практике.

Криминалистические полигоны дают возможность успешно отработать умения и навыки при изучении иных учебных дисциплин конкретной специализации (уголовное право, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, юридическая психология и др.). В связи с этим криминалистические полигоны можно с уверенностью назвать универсальными.

Анализ литературных источников, посвященных концепции развития криминалистических полигонов, показал, что, несмотря на популярность обозначенной темы, вопросы понятия, классификации и направлений развития криминалистических полигонов в научной литературе детально не рассматривались [1, с. 220–223; 2; 3; 4].

Исходя из этимологии слово «полигон» (от греч. *poly* – много и *gonia* – угол) имеет несколько значений: «1. Большой незаселенный участок, служащий местом для опытных или учебных занятий и упражнений специальных войск, стрельбище (воен.). *Артиллерийский полигон*. 2. Расположение крепостных укреплений в форме многоугольника (воен.). *Крепостной полигон*. 3. То же, что многоугольник (мат. редко)» [5].

Базисом для возникновения термина «полигон» в практике преподавания криминалистики стало первое значение слова. Как следует из его содержания, криминалистический полигон должен иметь значительные размеры для того, чтобы отработать умения и навыки в приближенных к реальности условиях. Отдельные авторы криминалистический полигон определяют как «тренажерный комплекс, предназначенный для практических занятий и упражнений по обнаружению, изъятию, фиксации и исследованию доказательств» [6].

Объекты, размещенные на нем, позволяют имитировать обстановку проведения различных следственных и иных процессуальных действий, обучать оценке следов в комплексе и т. п. Полигон создается в помеще-

нии и (или) на открытой местности. Его обстановка может быть стационарной (торговый зал магазина, жилая комната, складское помещение и др.) или изменяемой (раздвижные перегородки, сменные комплекты предметов и др.).

Проведенный анализ имеющихся понятий криминалистического полигона, результаты проведенных педагогических экспериментов по развитию концепции учебных полигонов, личный опыт преподавания учебной дисциплины «Криминалистика» позволяют дать авторское понятие криминалистического полигона, под которым следует понимать помещение (комплекс помещений), участок местности или дороги, оборудованные необходимыми объектами, предназначенными для моделирования обстановки места происшествия, конкретных следственных ситуаций, с целью отработки умений и навыков проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий, принятия процессуальных решений. Указанная дефиниция позволяет определить конкретные цели создания криминалистического полигона, его материально-техническую оснащенность, направления его совершенствования.

Вопрос о классификации криминалистических полигонов в научной и учебно-методической литературе не рассматривался вообще. В связи с чем следует предложить следующий подход к определению видовых особенностей учебных полигонов в рамках преподавания учебной дисциплины «Криминалистика».

Виды криминалистических полигонов

В зависимости от назначения криминалистические полигоны следует подразделить на видовые и комплексные. Видовые создаются для отработки умений и навыков проведения конкретных следственных действий, например предъявления для опознания в условиях исключая визуальное восприятие опознающего. Комплексные кримина-

листические полигоны предназначены для моделирования нескольких следственных действий. Так, в условиях полигона «Место дорожно-транспортного происшествия» возможна отработка умений и навыков проведения таких следственных действий как осмотр места происшествия, следственный эксперимент, проверка показаний на месте и др.

От содержания обстановки, условия которой моделируются, криминалистические полигоны можно подразделить на помещение, здание, комплекс зданий, участок местности, участок дороги.

В зависимости от особенностей моделирования обстановки, используемого для проведения занятий по учебной дисциплине, криминалистические полигоны можно подразделить на виртуальные и предметные. Моделирование обстановки на виртуальном полигоне осуществляется программным обеспечением с последующей визуализацией результатов при помощи интерактивных средств (проектор, интерактивная доска и др.). Обстановка на предметном полигоне моделируется при помощи натуральных объектов.

В зависимости от возможностей, которые предоставляют криминалистические полигоны при проведении учебных занятий, их можно подразделить на ситуационные и типовые. Ситуационные полигоны являются универсальными, и на них можно отработать умения и навыки проведения следственных и иных процессуальных действий в различных правоприменительных ситуациях. Типовой же служит для отработки умений и навыков в типовых следственных ситуациях.

В зависимости от используемого масштаба для моделирования обстановки, необходимой для проведения учебного занятия, криминалистические полигоны следует подразделить на масштабированные и реалистичные. Масштабированные полигоны воссоздают обстановку в уменьшенном масштабе, так как в реальных условиях ее смоделировать невозможно, например участок лесного массива либо заболоченной местности, промышленное предприятие и др. Обстановка реалистичного полигона соответствует действительности.

В зависимости от предназначения криминалистические полигоны можно подразделить на полигоны-музеи, полигоны-лаборатории, полигоны-выставки. На полигонах-музеях для моделирования обстановки используют реальные экспонаты, для ознакомления с которыми проводятся также и экскурсии. На полигонах-лабораториях помимо организации обучения возможно проведение реальных следственных и иных процессуальных действий. Полигоны-выставки, кроме образовательных целей, могут использоваться для демонстрации новых достижений в области технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Направления развития и совершенствования концепции криминалистических полигонов определяются требованиями правоприменительной практики, уровнем материально-технического обеспечения учреждения высшего образования, профессиональной подготовкой профессорско-преподавательского состава.

Изучение концепции криминалистических полигонов, опыт преподавания учебной дисциплины, реалии правоприменительной практики позволяют предложить следующие направления совершенствования:

оборудование криминалистических полигонов современными средствами компьютерной техники;

создание полигонов-комплексов в зависимости от специализации подготовки обучающихся;

создание интерактивных полигонов, обстановка в которых воссоздается при помощи виртуальных 3D-моделей;

использование нетрадиционных, современных тактических подходов к работе на полигонах (квест, «Шерлок-Холмс» и др.);

применение для моделирования обстановки актуальных сюжетов из правоприменительной практики.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Криминалистический полигон – это помещение (комплекс помещений), участок местности или дороги, оборудованные необходимыми объектами, предназначенными для моделирования обстановки места происшествия, конкретных следственных ситуаций с целью отработки умений и навыков проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий, принятия процессуальных решений.

2. В зависимости от различных оснований криминалистические полигоны можно классифицировать на видовые и комплексные; помещения, здания, комплексы зданий, участки местности, участки дорог; виртуальные и предметные; ситуационные и типовые; масштабированные и реалистичные; полигоны-музеи, полигоны-лаборатории, полигоны-выставки.

3. Направления совершенствования концепции криминалистических полигонов определяются требованиями правоприменительной практики, уровнем материально-технического обеспечения учреждения высшего образования, профессиональной подготовкой профессорско-преподавательского состава.

1. Железовская Г.И., Хижняк Д.С. Криминалистический полигон как средство инновационного преподавания в вузе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2018. Т. 18. Вып. 2.

2. Полигон с новейшим криминалистическим оборудованием открыли в Барнаулском юридическом институте [Электронный ресурс] // Криминалисты.ру. URL: <http://kriminalisty.ru/novosti/barnaulur.html> (дата обращения: 25.09.2018).

3. Криминалистический полигон [Электронный ресурс] // Пермский государственный университет : сайт. URL: <http://www.psu.ru/fakultety/yuridicheskij-fakultet/laboratorii/kriminalisticheskij-poligon> (дата обращения: 25.09.2018).

4. Криминалистика: 100 лет преподавания в высших учебных заведениях России / под общ. ред. С. П. Кушниренко. СПб., 2011.

5. Полигон [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=52896> (дата обращения: 25.09.2018).

6. Полигон криминалистический [Электронный ресурс] // Криминалистическая энциклопедия. URL: <http://www.voкабула.рф/словари/криминалистическая-энциклопедия> (дата обращения: 25.09.2018).

УДК 343.144

С.Н. Стороженко

О ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПО ПРИЗНАКАМ ГОЛОСА И РЕЧИ

Предъявление для опознания наряду с другими следственными действиями является важным источником доказательств и эффективным средством доказывания в процессе предварительного расследования преступлений.

В разное время процессуальным и тактическим проблемам опознания были посвящены труды таких видных ученых, как О.Я. Баев, Р.С. Белкин, В.П. Божьев, Н.Г. Бритрич, В.С. Бурданова, И.Е. Быховский, А.Н. Васильев, Н.Н. Гапанович, А.Я. Гинзбург, И.М. Гуткин, А.В. Дулов, А.А. Закатов, Л.Д. Кокорев, Ю.Г. Корухов, Н.П. Кузнецов, Леонтьев, П.А. Лупинская, П.Д. Нестеренко, Н.А. Моисеев, С.М. Потапов, А.П. Резван, А.П. Рыжаков, З.Г. Самошина, М.С. Строгович, Н.В. Терзиев, М.А. Чельцов, П.П. Цветков и др.

В настоящей статье не исследуются множество существующих проблем данного следственного действия. Нами предпринята попытка остановиться лишь на проблеме идентификации человека по голосу посредством производства такого вида опознания.

При сравнении статей УПК БССР и УПК Республики Беларусь, посвященных предъявлению для опознания, следует отметить, что различий в них немного. Одной из новелл в действующем УПК является возможность опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, и предъявление для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи. Нормы уголовно-процессуального законодательства России, Казахстана, Украины и других стран СНГ принципиально не отличаются по способу восприятия опознаваемого объекта.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 223 УПК целью предъявления для опознания является установление тождества или различия с ранее наблюдавшимся лицом или объектом. В ч. 2 указанной статьи законодатель определяет одно из главных условий опознания – предварительный допрос лица, которое может быть опознающим, об обстоятельствах, когда это лицо наблюдало опознаваемое лицо или объект, о приметах и особенностях, позволяющих ему их опознать [1].

Таким образом, очевидно, что нормы УПК допускают опознание исключительно по визуально воспринятым при наблюдении признакам объекта – предмета, человека, животного, их трупов, участков местности и др.

Комментарий к ст. 223 УПК определяет опознавание как следственное действие, которое состоит в предъявлении опознающему (свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый) какого-либо лица или объекта для установления тождества или различия с ранее наблюдавшимся лицом ли объектом. И далее комментарий допускает возможность существования других видов опознания, не связанных с визуальным восприятием опознаваемого объекта: «Опознание лица проводится и в том случае, когда необходимо опознать по голосу или звуку шагов» [1, с. 637].

Современная криминалистика не отрицает возможности производства опознания по голосу. Белорусская криминалистическая наука разработала тактические рекомендации предъявления для опознания по голосу, которые применяются на практике. В современных отечественных учебниках по криминалистике описаны тактические рекомендации и приемы предъявления для опознания по признакам устной речи и фонограмме [2, с. 168–169].

Толкуя уголовно-процессуальный закон буквально, приходим к выводу о возможности использования при предъявлении для опознания информации, полученной опознающим исключительно при помощи органов зрения. Но некоторые ученые (О.Я. Баев, Ю.Н. Белозеров, В.С. Бурданова, Т.А. Вольская, И.Е. Быховский, Н.А. Моисеев, И.В. Шевчук) расценивают такую позицию законодателя как ошибочную. Следственная и судебная практика допускает предъявление для опознания лица по голосу и другим особенностям восприятия признаков объекта опознающим лицом. Однако нам не удалось найти в отечественной литературе достоверных и современных сведений о количестве предъявлений для опознания по голосу и эффективности их результатов.

Учитывая то, что опознание нередко выступает в качестве одного из основных доказательств обвинения, так как его специфика заключается в отождествлении (идентификации) лица, совершившего преступление, следует объективно оценить аргументы «за» и «против» опознания человека по признакам голоса и речи.

По своей природе предъявление для опознания представляет собой процессуальное воплощение идентификации по мысленному образу – следе памяти, психическому или идеальному отображению [3, с. 168–169].

Как известно, к научным предпосылкам идентификации человека по признакам внешности относятся индивидуальность, относительная устойчивость и рефлекторность [4, с. 39]. Голос человека также обладает указанными свойствами. Экспертная идентификация личности по устной речи осуществляется производством фоноскопической экспертизы. Возможность экспертной идентификации голоса человека обусловлена тем, что голос человека обладает индивидуальными признаками. Акустика голоса также индивидуальна и не подлежит изменению. Речь человека (интонации, манера говорить, скорость и т. д.) формируется с раннего детства и является неповторимой.

В методику фоноскопической экспертизы положены следующие виды анализа устной речи человека: лингвистический, который исследует устную речь человека, его интеллектуальные и психофизиологические особенности, и акустический, направленный на изучение анатомических и других особенностей определенного субъекта. Кроме идентификационных вопросов фоноскопическая экспертиза позволяет диагностировать физические и психические признаки человека.

Как видно из краткой характеристики предпосылок и возможностей фоноскопической экспертизы, для решения поставленных перед ней задач требуются специальные познания. А возможно ли в ходе допроса лица, воспринимавшего устную речь человека, подлежащего предъявлению для опознания по признакам голоса и речи, достоверно зафиксировать совокупность общих и частных признаков речи? В случае описания допрашиваемым общих признаков голоса и устной речи при условии узнавания по ним лица, произнесшего определенные слова и фразы в ходе предъявления опознания по голосу, оценивать результаты такого опознания как положительные нельзя, так как опознание – это идентификация объекта по совокупности общих и частных признаков. К допрашиваемому о признаках голоса и устной речи подозреваемого в совершении преступления лица следователь не может предъявлять требования знания таких признаков и, тем более, дифференциации их на общие и частные признаки. Программа криминалистической подготовки следователей также не предусматривает усвоение фоноскопических признаков голоса. В силу подготовленности следователя в описании признаков внешности, а не голоса он не в состоянии ориентировать допрашиваемого на достоверное, полное и понятное для всех участников уголовного процесса описание.

Возможны ситуации, когда допрашиваемый не может описать признаки голоса, а делает заявление о возможности опознания лица по со-

хранившимся в памяти особенностям голоса. При этом в ходе предъявления для опознания по признакам голоса и речи он устанавливает совпадение голоса и устной речи опознаваемого с зафиксированным в памяти голосовым образом и указывает на признаки, по которым произвел опознание. И в этой ситуации нельзя оценивать результат опознания как установление тождества, так как указанные опознающим признаки не с чем сравнивать.

Как уже отмечалось, одним из главных процессуальных условий предъявления лица для опознания является предварительный допрос опознающего о приметах и особенностях, по которым лицо или предмет могут быть опознаны (ч. 2 ст. 223 УПК), а также его последующие объяснения, по каким приметам или особенностям он опознал данное лицо или предмет (ч. 8 ст. 224 УПК). Таким образом, способность человека устанавливать тождество наблюдаемых в разное время лиц или предметов по их характерным приметам и особенностям сомнению не подлежит, но критически важно, чтобы эта способность была проконтролирована следователем, адвокатом и судом.

Проблема опознания человека по признакам голоса и речи в ходе производства предъявления для опознания заключается, по нашему мнению, в невозможности реализации одной из предпосылок идентификации – рефлексорности. Не обладая специальными познаниями в фонетике, трудно выделить такие признаки голоса, как сила, тембр, высота, речевой тон, темп речи, подвижность и др. А звуки голоса в большинстве случаев не поддаются детальному описанию [4, с. 30]. Поэтому требования ч. 2 ст. 223 УПК при опознании по голосу не могут быть соблюдены.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе указания на возможность опознания человека по признакам голоса и речи, по нашему мнению, не является пробелом в законодательстве при недостаточном внимании законодателя к существующей практике предъявления для опознания, поскольку способность человека к достоверному опознанию по признакам голоса другого человека в настоящее время недостаточно научно обоснована и описана в криминалистической литературе.

Приведенные выше доводы вовсе не означают отказ от законодательного закрепления и производства опознания по признакам голоса и речи. Но нормой указанный вид опознания может стать послед проведенного определенной теоретико-правовой подготовки, которой должны быть предусмотрены:

анализ существующей практики производства опознания по признакам голоса и речи;

разработка и структуризация общих и частных признаков голосовой и речевой информации;

создание методики описания признаков голоса и речи для предстоящего опознанию допроса;

разработка тактики специалиста, участвующего в допросе лица, зафиксировавшего в своей памяти признаки голоса и речи устанавливаемого лица;

обновление и дополнение рекомендаций по подбору статистов, участвующих в опознании по признакам голоса и речи;

разработка рекомендаций, позволяющих исключить возможность изменения признаков голоса и речи опознаваемым лицом в процессе его опознания;

обновление и дополнение существующих тактических рекомендаций производства предъявления для опознания лиц по признакам голоса и речи;

разработка правил и критериев оценки результатов опознания лиц по признакам голоса и речи;

разработка обоснованных предложений для внесения изменений и дополнений в статьи УПК, определяющих сущность и порядок предъявления для опознания.

Нами видится редакция ч. 1 и 2 ст. 223 УПК, в которой слова «наблюдавшимся» и «наблюдал» будут заменены словами «воспринимавшимся» и «воспринимал».

Статья 224 УПК также должна претерпеть изменения не только в части замены указанных выше слов, а также в установлении возможности опознания и по фотографии, и по видеозаписи или фонограмме голоса, предъявленных одновременно с фотографиями, видеозаписями или фонограммами голосов других лиц.

Законодатель, прежде чем принять решение о внесении дополнений и изменений в соответствующие нормы УПК, регламентирующие цели, виды и порядок предъявления для опознания, должен оценить потребность практики, научную обоснованность, возможность практического применения и эффективность предлагаемых новых видов опознания.

1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] ; под ред. М.А. Шостака. Минск, 2014.

2. Криминалистика : учебник : в 3 ч. / под ред. Г.Н. Мухина. Минск, 2010. Ч. 2. Криминалистическая тактика.

3. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология : учеб. пособие. М., 2011.

4. Вольская Т.А., Потанина И.В. Понятие предъявления для опознания в историческом аспекте // Борьба с преступностью: правовая наука и практика : сб. ст. / под науч. ред. А.В. Заряева, Н. П Кузнецова. Воронеж, 2002.

**ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛЕДОВАТЕЛЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСПЕКТОРА ТРУДА
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРКИ
ПО ФАКТУ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА
И ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ**

Уголовная ответственность за нарушение общих правил охраны труда и техники безопасности предусмотрена ст. 306 УК Республики Беларусь.

При проведении проверки по факту производственного травматизма перед следователем стоит ряд задач, для решения которых ему необходимо выяснить:

имел ли место сам факт нарушения правил охраны труда и техники безопасности;

допущено ли нарушение правил охраны труда и техники безопасности специальным субъектом преступления – должностным лицом, на которое возложена ответственность за соблюдение вышеуказанных правил;

наступили ли общественно опасные последствия, указанные в диспозиции ч. 1–3 ст. 306 УК;

имеется ли причинная связь между допущенным нарушением и наступившими последствиями.

При установлении обстоятельств каждого конкретного факта производственного травматизма недостаточно выяснить наличие нарушения. Необходимо еще установить, в чем конкретно оно выразилось.

Так, согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2005 г. №8 «О судебной практике по делам о нарушении правил безопасности при производстве работ, правил охраны труда и пожарной безопасности (ст. 302–306 УК)» с учетом бланкетного характера диспозиции в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должно содержаться указание о том, требование каких норм соответствующих нормативных правовых актов, содержащих правила безопасности или охраны труда, были нарушены виновным и в чем конкретно выразились нарушения.

В настоящее время в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь отсутствует специализированное экспертное подразделение с функциями проведения экспертиз по установлению нарушений правил охраны труда и техники безопасности, а также лиц, допустивших такие нарушения. В этой связи большое значение для сле-

дователя при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, привлечении лица в качестве обвиняемого приобретают материалы специального расследования, проводимого территориальными подразделениями Департамента государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь в соответствии со ст. 40 Закона Республики Беларусь «Об охране труда».

Порядок и основания проведения специального расследования регламентированы в гл. 3 Правил расследования и учета несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2004 г. № 30. Специальное расследование несчастного случая проводит государственный инспектор труда с участием уполномоченных представителей организации, нанимателя, страхователя, профсоюза, вышестоящей организации (местного исполнительного и распорядительного органа) в течение 14 дней с момента поступления сообщения о несчастном случае на производстве.

Государственный инспектор имеет ряд полномочий в ходе специального расследования: он может опрашивать потерпевшего, должностных лиц и других работников без свидетелей, обращаться за сведениями к иным лицам, получать документы, необходимые для установления обстоятельств и причин несчастного случая, принимать решения о проведении экспертиз, расчетов и других действий.

По результатам специального расследования государственным инспектором труда составляется и подписывается заключение о несчастном случае, которое в течение суток направляется в правоохранительные органы вместе с материалами специального расследования.

К документам специального расследования относятся:

заключение государственного инспектора труда о несчастном случае; акт формы Н-1 или акт формы НП на каждого потерпевшего; протокол осмотра места происшествия несчастного случая; планы, схемы, эскизы, фотоснимки места происшествия и тому подобное;

протоколы опросов, объяснения потерпевшего, свидетелей, работников, должностных и иных лиц;

копии документов (выписки из них) о прохождении потерпевшим обучения, инструктажа и проверки знаний по вопросам охраны труда, медицинских осмотров, получении средств индивидуальной защиты;

медицинские заключения о характере и тяжести травмы, причинах смерти потерпевшего, а также о нахождении потерпевшего в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения;

заключение (протокол, постановление) правоохранительных органов о противоправных деяниях потерпевшего (другого лица), умышленном причинении потерпевшим вреда своему здоровью;

заключения экспертиз, результаты лабораторных исследований, экспериментов, анализов;

копии нормативных правовых актов, технических нормативных правовых актов, локальных нормативных правовых актов (извлечения, выписки из них);

другие материалы.

На практике специальное расследование государственным инспектором труда, как правило, проводится одновременно с проведением следователем проверки в порядке ст. 173 УПК по факту конкретного несчастного случая на производстве. При этом часто само специальное расследование и выяснение всех необходимых для принятия правильного решения обстоятельств сводится к истребованию сотрудником территориального подразделения Департамента государственной инспекции труда из соответствующих подразделений Следственного комитета Республики Беларусь ксерокопий протокола осмотра места происшествия, объяснений потерпевшего, руководителя и иных лиц, а также заключений экспертиз.

В отличие от истребования копий отдельных процессуальных документов в рамках полномочий государственного инспектора труда фактическое копирование материалов доследственной проверки правоохранительных органов приводит к тому, что специальное расследование носит формальный характер. Следователю часто поступают материалы специального расследования, значительная часть которых представлена ксерокопиями процессуальных документов, ранее предоставленных следователем государственному инспектору труда. Данное обстоятельство может поставить под сомнение объективность выводов государственного инспектора труда о наличии (отсутствии) нарушений правил охраны труда, допущенных лицом, ответственных за их соблюдение.

В целях предотвращения формализма в работе подразделений Департамента государственной инспекции труда при проведении специального расследования, полного и всестороннего выяснения всех обстоятельств происшедшего несчастного случая следует развивать взаимодействие и деловое сотрудничество следователя и государственного инспектора труда. Надлежит принципиально реагировать на факты формального, пассивного проведения специального расследования соответствующего содержания письмами в адрес территориальных подразделений Департамента государственной инспекции труда.

Представляется необходимым при выезде следователя на место происшествия по факту несчастного случая, повлекшего тяжелый исход,

принимать меры по обеспечению участия государственного инспектора труда в осмотре места происшествия в качестве специалиста. Аналогичным образом возможно участие государственного инспектора труда при отобрании первоначальных объяснений от потерпевшего, его нанимателя, очевидцев происшедшего с целью выработки единой тактики проведения проверки, выяснения ряда специальных вопросов, выходящих за пределы познания следователя, при осмотре важнейших изъятых документов (журналы регистрации инструктажей по охране труда и технике безопасности, инструкции по охране труда и технике безопасности, должностные инструкции, лиц, ответственных за соблюдение охраны труда и техники безопасности).

УДК 343.137.5

Р.Д. Файрушина

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В большинстве тактических операций, проводимых при расследовании уголовных дел, совершенных несовершеннолетними, необходимым следственным действием является допрос потерпевшего.

Тактика рассматриваемого следственного действия строится с учетом общих положений, относящихся к получению показаний. Однако это вовсе не означает, что при проведении допроса несовершеннолетних следователь должен использовать те же тактические приемы, что и при допросе взрослых потерпевших. В каждом конкретном случае допроса несовершеннолетнего потерпевшего общие тактические приемы должны существенно дополняться и конкретизироваться применительно к возрастным и психологическим особенностям данной категории лиц.

Специфика тактических приемов, реализуемых в ходе рассматриваемого следственного действия, отчетливо проявляется еще на стадии подготовки к допросу. Однако достигнуть положительных результатов даже наилучшим образом организованного и спланированного допроса невозможно без умелого применения тактических приемов, направленных на получение показаний от несовершеннолетних потерпевших.

При подготовке к допросу несовершеннолетних учитывается как процессуальное положение допрашиваемого, так и данные, характеризующие его личность. И то и другое значимо для определения круга

участников, места времени допроса и наиболее целесообразных тактических приемов его проведения, способа вызова на допрос.

В соответствии с законом (ч. 1 ст. 191 УПК РФ) при производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего обязательно должен присутствовать педагог, а в случае необходимости и законные представители или близкие родственники. В допросе несовершеннолетних данной категории необходимо также обеспечить участие психолога. Вопрос о целесообразности его присутствия решается с учетом сложившейся к данному моменту следственной ситуации. Привлечение названных лиц не снимает со следователя обязанности серьезной подготовки к допросу. В необходимых случаях до проведения допроса ему целесообразно встретиться и побеседовать с предполагаемыми участниками следственного действия, чтобы выработать тактику допроса, обратить внимание на характер их личного поведения во время допроса.

Немаловажным условием успешного допроса несовершеннолетнего является правильное определение места его проведения. В качестве такого места практические работники предпочитают видеть собственный кабинет, что подтверждают результаты изучения уголовных дел: допрос производился в основном по месту расследования (63,5 % дел). Этот показатель, возможно, имеет и большую величину, поскольку в 26,5 % дел в протоколе допроса не содержалось указания на место его производства. И только в одном из десяти дел допрос проводился по месту учебы несовершеннолетнего лица.

Положительный результат допроса несовершеннолетних непосредственно зависит от того, насколько допрашивающему удалось установить психологический контакт с допрашиваемым, расположить его к даче правдивых показаний. Это обстоятельство необходимо иметь в виду, определяя место допроса подростка. Кроме того, желательно проконсультироваться у специалиста или родителей подростка, а также выслушать мнение самого несовершеннолетнего.

При допросе несовершеннолетнего потерпевшего следователь должен установить с допрашиваемым психологический контакт, для которого характерна согласованность межличностных связей и отношений, благоприятствующих получению всесторонних, полных и достоверных показаний. В некоторых случаях психологический контакт определяют как предпосылку, основное условие для применения тактических приемов, что, однако, не противоречит пониманию мер по установлению контакта (в частности, беседы перед допросом) как тактического приема.

При допросе потерпевшего (свидетеля) подросткового возраста общая беседа с допрашиваемым должна плавно переходить к получению

ответов на вопросы анкетной части бланка протокола. Следователь должен более подробно, чем при допросе взрослого, и шире, чем указано в форме протокола, выяснить сведения о личности подростка, условиях его жизни и воспитания, взаимоотношениях в семье и коллективе, интересах и наклонностях (тем более если эти данные не были получены при подготовке к следственному действию). От всестороннего изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, как уже отмечалось, непосредственно зависит эффективность его допроса.

Создание благоприятствующей допросу обстановки, формирование у несовершеннолетнего интереса к общению, установление с ним контакта во многом зависят от поведения следователя и его коммуникативных способностей. Важно правильно избрать форму общения и стиль разговора.

Поскольку общение предполагает воздействие не только на разум, но и на чувства, следователю необходимо быть очень осторожным, если в ходе беседы затрагиваются интересы допрашиваемого, его родственников или друзей. Неумелое воздействие на чувства нарушает внутреннее равновесие несовершеннолетнего, порождает порой развязность и вспыльчивость, а иногда, наоборот, замкнутость, что, безусловно, сказывается на результатах допроса.

Учитывая повышенную восприимчивость и впечатлительность несовершеннолетних, следователь во время допроса должен обращаться к допрашиваемому в доброжелательном тоне, не теряя, однако, готовности пресечь в случае необходимости проявления развязности с его стороны. Доброжелательный тон допроса не исключает, а предполагает контроль за поведением несовершеннолетнего. В ходе рассматриваемого следственного действия сразу же должны пресекаться жаргонные и нецензурные выражения, а также циничные реплики в адрес тех или иных лиц.

Затруднения, возникающие при допросе несовершеннолетних, часто связаны с тем, что им более чем кому бы то ни было свойственно стремление угодить допрашивающему, и они стремятся уловить, какой ответ предпочтительнее в данной обстановке. Учитывая внушающую силу авторитета следователя, нужно при каждом удобном случае обращать внимание несовершеннолетнего на необходимость полного и правдивого рассказа о случившемся, при постановке вопросов не проявлять заинтересованности в показаниях определенного содержания.

Таким образом, получение показаний от несовершеннолетних имеет собственную специфику и требует от следователя тщательной подготовки, проведения комплекса мероприятий по изучению личности допрашиваемого, определению места производства допроса и конкретных его участников с целью добиться наибольшей коммуникативности подростка.

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ВЛАСТЬЮ ИЛИ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Злоупотребление властью или служебными полномочиями является одним из наиболее распространенных преступлений против интересов службы. Оно нередко связано с корыстным использованием должностным лицом своего служебного положения. В ряде случаев злоупотребление властью или служебными полномочиями ведет к значительному материальному ущербу, который может причиняться не только государственной, но и частной собственности.

Имеющаяся в распоряжении практиков методика расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями не соответствует потребностям времени, что и предполагает необходимость ее совершенствования.

Для выявления проблем методики расследования злоупотребления властью или служебными полномочиями необходимо провести анализ ее информационной модели – криминалистической характеристики. Основой для такого анализа должна служить уголовно-правовая конструкция состава преступления. Согласно ч. 2 ст. 424 УК Республики Беларусь злоупотребление властью или служебными полномочиями – это умышленное вопреки интересов службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Сведения о составе преступления значимы не только для практики расследования, но и для конструирования информационной модели преступления. По мнению А.В. Дулова, «эти сведения дают возможность выявить в преступлении его элементы и их свойства, которые надо углубленно изучать, ибо они определяют основу криминалистического познания преступления» [1, с. 31].

Сведения об уголовно-правовом составе также значимы для криминалистической характеристики. Более того, уголовно-правовые данные об объективной и субъективной стороне, объекте и субъекте преступления являются составной частью криминалистической характеристики, что служит основой для ее критики [2, с. 222].

Рассматривая криминалистическую характеристику злоупотребления властью или служебными полномочиями, следует отметить различные авторские позиции в ее понимании и содержании. Не анализируя авторские точки зрения, в качестве примера приведем криминалистическую характеристику данного преступления, содержащуюся в одном из пособий для практических работников. В качестве ее немногочисленных элементов авторы пособия называют способы и мотивы совершения злоупотребления властью или служебными полномочиями, обстоятельства, способствующие им, а также связь должностных преступлений с другими преступными деяниями [3, с. 96]. Если удалить не относящиеся к криминалистике элементы, то в такой характеристике останется лишь один криминалистический элемент – способ совершения преступления.

На основе анализа материалов 48 уголовных дел авторы пособия называют 17 способов злоупотребления властью или служебными полномочиями, а именно: покровительство или попустительство по службе; противоправное предоставление льгот, преимуществ при заключении договоров в ущерб интересам учреждения, где работает виновный; выдача заведомо ложных документов; внесение ложных сведений в документы; совершение процессуальных действий в нарушение законодательства; использование служебного имущества в личных целях и др. В числе способов злоупотребления властью или служебными полномочиями упоминается непринятие мер к пресечению незаконных действий, что вызывает несогласие, так как этот способ связан с бездействием должностного лица, на которого законодательством возложена обязанность совершать действия. За подобное деяние виновный может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 425 УК. Упоминание такого способа противоречит утверждению, что изученные преступления (48 уголовных дел) «совершались путем активных действий, нарушающих обязательные для исполнения правила, инструкции, положения» [3, с. 96].

Следует обратить внимание, что пособие адресовано практическим работникам – следователям и оперативным работникам правоохранительных органов. Невольно возникает вопрос о значимости такой криминалистической характеристики в представленных в пособии частных методик расследования коррупционных преступлений, к которым и относится злоупотребление властью или служебными полномочиями.

Также обращает на себя внимание отсутствие в криминалистической характеристике рассматриваемого преступления таких важных ее элементов, как описание личности преступника, объекта преступления и обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, которые являются важной составляющей частью многих криминалистических

характеристик иных преступлений. По всей видимости, авторы практического пособия не выделяют их в криминалистической структуре злоупотребления властью или служебными полномочиями, что является весьма спорным. По крайней мере, несогласие с мнением авторов пособия может быть высказано в отношении обязательного элемента криминалистической характеристики любого преступления – описания преступника, на установление личности которого ориентирована следственная и оперативно-розыскная деятельность, основывающаяся на частной методике расследования.

Непосредственным объектом рассматриваемого преступления согласно теории уголовного права являются общественные отношения, обеспечивающие соответствующую интересам службы деятельность государственного, общественного и хозяйственного аппарата управления, независимо от формы собственности и функций управления [4, с. 963]. Такой подход к пониманию объекта преступления в уголовном праве является наиболее общим. Вместе с тем еще в прошлом столетии ученые в области уголовного права указали на важность и недостаточную разработанность проблемы объекта преступления [5, с. 188–189].

В теории советского уголовного права объект преступления рассматривался в качестве общественных отношений [6, с. 133]. Такое мнение об объекте преступления сохраняется до сих пор.

В последние годы теория уголовного права пополнилась новыми концептуальными подходами к рассмотрению объекта преступления. По данному поводу В.Н. Винокуров пишет: «Общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны – это социальное явление, не включающее в себя ничего материального, и, являясь основой правоотношений, они составляют материальную предпосылку их возникновения. Элементами структуры общественных отношений являются субъекты отношений, их деятельность и предметы отношений» [7, с. 65]. Далее исследователь замечает, что «для вступления в общественные отношения необходим предмет, который бы представлял интерес для его участников (как потребность и цель взаимоотношений), поэтому он позволяет определить суть и специфику конкретных общественных отношений». Автор ставит знак равенства между предметом отношений и непосредственным объектом: «Общественные отношения – это отношения по поводу каких-либо объектов, под которыми следует понимать все то, что входит в сферу потребностей людей» [7, с. 66–67].

Криминалистика, являясь наукой «о реальностях уголовного права» [8, с. 109], рассматривает любое преступное деяние как систему [9, с. 71], структура которой образована материальными элементами. В их числе упоминается и объект преступного посягательства [10, с. 62].

Объект преступного посягательства как элемент криминалистической (материальной) структуры преступления существенно отличается от соответствующего уголовно-правового элемента состава преступления. В теории и практике отечественного уголовного права, как было отмечено, до сих пор в вопросе понимания содержания объекта посягательства используется концепция общественного отношения.

Данная концепция не приемлема для рассмотрения объекта посягательства как равноценного понятия для уголовного права и криминалистики. Дело в том, что абстрактные по своей сути общественные отношения, социальные блага или человек [11, с. 45], составляющие содержание концепций уголовно-правового понятия объекта посягательства, не отражают систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах.

Объект как элемент криминалистической структуры преступления можно представить в виде материальной совокупности или системного образования, на которые оказывается непосредственное или опосредованное воздействие. Одна или несколько составляющих их частей могут определять целевую направленность преступного деяния. Необходимо иметь в виду, что сам по себе объект как единое целое также может являться целью преступной деятельности, если вина субъекта преступления связана с причинением объекту посягательства вреда.

Основываясь на предложенном определении понятия «объект преступного посягательства» в качестве такового в составе рассматриваемого вида преступления можно выделить несколько материальных элементов, которым в результате деяния причиняется ущерб или вред: человек, имущество, государственные и общественные организации.

Человек является объектом преступного посягательства, если в результате преступных действий на него оказывается определенное непосредственное или опосредованное воздействие. Такие деяния связаны с причинением личности гражданина существенного вреда, который может выражаться, например, в причинении умышленного легкого телесного повреждения или в умышленном создании ситуации, при которой вследствие неосторожных действий других лиц были причинены менее тяжкие или тяжкие телесные повреждения (хотя бы одному лицу). Человеку может быть причинен и иной существенный вред при опосредованном воздействии. Например, существенный вред может быть выражен в значительном для гражданина нарушении конституционных прав и свобод на получение достоверной информации, свободное и беспрепятственное передвижение, выбор места жительства, работы, охрану здоровья, свободу выражения взглядов и т. д. [4, с. 967]. Очевидно, что при непосредственном воздействии на человека, как объекта посягательства, остается более информативная следовая картина.

Человеку может быть причинен ущерб имущественного (материального) характера. Речь идет о прямом (непосредственном) ущербе, возникновение которого не связано с иными обстоятельствами и целями противоправного поведения должностного лица. В данном случае имущество, а не человек, выступает в роли объекта злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Имущество как объект преступного посягательства отличается большим разнообразием, охватывая собой множество различных вещей. Оно разделяется на две большие группы: движимое и недвижимое. Не анализируя в деталях аспекты гражданско-правового понятия «имущество», заметим, что этому элементу структуры преступления может причиняться вред.

Объектами преступного посягательства согласно ч. 2 ст. 424 УК являются государственные и общественные органы и организации, хотя в результате совершения преступления нарушаются интересы государственного органа.

Подводя итог изложенному, можно сделать некоторые выводы:

1. В научной, нормативной и учебной литературе по уголовному праву Республики Беларусь придерживаются традиционной концепции общественных отношений как объекта посягательства при злоупотреблении властью и служебными полномочиями.

2. Абстрактный характер общественных отношений исключает возможность отражать систему следов, содержащих криминалистически значимую информацию о совершенном преступлении и его элементах.

3. Объектами преступного посягательства при злоупотреблении властью или служебными полномочиями в их криминалистическом понимании являются материальные элементы преступной структуры, в числе которых человек, государственные и общественные организации.

4. Человеку, государственным и общественным организациям как элементам криминалистической структуры преступления в результате злоупотребления властью или служебными полномочиями причиняется ущерб (в крупном размере) или существенный вред.

5. Интеграционные процессы в системе наук уголовно-правового цикла предполагают унификацию научных категорий, которыми оперируют эти науки. Реализация этого будет способствовать решению многих проблем теоретико-прикладного характера.

1. Дулов А.В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Минск, 1985.

2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.

3. Методика расследования коррупционных преступлений : науч.-практ. пособие / С.В. Войцеховская [и др.] ; под общ. ред. В.Х. Кадырова. Минск, 2005.

4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф.Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск, 2010.

5. Шаргородский М.Д. Актуальные вопросы советского уголовного права // Учен. записки (Ленингр. гос. ун-т). № 182. Сер. юрид. наук. Вып. 5. Л., 1954.

6. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

7. Винокуров В.Н. Объект преступления: теория, законодательство, практика. М., 2010.

8. Криминалистика: краткая энциклопедия / авт.-сост. Р.С. Белкин. М., 1993.

9. Криминалистика : учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.] ; под. ред. А.В. Дулова. Минск, 1996.

10. Гучок А.Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. Минск, 2012.

11. Грунтов И.О. К вопросу о понимании объекта преступления в уголовном праве // Труд. Профсоюзы. Об-во. 2017. № 2.

УДК 343.1

О.Ю. Цурлуй, А.Л. Пошвин

ОБ ОЦЕНКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Одним из актуальных и дискуссионных вопросов в современном уголовном процессе является использование специальных знаний при производстве по уголовному делу, а именно: порядок участия специалиста в уголовном судопроизводстве, особенности привлечения специалиста стороной защиты, заключение и показания специалиста как доказательства по уголовному делу, их оценка судом, а также законодательные новеллы данного института, которые периодически вносятся в УПК РФ [1, с. 13; 2, с. 6; 3, с. 50; 4, с. 773; 5, с. 45].

Исходя из положений ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалистом является лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Коррелирующие положения п. 3 ч. 1 ст. 58 и п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ допускают в качестве доказательств заключение и показания специалиста, в том числе привлеченного защитником. Более того,

Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ в ст. 58 УПК РФ введена ч. 2.1 на основании которой стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Тем не менее практика показывает, что, несмотря на всю совокупность вышеприведенных законодательных требований, проблема нивелирования значимости указанного доказательств, особенно когда такое воле представляется стороной защиты, остается.

Предвзятое отношение следователя, суда к заключению специалиста и его показаниям в ситуациях привлечения его стороной защиты вызвало необходимость посвятить указанной проблеме статью. Анализ судебной практики выявил существенные проблемы приобщения, оценки и использования заключения специалиста, вызова в суд и оценки показаний специалиста в качестве доказательств по уголовному делу. Как в рамках предварительного, так и в ходе судебного следствия стороне защиты отказывают в удовлетворении ходатайств о привлечении в качестве специалиста сведущих лиц в целях обоснования позиции защиты. Судами критически оцениваются приобщенные стороной защиты заключения специалиста, полученные в рамках полномочий, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Обозначенная проблема стоит весьма остро и имеет исключительно практический характер, поскольку практика часто противоречит требованиям законодательства. Следовательно, необходимо дальнейшее исследование возникающих проблемных вопросов, о которых речь велась неоднократно на страницах специальной литературы.

Проблемы, связанные с участием специалиста, привлекаемого стороной защиты, можно условно разделить на три блока.

Первый блок связан с необоснованным отказом в привлечении специалиста к участию в производстве по уголовному делу как в ходе предварительного, так и в ходе судебного следствия в нарушение требований ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, в соответствии с которыми стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении подобного рода ходатайств.

Второй блок проблем определяется отказом в удовлетворении ходатайств стороны защиты о производстве повторных и дополнительных экспертиз после выявления такой необходимости по результатам консультаций защитника со специалистом, который установил методологические и процессуальные нарушения в ходе производства первоначальных экспертиз. Подобные отказы являются грубейшим нарушением требований ст. 159 УПК РФ, в которой законодательно закреплен запрет отказа в удовлетворении ходатайства стороны защиты о производстве экспертизы.

Третий, самый острый и опасный, блок проблем, на наш взгляд, связан с субъективно критической и предвзятой оценкой судом показаний допрошенного по ходатайству стороны защиты специалиста, а также приобщенного стороной защиты заключения специалиста, как правило, обосновывающего недопустимость имеющихся в материалах дела заключений экспертов.

Заявленные проблемы отнюдь не голословны и подтверждаются примерами следственной и судебной практики.

Так, в ходе расследования уголовного дела по обвинению П. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159, п. «а», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, в нарушение требований п. 3 ч. 1 ст. 53, ст. 58, ч. 2, 2.1, 2.2. ст. 159 УПК РФ старшим следователем следственного отдела по городу Г. СУ СК России по Б-й области В. отказано в привлечении и допросе специалиста по ходатайству защитника, что, безусловно, является грубейшим нарушением права на защиту, предусмотренного ст. 16 УПК РФ. Данный факт имел место осенью 2017 г., т. е. после внесения части 2.1 в ст. 58 УПК РФ Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ. Поданные стороной защиты жалобы на отказ в удовлетворении указанного ходатайства руководителю следственного органа и прокурору не принесли желаемого результата [6]. С сожалением констатируем, что приведенный пример не является единичным.

Лишь в исключительных случаях заинтересованные в объективном, полном и всестороннем расследовании преступления следователи привлекают к производству по уголовному делу специалистов по ходатайству защиты. Опытный и профессионально грамотный следователь в полной мере осознает, что предоставление стороне защиты возможности полностью реализовать предусмотренные уголовно-процессуальным законом полномочия значительно снижает риск неожиданных для органов следствия действий со стороны в суде, которые могут повлечь возвращение дела прокурору, прекращение производства по уголовному делу и др.

Отказ суда в удовлетворении ходатайства о производстве повторных и дополнительных судебных экспертиз иллюстрирует пример.

В ходе рассмотрения Л-м районным судом города В. уголовного дела по обвинению В. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 163 УК РФ, стороной защиты было поставлено под сомнение допустимость первоначального и дополнительного заключений судебно-медицинского эксперта. После письменных консультаций у двух специалистов – судебно-медицинских экспертов – стороной защиты были составлены подробные ходатайства с разъяснением, полученном на консультациях, нарушений методики при проведении экспертизы, допущенных экспертом, заключение которого оспаривается. Однако в удовлетворении указанных ходатайств суд первой инстанции отказал. Несмотря

на детальную обоснованность, опыт и квалификацию привлеченных стороной защиты специалистов, а также императивное требование ч. 2 ст. 159 УПК РФ суд принимает подобного рода решения, которые часто вышестоящий суд признает законными и обоснованными [7].

Одну из самых острых проблем, связанных с использованием специальных знаний в уголовном судопроизводстве, раскрывает следующий пример из судебной практики.

Стороной защиты в ходе рассмотрения О-м районным судом города О. уголовного дела по обвинению братьев Б. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, было получено заключение специалиста – судебно-медицинского эксперта, доктора медицинских наук, с колоссальным практически опытом, который был впоследствии допрошен в качестве специалиста в судебном заседании.

Приговор вынесен обвинительный. В описательно-мотивировочной части приговора судом отвергнуты без соответствующей объективной и всесторонней оценки заключения и показания специалиста в области судебной медицины, допрошенного в судебных заседаниях суда первой и апелляционной инстанций, предупрежденного об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Более того, суд апелляционной инстанции, отвергая в качестве доказательства заключение специалиста Т., обосновывал свой вывод ссылкой на ст. 168, 270 УПК РФ, искажив суть закона утверждением о даче специалистом заключения только в рамках участия в следственных действиях [8].

Уместно в свете исследуемых проблем привести некоторые законодательные требования, а также позицию Верховного Суда РФ

Согласно положениям п. 3 ч. 1 ст. 53, ч. 1 ст. 58, ч. 3, 4 ст. 80 УПК РФ специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое в том числе стороной защиты, в частности, для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, а также для представления заключения, т. е. суждения по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами, в письменном виде.

Разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» установлена необходимость наиболее полного использования судами достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Если же проведение исследования не требуется, то возможен допрос специалиста.

По нашему убеждению, несмотря на тот факт, что специалист фактически не осуществляет исследование, заключение специалиста имеет одинаковую с заключением эксперта юридическую силу предусмотренного УПК РФ доказательства. Специалист при даче заключения пользуется результатами научно обоснованных достижений в той или иной области знаний, что, безусловно, объективизирует сделанные им выводы. Кроме того, каким бы ни был закон, он – закон, которым заключение специалиста, равно как и его показания, отнесены к доказательствам по уголовному делу. Исходя из законодательного закрепления каждое доказательство должно оцениваться по правилам оценки доказательств, предусмотренным ст. 17, 88 УПК РФ, без какого-либо ущемления статуса такого доказательства.

1. Максимов О.А., Нагорный В.А. Некоторые теоретические и практические вопросы участия специалиста на стороне защиты // Адвокат. практика. 2013. № 2.
2. Махов В.Н. Становление заключения и показаний специалиста как доказательства в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. следователь. 2013. № 9.
3. Овсянников И. Дискуссия о заключении специалиста 10 лет // Законность. 2015. № 2.
4. Селина Е.В. Заключение и показания специалиста в уголовном процессе // Науч. тр. РАЮН : в 3 т. М., 2008. Вып. 8. Т. 3.
5. Зинин А.М., Семикаленова А.И., Иванова Е.В. Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник. М., 2016.
6. Архив Губкинского районного суда Белгородской области за 2018 г.
7. Архив Левобережного районного суда Воронежа за 2018 г.
8. Архив Орловского областного суда за 2016 г.

УДК 343.985.7

А.Н. Чаплинский

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ КАК РАЗДЕЛ ТРАСОЛОГИИ

Глобальная компьютеризация оказывает существенное влияние на социально-экономические процессы в Республике Беларусь. В то же время наблюдается рост преступлений с использованием компьютерных средств. Внедрение современных информационных технологий практически во все области человеческой деятельности привело к тому, что с помощью компьютерных средств и систем совершаются как преступления против компьютерной информации, так и традиционные (мошенничество, фальшивомонетничество, лжепредпринимательство и др.).

Преступления, сопряженные с использованием компьютерных технологий, представляют серьезную угрозу для Республики Беларусь и для мирового сообщества в целом. В связи с этим активно исследуются проблемы эффективного расследования преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий, а также изучения электронно-цифровых следов, их природы и сущности.

На сегодняшний день указанные следы существуют как явление и активно исследуются. При этом взгляды ученых относительно их природы образования и наименования существенно разнятся [1, с. 108–111; 2, с. 34–35; 3, с. 168]. Изучение такого явления, как электронно-цифровые следы, вызвано необходимостью выработки научно обоснованных рекомендаций по их поиску, исследованию и использованию в деле борьбы с преступностью, которая все чаще использует передовые достижения науки и техники в своих противоправных целях.

По нашему мнению, изучение электронных следов следует проводить в рамках учения о следах, т. е. трасологии, как одного из разделов криминалистической техники. Также представляется целесообразным включить в систему трасологии, представленную такими общепризнанными подразделами, как общие положения трасологии, исследование следов человека, орудий и инструментов, транспортных средств, животных, форензику – криминалистическое исследование электронно-цифровых следов, которые имеют свою специфику образования, хранения и использования в доказывании. Электронно-цифровые следы, несмотря на материальную природу образования, настолько специфичны, что их нельзя воспринимать как материальный след в привычном понимании слова, например, как отпечаток обуви на полу.

Термин «форензика» (компьютерная криминалистика) предложил еще Н.Н. Федотов, который понимал ее как прикладную науку о раскрытии и расследовании преступлений, связанных с компьютерной информацией, о методах получения и исследования доказательств, имеющих форму компьютерной информации, о применяемых для этого технических средствах [4, с. 12]

Обозначение криминалистического исследования электронно-цифровых следов термином «форензика» обусловлено сложившейся практикой его употребления. По нашему мнению, данный термин в полной мере отражает суть предлагаемого раздела криминалистического знания. Слово «forensics» является сокращенной формой от «forensic science», что дословно переводится с английского языка как судебная наука, т. е. наука об исследовании доказательств – криминалистика. В то же время раздел криминалистики, посвященный исследованию компьютерных доказательств, в англоязычной литературе получил названия «computer forensics», «digital forensics», или «компьютерная (цифровая) криминалистика», которые

употребляются как синонимы. В связи с повсеместным использованием английского языка при работе с компьютером и, как следствие, заимствованием родным языком англоязычных слов представляется довольно логичным использовать как термин вошедшее в обиход русского языка слово «форензика», которое имеет только одно значение – компьютерная криминалистика, а в других значениях не употребляется.

Практика заимствования и употребления англоязычных слов в компьютерной сфере является повсеместной и общепринятой. Например, такие слова, как драйвер, аккаунт, логин или интернет-браузер, прочно вошли в лексикон практически каждого пользователя компьютера и широко ими используются. Попытки введения в научный оборот отечественных аналогов и эквивалентов из родного языка вместо уже существующих англоязычных терминов, на наш взгляд, не всегда являются обоснованными.

Осознавая в полной мере дискуссионность термина «форензика» и не претендуя на его бесспорность, полагаем, что вопрос о наименовании раздела криминалистических знаний об электронно-цифровых следах является второстепенным по отношению к сути самого изучаемого явления.

Методология традиционной науки включает в себя четыре базовых элемента: изучение существовавших и существующих теорий, методов и результатов экспериментов; установление несоответствий между выдвигаемыми теориями и результатами, полученными в результате эксперимента; выдвижение новых теорий и проведение экспериментов для их проверки; опубликование результатов исследования. Криминалистическое исследование электронно-цифровых следов сталкивается с проблемой отсутствия знаний в данной области, которые только начинают появляться. Постепенно накапливаемые познания о функционировании компьютерных систем, расширяясь, трансформировались в рекомендации для использования их в правоохранительной деятельности.

Поскольку одним из условий применения знаний при рассмотрении дел в суде является их научная обоснованность, для признания форензики подлинно научным знанием необходимо создать научную базу, которая должна включать в себя четко очерченный предмет познания с соответствующей методологией.

Стремительное развитие форензики в последние годы обязано росту производительности персональных компьютеров и аппаратно-программных комплексов. Практически любой пользователь становится продвинутым в области компьютерных преступлений. Этому способствует распространение в интернете информации о порядке осуществления противоправного доступа к компьютеру третьих лиц. Кроме того, любой пользователь может осуществлять доступ к контенту, который содержит порнографию или сопровождается нарушением авторских прав.

Для борьбы с преступностью необходимо совершенствовать механизмы защиты информации и усилия по противодействию несанкционированного доступа к ней, выработать единый подход в обнаружении, сборе и использовании электронных следов с целью привлечения правонарушителей к ответственности. Отсутствие научно обоснованной и общепринятой методики обнаружения, сбора и использования электронных следов в качестве доказательств не способствует эффективности борьбы с компьютерными правонарушениями, так как вызывает проблему рассмотрения представляемых доказательств в суде. Судами самым тщательным образом исследуется процесс получения электронных доказательств, а также соблюдение всех необходимых процессуальных процедур, прежде чем обнаруженные следы приобретают ценность подлинных доказательств. Очевидно, что криминалистическое исследование электронно-цифровых следов должно осуществляться уполномоченным органом в строгом соответствии с законодательством.

Таким образом, криминалистическое исследование электронно-цифровых следов представляет собой деятельность заинтересованных лиц, осуществляемую на правовой основе с использованием научно обоснованных методов и аппаратно-программных средств и направленную на обнаружение, извлечение, исследование и использование криминалистически значимой компьютерной информации с целью последующего использования в правоохранительной деятельности в качестве электронного доказательства лицом, разрешающим дело по существу.

1. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования. М., 2002.
2. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М., 2012.
3. Вехов В.Б., Смагоринский Б.П., Ковалев С.А. Электронные следы в криминалистике // Судеб. экспертиза. 2016. Вып. 2.
4. Федотов Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика. М, 2007.

УДК 343.985.7

Е.В. Чиненов, В.И. Щукин

СТРУКТУРА МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМОГО В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Фундаментальной основой криминалистической методики расследования экономических преступлений, совершающихся на объектах

железнодорожного транспорта, выступают особенности действий, связанных с подготовкой преступления, совершением и сокрытием следов. В своей совокупности они образуют основу механизма преступления и определяют структуру криминалистической характеристики.

Механизм преступления, его структура, компоненты и их взаимосвязи являются предметом криминалистических исследований на протяжении значительного времени. Главными направлениями исследований стали анализ существующих определений понятия механизма, его криминалистическое толкование и структурная составляющая.

Несомненный интерес вызывают различные мнения и точки зрения ряда ученых. Так, А.Н. Васильев, обосновывая задачи криминалистики при предварительном расследовании, раскрывал понятие механизма преступления следующим образом: «... способ и действия преступника в процессе совершения преступления, сопровождающиеся образованием материальных и нематериальных следов, могущих быть использованными для раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 8]. И.А. Возгрин выделил взаимную связь между признаками способа совершения преступного деяния, преступной личности и личности потерпевшего [2, с. 43]. В.А. Образцов показал, что преступный механизм – это реализуемая в определенных условиях, выражении, направленности и последовательности динамическая система противоправных поведенческих актов и обусловленных ими явлений, имеющих криминалистическое значение [3, с. 20]. С позиции науки уголовного права и криминологии В.Н. Кудрявцев определил, что «под механизмом преступного поведения мы понимаем связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение» [4, с. 7]. В.Я. Колдин и Ю.Г. Корухов механизм преступления понимают как взаимодействие материальных процессов и систем, в совокупности образующих источники криминалистической информации, необходимой для расследования деяния [5, с. 333]. А.М. Кустов представляет механизм преступления последовательным рядом процессов взаимодействия, формирующих проявление следов-отражений, содержащих криминалистически значимую информацию о преступлении и его участниках [6, с. 26]. А.С. Князьков механизм преступления понимает как важный элемент криминалистической характеристики, состоящий в виде получающей материальное выражение последовательности поведения лиц, совершающих противоправные деяния [7, с. 51].

Как видно, механизм преступления представляет собой широкое и многогранное понятие, в котором, выделяется три детерминирующих

компонента, образующих систему механизма преступления: личные качества субъекта преступления, обстановка преступления и предмет преступного посягательства.

Результаты проводимого нами исследования показывают, что при совершении экономических преступлений на объектах железнодорожного транспорта происходит большое количество разнообразных взаимодействий явлений, процессов, в ходе которых участвуют люди и объекты, и формируются источники доказательственной информации [8, с. 12; 9, с. 8; 10, с. 9; 11, с. 90]. В наиболее общем виде система механизма преступления, совершаемого в экономической сфере железнодорожного транспорта, содержит следующие элементы: субъект преступления, система его противоправных действий, определяющих способ совершения преступления в условиях железнодорожного транспорта, отношение к содеянному.

Субъектом экономических преступлений на объектах железнодорожного транспорта, как правило, является лицо мужского пола (65 % от общего количества) в возрасте от 23 до 55 лет. Основным признаком социального статуса преступников является сфера профессиональной деятельности – экономическая отрасль железнодорожного транспорта. Их дифференциация представлена в следующем виде: должностные лица (20 %), служащие (20 %), материально-ответственные лица (40 %), рабочие (20 %). Как правило, в системе разделения труда статусы групп личностей, совершающих преступления, совместимы (60 %), что обусловлено их служебно-деловыми взаимоотношениями или преступными интересами. Уровень образования преступников распределяется следующим образом: среднее и профессиональное образование имеют 25 %, высшее образование – 75 % лиц, осуществляющих преступную деятельность в экономике железнодорожного транспорта. Уровень дохода работников железнодорожной отрасли зависит от квалификации, региона, условий и режима труда и в среднем в 2017 г. составил 50,2 тыс. руб. [12]. Средний стаж профессиональной деятельности лиц, совершавших преступления, составляет 5–12 лет.

В большинстве случаев субъект преступления осознает сущность совершаемых действий, предвидит их последствия и проявляет волю к их совершению. Фактическое отношение проявляется в виде следов в документах, установленных фактах недостатков материальных ценностей и денежных средств, материалах инвентаризаций и ревизий, иных вещественных доказательствах, а также отражается в показаниях соучастников, свидетелей, в ряде случаев потерпевших.

Способ совершения экономических преступлений на объектах железнодорожного транспорта детерминируется личностными и профес-

сиональными особенностями субъекта, предметом преступного посягательства и обстоятельствами совершения противоправного деяния, связанными с особенностями функционирования объектов железнодорожного транспорта. В системе способа совершения преступлений выделяют подготовительные действия, непосредственное совершение преступления и сокрытие его следов. Для всех преступлений, совершаемых в экономике железнодорожного транспорта, характерным является подготовительный этап, специфика которого обусловлена видом преступной деятельности: против собственности (субъектов транспортной отрасли и субъектов, пользующихся услугами транспорта и ее инфраструктурных объектов, например, по признакам ст. 158, 159, 160 УК РФ); в сфере экономической деятельности (производственно-экономических отношений объектов железнодорожного транспорта, например, по признакам ст. 171, 186, 198, 199 УК РФ); против конституционных прав и свобод человека и гражданина (должностными лицами и лицами, осуществляющими выполнение управленческих функций в транспортных организациях, например, по признакам ст. 145¹, 146 УК РФ); против интересов службы в коммерческих и иных организациях (лицами, выполняющими управленческие функции в транспортных организациях, например, по признакам ст. 201, 204 УК РФ); против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (должностными лицами субъектов транспортной отрасли, например, по признакам ст. 285, 290 УК РФ).

Способ подготовки имеет непосредственную связь со способом совершения и способом сокрытия преступления. Так, например, при подготовке к совершению присвоения или растраты преступниками осуществляется сбор информации о нормативно-правовом регулировании в сфере экономики железнодорожного транспорта, изучаются особенности учета и отчетности объекта преступного посягательства, специфика документооборота и электронной информационной среды транспортного предприятия. Таким образом, заранее предопределяются формируемая система действий по достижению преступной цели, основанная на специальных знаниях, профессиональном опыте, имеющихся недостатках и пр.

Аналогичная связь существует между способом совершения и способом сокрытия: в способе сокрытия находит свое отражение способ совершения преступления. Например, обнаружение фальсифицированных бухгалтерских документов, посредством которых придавалась видимая законность хищения учетного объекта, позволяет восстановить способ совершения и механизм преступления. Как правило, при совершении экономических преступлений способ сокрытия предусматривается уже зара-

нее в стадии подготовки либо реализации преступного замысла. Способ совершения преступления позволяет следователю установить причастных к нему лиц, время, место, размер причиненного ущерба.

Система действий по достижению преступного результата в железнодорожной отрасли различается в зависимости от вида преступной деятельности (индивидуально-профессиональная, групповая, организованная). Существенное влияние оказывают содержательные особенности информационно-поисковой, подготовительно-организационной, деятельностно-операционной и маскирующей фаз конкретного преступного процесса.

Важным элементом системы механизма преступления в изучаемой сфере выступают связи и отношения между способами подготовки, совершения и сокрытия преступления и преступным результатом, а также между содержанием преступных действий и обстановкой совершения преступления, т. е. объективными условиями, обусловленными административно-организационными, финансово-бухгалтерскими, экономическими, имущественными, информационными, техническими, коммуникативными, промышленными и информационными особенностями производственно-экономической деятельности железнодорожного транспорта. Без установления и раскрытия данных связей, на наш взгляд, невозможно решить задачу всестороннего, объективного расследования преступлений в сфере экономики железнодорожного транспорта.

1. Криминалистика. М., 1971.
2. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976.
3. Образцов В.А. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в криминалистике // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980.
4. Кудрявцев В.Н. Природа преступного поведения и его механизм // Механизм преступного поведения. М., 1981.
5. Криминалистика социалистических стран. М., 1986.
6. Кустов А.М. К вопросу о структуре механизма преступления // Вестн. ин-та: преступление, наказание, испр. 2009. № 5.
7. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2011. № 1.
8. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2016.
9. Малыгина Е.А. Методика расследования хищений комплекующих деталей объектов железнодорожного транспорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2018.

10. Пермяков А.Л. Методика расследования мошенничества, связанного с осуществлением инвестиционных проектов на предприятиях железнодорожного транспорта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2018.

11. Чиненов Е.В., Шукин В.И. Экономические преступления, совершаемые на объектах железнодорожного транспорта, как объект криминалистического научного анализа // Вестн. Вост.-Сибир. ин-та МВД России. 2018. № 1.

12. URL: <http://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/v-rzhd-nazvali-srednyuyuzarplatu-rabotnikov-zh-d-otrasli/>.

УДК 343.9

А.И. Чурносов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ

Сотрудник органов пограничной службы должен обладать принципиальностью и преданностью делу охраны государственной границы Республики Беларусь, укрепления законности, быть непримиримым в борьбе с преступностью. Наряду с высокими нравственными качествами, сотрудники органов пограничной службы должны иметь глубокие знания в области криминалистики, уголовного права, уголовного процесса, оперативно-розыскной и иной правоохранительной деятельности. Они должны соединять в себе нравственность с глубокой компетентностью в оперативно-служебной деятельности по охране государственной границы.

Криминалистическое обеспечение деятельности органов пограничной службы изучается как специальная дисциплина, которая предоставляет сотрудникам органов пограничной службы научные знания как об организации досудебного производства, так и о предотвращении преступлений и правонарушений на государственной границе и приграничной территории.

Учебная дисциплина «Криминалистическое обеспечение деятельности органов пограничной службы» является одной из профилирующих в юридической подготовке офицеров-пограничников государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» по специальности 1-92 01 03 «Оперативная деятельность органов пограничной службы».

Преподавание этой учебной дисциплины преследует цель выработать у сотрудников органов пограничной службы систему теоретических знаний, умений и навыков использования криминалистических

средств и методов в раскрытии, расследовании, предотвращении преступлений и правонарушений в объеме, необходимом для выполнения служебных обязанностей по охране государственной границы Республики Беларусь.

На практических занятиях по криминалистике обучают: применению теории криминалистической идентификации, которая включает в себя групповую принадлежность и диагностику; соблюдению правил собирания доказательств; выявлению и описанию признаков полной и частичной подделки документов на право пересечения государственной границы Республики Беларусь;

использованию признаков внешности человека для идентификации личности по фотографии, а также для описания человека по методу словесного портрета и составления разыскной ориентировки;

тактически грамотному проведению следственных действий (осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, обыск в помещениях, транспортных средствах, личный обыск, задержание и допрос);

использованию данных криминалистических характеристик для предупреждения, пресечения и выявления преступлений, совершаемых в пограничных сфере, а также воинских преступлений.

Наиболее распространенным следственным действием в правоохранительной деятельности органов пограничной службы является осмотр места незаконного пересечения государственной границы, проведение которого требует всего массива знаний, преподаваемого курсантам в рамках дисциплины «Криминалистическое обеспечение деятельности органов пограничной службы».

Военнослужащим органов пограничной службы при проведении осмотра места незаконного пересечения государственной границы для решения задач, связанных с определением направления и способа передвижения нарушителя, его возраста, пола, роста, физических данных, установлением факта использования орудий и средств, числа участвовавших в нарушении границы лиц, необходимо владеть теоретическими и практическими навыками одного из разделов криминалистики – криминалистического учения о следах.

Практически каждый факт незаконного пересечения государственной границы вызывает изменение обстановки места происшествия. Отражением этого действия являются следы, которые находятся в причинной связи с данным нарушением: они содержат информацию об отдельных обстоятельствах деяния, действиях нарушителя и особенностях конкретных объектов, в результате взаимодействия которых возникли.

Органы пограничной службы при выполнении возложенных на них задач в местах осуществления своих полномочий имеют в соответствии с законодательством Республики Беларусь право вести дознание по делам о незаконном пересечении государственной границы. Уголовная ответственность за данное преступление предусмотрена ст. 371 УК.

Действия по незаконному пересечению государственной границы могут совершаться с использованием тех или иных транспортных средств (поезд, воздушное судно, плавсредство, катер, лодка и иные средства, предназначенные для перевозки людей). Данное посягательство может быть совершено также посредством перехода через государственную границу, т. е. без использования транспортных средств (пешком, вплавь и т. д.).

Умышленное незаконное пересечение государственной границы совершается, как правило, тайно с применением различных ухищрений. На транспортных средствах заграничного следования нередко используются труднодоступные для осмотра места, а при преодолении сухопутной границы применяются также маскировка следов, средства преодоления заградительных устройств и инженерно-заградительных комплексов, подкопы, пролазы и т. п.

От качества осмотра места нарушения границы в значительной степени зависит успех задержания нарушителей границы. Каждый пограничник должен быстро и безошибочно определять направление движения нарушителей, их количество и время нарушения границы. Главной задачей как пограничных нарядов, офицеров заставы, так и лиц, производящих дознание, и следователей должно стать доказывание бесспорной вины задержанного. Следовательно, должны быть известны такие факты, как место и время перехода границы и задержания нарушителя, маршрут его движения; должны сохраняться следы и другие признаки нарушения границы, а также обнаруженные и изъятые у нарушителя предметы и документы.

Осмотр места нарушения границы – это действия пограничников, лица, производящего дознание, следователя, совершаемые в целях собирания (обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения), исследования следов, предметов и других признаков нарушения границы и их изучения для выявления обстоятельств, связанных с нарушением границы.

В зависимости от конкретных целей и задач, стоящих перед органами пограничной службы, и обстановки на границе осмотр места нарушения границы может быть проведен в три этапа.

Первый этап – служебный осмотр местности, который проводится пограничными нарядами, обнаружившими следы или признаки нару-

шения границы, в целях быстрого определения направления движения нарушителей, их числа и давности следов для успешного преследования и задержания нарушителей границы. При этом пограничные наряды принимают меры по сохранению следов, предметов и других признаков нарушения границы от воздействия неблагоприятных условий погоды, а также действий, направленных на уничтожение следов.

Второй этап – предварительный осмотр места нарушения, который проводится офицерами заставы в целях уточнения направления движения нарушителей границы и их количества для принятия правильного решения на их поиск и задержание. При этом также принимаются меры по сохранению следов и вещественных доказательств от повреждения и уничтожения.

Третий этап – основной (следственный) осмотр места нарушения, который проводится лицом, производящим дознание (следователем), в полном объеме его целей и задач.

Осмотр места незаконного пересечения государственной границы проводится незамедлительно при обнаружении признаков нарушения границы.

Перед принятием решения на проведение осмотра места незаконного пересечения государственной границы лицу, производящему дознание, необходимо:

уяснить характер происшествия (где, когда, кем нарушена граница (погранрежим)), ознакомиться с условиями, в которых придется проводить осмотр;

определить состав участников и их подготовку к проведению осмотра; принять меры для сохранения следов, других признаков нарушения границы;

подготовить технические и иные средства, которые потребуются для осмотра и фиксации его результатов;

определить способ и маршрут движения к месту осмотра и отдать необходимые распоряжения.

Прибывшему на место незаконного пересечения государственной границы лицу, производящему дознание, необходимо провести следующие мероприятия:

установить, где конкретно задержан нарушитель границы (погранрежима), определить, откуда и каким способом следует произвести видеосъемку места задержания, определить ориентиры на местности для привязки места задержания, описать общую картину места задержания, рельеф местности, состояние почвы, растительности, наличие и местонахождение следов и других доказательств;

уточнить у лиц, задержавших нарушителя границы (погранрежима), какие изменения в обстановке на месте происшествия произведены или произошли естественно;

принять немедленные меры при неблагоприятных погодных условиях к сохранению следов и других доказательств;

поставить задачи инструктору проработать маршрут движения со служебной собакой, определить порядок обозначения маршрута и способы сохранения обнаруженных следов, предметов и документов;

распределить обязанности между другими участниками осмотра.

Осмотр места незаконного пересечения государственной границы проводится в следующем порядке. Вначале осматривается место задержания нарушителя границы в радиусе не менее 100 м по участкам, по концентрическим кругам как от центра, так и, наоборот, от периферии к центру. Затем проводится осмотр маршрута движения в полосе также не менее 100 м путем параллельного или зигзагообразного следования участников по маршруту.

Результаты осмотра фиксируются в протоколах осмотра и нарушения государственной границы, в которых указываются: возможность просмотра места задержания и маршрута движения нарушителя границы с сопредельной территории; видимые следы по маршруту движения; обнаруженные на маршруте и на месте задержания, а также изъятые погранрядами при личном досмотре вещи, предметы и документы, принадлежащие нарушителю; признаки, свидетельствующие о преодолении (попытке преодоления) инженерно-технических заграждений (подкопы под электросигнализационные комплексы и инженерные сооружения, оттянутые или разрезанные нити с указанием глубины или высоты подкопа (разреза), наличие клочков и ниток ткани на проволоке, предметов и приспособлений, служивших для преодоления инженерно-технических заграждений (сооружений)).

Дорожка следов (отдельные следы) описывается с указанием состояния почвы, количества следов, их направления, длины и ширины шага, угла разворота, объемности и глубины отпечатка, длины и ширины подметочной части и каблука, характерных признаков следов.

К протоколу осмотра места незаконного пересечения государственной границы прилагается схема задержания нарушителя границы, ориентированная по сторонам света, с указанием ближайших населенных пунктов, железных, автомобильных дорог, аэропортов и железнодорожных станций, сараев, отдельно стоящих домов, просек, высот и т. д. Схема исполняется в масштабе, подписывается сотрудником органов пограничной службы, исполнившим ее, и лицами, принимавшими участие в осмотре.

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПНЫХ УКЛОНЕНИЙ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, СБОРОВ И СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ

Преступления в сфере налогообложения, причиняя серьезный ущерб экономической безопасности любого государства, так как имеют международный характер, в последние годы получили значительную распространенность. По данным МВД РФ, в 2017 г. в России было выявлено 8 654 налоговых преступлений [1], за период с января по сентябрь 2018 г. – 6 271 [2]. С учетом высокой степени их латентности можно констатировать, что официальные статистические данные реальную ситуацию не отражают. Среди преступлений в области налогообложения выявление и расследование преступных уклонений от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов физических лиц и организаций (ст. 198, 199 УК РФ) отличается наибольшей сложностью.

Для успешной борьбы с данными преступлениями необходимо знание их криминалистической характеристики, отношение к которой среди ученых в последние годы приобрело неоднозначный и в ряде случаев остро дискуссионный характер. Не вдаваясь в полемику относительно понятия, структуры и содержания, отмечу, что прикладное значение криминалистической характеристики заключается в возможности выдвижения следственных версий и планирования расследования в различных ситуациях на основе исходной информации о преступлении. Кроме того, поисковое значение криминалистической характеристики возрастает вследствие высокого уровня латентности деяний, связанных с уклонениями от уплаты налогов (сборов, страховых взносов), причем «чем больше и детальнее в видовой криминалистической характеристике преступлений будут находиться элементы, имеющие криминалистическое значение, тем содержательнее и ценнее она будет для следственной практики» [3, с. 86]. Большое прикладное значение криминалистической характеристики преступлений подчеркивают и другие авторы [4–6].

Для успешной борьбы с рассматриваемыми преступлениями необходимо знание места, времени, способов их совершения, особенностей отражения признаков преступной деятельности в материальных носителях информации, особенностей личности уклоняющихся от уплаты налогов налогоплательщиков и других обстоятельств, формирующих в своей системе и взаимосвязи их криминалистическую характеристику.

Место совершения преступного уклонения от уплаты налогов определить довольно сложно, а подчас и невозможно, например когда физическое лицо уклоняется от представления декларации о доходах, если такая обязанность у него имеется. Как правило, местом совершения преступного уклонения от уплаты налогов является местонахождение (фактический или юридический адрес) юридического лица или индивидуального предпринимателя. Сведения о местонахождении и месте регистрации налогоплательщика позволяют выявить всех субъектов преступления, установить свидетелей, обнаружить источники различных доказательств и установить другие обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Преступления в области налогообложения в большинстве случаев являются длящимися, т. е. совершаются в течение определенного периода времени. Практика свидетельствует, что совершение преступлений в области налогообложения начинается с момента, когда в бухгалтерские документы вносятся недостоверные данные о доходах (расходах), или с момента начала сокрытия других объектов налогообложения, а заканчивается неисполнением субъектом обязанности по уплате налога в день истечения срока его уплаты.

Важное место в структуре криминалистической характеристики преступлений занимают данные о типичных способах их совершения, знание которых способствует более эффективному моделированию механизма преступного события и в конечном итоге повышению качества предварительного и судебного следствия.

Анализ материалов правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что способы совершения преступлений в сфере налогообложения отличаются значительным разнообразием, сложностью преступных схем и их быстрой корректировкой с учетом изменений обстановки, а также основаны на использовании пробелов в налоговом законодательстве. Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение всех возможных способов уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, подлежащих уплате организацией, остановимся лишь на тех, которые наиболее распространены, и условно разделив их на две группы: связанные с ненадлежащим юридическим оформлением различных видов предпринимательской (финансово-хозяйственной) деятельности, ненадлежащей организацией ее бухгалтерского и налогового учетов и связанные с сокрытием финансово-хозяйственной деятельности.

Первую группу составляют такие способы, как включение заведомо ложных сведений в налоговые декларации и иные документы, связанные с расчетами налогов; различные виды искажения учета и фальсификации баланса.

Фальсификация баланса берет свое начало еще в XIX в. и к первому десятилетию XX в. получает значительную распространенность. Профессор И.Ф. Шер, стоявший у истоков разработки «учения о вуалировании и фальсификации баланса», полагал, что способы и возможности вуалирования бесчисленны. Тем не менее он отмечал, что понимание бухгалтерии и баланса в целом обуславливает возможности выявления любого преступного «ухищрения» [7, с. 412, 435]. Данный тезис И.Ф. Шера актуален и в настоящее время.

Налогоплательщики-организации в большинстве случаев уклоняются от уплаты налогов на прибыль и добавленную стоимость. При уклонении от уплаты налога на прибыль типичные действия субъектов связаны с занижением доходов, прежде всего, путем завышения расходов, затрат на производство продукции, выполнение работ или оказание услуг (например, отнесение на себестоимость продукции затрат, которые не имели место в действительности).

Ко второй группе способов уклонения от уплаты налогов можно отнести неправомерное использование налоговых льгот, счетов сторонних (третьих) организаций посредством формирования искусственной дебиторской задолженности, наличных расчетов, векселей, открытие фирм-однодневок и т. д. в целях сокрытия фактических финансово-хозяйственных операций.

Во всех регионах России довольно широкое распространение получила предпринимательская деятельность, которая осуществляется без государственной регистрации и, соответственно, постановки на учет в налоговых органах. Для регистрации фирм-однодневок, как правило, используются паспорта (ксерокопии паспортов) умерших или потерявших их лиц, поддельные печати, штампы и бланки. В качестве дебиторов часто выступают предприятия, учредителями которых являются руководители организаций-недоимщиков либо их родственники. Таким предприятиям осуществляют поставку товаров и продукции без учета отсутствия оплаты по ранее исполненным обязательствам.

В последние годы активизировалось использование расчетов векселями, которые организации приобретают в банках либо выпускают сами в целях уменьшения налогооблагаемой базы, что также приводит к обострению криминогенной обстановки в сфере налогообложения.

Анализ материалов правоприменительной практики показывает, что выбор субъектом того или иного способа совершения налоговых преступлений во многом обусловлен отраслью предпринимательской деятельности налогоплательщика. К одной из самых криминогенных

можно отнести сферу внешнеэкономической деятельности, которая регулируется как отечественным, так и зарубежным законодательством. В этой связи контроль за движением денежных средств в этой сфере крайне затруднен. Зарубежные предприниматели довольно быстро приспосабливаются к условиям российского рынка и начинают уклоняться от уплаты налогов, используя все пробелы, так называемые белые пятна, в российском законодательстве о налогах и сборах и разрабатывая оригинальные преступные схемы.

К одной из наиболее криминогенных можно отнести сферу финансово-кредитной (банковской) деятельности. В качестве типичных способов совершения налоговых преступлений в ней можно отметить следующие: сокрытие и занижение доходов (объектов налогообложения) самими финансово-кредитными организациями, пособничество банков своим клиентам в совершении незаконных финансово-хозяйственных операций и сокрытия прибыли (доходов) от налогообложения.

Значительную распространенность преступные уклонения от уплаты налогов получили также в организациях топливно-энергетического комплекса, на рынке ценных бумаг, в сфере торгово-закупочной деятельности, особенно с использованием сети Интернет, что позволяет осуществлять сокрытие реально совершенных хозяйственных операций и уклоняться от уплаты налогов.

В последние несколько лет во многих странах активное развитие получил рынок криптовалюты, которая может активно использоваться не только для совершения налоговых преступлений, но и в целях легализации (отмывания) полученных преступным путем доходов. В частности, неучтенные деньги могут инвестироваться в скупку биткоинов, а затем под видом законного капитала вливаться в экономику. Экономисты отмечают, что криптовалюты при их грамотном использовании «практически не позволяют отследить цепочку проведения платежей» [8]. Этим и объясняется неоднозначное отношение к ним: с одной стороны, это современное платежное средство, а с другой – возможность реализации серых схем. Контролирующим и правоохранительным органам важно не допустить роста объемов операций с использованием цифровой валюты в преступных целях [9].

В качестве способов уклонения от уплаты налогов физическими лицами, которые не отличаются большим разнообразием по сравнению со способами, реализуемыми организациями, можно отметить следующие: непредставление налоговой декларации (расчета) или иных документов в нарушение законодательства Российской Федерации о налогах и сбо-

рах, включение в налоговую декларацию (расчет) или подобные документы заведомо ложных сведений. Физические лица часто не оформляют необходимые документы при получении ими денежных средств, осуществляют предпринимательскую деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (торгово-закупочная деятельность, оказание услуг по индивидуальному пошиву одежды, ремонту автомобилей, образовательные услуги – репетиторство и др.), сдают недвижимое имущество в аренду без государственной регистрации, незаконно используют налоговые льготы и т. д.

Обострение финансово-экономического кризиса, обуславливающего повышение цен на основные товары и услуги, рост безработицы, снижение жизненного уровня населения и другие неблагоприятные факторы, позволяет прогнозировать возможное усиление криминогенных процессов в данной области. Вместе с тем значительная распространенность преступлений коррупционной направленности связана с увеличением вложения их субъектами крупных денежных средств в строительство и приобретение недвижимости, приобретение валюты, дорогостоящих ювелирных изделий и иных материальных ценностей: эти лица получают значительные суммы доходов, которые не декларируются и скрываются от налогообложения.

Большое прикладное значение имеет элемент криминалистической характеристики преступных уклонений от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, который взаимосвязан с типичными способами их совершения, – механизм слепообразования. Каждый способ уклонения от уплаты налогов отражается в материальных (документальных и вещественных) и личностных источниках информации. Следы – признаки налоговых преступлений, как правило, содержатся в бухгалтерских и иных документах. Конкретный перечень таких документов определяется с учетом сферы деятельности хозяйствующего субъекта, вида неуплаченного налога (сбора или страхового взноса), т. е. обусловлен конкретным механизмом (способом) преступной деятельности.

Следы – признаки уклонений от уплаты налогов – в зависимости от степени их выраженности можно подразделить на два вида: явные (очевидные) и неочевидные. К явным следам относятся: полное несоответствие реальной хозяйственной операции ее документальному отражению, полное несоответствие записей в первичных учетных и отчетных документах, наличие материальных подлогов в документах, имеющих отношение к расчету величины дохода (прибыли) и суммы налога. Очевидными следами-признаками являются те, установление которых

требует производства встречных проверок предприятий, состоящих в договорных отношениях; исследований документов, включая их сравнительный анализ; изучения технологии производства продукции и осуществления другой всесторонней контрольной деятельности. К ним относятся: несоблюдение правил ведения учета и отчетности, нарушение правил ведения кассовых операций, списания товарно-материальных ценностей, документооборота, технологической дисциплины и др.

Широкое внедрение средств компьютерной техники в деятельность юридических и физических лиц, а также осуществление бухгалтерского и налогового учета посредством компьютерных технологий позволяют отнести к типичным следам налоговых преступлений и электронные документы, выявление которых должно осуществляться с привлечением специалистов.

Практика показывает, что налоговые преступники отличаются высоким образовательным уровнем, а основная причина налоговой преступности связана с негативным отношением многих граждан к существующей налоговой системе, низким уровнем их правовой культуры, несовершенством законодательства.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что криминалистическая характеристика преступных уклонений от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, представляющая собой динамичную категорию, которая развивается на основе научных исследований и актуальной правоприменительной практики, имеет большое значение для эффективного выявления, расследования и предупреждения данных преступлений, особенно в условиях ситуации информационной неопределенности.

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года [Электронный ресурс]. URL: // <https://мвд.рф/reports/item/1216798/> (дата обращения: 09.10.2018).
2. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2018 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/14696015/> (дата обращения: 30.10.2018).
3. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М., 1975.
4. Бебия З.Р. Роль криминалистической характеристики преступления в методике расследования уклонений от уплаты налогов с организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
5. Бессонов А.А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений. М., 2016.
6. Мальхина Н.И. Криминалистическая характеристика преступления и информационная модель преступления: соотношение понятий // Юрид. наука и правоохран. практика. 2015. № 3.

7. Шер И.Ф. Бухгалтерия и баланс. М., 1926.

8. Хестанов С. Криптовалюту в России попытаются использовать для ухода от налогов [Электронный ресурс]. URL: [https:// life.ru/новости/1013506/ekonomist_kriptovaliutu_v_rossii_popytaiutsia_ispolzovat_dlja_ukhoda_ot_naloghov](https://life.ru/новости/1013506/ekonomist_kriptovaliutu_v_rossii_popytaiutsia_ispolzovat_dlja_ukhoda_ot_naloghov) (дата обращения: 29.10.2018).

9. Криптовалюта может приняться для уклонения от уплаты налогов [Электронный ресурс]. URL: <https://cryptos.tv/kriptovalyuta-mozhet-primenyatsya-dlya-ukloneniya-ot-uplaty-nalogo/> (дата обращения: 30.10.2018).

УДК 343.985

М.П. Шруб

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СЕКСУАЛЬНЫМ ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ, КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ЗАДАЧА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

Все разделы науки криминалистики тесно связаны между собой, хотя и решают свои специфические задачи. Криминалистическая методика как заключительный раздел криминалистики аккумулирует в себе положения теории криминалистики, криминалистической техники и криминалистической тактики, адаптируя их применительно к расследованию отдельных видов и групп преступлений. Другими словами, если рассматривать соотношение предметов изучения разделов криминалистики, то предметом криминалистической техники и тактики является общее, а криминалистической методики – особенное, характеризующее механизм преступления, возникновение информации о преступлении и его участниках, работу с доказательствами при расследовании конкретных видов и групп преступлений.

В этом контексте следует говорить и о разработке частных криминалистических методик – информационных и методических основ расследования конкретных видов и групп преступлений. Криминалистическая характеристика преступлений, как информационная основа расследования, характеризует особенное применительно к элементам, охватываемым той частью двуединого объекта криминалистики, которая представлена преступной деятельностью. Особенное применительно к методическим основам расследования конкретных видов и групп преступлений и раскрывается в рамках элементов, охватываемых деятельностью по их расследованию.

Одной из специальных задач криминалистической методики является совершенствование уже имеющихся и разработка новых частных методик расследования отдельных видов и групп преступлений.

Современное общество все более и более подвержено внедрению информационных технологий во все сферы его деятельности. Сегодня много говорится о всепоглощающей информатизации, которая глубоко пронизала современную преступную деятельность. Данное обстоятельство не ставится под сомнение, и оно требует развития криминалистической методики в соответствующем направлении. Вместе с тем очевидно и то, что современные информационные технологии ни в коей мере не являются неотъемлемым атрибутом значимой части противоправных проявлений. Уличные грабежи, квартирные кражи, хулиганства, убийства успешно совершаются без применения компьютеров и инновационных программных продуктов. Суть данных преступлений, посягающих на имущество, общественный порядок, жизнь и здоровье человека, остается неизменной, как и отношение потерпевших к их последствиям. К числу таких преступлений, отличающихся значительной общественной опасностью и вместе с тем остающихся неизменными по своей сущности с течением времени, принципиальным образом не зависящих от развития современных технических средств и технологий, относятся преступления, связанные с сексуальным девиантным поведением. Хотя справедливости ради надо отметить, что способы их совершения, как и иных видов криминальных деяний, со временем претерпевают закономерные изменения.

В действующем УК Республики Беларусь содержится ряд правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с сексуальным девиантным поведением. К их числу могут быть отнесены ст. 166 «Изнасилование», ст. 167 «Насильственные действия сексуального характера», ст. 168 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста», ст. 169 «Развратные действия», ст. 170 «Понуждение к действиям сексуального характера», ст. 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией», ст. 171¹ «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией», ст. 181 «Торговля людьми», ст. 182 «Похищение человека», ст. 343¹ «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего».

По данным МВД Республики Беларусь, общее число рассматриваемых преступлений (по линии Главного управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми) за последние пять лет возросло в четыре (!) раза – с 384 преступлений в 2012 г. до 1 578 в 2017 г. [1].

А за десять месяцев 2018 г. уже зарегистрировано 1 577 преступлений! Серьезную обеспокоенность вызывает рост преступлений, связанных с порнографией, в том числе детской (с 253 до 865 преступлений за указанный период), педофилией (с 38 до 606 преступлений).

Если проблема торговли людьми в белорусской криминалистике все-сторонне проработана на монографическом уровне [2–4; 5, с. 180–226], имеются исследования по противодействию детской порнографии [6], то проблема педофилии в отечественной криминалистической науке фактически не исследовалась. Кроме того, несмотря на наличие в учебной литературе по криминалистике сведений о методике расследования изнасилований [7, с. 58–85], исследование данной и других смежных проблем (например, насильственных действий сексуального характера) в нашей стране остается без внимания ученых в контексте монографических исследований. То же самое можно сказать и про проблему эксплуатации проституции третьими лицами.

Вместе с тем преступность в указанной сфере активно развивается [1]. Существенные изменения претерпевают способы действий педофилов. Следует отметить все более активное использование ими возможностей интернета для подыскивания потенциальных жертв. Слабо ограниченный доступ детей к сайтам знакомств и социальным сетям, как и в случае с детской порнографией, а также определенная скрытность подростков дают возможность педофилам беспрепятственно общаться с объектами их сексуального интереса, воздействовать на их сознание с целью облегчения своих последующих противоправных действий.

Активно трансформируются способы совершения преступлений, связанных с эксплуатацией проституции третьими лицами. При вовлечении в занятие проституцией, организации и использовании занятия проституцией, создании условий для занятия ей преступники также все чаще используют современные технические возможности и коммуникации, меняют тактику своей деятельности с целью уйти от ответственности и сохранить криминальный бизнес.

Очевидно, что изменение способов совершения преступлений рассматриваемой группы, с одной стороны, находится в корреляционной зависимости с особенностями личности преступника, претерпевающими существенные изменения в последние десятилетия в контексте повышения криминального профессионализма и организованности. А с другой стороны, изменение способов совершения данных преступлений известным образом влияет на динамику следовой картины, традиционное трасологическое содержание которой дополняется цифровыми и иными новыми видами следов, приобретая все более комплексный характер.

Указанные обстоятельства в совокупности, в свою очередь, влекут необходимость совершенствования работы по обнаружению рассматриваемых преступлений и получению оснований к возбуждению уголовного дела, определяют специфику следственных ситуаций и алгоритмы действий следователя в их условиях, обуславливают тактику проведения следственных действий с различными участниками уголовного процесса, требуют определения путей взаимодействия с новыми компетентными субъектами, использования специальных знаний в новых областях и т. д.

Анализ правоприменительной практики – материалов уголовных дел, мнения сотрудников следственных и оперативных подразделений правоохранительных органов – показывает, что при расследовании указанной группы преступлений нередко допускаются ошибки тактического характера, отсутствует единый подход с точки зрения криминалистической методики. Следователь, сотрудник органа дознания, не владеющий системой взаимосвязанной информации о признаках и свойствах данных преступлений и не имеющий в своем распоряжении актуальных научно обоснованных тактических и методических рекомендаций, разработанных на основе обобщения судебно-следственной практики, не всегда в состоянии выдвинуть обоснованные версии, правильно оценить складывающуюся ситуацию. Данные обстоятельства порой влекут недостаточную полноту реализации принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, что в свою очередь негативно сказывается на реализации принципа неотвратимости наказания, защите прав и законных интересов граждан от преступных посягательств в целом.

Анализ литературы по рассматриваемой тематике показывает, что с учетом комплексности проблемы сексуального девиантного поведения и междисциплинарности ее содержания, она не оставалась без внимания ученых в области судебной медицины, судебной психиатрии, юридической психологии. Так, отдельные ее аспекты в указанных областях научного знания исследовались в работах таких ученых, как Я.Г. Анапренко, Е.В. Васкэ, Л.А. Волкова, Гамиля Мухамед Насер Ахмед, Г.Б. Дерягин, Т.Л. Доморацкая, Ю.В. Кухарьков, Г.Ф. Пучков, А.А. Стреленко, И.С. Тепляшина, Б.Д. Цыганков, Д.Ю. Шигашов, В.В. Шпак и др.

С позиций криминалистики отдельные аспекты проблемы сексуального девиантного поведения нашли отражения в работах таких ученых, как А.В. Агафонов, Н.Х. Айнетдинова, А.М. Багмет, А.А. Барыгина, В.В. Бычков, Г.Б. Дерягин, И.В. Усанов (Россия); О.Н. Турлыбаев (Казахстан); П.Л. Боровик; О.Г. Каразей, Г.Н. Мухин, А.Э. Набатова, С.Ю. Ревтова (Беларусь) и др.

В то же время с учетом содержания двуединого объекта криминалистики (преступной деятельности и деятельности по расследованию) проблема сексуального девиантного поведения в целях противодействия ей и минимизации ее вредных последствий комплексного и всестороннего исследования не получила.

Основываясь на вышеизложенном, полагаем, что объективная потребность правоохранительной практики в научно обоснованных рекомендациях по расследованию преступлений рассматриваемой группы в условиях отсутствия комплексных исследований в криминалистике в данной области позволяет говорить о специальной задаче отечественной криминалистики – разработке методики расследования преступлений, связанных с сексуальным девиантным поведением.

При решении данной задачи полагаем целесообразным исходить из классического понимания частной криминалистической методики, под которой принято понимать комплекс научно обоснованных сведений и методических рекомендаций (положений, программ, алгоритмов), разработанных на основе анализа и обобщения следственно-судебной практики, направленных на обеспечение наиболее эффективного раскрытия и расследования отдельного вида (группы) преступлений [7, с. 11]. При этом в качестве структурных элементов обозначенной частной криминалистической методики, полагаем, могут рассматриваться следующие:

- криминалистическая характеристика преступлений данной группы;
- обстоятельства, подлежащие доказыванию;
- особенности возбуждения уголовного дела;
- типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования, версии и планирование расследования на этом этапе (алгоритмы первоначальных следственных действий);
- следственные ситуации и программы дальнейших (последующего и заключительного) этапов расследования;
- тактика проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий;
- тактические особенности использования специальных знаний в расследовании данных преступлений;
- особенности взаимодействия следователя с представителями иных государственных и иных органов;
- особенности взаимодействия следователя со средствами массовой информации, общественными объединениями, международными и иными организациями при расследовании преступления;
- профилактическая деятельность следователя.

Указанная структура частной криминалистической методики является классической и может использоваться в качестве отправной. С учетом потребностей правоохранительной практики ее системно-структурное и адресно-функциональное наполнение в процессе исследования может быть скорректировано.

1. Противодействие торговле людьми в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Мин-во внутр. дел Респ. Беларусь. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=2121> (дата обращения: 08.11.2018).

2. Шруб М.П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации. Минск, 2007.

3. Шруб М.П. Методика расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации. Минск, 2009.

4. Шруб М.П. Истомова Л.Н. Противодействие торговле людьми: современное состояние и возможности взаимодействия органов предварительного следствия и негосударственных организаций. Брест, 2013.

5. Криминалистическая методика : учеб. пособие : в 2 ч. Минск, 2018. Ч. 2.

6. Боровик П.Л. Криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2013.

7. Криминалистическая методика : учеб. пособие : в 2 ч. Минск, 2018. Ч. 1.

УДК 343

А.В. Яскевич

О ТОЖДЕСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В последние годы активно исследуются различные аспекты обеспечения деятельности по расследованию преступлений. Поскольку данная деятельность по своему внутреннему содержанию является криминалистической, то вполне закономерно говорить о понятии «криминалистическое обеспечение». Его появление было обусловлено «назревшими потребностями практики борьбы с преступностью в комплексной разработке, внедрении и применении в практической деятельности криминалистических методов, приемов и средств выявления, сбора, исследования и использования криминалистически значимой информации для раскрытия и расследования преступлений» [1, с. 197].

Анализ специальной литературы показывает, что впервые в научный оборот понятие «криминалистическое обеспечение» было введено В.Г. Коломацким как система внедрения в практическую деятельность по борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умении работников органов внутренних дел использовать научные, методические и тактические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений [2, с. 62].

Несколько позже профессор Р.С. Белкин, соглашаясь в целом с подходами В.Г. Коломацкого, определил криминалистическое обеспечение как систему криминалистических знаний и основанных на них умений и навыков сотрудников органов внутренних дел использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений [3, с. 64].

Идея разработки новой научной категории нашла свою поддержку и среди других ученых-криминалистов. Общее понятие и содержание криминалистического обеспечения рассматривали в своих работах В.П. Бахин, А.Ф. Волынский, В.П. Лавров, В.А. Образцов, Р.С. Сатуев, А.В. Шмонин и др. Каждый из перечисленных авторов внес что-то новое в содержательную часть рассматриваемого понятия. Так, например, А.Ф. Волынский и В.П. Лавров определяют криминалистическое обеспечение как комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений [4, с. 55; 5, с. 6]. Фактически данные авторы условно выделяют два уровня криминалистического обеспечения: созидательный (создание указанных условий) и деятельностный (их практическая реализация).

В свою очередь, В.П. Бахин отмечает, что криминалистическое обеспечение деятельности заключается в разработке криминалистических средств и методов, необходимых для ее эффективного осуществления [6, с. 90]. Близкой по смысловому значению к представленным точкам зрения позиции придерживается В.А. Образцов, определяя суть криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства предоставлением криминалистической научной продукции, освоение и применение которой способствует повышению эффективности решения стоящих перед пользователями такой продукции правовых задач [7, с. 25].

Ряд публикаций по проблемам криминалистического обеспечения подготовлено А.В. Шмониным, который понимает под криминалистическим обеспечением расследования преступлений систему представления криминалистических знаний правоохранительным органам и основанных на этих знаниях умений и навыков должностных лиц, создающую условия для эффективного установления истины по уголовным делам [8, с. 7].

В Республике Беларусь проблемы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений рассматривались в работах В.М. Логвина, И.И. Лузгина, Г.М. Мухина, А.П. Пацкевича, А.С. Рубиса и др. Так, в частности, В.М. Логвин криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений представляет как деятельность сотрудников и подразделений ОВД, характеризующуюся комплексным решением взаимосвязанных правовых, организационных, материально-технических и учебно-методических задач по раскрытию и расследованию преступлений [9, с. 4]. Аналогичных подходов к определению данного понятия придерживается А.П. Пацкевич [10, с. 6].

Г.Н. Мухин криминалистическое обеспечение раскрытия преступлений рассматривает в двух плоскостях – как процесс и как научную категорию, под которой понимает систему научных положений и разрабатываемых на их основе научно-технических средств и рекомендаций по раскрытию преступлений [11, с. 6–7].

Различные подходы в толковании понятия «криминалистическое обеспечение» позволяют предположить, что процесс формирования данной дефиниции не завершен. При этом большинство авторов придерживаются мнения о том, что система криминалистического обеспечения состоит из трех основных элементов: криминалистические знания, криминалистическое образование (обучение) и криминалистическая техника. Современное состояние разработанности данной проблемы позволяет сделать вывод о нецелесообразности ограничения криминалистического обеспечения только пределами криминалистической техники. При раскрытии и расследовании преступлений задействуются не только технико-криминалистические средства, но и тактические рекомендации как по проведению отдельных следственных действий, так и сопутствующих оперативно-розыскных мероприятий, используются методические рекомендации расследования отдельных видов и групп преступлений. В настоящее время криминалистическое обеспечение стало рассматриваться применительно к правоохранительной и иной деятельности, в которой обосновывается использование криминали-

стических знаний, – в деятельности прокурора, судебного рассмотрения уголовных дел, как и применение криминалистических данных в иных областях юридических знаний (гражданский, административный процесс, арбитражное судопроизводство) [12]. Это свидетельствует, на наш взгляд, не только о самом факте признания криминалистического обеспечения как научной категории, но и возможности ее использования в других отраслях юридических знаний.

Видится, что для успешного раскрытия и расследования различных видов преступлений требуются криминалистические знания не только в области применения криминалистической техники, но и организационно-тактического и методического характера.

С учетом сказанного криминалистическое обеспечение расследования преступлений можно рассматривать как систему криминалистических знаний и основанных на них умений и навыков субъектов уголовного преследования, позволяющую использовать криминалистические средства, методы и рекомендации в целях успешного решения задач расследования преступлений.

Стоит отметить, что в теории оперативно-розыскной деятельности используется близкое к «криминалистическому обеспечению» понятие «оперативно-розыскное обеспечение», под которым понимается комплекс организационно-тактических мер, направленных на получение фактических данных об обстоятельствах преступлений, лицах, их совершивших, и других сведениях в целях всестороннего, полного и объективного расследования материалов дела [13, с. 8].

Вместе с тем не все ученые согласны с данным определением. В частности, В.Е. Корноухов и Э.И. Бордиловский под оперативно-розыскным обеспечением понимают обусловленную деятельностью следователя ту часть оперативно-розыскной работы, которая связана как с координацией, так и с взаимодействием методов и средств обоих органов, направленных на установление истины по уголовному делу и принятие к виновным мер, предусмотренных законом [14].

А.Ю. Шумилов в понятие «оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства» включает ряд самостоятельных элементов, каждый из которых связан с определенным этапом выявления, раскрытия и расследования преступлений. Такими элементами являются:

результаты проведения оперативно-технических мероприятий, которые используются в уголовном процессе;

фактические данные, полученные в оперативно-розыскном процессе, в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела;

для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; в доказывании по уголовному делу [15].

Следует обратить внимание на то, что оперативно-розыскные мероприятия в процессе расследования могут производиться не только по поручению следователя. Так как в ходе оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений могут раскрываться и новые, ранее неизвестные факты преступной деятельности подозреваемого, обвиняемого, выявляться соучастники преступления, предотвращаться и пресекаться новые эпизоды преступной деятельности лиц, попавших в орбиту уголовного процесса, решаться иные задачи ОРД, которые выходят за рамки расследуемого события преступления, решение о комплексном использовании оперативно-розыскных сил, средств и методов оперативный работник принимает самостоятельно. Исходя из этого следует признать, что оперативно-розыскное обеспечение процесса расследования преступлений является самостоятельной формой оперативно-розыскной деятельности, на что указывает специфика целей и особенностей решаемых задач.

По нашему мнению, оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений можно представить как:

взаимодействие со следователем путем объединения процессуальных и оперативно-розыскных возможностей;

использование оперативно-розыскных данных для возбуждения уголовного дела, подготовки и осуществления следственных действий, в доказывании по уголовному делу, при проведении оперативно-технических мероприятий;

процесс, который может осуществляться не только по поручению следователя, но и самостоятельно субъектами оперативно-розыскной деятельности;

добывание оперативной информации для нужд уголовного процесса и собственных нужд;

организационную форму, представляющую собой самостоятельную систему в структуре взаимодействия следователя и органов дознания; самостоятельную форму оперативно-розыскной деятельности.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что несмотря на тождество целей криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений – всестороннее и полное изучение и исследование обстоятельств преступного события, каждое из названных понятий имеет свое внутреннее содержание, определяющее их структуру, связь с общей теорией криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, особенности технического, организационного и тактического характера.

1. Пацкевич А.П. К вопросу о дефиниции «криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений» // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия Д, Экон. и юрид. науки. 2012. № 13.
2. Криминалистика / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого, И.М. Лузина. М., 1995. Т. 1 : История, общая и частные теории.
3. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997.
4. Криминалистика : учеб. для студентов вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М., 2013.
5. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений : спецкурс лекций : учеб. пособие для вузов / под ред. В.П. Лаврова. М., 2003.
6. Бахин В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002). Киев, 2002.
7. Криминалистика / Е.М. Ашмарина [и др.] ; под ред. В.А. Образцова. М., 1997.
8. Шмонин А.В. Понятие и структура криминалистического обеспечения расследования преступлений // Тр. Акад. упр. МВД России. 2010. № 1.
9. Логвин В.М. Современные возможности криминалистического обеспечения органов уголовного преследования : лекция. Минск, 2007.
10. Пацкевич А.П. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования. Общая часть : курс лекций. Минск, 2011.
11. Мухин Г.Н. Раскрытие преступлений. Молодечно, 2000.
12. Голованов А.А. Криминалистическое обеспечение административно-го расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Калининград, 2005 ; Новик В.В. Криминалистическое обеспечение доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2009 ; Рожков А.Ю. Криминалистическое обеспечение гражданского и арбитражного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Воронеж, 2003 ; Рубис А.С. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью. Минск, 2005 ; Хорошева А.Е. Современные проблемы методико-криминалистического обеспечения разбирательства в суде присяжных дел об убийствах. М., 2012.
13. Мазунин Я.М. Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования по групповым преступлениям : лекция. Омск, 1999.
14. Курс криминалистики. Общая часть / отв. ред. В.Е. Корноухов. М., 2000.
15. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскной словарь. М., 2008.

Акчурин Александр Владимирович – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России (г. Рязань), кандидат юридических наук, доцент.

Аликперов Ханлар Джафарович – директор Центра правовых исследований (Азербайджанская Республика), доктор юридических наук, профессор.

Альмов Дмитрий Владимирович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета (Российская Федерация), кандидат юридических наук.

Анищенко Инесса Алексеевна – начальник кафедры криминалистических экспертиз следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Асаёнок Борис Валерьевич – начальник цикла гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск Военной академии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Асаинова Мадина Сакеновна – магистрант Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова.

Афанасьев Алексей Юрьевич – преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Балко Владимир Иванович – преподаватель правовых дисциплин Высшего колледжа «Кайнар» (Республика Казахстан).

Баринов Сергей Владимирович – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Российская Федерация), кандидат юридических наук.

Басецкий Иван Игнатьевич – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Бегалов Евгений Павлович – соискатель научно-исследовательской лаборатории проблем экспертно-криминалистического обеспечения УНИ № 2 Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук, доцент.

Беломытцев Николай Николаевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Белоусов Алексей Дмитриевич – ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД Российской Федерации, кандидат биологических наук, доцент.

Бессонов Алексей Александрович – руководитель управления научно-исследовательской деятельности главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Боровик Петр Леонидович – доцент кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Бояров Виктор Иванович – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии адвокатуры Украины, кандидат юридических наук, доцент.

Бушкевич Николай Сергеевич – следователь по особо важным делам отдела анализа практики предварительного расследования управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Варавко Юрий Валерьевич – начальник отдела методического обеспечения предварительного расследования управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Вахмянина Наталья Борисовна – заведующая кафедрой криминалистики 2-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Вереша Роман Викторович – профессор кафедры уголовного и административного права Академии адвокатуры Украины, доктор юридических наук, доцент.

Вехов Виталий Борисович – профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор.

Волобуев Анатолий Федотович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебных экспертиз Донецкого юридического института МВД Украины, доктор юридических наук, профессор.

Вольский Валерий Антонович – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

Габа Александр Иванович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Гаврилов Борис Яковлевич – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Газизов Вячеслав Абдуллович – доцент кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доцент.

Галкин Денис Викторович – заведующий кафедрой криминалистики 5-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Голодный Андрей Николаевич – ассистент криминалистической лаборатории 1-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Ростов-на-Дону) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Григорович Василий Леонидович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Гусев Алексей Васильевич – профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Гучок Александр Евгеньевич – председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент.

Дергай Георгий Борисович – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Дешук Александр Владимирович – доцент кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Дудко Татьяна Ивановна – ведущий специалист по научно-методическому обеспечению образования отдела научно-методического обеспечения образования и международного сотрудничества Института повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Елётнов Виталий Игоревич – преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Ершов Максим Александрович – начальник кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Жук Мария Генриховна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

Ильин Николай Николаевич – доцент кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Исютин-Федотков Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент.

Ищенко Евгений Петрович – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Казачек Елена Юрьевна – старший преподаватель кафедры криминалистики 5-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Калюжный Александр Николаевич – сотрудник Академии Федеральной службы охраны России, кандидат юридических наук, доцент.

Каменецкий Юрий Францевич – заместитель начальника управления анализа практики и методического обеспечения предварительного расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Киселёв Евгений Александрович – доцент кафедры криминалистики 5-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровск) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Климчук Михаил Павлович – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории проблем экспертно-криминалистического обеспечения УНИ № 2 Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук, доцент.

Костевич Руслан Васильевич – старший преподаватель кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь.

Костюкевич Денис Викторович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Котов Евгений Николаевич – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Кубарева Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры криминального процесса Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук.

Кучин Олег Стасьевич – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент РАН.

Лазарева Валентина Александровна – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, доктор юридических наук, профессор.

Ларкин Михаил Александрович – доцент кафедры уголовного права и правосудия Запорожского национального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Левченкова Валерия Александровна – аспирантка кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета (Российская Федерация).

Ли Ольга Юрьевна – доцент кафедры гуманитарных дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат медицинских наук.

Логвин Вячеслав Михайлович – профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Лозовский Денис Николаевич – профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Маркова Оксана Валентиновна – заместитель начальника кафедры экономической безопасности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Мовчан Анатолий Васильевич – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Львовского государственного университета внутренних дел, доктор юридических наук, старший научный сотрудник.

Мухин Геннадий Николаевич – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор.

Набатова Анна Эдуардовна – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины, кандидат юридических наук, доцент.

Николаева Ксения Николаевна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева.

Панченя Дмитрий Николаевич – заместитель начальника отдела исследования микрообъектов управления физико-химических и взрывотехнических экспертиз главного управления специальных экспертиз Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Пасовец Елена Юрьевна – доцент кафедры организации службы, надзора и правового обеспечения Университета гражданской защиты МЧС Беларуси, кандидат юридических наук, доцент.

Пацкевич Александр Петрович – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Пашута Игорь Владимирович – доцент кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Передерий Виктор Анатольевич – доцент кафедры криминалистики 1-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Ростов-на-Дону) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Петрова Ольга Валентиновна – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Петрусевич Максим Геннадьевич – преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Подволоцкий Игорь Николаевич – доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент.

Полякова Анастасия Васильевна – ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Пошвин Алексей Леонидович – старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики Центрального филиала Российского государственного университета правосудия.

Руденко Александр Викторович – заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Рымарчук Ольга Викторовна – доцент кафедры криминального процесса Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук.

Садвокасова Динель Жанатбековна – магистрант Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова.

Сайдамарова Виктория Викторовна – доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова.

Сакенова Асемгуль Булатовна – профессор кафедры технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений Караган-

динской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, кандидат юридических наук.

Саньков Валерий Иванович – старший инспектор отдела исследования проблем методик расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Сафронова Екатерина Владимировна – адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России.

Селюков Дмитрий Дмитриевич – кандидат технических наук, доцент.

Серазутдинов Ринат Сабиржанович – начальник кабинета кафедры технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова.

Сергеев Сергей Александрович – старший преподаватель Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета.

Скачэк Роман Владимирович – заместитель начальника кафедры расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Стороженко Сергей Николаевич – старший преподаватель кафедры административного и конституционного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Трофименко Александр Михайлович – следователь по особо важным делам следственного управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гомельской области.

Файрушина Римма Дамировна – старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Цурлуй Олеся Юрьевна – доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

Чаплинский Александр Николаевич – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Чжу Цзюй Чжэн – магистрант кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета.

Чиненов Евгений Владимирович – начальник кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, кандидат экономических наук, доцент.

Чурносов Александр Иванович – старший преподаватель цикла правового обеспечения кафедры оперативно-розыскной деятельности и правового обеспечения Института пограничной службы Республики Беларусь.

Шапиро Людмила Геннадьевна – заведующая кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

Шруб Максим Павлович – начальник кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Щукин Владимир Иванович – профессор кафедры криминалистики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент.

Янчик Вадим Дмитриевич – эксперт-криминалист Минского межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Яскевич Александр Васильевич – проректор Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, кандидат юридических наук, доцент.

Яшков Сергей Александрович – заведующий кафедрой уголовного права 2-го факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Акчури</i> А.В. Благоприятные факторы и проблемы расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях в условиях очевидности	3
<i>Аликперов</i> Х.Д. Возможности современных IT-технологий для осуществления дистанционного контроля над преступностью	7
<i>Альмов Д.В., Левченко</i> В.А. Проблемы использования новых информационных технологий в криминалистике	12
<i>Анищенко И.А., Маркова</i> О.В. Организация работы с объектами и следами при осмотре места происшествия по делам о пожарах	16
<i>Асайнок Б.В.</i> Организация и тактика административно-юрисдикционных действий при выявлении и пресечении административных правонарушений	21
<i>Асаинова М.С.</i> Постановка проблемы частной теории тактической операции	25
<i>Афанасев А.Ю.</i> Закономерности в криминалистической науке	29
<i>Балко В.И., Сергеев С.А.</i> Приемы техники дактилоскопирования пальцев рук трупа при жировоске	34
<i>Барин</i> С.В. Некоторые особенности собирания доказательств по фактам нарушений неприкосновенности частной жизни, совершенных в киберпространстве	37
<i>Басецкий И.И., Янчик В.Д.</i> Математические методы исследования в криминалистике, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности	41
<i>Беломытцев Н.Н.</i> Современное состояние и пути развития методики расследования хищений, совершенных путем использования компьютерной техники	45
<i>Белоусов А.Д.</i> Структура субъектов общественно опасных деяний, связанных с оказанием деструктивных влияний на несовершеннолетних в сети Интернет	50
<i>Бессонов А.А.</i> Использование больших данных (Big Data) в российской криминалистике: современное состояние и перспективы	56
<i>Боровик П.Л.</i> Криминалистически значимые особенности бесконтактного сбыта наркотических средств в интернете	61
<i>Бояров В.И.</i> Обеспечение безопасности свидетелей при расследовании уголовных дел об экстремизме	65
<i>Бушкевич Н.С.</i> Криминалистическая характеристика личности транграничного преступника в Республике Беларусь	70

<i>Варавко Ю.В.</i> Независимые источники криминалистически значимой информации	77
<i>Вахмянина Н.Б., Яшков С.А.</i> Выявление фактического руководителя организации в процессе расследования налоговых преступлений	79
<i>Вереша Р.В.</i> Физиологический аффект: понятие, динамика и значение	84
<i>Вехов В.Б.</i> Электронная криминалистика: основные направления развития	89
<i>Волобуев А.Ф.</i> Возможности использования полиграфа в расследовании преступлений	93
<i>Вольский В.А.</i> О дефиниции розыскной деятельности следователя	98
<i>Габа А.И.</i> Значимость и проблемы стадии подготовки судебной психиатрической экспертизы по уголовному делу	101
<i>Гаврилов Б.Я.</i> Проблемы законодательного регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве	107
<i>Газизов В.А., Подволоцкий И.Н.</i> Правовые и организационные меры обеспечения полноты и достоверности электронных портретов	114
<i>Галкин Д.В.</i> Прогнозирование в криминалистике: структура и содержание	118
<i>Григорович В.Л., Чжу Цзюй Чжэн.</i> Применение мультикоптеров при проведении осмотра места дорожно-транспортного происшествия	122
<i>Гусев А.В.</i> Правовые предпосылки совершенствования криминалистики	126
<i>Гучок А.Я.</i> Аналитычные метады выявления прикмет несамостоятельной падрыхтоўкі дысертацый	131
<i>Дергай Г.Б.</i> О необходимости унификации понятийного аппарата и законодательства в области судебной экспертизы	135
<i>Дежук А.В.</i> Форензик – модное явление или перспективное направление исследований в криминалистике?	139
<i>Дудко Т.И.</i> Преступления в сфере блокчейн-технологий	142
<i>Елётнов В.И.</i> Определение половой принадлежности человека в криминалистической практике в условиях распространения трансгендерных явлений	145
<i>Еришов М.А.</i> Особенности формирования криминалистического стиля мышления в рамках реализации научно-педагогической концепции кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России	149
<i>Жук М.Г.</i> Формирование криминалистической методики расследования преступлений в сфере высоких технологий	154
<i>Ильин Н.Н.</i> Предпосылки создания частной теории транспортно-технических судебных экспертиз	159
<i>Исютин-Федотков Д.В.</i> Некоторые проблемы расследования злоупотреблений в сфере государственных закупок	163
<i>Ищенко Е.П.</i> Криминалистика: проблемы цифровизации	166
<i>Казачек Е.Ю.</i> Подготовка к проведению допроса как средство обеспечения прав несовершеннолетнего	172
<i>Калюжный А.Н.</i> Алгоритмизация деятельности субъектов расследования при обращении родственников или близких потерпевшего с заявлением о похищении человека	176
<i>Каменецкий Ю.Ф.</i> Основные направления использования в следственной профилактике данных криминалистической характеристики личности расхитителя по делам о хищениях путем злоупотребления служебными полномочиями	180

<i>Киселёв Е.А.</i> Использование современных технико-криминалистических средств при расследовании преступлений	186
<i>Климчук М.П., Бегалов Е.П.</i> Криминалистическая характеристика личности преступника при расследовании незаконного перемещения лиц через государственную границу	188
<i>Костевич Р.В.</i> Пневматическое оружие и конструктивно сходные с ним изделия как объект криминалистического исследования гражданского оружия	194
<i>Костюкевич Д.В.</i> Понятие и сущность следственно-оперативной группы как организационно-тактической формы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями органов внутренних дел	198
<i>Котов Е.Н.</i> Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений	202
<i>Кубарева О.В.</i> Способ фальсификации избирательных документов и итогов голосования как обстоятельство, подлежащее доказыванию	207
<i>Кучин О.С.</i> Роль оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями	210
<i>Лазарева В.А., Николаева К.Н.</i> Предмет и способы проверки доказательств: понятие и соотношение	217
<i>Ларкин М.А.</i> Частная криминалистическая методика – продукт, предназначенный для следственной практики	222
<i>Ли О.Ю.</i> О преподавании судебно-медицинской экспертизы студентам заочной формы обучения юридического вуза	224
<i>Логвин В.М.</i> О необходимости совершенствования криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел	227
<i>Лозовский Д.Н.</i> Отдельные аспекты производства следственных действий по делам о хищениях, совершенных с использованием банковских карт	232
<i>Мовчан А.В.</i> Отдельные аспекты организации расследования серийных убийств на сексуальной почве	235
<i>Мухин Г.Н.</i> О предупреждении преступлений и системе криминалистики	241
<i>Набатова А.Э.</i> О перспективах развития криминалистики: теоретические и прикладные аспекты	246
<i>Панченя Д.Н.</i> Особенности работы специалиста с текстильными волокнами на месте происшествия	251
<i>Пасовец Е.Ю.</i> О расследовании преступлений в сфере промышленной безопасности	256
<i>Пацкевич А.П.</i> Криминалистические проблемы проведения следственного эксперимента	259
<i>Пащута И.В.</i> О противодействии преступлениям, совершаемым с применением самодельных взрывных устройств	266
<i>Передерий В.А., Голодный А.Н.</i> Особенности деятельности следователя в системе криминалистической профилактики преступлений	268
<i>Петрова О.В.</i> Допрос несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего: совершенствование закона и тактики проведения	274
<i>Петрусевич М.Г.</i> Отдельные аспекты проведения допроса свидетелей и потерпевших по факту массовых беспорядков	277
<i>Полякова А.В.</i> Использование при раскрытии и расследовании преступлений биометрических систем аутентификации пользователей в мобильных устройствах связи	281

<i>Руденко А.В.</i> Диалектические основы закономерностей собирания, проверки и оценки доказательств	287
<i>Рымарчук О.В.</i> Институт частных детективов в Украине	290
<i>Садвокасова Д.Ж.</i> Проблемы освидетельствования несовершеннолетних лиц при расследовании преступлений, связанных с насильственными действиями сексуального характера	295
<i>Сайдармова В.В.</i> Современные методы идентификации личности с использованием биометрической системы регистрации	298
<i>Сакенова А.Б., Серазутдинов Р.С.</i> Некоторые аспекты криминалистической характеристики посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или досудебное расследование	304
<i>Саньков В.И.</i> Актуальные вопросы тактико-криминалистического обеспечения следственных действий	310
<i>Сафронова Е.В.</i> Развитие методики расследования разбойных нападений, совершенных организованными преступными группами в отношении финансово-кредитных организаций	315
<i>Селюков Д.Д.</i> Причинно-следственные закономерности при рассмотрении дорожно-транспортного преступления	318
<i>Скачёк Р.В.</i> Криминалистический полигон: понятие, классификация, направления развития	322
<i>Стороженко С.Н.</i> О предъявлении для опознания по признакам голоса и речи	327
<i>Трофименко А.М.</i> Вопросы взаимодействия следователя и государственного инспектора труда при проведении проверки по факту нарушений правил охраны труда и техники безопасности	332
<i>Файрушина Р.Д.</i> Тактические особенности допроса несовершеннолетних в ходе расследования преступлений	335
<i>Хлус А.М.</i> Теоретико-прикладные аспекты противодействия злоупотреблению властью или служебными полномочиями	338
<i>Цурлуй О.Ю., Поивин А.Л.</i> Об оценке заключения специалиста в уголовном судопроизводстве	343
<i>Чаплинский А.Н.</i> Криминалистическое исследование электронно-цифровых следов как раздел трасологии	347
<i>Чиненов Е.В., Шукин В.И.</i> Структура механизма преступления, совершаемого в сфере экономики железнодорожного транспорта	350
<i>Чурносов А.И.</i> Некоторые особенности использования криминалистических знаний при проведении осмотра места происшествия сотрудниками органов пограничной службы	355
<i>Шапиро Л.Г.</i> О криминалистической характеристике преступных уклонений от уплаты налогов, сборов и страховых взносов	360
<i>Шруб М.П.</i> Разработка методики расследования преступлений, связанных с сексуальным девиантным поведением, как специальная задача криминалистической методики	366
<i>Яскевич А.В.</i> О тождестве и различиях криминалистического и оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений	371
<i>Сведения об авторах</i>	377

Научное издание

**I Минские
криминалистические
чтения**

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Минск, 20 декабря 2018 г.)

В двух частях

Часть I

Подписано в печать 14.12.2018. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 22,55. Уч.-изд. л. 23,54.
Тираж 130 экз. Заказ 395.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.